

Сергей Ченнык

Крымская кампания (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)

Часть III

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

С. Ченнык

**КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ 1854–1856 гг.
ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ 1853–1856 гг.**

Военно-исторический очерк

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Лань

Севастополь
2012 г.

УДК 908 (477.75 – 21 СЕВ)

ББК 63.3 (4 УКР – 2 СЕВ)

Ч 43

Ченнык С. В.

Ч 43 Противостояние. – Севастополь: Ченнык С. В., 2011. – 320 с., илл.

ISBN 978-966-1539-26-5

«Противостояние» – третья книга серии «Исторический очерк Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)» известного крымского военного историка Сергея Ченныка.

Книга посвящена одному из самых интересных, динамичных и сложных периодов войны – началу борьбы за Севастополь. Перипетии сентябрьских и октябрьских событий скорее напоминают запутанный детектив, чем военные действия. В центре описания – многоходовая операция союзников и умелое противодействие ей со стороны русского командующего князя А. С. Меншикова, которые завершились 5(17) октября 1854 г. бомбардировкой Севастополя и последующим поражением союзного флота в её ходе. Традиционно, автор, основываясь на интересном фактическом материале, с привлечением широкого круга источников, не навязывает читателям свой взгляд на происходящее, а, скорее, предлагает темы для дискуссий. Последовательность описания, масса интереснейших документов и статистических сведений, множество ранее неизвестных фактов, взятых из воспоминаний участников войны, живой, красочный язык делают книгу прекрасным источником информации для всех, интересующихся военной историей вообще и Крымской кампанией в частности.

УДК 908 (477.75 – 21 СЕВ)

ББК 63.3 (4 УКР – 2 СЕВ)

© Ченнык С. В., 2012.

© «Полмет ГМБХ», 2012.

© «Гала», 2012.

ISBN 978-966-1539-26-5

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

«Курс военной истории должен служить наиболее действительным средством изучения войны в мирное время и возбуждать охоту к подробному ознакомлению с главнейшими кампаниями».

Из учебного курса Прусской военной академии в 1889 г.¹

Итак, уважаемый читатель, мы вновь встречаемся для нашего, надеюсь, не надоевшего разговора о невероятно запутанных перипетиях Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.). Наша тема — это интереснейшее событие Крымской кампании, первая блестящая победа русского оружия.

Но в отличие от предыдущей части, небольшое количество выпущенного свинца ничуть не делает наше повествование менее динамичным. Скорее наоборот. Спешу сообщить, что чем дальше развивается сюжет, тем эти перипетии интереснее, а повороты истории все круче и круче. Описываемые события будут больше напоминать стратегический детектив, игру, нежели банальную военную кампанию. Что ж, это вполне вероятно, когда речь идет о войне, в которой события переменчивы, как крымская погода, да еще и в считанные дни переносятся не то что с места на место, а с материка на материк.

А ведь мы только начали кампанию. Живых пока еще больше, чем мертвых, но совсем недалеко время, когда пропорция станет меняться в самую страшную сторону. Цифры тоже умеют быть зловещими. Увы, но это война, со своими безжалостными законами и труднообъяснимой логикой.

Но вернемся к делам насущным. Итак, вы даже не догадываетесь, что нас ждет впереди и уже очень скоро! До этого речь шла в основном о первых днях, которые оказались насыщенными совершенно непредсказуемыми колебаниями маятника военной удачи в ту или иную сторону. Все было динамично и драматично. Но вот уже позади и высадка союзников на крымский берег, и трагедия очевидно и внезапно проигранной русскими Альмы. В сентябре 1854 г. в Крыму мало стреляли, но много маневрировали. И русские, и союзники, как опытные фехтовальщики выбирали позицию для единственного точного удара, способного положить конец затянувшегося, как им уже стало казаться, действия. Вот только беда — фехтовали они с завязанными гла-

¹ Новый учебный план Прусской военной академии//Военный сборник. №3. СПб., 1889 г. С. 31–60.

зами, часто не имея представления о том, что в этот момент делает их хитроумный противник.

Хотя сразу после сражения казалось, что русские и союзные войска вот-вот вновь столкнутся в еще более кровопролитной схватке на одном из нескольких рубежей близ Севастополя. Но этого не произошло: противники начали сложные перемещения, то теряя друга из вида, то внезапно сталкиваясь в самых неожиданных местах, пока всего лишь через пару недель не оказались рядом, разделенные ничтожно узкой полосой земли. Это было сравнимо с игрой трех картежников, каждый из которых явно шулер, но в конце партии они верили, что сорвали куш. Увы, в конце концов проиграли все.

И когда это случится, начнется война траншей и батарей, но, повторяю, поверьте, она не покажется вам скучной, хотя и затянется почти на год. Вся Севастопольская эпопея являлась непрерывной артиллерийской дуэлью между крепостной и осадной артиллерией.² В такой войне есть своя гармония, своя прелесть, если конечно всякое убийство можно назвать прелестью. Но в любом случае настоящая история поражает гораздо больше, чем версия Голливуда, что и постараюсь доказать на этих страницах, при этом никого не называя плохим или хорошим, умным или дураком в угоду модным веяниям времени, даже при том, что военному историку, чтобы быть убедительным, приходится быть слегка циником.

Когда подвергается беспощадной критике все, что связано с далеким прошлым, не укладываемым в современное понимание внешней и внутренней политики, совершенно нет желания быть в роли судьи, определявшего приговор тому или иному деятелю ушедшей эпохи, ибо «...всякий суд над участниками войны есть палка о двух концах, и потому о двух, что дело каждого суда не столько выяснять причины поражения, сколько подводить обвиняемых под ту или другую статью...».³

На этих же страницах останемся верными единожды избранному стилю и сосредоточимся на одном, наиболее важном событии, стараясь отразить все его аспекты и пристально рассмотреть со всех сторон. Попробуем еще раз, опираясь на известное, сделать анализ и посмотреть на получившиеся выводы, а правильные они или ошибочные – судить вам.

Написанное – не истина в последней инстанции. Скорее это провоцирование дискуссии, попытка повернуть читателей лицом к картинам давно забытой, во многом мифологизированной, изуродованной политиками и политикой войны. Хотелось спустить любителей военной истории с высот заоблачных стратегий, где люди кажутся столь же бездушными, сколь кегли в боулинге, в грязь, вонь и кровь траншей. Так сказать, погрузить в живую историю. По самые уши...

Прежде чем мы дойдем до сути происшедшего, нам придется долго бродить по дорогам Крыма, маневрировать с армией союзников, отходить с армией князя Меншикова. Мы попытаемся поучаствовать в той сумасшедшей игре, которую затеяли Раглан, Сент-Арно и ускользнувший от них «циник и скептик»⁴ Александр Сергеевич Меншиков в сентябре-октябре 1854 г., и ответить на вытекающие из событий несколько вопросов.

В контексте исследования главное событие – бомбардировка Севастопольской крепости 5(17) октября 1854 г. – масштабное артиллерийское сражение, в котором

² Зверев Б. И. Оборона Севастополя 1854–1855 г. // Современник. Т. 62. СПб., 1856 г. С. 152–153.

³ Добровольский Л. Ф. Уроки морской войны. Кронштадт, 1907 г. С. 6.

⁴ Тарле Е. В. Павел Степанович Нахимов (1805–1855) (<http://russzastava.narod.ru/geroinahimov1.html>).

Отступление русской армии после Альминского сражения. Оказание помощи раненым.
Рисунок второй половины XIX в.

участвовали все виды вооруженных сил середины XIX в. — армия и флот. Похоже, мне доведется быть первым, кто вынесет это событие в разряд отдельных сражений Крымской кампании. Тем более, что даже в некоторых военно-статистических трудах, вроде «Кратких сведений о русских морских сражениях» Ф. Ф. Веселаго,⁵ о нем не упоминается, хотя граф Остен-Сакен считает его в числе «...особенно важных и роковых моментов в истории осады Севастополя».⁶ Дмитрий Ерофеевич прав, в этот день состоялся перелом кампании в Крыму, растянувший ее на долгие месяцы, когда рухнули надежды союзников на скорый путь домой.

Современные военные историки считают, что всё, написанное до сих пор, преподносит оборону Севастополя в 1854–1855 гг., как сгусток событий связанных с героизмом, но никак не с военным искусством.⁷ Значит, придется взять на себя эту гнусную, неблагодарную ломку стереотипов.

Добавлю еще одно, на авторский взгляд, важное. Описываемый период действительно требует приведения массы цифр, наименований, мест дислокации и прочей математики с географией. Я не планирую описывать хронику кампании, тщательно фиксируя все события, превращая в нуднейшую констатацию всем давно известных дел. Это неблагодарный и бессмысленный труд, тем более, всегда найдется что-то ранее неизвестное, и станет до боли обидно, что пропустил. А потому постараюсь

⁵ Веселаго Ф. Ф. Краткая история русских морских сражений за два столетия с 1656 по 1856 год. СПб., 1871 г.

⁶ Остен-Сакен Д. Е. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим // Военный сборник. № 7. СПб., 1861 г. С. 134.

⁷ Доценко В. А., Доценко А. А., Миронов В. Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. С. 104.

избавить читателя от тягостного перечисления батарей, воинских частей и прочей утомительной статистики войны. Объем работы и так слишком мал для того, чтобы вместить то, что хочется, и то, что имеет смысл скрытый, ранее не исследованный. Можете не сомневаться, труд выдающегося фортификатора Тотлебена давно стал для меня настольной книгой, и буду благодарен, если читатели поймут, что не указанные мной статистические данные - не от незнания, а просто в целях экономии.

Если же кто-то станет возражать и требовать продолжить описание всего и в деталях, с поименным перечислением участников, то таких любознательных товарищей можно, не задумываясь, смело послать к первоисточникам: читайте выше обозначенных Тотлебена, Зайончковского, Богдановича, Дубровина, Тарле и Свечина. Мало? Без проблем: Кинглейк, Вейгельт, Базанакур, Ниель, Фей. Там есть все, ну или почти все. Моя задача, сделать их сухой язык интересным, доступным и понятным, а те самые планируемые выводы переложить на фон современных событий, опыт прошедших, в том числе совсем недавно, войн. Единственное, на что нужно обращать внимание, что российская военная история всегда считала труд Тотлебена – полуофициальным, а Дубровина – частным, но при этом о них говорили, как о лицах, «...одаренных авторским талантом и патриотическим чутьем».⁸

Поэтому договоримся: если Вам нужны дополнительные материалы, то добро пожаловать туда. С иностранными авторами тоже проблем больших нет. Ну, разве что слегка язык первоисточника подучить.

Говоря образно, о том, что происходило, классики истории Крымской войны уже сказали, и повторять их мне совершенно не хочется. Другое дело – как они (русские, союзники) это сделали, зачем, и нужно ли было вообще что-то делать, а если и нужно, то как. Вот про это хотелось бы поговорить подробнее. Именно такого, даже самого простого анализа и не хватает современной краеведческой литературе, посвященной событиям Крымской войны. За общими фразами о всеобщем героизме защитников крепости теряется часто смысл и значение всего происходившего, уходит интереснейшее сплетение стратегических и тактических интриг на фоне сложности характеров участников, не важно, какой они национальности и к какой из воюющих сторон принадлежат.

А выводы, часто лежащие на поверхности, не требующие «выноса мозга» и бессмысленного «додумывания», получаются невероятно интересные. Это примерно, как с прошедшей Альмой. Многие годы нам вдалбливали, что все произошло исключительно от коварства и хитрости француза Боске, козьими тропами пробравшегося в тыл русской армии. При этом никто и ни от кого сильно не скрывал, что в решающий момент из самого центра русской армии внезапно, «не закоптив ружей», куда-то «испарились» целый полк и четыре резервных батальона в придачу. Но первое как бы оправдывает поражение, а второе ложится пятном на русскую армию. В советское время пятна могли быть лишь на погонах или эполетах царских сатрапов, особенно если они «князья, графья» или, не дай Бог, бароны. Солдат же, «серая шинель», «монета царская», он, как жена Цезаря – вне подозрений.

Но, хватит об Альме, она уже закончилась, и нам предстоит заниматься анализом случившегося после нее. Но и тут очень хочется восстановить историческую справедливость. Успешное и неожиданное маневрирование Меншикова под Севастополем в сентябре 1854 г. если не «вывернуло» ситуацию в его пользу, то фактически поставило союзников в сложное положение, когда им пришлось дробить свои силы,

⁸ Андрианов И. Инкерманский бой и оборона Севастополя (окончание)//Военный сборник. №5. СПб., 1903 г. С. 70.

одновременно отбиваясь от полевой армии русских и «тараня» сильную к тому времени оборону крепости.

Так если бы только возвращенная инициатива! В лице почти через месяц выдержанной и отраженной бомбардировки Севастополя 5(17) октября 1854 г., мы имеем одну из блестящих побед русского флота (именно флота, ибо 80% личного состава, участвовавшего в сражении, были чины этого ведомства), которую у нас успешно украли почитатели не менее успешно навязанного заграничного взгляда на Крымскую войну.

Те самые, сложившие великолепную «лапшу» о погибших «представителях самых аристократических семейств Европы» и успешно повесившие ее на уши обывателя. При этом сия лапша так прилипла к указанным частям тела, что до сих пор мы не можем отодрать ее остатки. Кстати, победой события октября 1854 г. первым назвал ни кто иной, как выдающийся русский военный инженер Э.И. Тотлебен.⁹ Если быть уж совершенно точным, то назвал он случившееся поражением союзников. Американский военный наблюдатель майор Делафилд вообще назвал этот день их «провалом».¹⁰ По мнению всех участников боя союзный флот возвращался к местам базирования, как побитая собака в свою конуру — опустив голову и поджав хвост!

И, в том числе благодаря победе 5(17) октября, западная политическая элита, до этого истерически вопившая о необходимости «публичной порки» необычайно строптивного и непокорного «русского медведя», после окончания военных действий уже стыдливо заявляла, что «... Война 1853–1856 гг. стала рассматриваться большинством историков, как самая ненужная в современной Европе» (Р. В. Ситон-Уотсон),¹¹ да и вообще, «... с самого начала она представлялась многим наблюдателям ненужной и глупой, результатом преступных намерений и непонимания» (А. Голдфрэнк).¹²

Но время прошло, и наступил день сегодняшний. Никто не грозит отбором партийного билета, и можно не скрывать, что думаешь. Значит, нужно исправлять сложившееся положение вещей, хотя бы потому, что с 5(17) октября 1854 г. началась активная фаза борьбы за Севастополь — та самая война траншей и батарей, вошедшая в классику мирового военно-инженерного искусства. И первая победа в ней — русская: «Оборона Севастополя завершает собой фортификационный период гладкой артиллерии и дает блестящее доказательство силы слабых по профили фортификационных сооружений, обороняемых согласно с принципами талантливых инженеров и военных деятелей последних двух столетий».¹³

Пока постепенно будем переходить с полей сражений в окопы, траншеи и на батареи. Начиная с этого дня, мы будем реже слышать свист пуль, теперь основным фоном повествования будет стук кирок и лопат о твердую крымскую землю и рев артиллерийский залпов.

Надеюсь, что это будет интересно читателю...

⁹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 216–217.

¹⁰ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 50.

¹¹ Seton-Watson R.W. Britain in Europe. Cambridge, 1937. P. 359.

¹² Goldfrank D. The Origins of the Crimean War, New York, 1994. P. 5.

¹³ Мейснер Е. Опыт боевой оценки крепостей (статья первая)// Военный сборник. № 1. СПб., 1891 г. С. 35.

ОТСТУПЛЕНИЕ

«Vae victis» – «Горе побежденным».

Латинское выражение.

9(21) сентября 1854 г. ГОРЕЧЬ И КРОВЬ ОТСТУПЛЕНИЯ

Русские быстро оставили Альминскую позицию, не задержались они ни на Каче, куда вышли вечером того же дня, 8(20) сентября, ни на Бельбеке, где, «отдохнув довольно непродолжительное время»,¹⁴ окажутся на следующий день.

Пока начальники метались, пытаясь разобраться в происходящем и выработать спасительный путь действий, армия откатывалась все дальше от Альмы. Не будем драматизировать происходившее. Хотя планомерным это движение назвать нельзя, войска отступали пусть не в идеальном порядке, но без всеобщей паники, хотя некий поручик Мезенцев утверждал, что войска, которые он видел на Каче, были деморализованы.¹⁵

Этот эпизод Крымской кампании является едва ли не самым прискорбным событием для русской армии за все время Восточной войны, и только поэтому долгие годы отечественная «общеупотребительная» военная история успешно делала все, чтобы его забыть. По русской народной традиции виновной назначили власть. Говорили об общем беспорядке, ответственным за который назначали или Меншикова, или его штаб, а полки и их командиры оказывались как бы «в тени» и вроде бы вообще не при чем.

Рискую в очередной раз подвергнуться уничижительной обструкции за отсутствие патриотизма, но постараюсь быть объективным. Пусть хотя бы здесь, белое останется белым, а черное будет черным. Давайте попробуем быть выше обид: армия проиграла сражение и теперь откатывается. Отступление не может быть радостным, даже если оно плановое. Солдат не может и не имеет права копать в головах своих начальников. Ему все равно: бежим или заманиваем, главное, что «спину показали» и радоваться тут нечему.

На этом месте перенесемся ряды этих уставших, теряющих веру в своих начальников, обозленных, озлобленных неудачей людей. Такими застал войска, присоединившийся к главным силам со своими орудиями, донской артиллерист, хорунжий Калинин: «Поздно ночью взвод присоединился к батарее, расположившейся биваком

¹⁴ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 428.

¹⁵ Попов М. М. Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове // Русская старина. Том 77. СПб., 1893 г. С. 522.

на р. Каче, среди массы всех родов оружия, столпившейся здесь в беспорядке. Утомление, голод и нравственное потрясение после проигранного сражения сильно повлияли на состояние духа войск».¹⁶

Калинин не единственный, кто заметил признаки упадка. Неизвестный офицер писал из Севастополя 1 октября 1854 г., видимо под впечатлением от неразберихи отступления: «С наступлением ночи наша армия представляла страшный хаос: никто не знает дорог, войска, пришедшие из России без проводников, столпились на Каче и не знали, куда двигаться... раненые брошены на поле ...два дня до города без воды и хлеба, у кого рука висит на коже, а у кого уже черви в язвах. В госпиталях — ни корпии, ни бинтов, ни пищи. Ужасно, ужасно!».

Калинину с не меньшей горечью вторит М. М. Попов: «...не знали ... и куда следовать вперед, и по какому пути следовать назад».¹⁷

Какая-то ясность впервые появилась у Качи, когда, наконец-то, получили первое приказание, переданное полковником Исаковым от Меншикова запиской в Волынский полк, уходивший по Улукульской долине, пропустив вперед всю 16-ю дивизию и две батареи 14-й артиллерийской бригады.¹⁸ Главкомандующий пытается вернуть командование, обуздать ситуацию, организовать действия. Он предписывает Хрущёву (Хрущёву) вести свои батальоны в Севастополь и занять те позиции, с которых снялись несколькими днями ранее, отправляясь на Альму.¹⁹

Аналогичные приказания тем же способом доставлялись в другие полки и артиллерийские батареи, хотя, как оказалось, до многих они не доходили, а иногда о них узнавали случайно. В этом случае командиры уточняли маршрут движения у тех, кто получил приказы (касается больше пехоты) или действовали по своим разумениям (это уже больше относится к артиллерии). В Тарутинском полку направление сообщил казак, проезжавший мимо и с трудом понятый командирами: «Какой дорогой?» — спросил майор. «Прямо вперед!» — прокричал казак, спеша повторить приказ другим частям. «Прямо вперед» перед нами были горы, утесы и поросль, с узкой тропинкой, ведшей Бог знает куда».²⁰

Казанский егерский полк, или что от него осталось, даже не понял, каким путем вышел к Каче: «Ночь была темная: тучи обложили всё небо. До сумерек мы долго

Генерал-майор Джордж Фокс Бургойн. В 1854 г. — главный военный инженер штаба лорда Раглана.

¹⁶ Калинин М. М. Воспоминания артиллериста // Армии и битвы. №12. М., 2009 г. С. 48.

¹⁷ Попов М. М. Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове // Русская старина. Том 77. СПб., 1893 г. С. 522.

¹⁸ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 14.

¹⁹ Службная деятельность Александра Петровича Хрущёва, ныне Генерал от Инфантерии, Генерал-Адъютанта во время севастопольской обороны // Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 3.

²⁰ Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой // Military Крым. № 15. Симферополь. 2010 г. С. 52.

Вице-адмирал В. А. Корнилов.

плутали по оврагам и долинам. Мы шли не дорогой, чтобы не тесниться всем вместе и чтобы дать время проехать повозкам и орудиям».²¹

Сам князь со свитой двигался с отходящими войсками, мучительно пытаясь принять решение. Ему было трудно. Вариантов было много, но правильным мог быть только один, в который нужно было втиснуть две задачи: спасти армию и спасти Севастополь. Главнокомандующий еще не знал, что союзники не преследуют, продолжая оставаться на месте сражения. Наверное, именно это сослужило Меншикову добрую службу, ускорив ход мысли и развернув ее в правильном направлении.

Почему князь решил вести войска к крепости? Каждый, кто задает этот вопрос, знает, что уже через несколько дней, «оттолкнувшись» от города, армия уйдет к Бахчисараю. Так может быть, не стоило гонять солдат несколько десятков лишних верст, а сразу вести их в столицу Крымского ханства?

Уход к Севастополю был единственно разумным и легко объяснимым решением. Чтобы войска не потерялись, а это было очень даже возможным после неудачного сражения, лучше всего было их отводить по уже однажды пройденному пути, то есть на те места, откуда они к Альме выдвигались. Таким образом можно было восстановить управление армией, вновь заставить ее действовать. Так уж устроен военный механизм, что если в первые часы после поражения части не получают конкретных приказаний, то вера в командование и командиров будет потеряна, действиями станут управлять эмоции, а опасный путь к разложению будет прогрессировать, грозя превратить армию в толпу. Меншиков достаточно умен, чтобы не дать этой заразе распространиться, приобретая формы необратимых метастаз всеобщего разгрома. В конце концов, ему нужно было просто накормить армию. Сытый солдат смелее, дисциплинированнее и управляемее голодного. У последнего, если чувство голода возрастает, пробуждается чисто животный инстинкт, не разбирающий ни средств, ни приемов его утоления.

К счастью угроза разгрома при отходе отсутствовала, и войска стали организовываться сами по себе, пока на уровне отдельных частей и по воле наиболее инициативных командиров. Один из таких, полковник Хрущёв, своим Волынским пехотным полком при 16 орудиях прикрыл отступление, благодаря чему, все закончилось более-менее благополучно. Командир волынцев, своим приказом (как старший начальник в бригаде) присоединивший к себе еще и Минский пехотный полк,²² еще и спас обозы от окончательной потери.

Какое то время оба полка отходили вместе, но вскоре выяснилось, что минцы расстреляли все патроны, толку от них немного, и их отпустили. Хрущёв по предложе-

²¹ Борисов В., Сыцянюк А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 г. С. 400.

²² Оставшийся без командира. Полковник Приходкин был к тому времени вывезен в Симферополь.

нию бывшего с ним подполковника Исакова и после приказа князя Горчакова подтянул к себе отступавший неподалеку Бородинский егерский полк.²³ Эти два полка, а с ними №3 и №4 батареи 14-й артиллерийской бригады составили импровизированный аррьергард отходившей на юг армии (6500 чел. в 8 батальонах и 16 орудий).²⁴

В качестве кавалерии с пехотой Хрущёва оставались 4 (!) казака, оставленные Исаковым. Это не попытка съязвить, командир волынцев с долей иронии и так недоумевает, что при наличии полнокровной кавалерийской бригады: «...князь приказал генералу Халецкому прикрыть кавалерийскими аванпостами реку Качу, но утром 9-го числа мы не видали там ни одного гусара».²⁵

Об этом доложил Кирьяков, бывший при бородинцах, Меншикову, на что князь пообещал командиру 17-й дивизии усилить его отряд гусарами и казаками. После разговора Кирьяков остался на месте, а Меншиков со штабом направился дальше на юг.²⁶ Гусары так и не появились.

Волынский и Бородинский полки ночевали отдельно от армии напротив деревни Мамашай у дороги Евпатория – Севастополь. Там они оставались до полудня, пока главные силы не удалились достаточно и, лишь убедившись, что никто не преследует, снялись с позиции на южном берегу Качи.²⁷

Утро (9)21 сентября застало русские войска в продолжавшемся отступлении. Обозы (или что от них осталось) ушли еще ночью, чтобы не задерживать общее движение войск. Если бы это не сделали, возможно, армию ожидало продолжение катастрофы. Ведь обозы – это не десяток-другой повозок и телег. Армейский обоз того времени – это сотни ротных, патронных, лазаретных, провиантских и других фур. Еще сотни – офицерские. Еще десятки – генеральские. Не забудем про артиллерию. А дорога всего одна. Я не знаю, кому в голову пришла эта мысль. Более всего, что полковые и батальонные командиры действовали по привычке – обоз уходил вперед и ждал войска в заранее установленном месте.

Генерал-адъютант Э. И. Тотлебен.
В 1854 г. – подполковник.

²³ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 15.; Служебная деятельность Александра Петровича Хрущова, ныне Генерал от Инфантерии, Генерал-Адъютанта во время севастопольской обороны // Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 3; Борисов В., Сыцяно А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 г. С. 404.

²⁴ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 137.

²⁵ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 16, 17.

²⁶ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 353.

²⁷ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 16.

НЕМНОГО О МЕДИЦИНЕ И ПРОБЛЕМАХ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ

«Война — это травматическая эпидемия», — слова выдающегося хирурга Н. Пирогова оказались пророческими, и начало этой эпидемии было положено сразу после Альминского сражения.²⁸

С полками остались лишь транспорты с ранеными, оставить которых не решились.²⁹ Это было правильно, уж больно трагической была участь отставших. К этому времени все поняли, что часть местного населения лояльна к захватчикам, и потому попавшие к ним в руки раненые и отставшие могли рассчитывать в лучшем случае на грабеж, а в худшем — избиение, а то и убийство. Потому многие из последних сил продолжали тянуться за своими, оставляя кровавый след, спустя несколько дней служивший союзному авангарду прекрасным ориентиром, по которому определяли направление ухода русской армии. Это не преувеличение, да и русская военная историография не скрывает ужас, творившийся между Альмой, Качей и почти вплоть до северного берега Бельбека в первые часы и дни после сражения.

Вот, к примеру, из истории Московского пехотного полка: «Все раненые, которые только могли кое-как двигаться с помощью ружья или ползком, тянулись теперь за отступавшими полками, переноса страшные мучения и умирая от боли; своими трупами они усеяли весь путь от Альмы до Качи. О помощи им никто не думал; санитарная часть находилась тогда в самом плохом состоянии: в бинтах и корпии чувствовался большой недостаток, и солдаты на перевязку рвали свои рубахи; даже самим раненым приходилось перевязывать свои раны, ибо врачей и фельдшеров было мало, и они не могли успеть всем помочь. Раненые же, оставшиеся на позиции при Альме, были или захвачены неприятелем в плен, или добиты».³⁰

Это не преувеличение, «...в действительности союзники оказались вовсе не так человеколюбивы, как „распинался“ в том Сент-Арно в своем донесении об Альминском сражении, а за ним протрубили многие французские историки».³¹

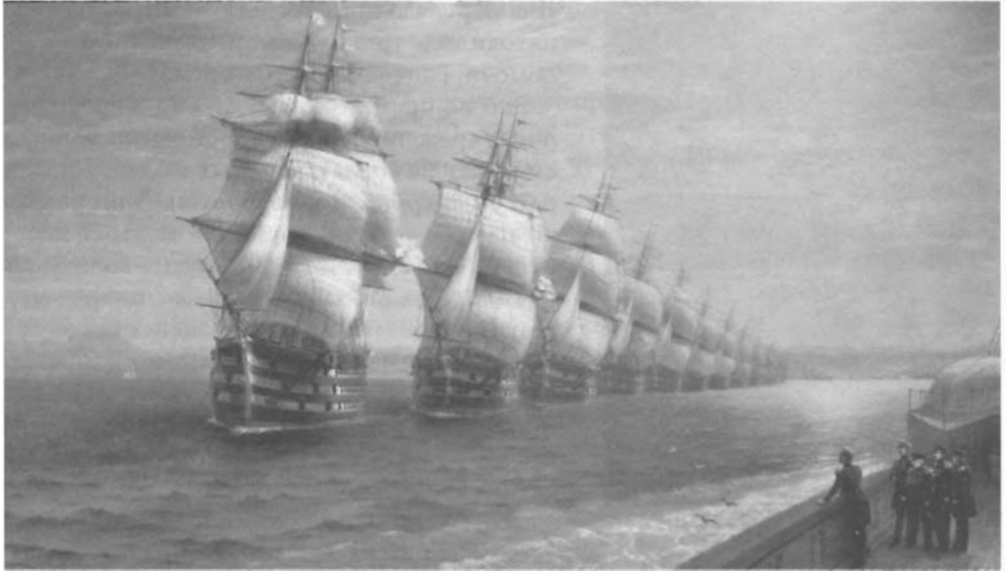
Такая же неутешительная картина в истории Казанского полка: «...за отступавшими тянулась вторая искалеченная армия: огромная толпа раненых. Их положение было в прямом смысле безотраднo. Рассыпавшись на огромной площади между Симферополем, Бахчисараем и Севастополем и не зная, куда отступила армия, наши увечные и контуженные брели на удачу, только бы найти где-нибудь приют и облегчение своим страданиям. Одни успели добраться до Симферополя; другие пришли в Бахчисарай; наконец, третьи, двигаясь по направлению к Севастополю, добрались до Качи и были встречены попечением своих уцелевших товарищей. Раненые усеяли весь путь от реки Альмы вплоть до самой Качи. Вот один из них сделает два-три шага и беспомощно валится на землю. Другие от боли скрежещут зубами, издают такие стоны, что от одних этих звуков сердце надрывается даже у самого привычного ко всем ужасам войны человека...

²⁸ Пирогов Н. Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции. Дрезден, 1865 г. С. 25.

²⁹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 137–138.

³⁰ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 428.

³¹ Борисов В., Сыцанко А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 г. С. 402.

Черноморский флот перед Севастополем. Худ. И. Айвазовский.

Там плетется солдат, опираясь на свое ружье, как на костыль; здесь другой ползком пробирается, преодолевая страшную боль, чтобы только не попасть в плен к басурманам.

Ползет-ползет иной, и, наконец, падает в изнеможении, вполне представляя свою участь воле Божьей. Попадались и такие, у которых не было куска живого мяса, и все-таки они еще тащились вслед за войсками, кто как мог, со стонами и скрежетом зубным, перенося ту жгучую боль, ту невыносимую жажду, которую трудно изобразить словами, но которую испытывает почти каждый раненый. У всех было только одно желание: не отставать от своих. И оно, это желание, было настолько сильно, что многие двигались через силу.

Так один из них шел с оторванной рукой, вместо которой только болтались одни окровавленные обрывки рукава шинели; в другой руке он тащил ружье, да еще помогал товарищу, труднее его раненому. Вот другой бодро продвигается вперед, опираясь на ружье, а раздробленная нога болтается во все стороны. У иного пуля прошла через ступни обеих ног и оторвала пальцы, а он, с помощью того же ружья, как-то умудрился идти на пятках. Вот раненый в голову... запекшаяся кровь, словно корой, облепила лицо; глаза помутились от боли; он ощупью, по слуху пробирается, беспрестанно спотыкаясь и падая; болезненно, громко вскрикнет и падает; упадет и снова тащится вперед, и кое-как доберется до бивака своих товарищей».³²

Действительно, не было достаточно для военного времени врачей и фельдшеров, отсутствовал санитарный транспорт, не было элементарных медицинских препара-

³² Борисов В., Сыщанко А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 г. С. 400–401.

Сцена из Крымской войны.
Худ. М. А. Зичи. Вторая половина XIX в.

тов, перевязочных средств: «санитарная часть находилась тогда в самом плачевном виде, о помощи раненым никто не думал».³³

Это не преминуло сказаться в первые часы после сражения: «Страшно, невыносимо было смотреть на солдат, раненых в голову, из которой била кровь, как из фонтана; они разрывали на себе рубахи, обрывали полы своих шинелей, чтобы как-нибудь обвязать голову; лица их были искажены страданиями, покрыты, как корой, темно-красной запекшейся кровью; некоторые носили по шести и семи ран во всех частях тела, по большей части от штуцерных пуль, и все это двигалось вместе с нами, сопровождая каждый шаг неистовыми стонами, оставляя за собой непрерывные кровавые следы».³⁴ Этим изуродованным, умирающим, теряющим силы людям, в одночасье превратившихся из «государевых людей» в «отбросы войны», сердобольные собратья пытались по-

мочь, перевязать, напоить водой, просто посочувствовать. Часто помощь была не во благо, а во вред: перевязывали, чем могли, иногда несвежим и грязным. Погосский упоминает со слов солдат случаи заражения, приводившие часто к фатальному исходу³⁵ и об отсутствии необходимых вещей для предотвращения которого говорят многие.³⁶

Это была еще одна, вылезшая наружу проблема, которую почти не затрагивают исследователи, даже в специализированных работах по военной медицине Крымской войны. Этим, рассматривая преимущественно глобальные проблемы санитарной службы, они забывают ее целый пласт, от которого зависит жизнь пострадавшего: то есть то, что с ним происходит в первые минуты после получения травмы.

Солдат не только не имел возможности получить должную помощь при ранении, но и не имел навыков её оказания. Обходились великим русским народным средством — опытом, передаваемым из поколения в поколение, основывавшимся не на науке, а на интуиции и нашем непобедимом «авось»: «...иные прикладывали рану землей, это еще ничего, а другие — порохом — похуже вышло. А кто присыпал табаком — совсем дурак. Травой — тоже никуда не годится. Одно средство — полотняная тряпка, а еще лучше с корпией. А этого ни у кого в заводе не было».³⁷

В результате раненые «...сами, чем попало перевязывали свои свежие раны, но не могли остановить воспалений, быстро у них развивавшихся».³⁸ Многие получили

³³ Борисов В., Сыцянко А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 г. С. 401.

³⁴ Михно. Н. Из записок чиновника о Крымской войне // Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 18–19.

³⁵ Погосский А. Ф. Камень Кремневич (Очерк из мелких дел солдатских) // Русская военная проза XIX века. Л., 1989 г. С. 324.

³⁶ Калинин М. М. Воспоминания артиллериста // Армии и битвы. № 12. М., 2009 г. С. 48.

³⁷ Погосский А. Ф. Камень Кремневич (Очерк из мелких дел солдатских) // Русская военная проза XIX века. Л., 1989 г. С. 326–327.

³⁸ Михно. Н. Из записок чиновника о Крымской войне // Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 19.

первую помощь лишь на второй, третий или даже четвертый день, когда присоединились к своим товарищам.³⁹

У того же Погосского есть прекрасные слова одного из медиков по этому поводу, думаю, что они откроют еще одну сторону проблем медицинского обеспечения армии во время Крымской войны: «Половина этих раненых совсем напрасно являются. Поверьте, что если бы внушить солдату, чтобы он, идя в сражение, непременно имел за обшлагом хотя кисточку корпии, хоть тряпку чистую, что сейчас же, как только ранят, за фронт и перевяжи рану толком, останови кровь и не допусти, чтобы открытую рану терло да разъедало движением, — половина лечения готова. Солдат должен сам понимать и озаботиться на всякий случай. Во-первых — вода необходима, обмыть рану, и самому глоток выпить. Следовательно, запасайся водой перед делом. Во-вторых — непременно нужен хоть какой-нибудь бинт с тесемочкой для перевязки. Даже пластырь и спуск можно бы иметь в запасе в ротах. А то вообразите, тащится с позиции с не перевязанной раной, кровь льет, рану трет да дерет, натрудит ее, да еще потом и уснет этак. Естественно, что сейчас же лихорадка, потом горячка; а не помилует Бог — и антонов огонь прикинется. И возись с ним!.. А рана иногда совсем пустая, если ее хоть немножко, но с толком перевязать тотчас же... тут таких половина валяется...».⁴⁰

Иногда раненым помогали, но, обработав раны, «за неимением здесь перевязочных средств, сваливали на фуры»⁴¹ и с Богом отправляли в неведомый путь, лишь указав в лучшем случае направление: на Симферополь или на Севастополь: «Невдалеке перед нами я услышал болезненные стоны. Я пошел туда, и обнаружил солдата с пулевым ранением ноги выше колена; он рассказал мне, что попал в полевой госпиталь, где ему перевязали ногу, и хирург велел ему идти на Севастополь — на расстоянии 30 верст или 20 миль! Сначала, сказал он, удавалось держаться сносно, но, после предпринятых усилий, кровь хлынула из раны сильнее и пропитала повязку, оттого сползшую с раны, и пуля в ногу начала причинять ему сильную боль. Наконец, он был вынужден отдохнуть, и, когда, желая перевязать рану, снял бинты, кровь хлынула так, что он никак не мог её остановить. Здесь этот несчастный и лег на голую землю, ночью, без единого существа поблизости, которое могло бы оказать ему помощь или облегчить трудности пути. Вид этого бедняги заставил меня задуматься — он сражался и выполнил свой долг, страдая за то, о чем не имел ни малейшего понятия, и теперь, раненый и беспомощный, даже не мог получить помощи или утешения. Удивительно, как мало заботятся о русском солдате! ...Большая часть подвод использовалась для перевозки раненых офицеров, и для тех офицеров, которые, не будучи ранеными, находились в крайне нервном состоянии, так что раненые солдаты составляли лишь малую часть из тех, кто передвигался подобным образом, на транспорте, специально для них предусмотренном».⁴²

Не самое лучшее отношение к искалеченным войной людям, раздражало войска: «...соседство с перевязочным пунктом, где раздавались стоны и крики раненых и

³⁹ Борисов В., Сыцянюк А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 г. С. 403; Николаев Е. П. История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка. 1807–1907 гг. СПб., 1907 г. С. 193.

⁴⁰ Погосский А. Ф. Камень Кремневич (Очерк из мелких дел солдатских)// Русская военная проза XIX века. Л., 1989 г. С. 326.

⁴¹ Калинин М. М. Воспоминания артиллериста// Армии и битвы. № 12. М., 2009 г. С. 48.

⁴² Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой// Military Крым. № 15. Симферополь. 2010 г. С. 52.

умиравших, моливших о помощи, еще более усиливали тягостное положение войск, тем более, что медицинские средства наши далеко не отвечали потребности в них».⁴³

В результате как минимум сутки не удавалось преодолеть дезорганизацию войск. Хрущёв наблюдал, что солдаты разных полков, «... оставившие ряды по причине полученных ран и без всяких причин, тянулись по всем направлениям, стреляли вверх и многие бросали оружие. Никто не заботился о раненых; все обозы и даже патронные ящики давно ускакали на реку Качу; не было ни одной повозки для поднятия тяжело раненых, так что начальника дивизии, ген.-лейтенанта Квицинского, более 7 верст несли на носилках».⁴⁴

Сказать, что раненых бросали, значит сказать неправду. Кому можно было помочь, тем помогали. Казаки, если находилась свободная лошадь, подбирали, но, проехав пару верст, страдальцы не выдерживали, начинали вопить от боли и сами просили ссадить их, полагаясь, что так станет легче, и немного отдохнув, доберутся до своих сами. Одному Богу известно, сколько их костей до сих пор разбросано под слоем земли на всем пространстве от Альмы до самого Севастополя.⁴⁵

Кошмар брошенных и забытых описан симферопольским чиновником Николаем Михно, с несколькими коллегами на волне патриотических чувств отправившегося к Альме: «С каждым шагом вперед увеличивалось число раненых, десятками сходящихся с разных сторон, и раздирающие душу картины стали повторяться все чаще. Один раз, когда на моей лошади держался раненый старый воин с георгиевским крестом и медалью за венгерскую кампанию, другой солдат, тоже окалеченный, валившийся на траве, неистово закричал мне: „Ваше благородие, посадите меня на лошадь: тот солдат, что сидит на коне может и сам тащиться, а у меня нет руки и нога в трех местах перебита; помогите, батюшка!“».⁴⁶

Отставшие, теряя возможность обеспечить себя пищей, быстро слабели. Иные питались тем, что попадалось под руки, вплоть до травы вперемешку с землей. Таких находили специально посланные команды, подбирали и свозили в госпитали. Но там они быстро уходили из жизни: желудки и кишечник не выдерживали.⁴⁷

В таких условиях командиры толком не знали, сколько людей у них осталось в подразделениях, сколько они потеряли безвозвратно, сколько пропало без вести. Отставшие солдаты шли в совершенно разные стороны. Тот же Михно встречал их и на пути в Симферополь, и на пути в Бахчисарай, идущими по трое, двое и даже по одиночке. Иные, не останавливаясь, доходили до Северного укрепления. Там, естественно, они не находили ни своих частей, ни, вероятно, сочувствия и понимания у местного гарнизона и возвращались назад на Качу или Бельбек.⁴⁸

Только добравшись до Севастополя, в частях начали розыск оставшихся в живых и разбросанных по госпиталям и перевязочным пунктам. Трудно представить, но некоторые полки только к декабрю 1854 г. с большими ошибками смогли доложить о по-

⁴³ Калинин М. М. Воспоминания артиллериста // Армии и битвы. №12. М., 2009 г. С. 48.

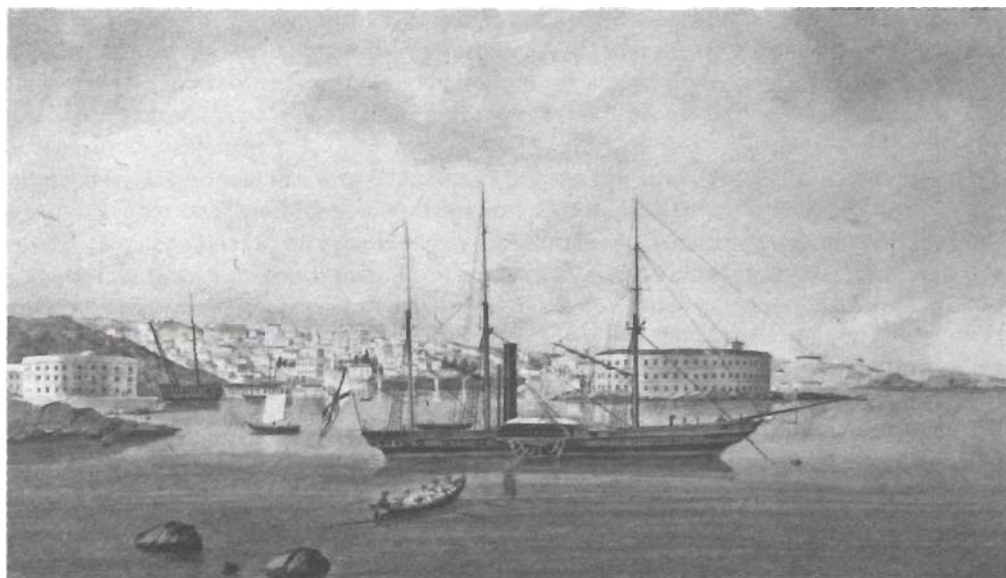
⁴⁴ Хрущев А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 14–15.

⁴⁵ Михно Н. Из записок чиновника о Крымской войне // Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Том III. СПб., 1872 г. С. 20.

⁴⁶ Михно Н. Из записок чиновника о Крымской войне // Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 21.

⁴⁷ Михно Н. Из записок чиновника о Крымской войне // Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 20.

⁴⁸ Маслов А. Н. История крепостной войны (выпуск первый). Севастополь (1854–1855 г.). Бельфор (1870–1871 г.). СПб., 1900 г. С. 37.

Севастополь. Середина XIX в. Неизв. художник.

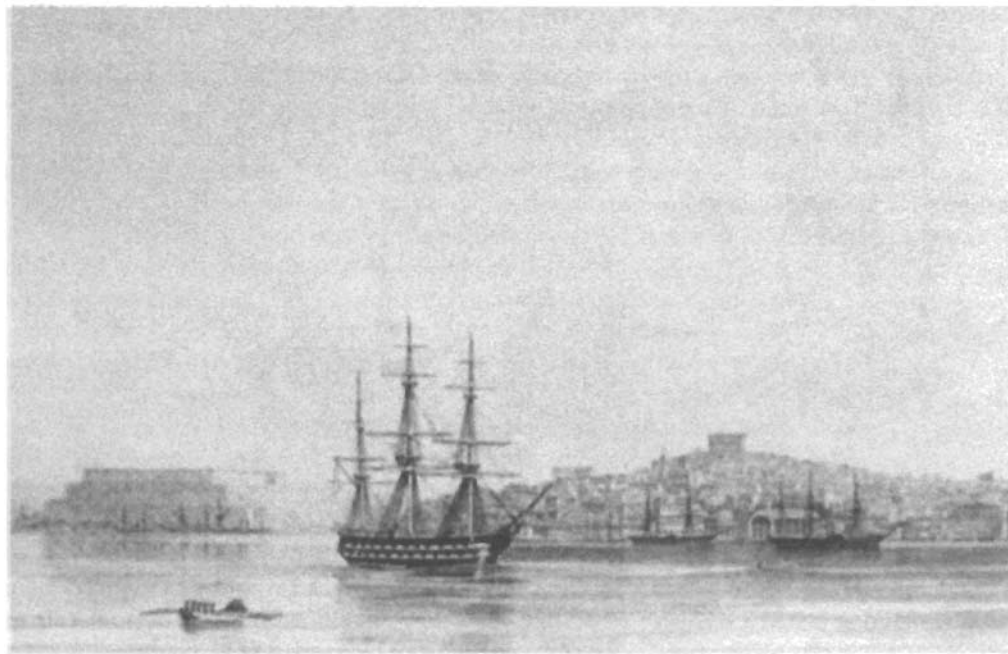
терях, случившихся в эти несколько дней. Командир Московского пехотного полка полковник Соловьев 3 декабря представил в штаб Главнокомандующего военно-сухопутными и морскими силами в Крыму сведения об окончательном числе «...нижних чинов командуемого мною полка, исключенных по отчетам без вести пропавших после сражения бывшего 8 сентября сего года при речке Альме».

Первые раненые появились на улицах Севастополя уже к ночи 8 сентября. Понимая, что появление их неизбежно, командование крепости по мере сил приготовилось к приему пострадавших. На Северной стороне дежурили шлюпки в готовности доставлять раненых в Южную бухту. У воды стояли люди с носилками, а сама дорога от бухты к госпиталю и специально приготовленным казармам была освещена: «...всю ночь тянулись по ней мрачные тени, говорившие о нашей потере».⁴⁹

К СЕВАСТОПОЛЮ...

Окровавленная, на ходу зализывающая раны, ворчащая, в том числе и на своих начальников, русская армия упорно шла к Севастополю. Мы можем сколько угодно ругать николаевскую армию, чего не делал только ленивый. Но только совсем глупый и недалекий исследователь станет отрицать, что поражение не разразившееся катастрофой, заслуга прежде всего простого русского солдата. Недаром европейские военные считали, что его лучшие качества известны, и проявляются в самые трудные

⁴⁹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 196.

Вид на Севастополь с моря. Литография сер. XIX в.

времена: «...он издавна отличался нетребовательностью, выносливостью, упорным мужеством и привязанностью к начальнику».⁵⁰

Погосский детально записывал воспоминания рядовых: «Многих из наших не видно, бог весть где они. Однако отступали в порядке до самой речки Качи. А над рекой татарская деревня, Эфендикой прозывается; против нее мост через реку и мелкое место, брод. Подходим мы к деревне, а тут суматоха такая, что не приведи бог; обоз всех полков столпился; фургоны, лазаретные фуры, офицерские подводы, несколько батарей артиллерии прочищают себе дорогу; все стараются пробраться к мосту, а улочка к нему узкая. Крик, шум, тамаша; пехота остановилась; разумеется, сперва орудия да фуры переправить надо.

Стояли мы часа полтора; видим, ночь подходит; нам скомандовали: „Марш вперед! Через сады и виноградники, прямо к реке“. А виноградники все обведены каменной стеной. Все кинулись искать переправы, вразброд».⁵¹

Действительно оба берега реки были зарыты строениями и оградами. Брод был единственный, и там стояла «ужасная давка».⁵²

Движение вели больше интуитивно (как говорит Хрущёв — «произвольно»⁵³), держа общее направление на юг, к крепости, не придерживаясь дорог, а используя просто достаточно проходимую местность. Сейчас все зависело от воли и решитель-

⁵⁰ Библиография. Обзор иностранной периодической печати//Военный сборник. №5. СПб., 1905 г. С. 186.

⁵¹ Погосский А. Ф. Камень Кремневич (Очерк из мелких дел солдатских)//Русская военная проза XIX века. Л., 1989 г. С. 324.

⁵² Борисов В., Сыцяно А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 г. С. 400.

⁵³ Хруцов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 15.

ности полковых и батальонных командиров, их способности удержать власть над людьми. В противном случае отступление, изначально не имевшее общего плана, каждый час грозило перерасти в грандиозную катастрофу. Некоторые части потерявшими и разбредшимися при отступлении людей больше чем убитыми и ранеными в сражении.

Отрадно, что большая часть солдат не бросала оружие. Михно, посадил на свою лошадь раненого солдата Московского пехотного полка. Несмотря на то, что «...кровь струилась из его разбитой головы, что должно было лишать его физических сил, он не выпускал ружья из рук и в то время, когда сидел на лошади, я заметил, что ружье мешает ему хорошо держаться в седле и что необходимо оставить эту ношу, которую задние казаки поднимут непременно.

— Нет, ваше благородие, отвечал солдат, орудию не следует бросать; с ним я походы делал и бьет оно хорошо».⁵⁴

Более сильные корпоративной спайкой артиллеристы, как и на Альме, так и в отступлении держались дружно. Орудия не бросали, даже если не хватило упряжных лошадей. Не желая оставлять в руках неприятеля два орудия, оставшиеся без тяги, Хлапонин, отправив остальные орудия и личный состав в Севастополь, остался при них. Сначала солдаты на себе тащили попеременно то одно, то другое. Вскоре встретили гусар Саксен-Веймарского полка, которых просили о помощи лошадьми или людьми. Те отказались и ушли своей дорогой.

«Делать было нечего; одному из прислуги, канониру Егорову, удалось уговорить товарищей тащить все-таки орудия на себе, насколько будут в силах: „умрем, мол, братцы, если придется, а орудий не оставим“. Молодцы уже выбивались из сил, когда, по счастью, удамой фельдфебель Кикавский, раздобывшись тремя лошадьми, прискакал: и орудия спасли, и батарейный командир имел, на чем догнать батарею. Егоров получил георгиевский крест и в последствии, в гвардии, был удостоен Высочайшего внимания».⁵⁵

Мрачная, как видите, картина, радоваться, пока особого повода нет. Ну, разве что, армия ушла, хоть и потерпев поражение, но избежав разгрома. Да и враг не то еще в себя не пришел, не то растерялся, не то отстал, но хоть не висит на хвосте, ничем себя не обозначая. Началось, по образному выражению капитан-лейтенанта Ильинского, «...смутное время до начала бомбардировки».⁵⁶

Впереди отступающей армии летели слухи. Они были самые разные. Говорили о невероятных потерях, среди убитых называли, в том числе, благополучно добравшегося до Симферополя командира Московского полка Куртьянова,⁵⁷ о толпах неприятельских солдат уже появившихся в предместьях Симферополя.

Начались тихие разговоры о предательстве и измене...

⁵⁴ Михно. Н. Из записок чиновника о Крымской войне // Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 23.

⁵⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 483.

⁵⁶ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 68.

⁵⁷ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 196.

КОРНИЛОВ И МЕНШИКОВ: ВСТРЕЧА НА КАЧЕ

Едва началось сражение на Альме, как на место событий выдвинулись вице-адмирал В. А. Корнилов и подполковник Э. И. Тотлебен. Для них это была не прогулка, а желание собственными глазами убедиться в окончательном и бесповоротном разгроме врага, впервые за много лет посмевшегося ступить на землю Российской империи.

Можно предположить, что особой уверенности в грандиозной победе они не испытывали. Корнилов был не в восторге от способностей Меншикова, как полководца. Педантичный немец Тотлебен вообще слабо верил в умственные способности большинства сухопутных генералов вести войну с двумя сильнейшими европейскими армиями. Но, думаю, в то, что враг будет остановлен, оба хоть и слабо, но верили. Самые тяжелые предположения подтвердились при встрече ими отступавших к Каче русских войск, происшедшей, судя по воспоминаниям современников, сразу за Мамашаем. Открывшееся глазам адмирала и подполковника описал отводивший от Альмы своих моряков Ильинский: «Трудно представить себе что-нибудь подобное нашему отступлению после проигранного нами, незначительного авангардного дела при Альме. По мере отдаления от неприятеля и наступления сумерек, уцелевшие в разброде остатки полков центра и правого фланга все более и более смешивались и, не получая никаких приказаний, оставаясь в совершенном неведении, куда идти и что предпринять, образовали кучки разнообразной формы мундиров и подходили к нам осведомиться, куда мы идем, и в каком направлении находятся штабы таких-то и таких полков, чтобы возможно было присоединиться к ним. На первый вопрос мы отвечали, что получили от главнокомандующего приказание, перейдя речку Качу, ночевать на возвышенностях Качи, а о полках мы ничего не знаем. С наступлением темноты и продолжением общей неизвестности распространилась по всем войскам паника: подходящие кучки солдат сообщали, что неприятель предупредил нас, сбросил десант и занял высоты гор по течению речки Качи, что мы отрезаны от Севастополя, и завтра с рассветом придется штурмовать укрепленные позиции на Каче. Словом, если бы появился небольшой отряд неприятеля, вооруженный не ружьями, а просто палками, то погнал бы всех, как стадо баранов. У моста через р. Качу скученность всякого рода оружия, давка, поспешность и толкотня доходили до полного безобразия. При наступившей темноте слышались ругательства, а по временам и стоны теснимых раненых. Все покрывалось общим гулом погонщика лошадей и стуком от лафетных колес».⁵⁸

По воспоминаниям Калинина, когда утро 9 сентября «...осветило место сбора войск, и беспорядок, царивший в войсках, еще более выказал свои дурные стороны. При переходе р. Качи столпились обоз и артиллерия; за ними теснилась пехота и кавалерия, желая обогнать друг друга и увеличивая тем беспорядок».⁵⁹

Но, вернемся к месту встречи будущих руководителей обороны Севастополя на Каче, после которой всей группой они продолжили движение и в сумерках достигли высот южного берега Качи. Здесь им во всей «красе» предстала картина отступления: «...подъехав к спуску, в долине реки увидели безобразнейшую картину: здесь царили полнейшие безначалие и беспечность».⁶⁰

⁵⁸ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 68.

⁵⁹ Калинин М. М. Воспоминания артиллериста // Армии и битвы. №12. М., 2009 г. С. 48.

⁶⁰ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 353.

Русская армейская пехота. Сер. XIX в.

В это же время обоз, стоял на месте, и никто не думал двигаться вперед. Офицеры, как говорит Панаев «притаились». Личный состав, предоставленный сам себе, действовал соответственно: «...солдатики горланили, бродили и мародерничали по хуторам и жилью, покинутыми их хозяевами...».⁶¹ Другие солдаты стреляли во все стороны, пытаясь добыть себе пропитание — зайцы вокруг водились в изобилии.

К сожалению, Панаев не одинок, у Хрущёва картина не менее грустная: «Ночью солдаты разбрелись по селению, зажгли его, разбили бочки с вином и многие перепились. Все старания мои отыскать кого-либо из начальников остались тщетны».⁶²

Тут действительно, офицерам не позавидуешь. Теперь нижнему чину сильно не пригрозишь и в ухо кулаком не съездишь. В ответ можно и пулю схлопотать. Это раньше у них в руках были «палки со штыками», теперь ружья с боевыми патронами. Да и психологически они еще не остыли от крови и смерти. Все проблемы обучения и воспитания довоенного времени вылезли наружу. Армия отныне состояла из солдат военного времени. Эти могли не думая жизнь отдать за берегущего их офицера, пусть и строгого до жесткости, но и не задумываясь лишить жизни жестокосердого самодура. Война, однако... Можно не говорить об этом, найдутся, наверняка, «шум-

⁶¹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 353.

⁶² Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 15.

Отступление русской артиллерии.

ные исследователи», которым это очень не понравится. Но это их дело, правда войны все равно будет себя показывать не раз и не всегда с благовидной стороны.

Меншиков зол. Даже вид раненых не вызывает у него жалости. Казалось, он ненавидел войска, не оправдавшие его надежд, а теперь в беспорядке сгрудившиеся у реки. Главнокомандующий подъехал к Корнилову, молча наблюдавшему за происходившим, и произнес, «...грустно всматриваясь в раненых»: «И все-то — в спины!!!».⁶³ До самого возвращения в крепость князь постоянно повторял: «...Как же нас будет бранить Россия...».⁶⁴

История не сохранила точного содержания разговора военачальников, известны лишь общие фразы. Панаев, непосредственный участник совещания, не говорит ни слова. Разве вскользь упоминает, что князь, «...отдав приказания,

распростился с ними».⁶⁵ Жандр, вероятно находившийся во время встречи рядом с Корниловым, тоже молчит, но уже вскоре внезапно вспоминает, не уточняя, что приказание было.⁶⁶

Похоже, Меншиков, взбешенный происходившим вокруг, сказал все, что думает об армии и ее командирах. Не зря, отправляя в тот же вечер в Петербург с докладом императору Грейга, князь, вручая ему подорожную, ответил на вопрос адъютанта: «Что прикажете сказать Его Величеству?», — «Скажи все, что видел и слышал, все по чистой справедливости...».⁶⁷

Странно, что Меншиков лично ни одного слова не пишет, отдавая ответственность за содержание доклада на откуп Грейгу. Панаев, до наивности смешно объясняет, что у князя не было ни на чем, ни чем писать. Правда тут же, видно забывшись, добавляет, что у каждого адъютанта были записные книжки, розданные им перед сражением: «...одна из таких книжек донине сохраняется у меня».⁶⁸

Не настолько глуп князь, чтобы доверить все Грейгу. Тем более, не самому умному из его штаба. С одной стороны он выигрывал время, надеясь изменить ход ситуации

⁶³ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 354.

⁶⁴ Хруцов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 19.

⁶⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 354.

⁶⁶ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 199.

⁶⁷ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 354.

⁶⁸ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 354.

в свою пользу, с другой стороны «подставлял» армию, сваливая всю вину в случившемся на Альме и происходившем после нее на бездарных генералов, а точнее на некоторых из них.

Но содержание разговора очень важно знать для дальнейшего повествования, и потому на нем нужно остановиться особо. Без сомнения, содержание его было наполнено единственным, традиционным для русского искательства смыслом: что делать?

Из того, что нам известно, можно утверждать, что Меншиков в этом случае был на удивление конкретным:

1. Армия уходит к Севастополю, откуда будет развивать фланговое движение, сохраняя сообщение с Крымом и империей. Войска в Севастополе не останутся, может быть только несколько батальонов и немного артиллерии для усиления обороны города.

2. Бухту заградить, Северную сторону укрепить, флот включить в единую сухопутно-морскую систему обороны. Отныне дело защиты крепости ложится на плечи моряков. Если они не пропустят флот союзников в бухту, останется небольшой шанс, что Севастополь не падет в ближайшие дни, а там, посмотрим...

3. По исполнению ждать его дальнейших указаний, которые он даст после завершения отвода войск на новые позиции.

Собственно, именно это и говорит Тотлебен — участник того самого разговора, а не сторонний наблюдатель.⁶⁹

Но вот «зарытую собаку», вокруг которой развернулась вся драма последующих нескольких дней, нужно искать во втором пункте, в приказе Меншикова заградить вход в Севастопольскую бухту.

Думаю, для князя, человека масштабов государственных, сильных колебаний не было: заградить тем, что при обороне крепости особенно сильно не понадобится. А это то, что пока еще на плаву, но больше мешает, чем помогает. То есть устаревшие корабли. Для трезвомыслящего исследователя, не отягощенного патристическими воспалениями головного мозга, никаких особых мучений нет — в конце концов, чем же еще? И большинство очевидцев и исследователей говорят, что именно о том, что вскоре в любом случае пошло бы на слом, шла речь.⁷⁰

Только Корнилов в своем дневнике не говорит об этом ни единого слова.⁷¹

Фон, на котором разворачивалось действие, был совсем неприглядным. Думаю, трагизм, если так можно сказать, ситуации, благотворно подействовал на Корнилова и Тотлебена, заставших войска в расстройстве, но все-таки, повторяюсь, не в абсолютной деморализации.⁷² Оба поняли, что надеяться отныне можно было лишь на себя и имевшиеся под руками наличные силы, пусть малые, но организованные.

Вернувшись к 10 часам вечера в Севастополь, Корнилов принял решение — действовать. Ему было совершенно очевидно, что вся ответственность за Севастополь отныне лежит исключительно на нем: «Бог да поможет нам устоять против двадцати языцев».⁷³

⁶⁹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 142.

⁷⁰ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 142.

⁷¹ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н. В., Софинова П. Г. М., 1947 г. С. 271–272.

⁷² Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 137.

⁷³ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н. В., Софинова П. Г. М., 1947 г. С. 272.

10 (22) сентября 1854 г. БЕЛЬБЕК: НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ПОЗИЦИЯ

Примерно к полудню 9(21) сентября русские вышли на Бельбек, перейдя по каменному мосту на южный берег. Основная часть армии оказалась здесь к полудню 10(22) сентября, но оставалась там совсем не долго — до двух часов дня.⁷⁴

Здесь войска, воспользовавшись передышкой и поняв, что их никто не пытается преследовать, попытались вернуть организацию. Люди впервые получили минимальную передышку, отдохнули, собрались с силами.⁷⁵ Фельдфебели начали пересчет людей, оставшихся в строю, быстро приводя своими пудовыми кулаками в чувство ропшущих.

Похоронили умерших. За неимением шанцевого инструмента (вот еще одно подтверждение сказанного на эту тему, и сколько раз мы еще об этом скажем) могилы рыли тесаками. Глубоких ям не получалось, чаще всего тело просто присыпали землей и наскоро отпевали.⁷⁶

Марш стал быстрее и организованнее, но войска по-прежнему нуждались в отдыхе.⁷⁷ Последние признаки паники исчезли. В полках стали успокаиваться, собирать раненых, возвращать отставших, искать обозы. Два прошедших дня прошли относительно спокойно — враг не тревожил, хотя от этого не становилось легче. Общая ситуация страшила неизвестностью. За время, прошедшее со дня окончания сражения на Альме некоторые командиры мало того, что не понимали происходящего, они не представляли не только положения неприятеля, но даже где находятся свои части. Оставалось только догадываться. Хрущёв 10 (22) сентября пишет в письме из района у Камышовой бухты: «Не знаю, скоро ли дойдет ли до вас это письмо, ибо не знаю, свободна ли симферопольская дорога».⁷⁸

На Бельбеке уже каждый командир полка получил приказание о дальнейших действиях и точную дирекцию — на Севастополь. Первая после сражения запись в «Журнале боевых действий...» расплывчата и почти ничего не говорит: «9-го Сентября. Дабы привести войска в порядок после сражения накануне бывшего и пополнить запасы и артиллерийские снаряды вне досяги неприятеля, отряд перешел через Инкерманский мост на Южную сторону Севастополя, где пробыл для упомянутой надобности 10 и 11-го числа».⁷⁹

К вечеру указанного дня первые русские батальоны без музыки и песен втягивались в Севастополь, где им было приказано запастись боеприпасами и продовольствием.⁸⁰

Всех поразила и растрогала лошадь из 5-й батареи подполковника Хлапонина. С оторванной челюстью она тащилась за батареей с таким упорством, что, видимо,

⁷⁴ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 429.

⁷⁵ Маслов А.Н. История крепостной войны (выпуск первый). Севастополь (1854–1855 г.). Бельфор (1870–1871 г.). СПб., 1900 г. С. 37.

⁷⁶ Борисов В., Сыцяно А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 г. С. 403.

⁷⁷ Борисов В., Сыцяно А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888 г. С. 404.

⁷⁸ Александр Петрович Хрущев. Выдержки из его писем 1853–1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С. 436.

⁷⁹ Журнал военных действий в Крыму. Сентябрь–октябрь 1854 г. Архив Крымской войны 1853–1856 гг. Симферополь, 2010 г. С. 12.

⁸⁰ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. VIII. СПб., 1877 г. С. 484.

даже у суровых ездовых не поднялась рука ее прикончить. Как отличный николаевский солдат, она честно выполняла свой воинский долг и от самой Альмы шла за батареей «...помахивая головой и неся на себе казенную сбрую, как бы на сдачу».

Уже в Севастополе сбрую с нее сняли, погладили, пожалели и она «...отошла на бугорок, постояла, постояла, ткнулась головой в землю, кувыркнулась через шею и — дух вон; артиллеристы по ней вздохнули, как по товарищу».⁸¹

Животные тоже могут быть героями, особенно когда они на службе...

Остатки Владимирского пехотного уже в темноте заняли позицию на Куликовом поле между Карантинной и Сарандинакиной балками, где вскоре собралась основная масса русских войск, отступавших с Альминской позиции, правда без всякого порядка, напоминая «...цыганский табор».⁸²

Московский пехотный полк, войдя в долину реки Черной, перешел ее по Инкерманской гати, поднялся на Сапун-гору и вошел в Севастополь. Обоз полк не бросил и стараниями прапорщика Смирнова догнал до крепости, где он оставался до 19 сентября.⁸³

С москвичами приключилось нечто странное. Спустя почти 50 лет после Альминского сражения с комментариями по поводу оскорбительных, по его мнению, замечаний Хрущёва выступил бывший офицер Московского пехотного полка Мерчанский. Как ни странно, но, пытаясь обелить свою часть, он невольно ставит себя в самое неловкое положение, утверждая, что после сражения, увидев позади себя строящуюся кавалерию, посчитали ее за неприятельскую и «...были объята паническим страхом», что и стало «... истинной причиной беспорядочного отступления». Как то невесело получается, тем более, что Мерчанский утверждает, что Меншиков, встретивший полк в 9 утра на Северной стороне сказал: «Это Московский полк, бежавший с поля?».⁸⁴ Ответ князю был сравним с древним военным эпосом и потому приводить его не имеет смысла, тем более, непонятно, кто вообще посмел главнокомандующему что-либо возразить.

Последними Бельбек прошли волынцы и бородинцы. Здесь арьергард разделился. Волынский полк, перестроившись из отступного порядка, которым двигался до это-

Солдаты Стрелковой бригады.
Худ. Орlando Нори. 1850 г.

⁸¹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 482.

⁸² Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 71.; Хрущев А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 17.

⁸³ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 429.

⁸⁴ Мерчанский М. Московский полк в сражении при Альме // Разведчик. № 643. СПб., 1903 г. С. 150–151.

го, в походный, через Инкерманский мост двинулся к пересыпи, куда с артиллерией прибыл к 8 часам вечера. Бородинские егеря остались на высотах правого берега Черной.⁸⁵

Конечно, читатель будет прав, задав вопрос: а почему армия не остановилась на Бельбеке, не подтянула резервы и не дала новый кровавый бой союзникам? Ведь мы ранее говорили, что Меншиков намечал здесь один из рубежей возможной обороны, изматывая неприятеля и дожидаясь подходящих подкреплений. Увы, но все было поздно. Бельбек мог стать оборонительным рубежом для отходящей от позиции к позиции армии, но он был совершенно бесполезен для отступающей армии. Недаром, размышляя о дальнейших действиях, князь сказал Панаеву: «Сражения я дать не могу... Войска наши в ужасном перепуге и беспорядке».⁸⁶

С потерей Альминской позиции теряла смысл позиция на Бельбеке. Помимо очевидной невыгоды, в сложившейся ситуации, она таила скрытую опасность. Тотлебен считал, что в случае неудачного боя с союзниками, еще не восстановившиеся после поражения войска имели лишь два пути отступления: на Северное укрепление или на Южную сторону Севастополя. И то и другое было рискованно. В первом случае союзники могли, «сев на плечи» русским, ворваться в укрепление и без особых проблем занять береговые батареи северного берега Севастопольской бухты.⁸⁷ Отступление на Южную сторону по пересеченной, часто заболоченной местности, подвергало их опасности быть настигнутыми и уничтоженными неприятельскими войсками.⁸⁸

И все-таки Меншиков, как бы его не критиковали, сумел показать, что в сложной ситуации он способен быстро сориентироваться и действовать почти безошибочно. Но об этом будем говорить позже. Пока же русская армия все еще отступает...

11 (22) сентября 1854 г. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСХОДНОЙ ТОЧКЕ

В Севастополе стало ясно, что парадов в ближайшее время не предвидится, а на войне все, что необходимо для плаца не только излишне, но и большей частью вредно. Бессмысленная напыщенность исчезала, уступая тому, что нужно на войне: практичности, удобству, необходимости. Каски, мучившие солдатские головы, сдали на склад.⁸⁹ Из письма Михаила Мерчанского к отцу: «...наша офицерская форма мало отличается от солдатской: у нас белые фуражки и солдатские шинели».⁹⁰

Запасы пополнялись, получались дополнительные патроны.⁹¹ Нижним чинам удалось достойно поесть. Полный желудок действовал лучше, чем любые призывы и увещевания командиров, прописная истина «сытый солдат — хороший солдат» актуальна во все времена.

⁸⁵ Хруцов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 16.

⁸⁶ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 356.

⁸⁷ Маслов А. Н. История крепостной войны (выпуск первый). Севастополь (1854–1855 г.). Бельфор (1870–1871 г.). СПб., 1900 г. С. 37–38.

⁸⁸ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 141.

⁸⁹ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 199.

⁹⁰ Мерчанский М. Московский полк в сражении при Альме // Разведчик. № 643. СПб., 1903 г. С. 150–151.

⁹¹ Обзор военных действий 1854–1855 гг. // Отечественные записки. Том 12. СПб., 1855 г. С. 85.

Чтобы не разрушить так хрупко восстановленный моральный дух и не допустить ухудшения психологического состояния войск, Меншиков приказал уничтожить все запасы алкоголя (судя по всему, речь не шла о казенном, уничтожалось лишь частное): «В Севастополе содержатели всех питейных заведений, по распоряжению начальства, были обязаны уничтожить все напитки; для поверки исполнения этого распоряжения были назначены военные команды, которые разбивали бочки и разливали оставшиеся не уничтоженными напитки, так что вскоре во всем городе нельзя было достать ни рюмки водки, ни вина».⁹²

Офицеры тоже приободрились, некоторым удалось даже хорошо пообедать. Флот делал все, чтобы армия отошла от горечи Альминского поражения. Корнилов дал прием в честь владимирцев на «Великом Князе Константине». Кроме офицеров, матросами линейного корабля угощались и нижние чины.

Нахимов, узнав, что после сражения при Альме более 2000 раненых направленных в Севастополь, оказались в отчаянном положении, лежали на земле, без медицинской помощи и даже без тюфяков, «вдруг, как бы вспомнив о чем-то... сказал: поезжайте сейчас в казармы 41-го экипажа, скажите, что я приказал выдать сейчас же все тюфяки, имеющиеся там налицо, и которые я велел когда-то шить для своих матросов. Их должно быть 800 или более, тащите их в казармы армейским раненым».⁹³

Не отставали от моряков «местные патриотки», оставившие прислугу и адреса, чтобы по возможности разместить офицеров.⁹⁴

Дополнительные перевязочные пункты открыли в Александровских казармах, позднее (15 сентября) переведя в театр.⁹⁵

Все говорило о том, что психологически важное решение Меншикова вернуть всех на исходные позиции себя оправдало — войска почувствовали, что ими управляют, о них заботятся. Солдаты и офицеры стали постепенно приходить в себя. У нижних чинов появилась мотивация, стимулируемая желанием получить сатисфакцию за проигранную Альму, что давало надежду, ибо во все времена такие поведенческие факторы, как мотив и моральный дух, всегда оказывали исключительно определяющую роль в изменении численного и материального баланса сторон, либо решали исход битвы.⁹⁶

Это стало для них прекрасной возможностью отдохнуть и дожидаться отставших, которых «...Во время последнего марша от Качи ...имели много..., и продолжавших подходить все утро. В этом нет ничего необычного, ибо солдаты были на ногах 24 часа, и к тому же несли ранцы и прочую амуницию, которая без ружья весила порядка 60 фунтов».⁹⁷

Наконец задумались: а где вообще противник? Что он делает и что собирается предпринять? В суматохе отступления о нем как-то и забыли совсем. Из реального,

⁹² Николаев Е. П. История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807–1907 гг. СПб., 1907 г. С. 193.

⁹³ Будко А. А., Селиванов Е. Ф., Журавлев Д. А. Медицинское обеспечение войск Русской армии в ходе Крымской войны // Военно-исторический журнал. № 10. М., 2006 г. С. 44–47.

⁹⁴ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 198.

⁹⁵ Берг Н. Записки об осаде Севастополя. Том I. М., 1858 г. С. 94.

⁹⁶ Останкович А. И. Социально-психологические предпосылки и последствия перехода Вооруженных Сил США на контрактную систему комплектования: Дисс. М., 1994 г. С. 39.

⁹⁷ Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой // Military Крым. №15. Симферополь. 2010 г. С. 52–53.

он вновь стал чем-то неодушевленным, неясным и расплывчатым. Чтобы обнаружить его движение, приказ вновь занять Бельбекские высоты и вести оттуда наблюдение за действиями союзников получили Московский пехотный, Тарутинский и Бородинский егерские полки.⁹⁸ Выполняя приказ, тарутинцы заняли Северное укрепление, составив его временный гарнизон: «...полк около 4 часов утра занял старый лагерь вместе с 4-й легкой батареей».

Злосчастные 5-е и 6-е резервные батальоны Брестского и Белостокского пехотных полков вернулись в состав резервной бригады, включившись в гарнизон города, из которого не выходили уже до самого конца обороны Севастополя, в полной мере реабилитировав себя за Альму.⁹⁹

Меншиков весь день оставался в городе, планируя дальнейшие действия.¹⁰⁰

ТЕМНАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ: ПЛЕННЫЕ, ДЕЗЕРТИРЫ, ПЕРЕБЕЖЧИКИ

Было и не самое приятное, но сопровождающее любую из войн, которые когда-либо вело человечество, независимо от того, какой она была: справедливо-освободительная или захватнически-агрессивная. Уже первые дни неразберихи и дезорганизованности вскрыли одну из застаревших язв российской армии. Появились первые дезертиры, наибольшее число которых породил неразрешенный «польский вопрос». С одной стороны он «подогревался» русскими панславянистами типа Погодина, идеи которых были достаточно популярными в обществе к началу войны. В Польше видели преграду объединения славян. В мае 1854 г. появилась статья «Письмо о Польше», в которой Погодин пытается найти выход из сложившегося положения. «Если должен существовать славянский союз, то мы должны отказаться от Польши, которую даже физически нельзя исключить из него. А для чего нам держать ее при себе? Это болезнь на нашем теле. Это одна из причин европейской ненависти к России. Ни один русский человек не желал никогда этого приобретения, ни один русский Государь не искал его».¹⁰¹

Наполеон III воскресил в глазах поляков образ великого Наполеона, стараниями которого возникло, впервые после раздела, подобие независимой Польши. Поколение, воспитанное на идее, что Европа, — понимая под этим словом главным образом Францию, восстановит Польшу, видело в нем своего спасителя.¹⁰²

Поляки середины XIX в. вполне искренне считали, что Польша и Россия это «...две идеи, два мира, два элемента, — решительно противоположные один другому: Польша — это идея свободы, равенства и братства народов, Россия — идея рабства, деспотизма и стяжания; Польша — деятель цивилизации, Россия — деятель обскурантизма и варварства».¹⁰³

⁹⁸ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 430–431.

⁹⁹ Николаев Е.П. История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807–1907 гг. СПб., 1907 г. С. 193.

¹⁰⁰ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н.В., Софинова П.Г. М., 1947 г. С.272.

¹⁰¹ Стайцов Р.Е. Тема Польши в публицистике М.П.Погодина (50-е годы XIX в.)//Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 6. Нижний Новгород, 2010 г. С. 223.

¹⁰² Козьминян С. Записки поляка о 1863 годе//Русская старина. Том.94. СПб., 1898 г. С.377.

¹⁰³ Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях после 1831 года//Русская старина. Том 1. М., 1870 г. С.249.

Так оно и случилось — после первых выстрелов начался «бег» солдат польской национальности «на ту сторону». Сначала ушли единицы (в том числе, возможно, те самые без вести пропавшие гусары во время Альминского сражения), затем десятки. В скором времени среди перебежчиков стали встречаться и офицеры, даже старшие. Даже спустя годы после войны, участвовавшие в ней польские военнослужащие, не отказывались от идеи присоединиться к борьбе за независимость. Чего стоит пример генерал-майора Ивана Альбертовича Халецкого, перешедшего на сторону восставших в 1861 г.

Дезертирство солдат и офицеров польской национальности во время кампании на сторону неприятеля до такой степени разлило государственное руководство Российской Империи, что уже в феврале 1855 г. последовало «...Высочайшее повеление, чтобы все должности в Западных губерниях были по возможности замещены чиновниками из русских, а туземцы этих губерний были переводимы на службу в великороссийские губернии и, чтобы никто из уроженцев западных губерний, кроме как исповедующих православную веру, не мог быть определен там на службу, не прослужив предварительно 10 лет в офицерских чинах, если при том окажется совершенно благонадежным».¹⁰⁴

Майор Монтодон тоже обратил внимание на внезапно образовавшийся поток военнопленных: «Многие перебежчики польского происхождения являются в наши лагеря; здесь их принимают с самой большой симпатией, и они сообщают нам сведения о русской армии и о беспорядке отступления».¹⁰⁵

Если говорить о полезности информации, которую союзные офицеры «выкачивали» из этих пленных, то еще неизвестно, кому она больше была на руку: русским или англичанам с французами. Пленный, особенно если он сдался добровольно, стремится сообщить неприятелю чаще всего именно то, что тот желает слышать, сколь бы невероятным сей бред не был.

О качестве таких «донесений» речь еще впереди, пока же лишь отметим, что перебежчики плели все что угодно, даже сами не задумываясь о логике или правдивости. В азарте предательства они, стремясь выслужиться, говорили все, что знали, а так как знали они чаще всего мало, то говорили все, что, как им казалось, будет интересно услышать союзникам. Часто для убедительности придумывались самые невероятные вещи. Об одном из таких дезертиров писал в своих воспоминаниях кептен Мендс, командир линейного корабля «Агамемнон». Некий русский солдат бежал

Дивизионный генерал Сертен Канробер, командующий французским военным контингентом в Крыму после смерти маршала Сент-Арно. Рука генерала перевязана после ранения, полученного в сражении на Альме.

¹⁰⁴ Лелива, граф. Русско-польские отношения. Лейпциг, 1895 г. С. 39.

¹⁰⁵ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 50.

из Севастополя, долго бродил по берегу, пока, наконец, не сдался капитану Дарксу. Мендс говорит, что этот нижний чин пылал ненавистью к русским и, несмотря на малое звание, отличался умом и сообразительностью. Пленный рассказал, что русская армия разгромлена, и после сражения на Альме в Севастополь никто не вернулся. Что в сражении убито, ранено и разбежались 16 000 человек, что в городе осталось всего 2000 человек, что флот готовится к затоплению, что в городе паника и т.д.¹⁰⁶

Зато как приятно было узнать офицеру артиллерии Ричардсу, что русские пленные «...сообщили, что потери русских под Альмой составили десять тысяч человек, и что больше они на нас не нападут, так как привыкли сражаться с людьми, а не с дьяволами в красных мундирах».¹⁰⁷

Другой, допрошенный генералом Энсли «морской пехотинец» из Севастополя, (естественно, поляк по национальности), сообщил, что русские полностью деморализованы, и если бы союзники выступили сразу после Альмы, то Севастополь был бы ими взят сразу.¹⁰⁸

Не будем утверждать, что известие о поражении на Альме в Севастополе встретили с мужественной выдержкой и сразу бросились возводить на улицах баррикады и хватать в руки все, что может сгодиться для отпора подлому супостату. Как всюду и у всех в первый день начался переполох. Георгий Чаплинский вспоминал, что «...морское начальство как будто потеряло голову».¹⁰⁹

С другой стороны пехотные офицеры паники в городе не заметили, хотя была заметна «...полнота лихорадочной жизни. Некоторые из жителей складывали на возы свое имущество, торопливо, но, по-видимому, без особенного уныния и безнадежности на будущее; скорее так собираются люди, видя близость пожара, но не уверенные еще в потере своего дома».¹¹⁰

Одним из уроков, который вынесли англичане из Крымской войны, стала важность наличия полной информации о стране, в которой ведутся боевые действия. Отныне на разведку, которая после этой кампании получила гораздо большие права, нежели те мизерные, которые были у нее ранее, возлагалась фильтрация, обработка и аналитика всей информации, поступающей в штабы из всех источников, включая, конечно, пленных и местное население.¹¹¹

¹⁰⁶ Mends, Boven Stilon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P. 144.

¹⁰⁷ Письма из Крыма капитана конной артиллерии Уолпула П. Ричардса. Перевод Е. Тупахинной (<http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21>).

¹⁰⁸ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С. 113.

¹⁰⁹ Чаплинский Г. Воспоминания о Севастопольской обороне // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 71.

¹¹⁰ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 198.

¹¹¹ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir. The British navy, past and present, with lists showing strength of H. M. Fleet in all classes of ships. London. 1904. P. 86.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

«На поле боя некогда учиться. Там надо делать, что возможно, используя то, что человек знает, а чтобы сделать не многое возможным, надо много знать».

Маршал Франции Э. Фош.

9(21)–10(22) сентября 1854 г. ПОДГОТОВКА К ПРЕСЛЕДОВАНИЮ

Едва приведя войска в порядок после «великой и славной»,¹¹² как ее назвал юный Гарри Пауэлл из 13-го легкого драгунского, Альминской победы, союзники озаботились тем же вопросом, что и русские: что дальше?

Отзвуки Альмы быстро докатились до Европы. Моряк с американского транспортного судна, зафрахтованного для рейсов в Крым, писал в своих воспоминаниях о невероятном ликовании во Франции, где в Марселе даже прошла театральная постановка по поводу успеха – всем казалось, что кампания в Крыму вот-вот завершится.¹¹³

Два дня после сражения, 9(21) и 10(22) сентября французы, англичане и турки оставались на месте, посвятив время не празднованию победы, а подготовке продолжения кампании, в том числе грустному, но важному делу заботы о павших. Долго грузили раненых. Вскоре первые 582 несчастных поступили в госпиталь в Скутари.

Для наиболее любопытных читателей приведу статистику ранений английских солдат и офицеров.¹¹⁴

Ампутация верхних конечностей (первичная и вторичная) – 21; ампутация нижних конечностей (первичная и вторичная) – 51; переломы верхних конечностей – 17; переломы нижних конечностей – 24; ранения верхних конечностей – 98; ранения нижних конечностей – 295; ранения головы, лица, челюстей – 25; ранения шеи – 3; ранения спины и ягодиц – 9; ранения груди – 14; ранения живота – 2; ранения паха – 16; ранения яичек – 4; прочие ранения – 3.

Благодаря педантичному французскому врачу Шеню мы можем узнать не только, сколько британских солдат потеряли свое «мужское достоинство» на Альме, но и аналогичную статистику по французскому контингенту.

Травмы лица и головы – 59; повреждения шеи – 11; грудная клетка – 86; верхние конечности, плечи – 292; брюшная полость – 91; нижние конечности – 443.

¹¹² Powell, Harry. *Recollections of a young soldier during the Crimean War*. Oxford. 1876. P. 15.

¹¹³ Codmann, John. *An American transport in the Crimean War*. New York. 1896. P. 24–25.

¹¹⁴ Nolan, Edward Henry. *The illustrated history of the war against Russia*. Vol.3. London. 1857. P. 452–453.

Затопление кораблей Черноморского флота. Худ. И. Владимиров.

Проведено 79 операций по ампутации конечностей.

Разницу между официальной численностью раненых (982 чел.) и этими цифрами Шеню объясняет тем, что часть раненых отказалась от медицинской помощи, ограничившись перевязками в своих частях, быстро вступив в строй, а часть — пополнила число мертвых, т.е. умершие от ран. Вышеперечисленные были 21 сентября погружены на транспорты “Panama”, “Montezuma”, “Albatros” и отправлены в Константинополь.¹¹⁵

Первые несчастные, попавшие в Скутари, быстро пожалели о своих ранах. Вместо заслуженного отдыха и нормального лечения они оказались в совершенно ненормальных условиях. Один британский солдат, который, сделав на Альме всего два выстрела, свалился на землю с раной в плече и большой потерей крови, писал своим родным в Англию: «...я сейчас в казармах в Скутари, больницы которых переполнены. Мы здесь как свиньи, многие просто лежат в проходах...».¹¹⁶

Хороня убитых и собирая раненых, войска одновременно приводили себя в порядок, зная о вскоре предстоящих новых утомительных маршах по безводной местности. Никто не сомневался, что команда «Вперед» может последовать в любой момент. Усиленно пополняли запасы продовольствия и боеприпасов.¹¹⁷

Царившая в преддверии Альмы эйфория, спала, на ее место пришло трезвое осознание происшедшего. Англичане впервые начали сомневаться в полководческом гении своего лидера. Генерал Раглан играл свою партию подобно плохому шахматисту,

¹¹⁵ Chenu J. C. Rapport au conseil de sante des armies sur les resultats du service medico-chirurgical aux ambulances de Crimee et aux hopitaux militaires francais en turquie. Pendant la campagne d'Orient en 1854—1855—1856. Paris. 1865. P. 45.

¹¹⁶ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 452—453.

¹¹⁷ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854—1856). Tome I. Veuve Berger Levraut & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P. 63—64.

пытавшемся решить судьбу поединка только пешками (пехотные батальоны первой и второй линий), почти не используя тяжелые фигуры (третья линия, резерв). По крайней мере, Англия должна быть «благодарна» своему главнокомандующему, поменявшему храбрость своих подчиненных на реки их крови.

Французский майор Монтодон, вновь вернувшийся в свой «родной» 3-й полк зуавов, начал серьезно сомневаться в перспективах благополучного исхода кампании. Корни грустных мыслей лежали в печальных выводах о совместных действиях в прошедшем сражении, «...когда войска подчинены двум независимым друг от друга командующим, которые из-за взаимного непонимания не в состоянии завершить разгром побежденной армии».¹¹⁸

Тревожило состояние снабжения, которое хотя и удовлетворяло началу кампании,стораживало отсутствием улучшения. Французы, кстати, довольно скептически оценивали состояние своего тыла. Через несколько лет Наполеон III констатировал: «Во Франции никогда не готовы воевать».

Еще в мае 1854 г. маршал Сент-Арно, фактически подтверждая и развивая (еще не высказанную) мысль своего монарха, писал: «Не воюют без хлеба, без башмаков, без кастрюль и без фляг; мне оставили 40 кастрюль и примерно 250 фляг».

В остальном все было почти хорошо, если бы не вновь обострившийся конфликт между главнокомандующими. Лорд бесился, видя, как французы откровенно смеются над британцами после Альмы. Чего стоит упоминание об их медлительности, ставшей потом причиной для постоянной критики действий Раглана: «...Я потерял меньше людей, чем англичане, потому что действовал быстрее. Мои солдаты бежали; их — шли пешком».¹¹⁹

Французские офицеры не меньше своего командующего возмущались медлительностью британцев и сваливали, в том числе, на эту национальную черту характера партнеров по коалиции упущенную возможность взять Севастополь: «...наши союзники понесли серьезные жертвы, их войска оказались измотанными и изголодавшимися. Кроме того, они должны были похоронить своих мертвых и транспортировать на борт своих многочисленных раненых. Для всех этих частных нужд нужно было время: биваки были удалены от моря. Более того, чтобы подкрепить солдат и раздать им припасы; многочисленные команды должны были с трудом на шлюпках добираться до берега с ними...».¹²⁰

Монтодон, конечно, хитрит. То же самое пришлось делать и французам, правда, более организованно. Но кого же еще обвинить, что не получился «Севастополь за неделю», как не своих «заклятых друзей»?

Начальник штаба Гамелена адмирал Буа-Вильомез воспитанно-язвительен: сначала англичане медлили, и их пришлось слишком долго ждать, потом спокойно шли до Качи поддерживаемые флотом.¹²¹

Самим британским офицерам становилось понятно, что английская армия качественно не соответствует требованиям этой войны. Хотя патриотическая истерия докатилась до Англии, где некий генерал Четтертон на общественном обеде гово-

¹¹⁸ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 49.

¹¹⁹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С. 110.

¹²⁰ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 49.

¹²¹ Bount-Willauze, Louis-Edouard Batailles de terre et de mer: jusques et y compris le bataille de l'Alma. Paris. 1855. P. 218–222.

рил, что «Годы мира не привели к потере доблести, не ослабили руки»,¹²² в этот бред никто не хотел верить.

Подполковник Лайсонс писал: «Положение в нашей армии просто позорно. Система снабжения отсутствует, люди голодают, офицеры поднимаются на борт нашего судна, чтобы выпить чая, раздобыть кусок хлеба или еще чего-нибудь из съестного. Ни один генерал, кроме сэра Джорджа Брауна, не появился, и мы не увидели никого из штаба. Мулов нам не предоставили. Одним словом, никакой организации. Все это являет разительный контраст с французами. Их армия высаживалась в строгом порядке, побригадно, под руководством генералов и штабных офицеров, снабжение налажено, мулов хватает всем, вьючные седла укомплектованы — полная готовность к немедленному маршу ...Хотя наши солдаты, похоже, знают свое дело, высшие командиры никуда не годятся. Поразительно, как при таких грубых просчетах наши люди вообще что-то делают».¹²³

Тихий ропот скоро достиг ушей Раглана, сделав невыносимой природную неприязнь к французам. Его, казалось, отныне невероятно раздражает природная суетливость, шумность и вездесущность союзников. Однажды вечером за ужином, услышав звук трубы, доносившийся из французского лагеря, он недовольно сказал: «А вот и они со своим „ту-ту-ту“. Это единственное, что они умеют делать».¹²⁴

На уровне же солдат и младших офицеров наблюдалось взаимопонимание, свойственное людям, вместе вышедших из одинаково грозившей смертельной опасности. Неизбежные шутки и колкости солдаты понимали, смеялись над ними, не принимая всерьез.

9(21) СЕНТЯБРЯ 1854 Г. БЛИЖАЙШЕЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Победа при Альме не внесла изменений в планы союзного командования. Кампания не планировалась в виде затяжной войны, а носила характер скорее карательной экспедиции.

21 сентября Раглан посетил французский штаб, хотя это давалось ему с трудом — настолько он не мог более терпеть Сент-Арно, тем более встречаясь с ним на его территории. Но нужно было думать, что делать дальше, и ехать пришлось. На совещании присутствовали все офицеры французского штаба и большинство офицеров английского.

Уверенный в скорой окончательной победе над, как ему думалось, в панике бегущими к Севастополю русскими, лорд предложил Сент-Арно «...немедленно идти к Бельбеку, переправиться через эту речку и атаковать Северный форт».¹²⁵

Сент-Арно не против. Он тоже в эйфории от успеха, забыв даже про докучавшую ему болезнь. По прежнему лихо смотрится на его голове «феси» (обычное кепи, но без козырька), которое он носил по приобретенному в Алжире обычаю.

Интенсивно допрашиваются пленные, которые сообщают ему о 6000 дезертиров из деморализованной русской армии. В восторге маршал 9(21) сентября сообщает

¹²² Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 454.

¹²³ Трубецкой А. Крымская война (пер. с англ.). М., 2010 г. С. 185.

¹²⁴ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С. 110.

¹²⁵ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>)

военному министру, что русские бросили на поле боя 10000 ранцев, 5000 ружей.¹²⁶ Такой же восторг в письме уже своему начальнику во Францию у командующего эскадрой адмирала Гамелена. Кажется, сухопутный и морской командиры соревнуются в красноречии, щеголяя количеством использованных в тексте посланий эпитетов. Кстати, в следующем письме Сент-Арно пишет, что трудно подсчитать, сколько среди убитых русских генералов и офицеров, так как все они одеты в одинаковые шинели из грубой ткани.¹²⁷

Понятно, что успех может привести к полной победе только тогда, когда он закреплен новым успехом. Союзные военачальники собирают совет, пытаясь выработать единый план действий для его достижения.

Докладывал и отвечал на вопросы генерал Бургойн. Обстановка напряжена — согласие и единство среди собравшихся отсутствовали. Моряки во главе с Лайонсом, основываясь на данных своих разведывательных акций, настаивали на атаке Северного укрепления, считая, что оно слабо защищено, недостаточно вооружено, а все орудия ближних к нему батарей направлены в море и на бухту. Но в тоже время Лайонс предупредил, что моряки наблюдают возрастающую с каждым днем активность фортификационных работ.¹²⁸

Бургойн говорил обстоятельно, может быть даже правильно, но ответственный за кавалерийскую разведку лорд Кардиган напелл столько, что есть все основания подозревать этого совершенно «недалекого» господина, что, в том числе по его вине, с этого дня дела у англичан пошли совсем не по плану. Он утверждал, что славная легкая кавалерия разведала все что можно и дошла чуть ли не до улиц Севастополя. Кардиган убедительно обрисовал собравшимся, что на Бельбеке их ждет крупная (если быть точным, то он применил термин «существенная») группировка русской армии с кавалерией, а все мосты через Бельбек взорваны.

Судя по всему, зная «таланты» лорда, считавшую непроходимой любую канаву, где его кавалеристы могли запачкать свои красивые штаны, ему просто не поверили. Но, подумав, согласились, что силы русских не известны, точно так же не известны их место нахождения, планы и направление движения. Без сомнения, подобное, тем более сказанное главнокомандующим, прямой упрек всем ответственным за разведку, но Кардигана, кажется, гораздо более волновал его аристократический бой с лордом Луканом, чем какое-то второстепенное для него сражение с русскими.

Боязнь за обмундирование — не преувеличение. Вскоре после Крымской войны в «Военном сборнике» привели мнение погибшего при Балаклаве «кавалерийского маньяка» Нолана о собственной легкой кавалерии: «Кажется уже решено, что английский гусар или улан должен быть непременно вывеской иностранного тряпья, которое до такой степени обшито золотом и разукрашено галунами, что наблюдатель, не посвященный в тонкости этого туалета, решительно не поймет, каким образом можно надеть на себя такой костюм или снять его».¹²⁹

Но даже если бы английская кавалерия и несла охранение и разведывательную функцию самым наилучшим образом, Раглан все равно презирал этих «снобов», из которых никто не имел нормального боевого опыта. Самому Раглану было шесть-

¹²⁶ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 440–441.

¹²⁷ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 442.

¹²⁸ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir. Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. London. 1898. P. 234.

¹²⁹ Приложение: «История и тактика кавалерии». Соч. Нолана (продолжение)// Военный сборник. №3. СПб., 1861 г. С. 99–100.

Капитан 1-го ранга А. А. Зарин. Именно он первым выступил против решения В. А. Корнилова об атаке союзного флота.

десять шесть лет, и его действительная служба под командованием герцога Веллингтона началась в 1808 г. Для сравнения, Лукан был произведен в офицеры в 1816 г., а Кардиган — в 1824 г. Только одно это, по мнению главнокомандующего, не позволяло им давать ему советы.

Вспомним, что в своем большинстве и английская и французская армия состояли в своей массе из солдат, младших офицеров и даже некоторых старших офицеров и генералов, не имевших никакого военного опыта. Им еще многому предстояло учиться, а, как известно, школа войны самая суровая, и экзамены в ней или сдаются или проваливаются.

Пока же ничего страшного не случилось, нужно было только продвинуться вперед, принять пополнение, сдать на корабли новых раненых и больных, и двигаться по следам отступающей русской армии. Куда она денется? У нее остался единственный путь — в Севастополь. Не к Перекопу же бежать, в конце концов.

Можно долго искать логику в решениях союзников, где буквально, сколько людей, столько и мнений, но очевидно одно и главное: и французы, и англичане были просто напуганы перспективой штурма укреплений. Из их памяти еще не выветрился свист русской картечи на Альме и умение русских артиллеристов устраивать «кровавые бани» любому, кто пожелает практически проверить их выучку. А если русские уйдут в Севастополь, где стоит во всей своей красоте и силе славный Черноморский флот, совсем недавно в Синопе убедительно доказавший, что воевать он умеет? С одной стороны мышь в мышеловке, но с другой стороны эта мышь, совсем не мышь, а какой-то огромный кровожадный хищник, справиться с которым теперь стало еще труднее.

Поэтому решили идти на Качу, принять там подкрепление, с уже подходившего к берегам Крыма второго конвоя, после чего действовать сообразуясь с обстановкой. Кача должна была стать второй базой снабжения. Выбор пал на нее по двум причинам: близость к Севастополю, как к цели кампании; близость к Евпатории и прикрытие ее двумя естественными водными рубежами.¹³⁰

Евпатория с этого момента переставала быть главной базой,¹³¹ превращаясь в резервный пункт, с которого можно было создавать видимость угрозы северному Крыму и Перекопу, оттягивая таким образом русские войска.

¹³⁰ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P. 224—225.

¹³¹ Называя здесь, как далее, Евпаторию «базой снабжения» мы несколько упрощаем терминологию, делая ее более понятной не обремененному военным образованием читателю. Если уже быть детально точным, то ее нужно, ориентируясь на современную военную терминологию, называть «тыловая оперативная база».

Что касается Перекопа. Вскоре после начала кампании, когда всем стало ясно, что она затягивается на неопределенное время, в Англии и Франции подвергли обструкции своих главнокомандующих, которые после успешного Альминского сражения не блокировали Перекоп и не лишили русских возможности получать подкрепления и снабжение.¹³² В военной истории это распространенная ошибка, когда военачальник, видя ближайшую цель, кажущуюся ему слабой, не предпринимает мер по изоляции части театра военных действий, и в результате вместо того, чтобы вдосталь «насладиться» уничтожением загнанного в угол противника, вскоре вынужден отбиваться от неприятельских войск как с фронта, так и с тыла или фланга. Последний тому пример — действия грузинских войск во время войны «08.08.08» в августе 2008 г. Тогда вместо того, чтобы заблокировать Рокский тоннель, они кинулись на, как им казалось, беззащитный Цхинвал, там увязли в уличных боях и попали под сокрушительный удар Российской армии.

Гарнизон Евпатории решили не увеличивать, ограничившись несколькими турецкими батальонами. В их поддержку провели мобилизацию добровольцев из числа местных крымских татар, которых союзники решили использовать в своих интересах. Число таких пособников интервентов было ограничено милицией — до 800 чел. (им были выданы «пики, пистолеты, сабли и частью винтовки»), организованной для защиты мусульманских деревень от мародеров, гарнизонной службы в Евпатории и для разездов вокруг города. Татары проявили серьезную активность, записываясь в ряды этой милиции («множество верховых и пеших татар успели уже, как вороны, слететься в Евпаторию... десятки их вписывали имена свои в списки волонтеров»), питая надежду на то, что им дадут пограбить. (Эту «кость» союзники с турками — сами охотно занявшиеся мародерством и насилиями — татарам и бросили, также велел окружить город конной цепью, дабы вылавливать беженцев.)

Но одно дело чистить дома обывателей, а другое — гоняться по степи за уже обчищенными жителями, удирающими от бесчинств и прочих сомнительных «удовольствий» оккупации. Потому, при первом удобном случае, «...когда их стали учить, то большая половина татар разбежалась».¹³³

10(22) СЕНТЯБРЯ 1854 Г. ПО СЛЕДАМ РУССКОЙ АРМИИ

23 сентября ранним утром громкий бой французских барабанов и пение английских горнов разбудили окрестности бивака. Французы были на ногах с первыми лучами солнца, склонность же англичан опаздывать, и при этом всегда приходиться во время, становилась системой. Армия Ее Величества не тронулась с места, пока не собрала все свои пожитки и не попила утренний чай. Союзники смеялись, но терпели.

В 7 утра марш начался.¹³⁴ Хорошему настроению способствовала чудесная погода, установившаяся в эти дни, которую Мендс считал божьим провидением.¹³⁵ В России это время года называли (и называют) более прозаично: «бабье лето».

¹³² Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск V. СПб., 1874 г. С. 114.

¹³³ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Специальный выпуск №3. Симферополь. 2012 г. С. 68–84.

¹³⁴ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P. 67.

¹³⁵ Mends, Boven Stilon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P. 141–145–147.

К устью Качи подтянулся флот, прикрывая подходящие в походном порядке пехотные дивизии и поджидая подходящие из Варны транспорты. Действий в сторону Севастополя моряки не производили, ограничиваясь дежурством разведывательных кораблей, в том числе самого лучшего военно-морского «спринтера» — «Терибль».¹³⁶ В результате никто не покушался на вылетевший на камни 9(21) сентября русский «Святослав», а пароход «Тамань» не просто спокойно вышел из Севастополя, но и «набезобразничал» в море, уничтожив по пути в Одессу турецкий бриг.

Офицер парохода «Нигер» Леопольд Хейт был удивлен, что почти все французские и английские корабли стоят у Качи, Альмы или в Евпатории, а блокады входа в Севастопольскую бухту как таковой нет, и русские корабли едва ли не свободно сообщаются с Николаевом.¹³⁷ Только 10(22) и 11(23) сентября Дандас отправил «Самсон» на разведку к Севастополю,¹³⁸ откуда тот вернулся в тот же день. Командир «Самсона» кептен Джонс доложил, что в крепости происходят серьезные изменения. Русские интенсивно укрепляют северную сторону, устанавливая там тяжелые орудия, обстрелявшие корабль с дистанции 4000 ярдов, и вход в бухту.¹³⁹

От Альмы до Качи союзники сохраняли предбоевой порядок, ежеминутно ожидая столкновения с русским арьергардом. У британцев он оставался прежним, у французов несколько изменился. Турок, видимо убедившись после сражения на Альме в их высокой боеспособности, подтянули вперед и поставили на ближний к морю фланг в колоннах батальонов для связи с флотом. Рядом с ними, немного левее, шли два эскадрона кавалерии: спаги и африканские егеря. Далее в колоннах батальонов шли в линию 2-я, 3-я и 4-я дивизии. За ними обоз, артиллерия, саперы. Арьергард — 1-я дивизия.¹⁴⁰

15–16 км. марша не представляли особого труда, весь путь был усеян тем хламом, который всегда указывает путь отступления потерпевшей поражение армии: брошенные обозные телеги, имущество, снаряжение, раненые, больные, умершие. Именно таким увидел пространство до Качи офицер штаба генерал-майора Лукана Уолкер.¹⁴¹ Именно таким его описывают почти все офицеры и солдаты союзных армий, шедшие в эти дни по крымской земле вслед за уходившей на юг русской армией.

Ориентируясь по столь необычному компасу, после 14 часов¹⁴² того же дня войска прибыли на Качу, где, перейдя ее вброд, остановились на ночь.¹⁴³ На берегу обнаружили некоторое количество брошенных русскими повозок, в том числе с запасом на 20000 снаряженных патронов. Англичане, осмотрев трофей, отметили их удобство и возможность быстро использовать боезапас в бою.¹⁴⁴

¹³⁶ С этого момента названия кораблей союзного флота мы будем давать в русской транскрипции.

¹³⁷ Leopold George Heath. Letters from the Black Sea During the Crimean War, 1854–1855. London. 1897. P. 61–62.

¹³⁸ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 443.

¹³⁹ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 445.

¹⁴⁰ Albert Du Casse. Precis historique des operations militaires en Orient de mars 1854 a septembre 1855. E. Dentu. Paris. 1856. P. 131; Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С. 49.

¹⁴¹ Beauchamp Walker. P. Sir, General. K.C.B. Days of a soldier's life. London. 1894. P. 112.

¹⁴² Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P. 67.

¹⁴³ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгелтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С. 24–25; Albert Du Casse. Precis historique des operations militaires en Orient de mars 1854 a septembre 1855. E. Dentu. Paris. 1856. P. 131.

¹⁴⁴ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 459.

Удивил союзников мост через Качу, который русские даже не пытались разрушить, что лишний раз свидетельствовало о поспешности отступления.¹⁴⁵ Этот «подарок» позволил без особых затруднений переправить на южный берег реки артиллерию и обоз. Перейдя по нему, остановились лагерем «...на приморской возвышенности, севернее Бельбекской долины».¹⁴⁶

Сент-Арно еще имел силы быть верхом и наблюдать за переправой, хотя его лица уже коснулась «маска смерти», делая его похожим «...на оживший труп».¹⁴⁷ Полковые музыканты играли для своего главнокомандующего любимую им мелодию «Фуражка папаши Бюжо», но это уже не улучшало его настроения маршала, обычно начинавшего улыбаться при первых ее куплетах.

Эта песня была очень популярна среди зуавов во время Крымской кампании. Своим происхождением она обязана двум вещам: духовым инструментам арабов и кабилов, внесшим в обиход военной жизни «галерников»¹⁴⁸ оригинальную звучную музыку, и природной веселости парижан, из которых в основном формировались полки зуавов, породившей массу метких словечек, анекдотов и песен, резко отличавших их от всех прочих французских солдат.

Англичане приветствовали пополнение. Прибыл «долгожданный» 57-й Мидлэссекский полк, транспорты с которым «отбились» от главных сил экспедиции и только теперь пришли в Крым. Кстати, этому полку медали за Альму, в отличие от 46-го, решили все-таки не давать. И то правильно: одно дело целый день без воды, в пыли и под палящим солнцем идти к полю сражения, другое — поливать воды Черного моря благовтиной, мучаясь на корабле от морской болезни.

Командир полка полковник Гольди, оцениваемый Рагланом, как наиболее перспективный офицер английской армии, стал командиром бригады 4-й дивизии, а его обязанности перешли к подполковнику Пауэллу.¹⁴⁹

Значительно усилилась английская кавалерия: на берег с борта транспорта «Гималаи»¹⁵⁰ сошли Шотландские «серые» — великолепный полк, как описал их кептен Мендс.¹⁵¹ Раглан подъехал к шотландцам и поприветствовал их. В ответ необстрелянные еще «серые» радостными криками выразили свой бурный восторг.

Правда, не разделявшие восхищения будущего адмирала английский пехотные офицеры, с определенной долей злорадства встретили «серых». Коллеги из Легкой бригады завидовали им, говоря, что своим видом, как будто перед парадом в Гайдпарке, они были явным контрастом с уже поистрепавшимися и перепачканными грязью солдатами Кардигана.¹⁵²

Высадка вновь прибывших войск напоминала высадку в Каламитском заливе, но при этом была более спокойной и организованной. Под прикрытием линейных

¹⁴⁵ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P. 67.

¹⁴⁶ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 208.

¹⁴⁷ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5// Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания Симферополь, 2003 г. С. 49.

¹⁴⁸ Одно из многочисленных прозвищ зуавов.

¹⁴⁹ Kingsford, Charles Lethbridge. The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment). London. 1916. P.113.

¹⁵⁰ Sydney Marow Eardley-Wilmot. Life of Vice-Admiral Edmund, Lord Lyons: With an Account of Naval Operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. Elibron.com, 2000. P. 217

¹⁵¹ Mends, Boven Stilon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P.144.

¹⁵² Powell, Harry. Recollections of a young soldier during the Crimean War. Oxford. 1876. P.15.

Контр-адмирал И.И. Истомин.

кораблей транспорты подходили как можно ближе к линии берега, и буксируемые плоты доставляли новые подразделения захватчиков на крымскую землю Российской империи. Все было даже красиво, совершенно не напоминая суматоху недельной давности.¹⁵³

На корабли погрузили новых больных. Здесь же похоронили умерших, которых с каждым днем становилось пугающе больше. В 13-м легком драгунском заболел полковой адъютант Ирвин, назначенный вместо него офицер Томсон через два дня отправился вслед за предшественником на больничный транспорт, где вскоре тоже умер. За адъютантами последовал командир полка Лоуренс. Ему удалось выжить, но в Крым он уже не вернулся.¹⁵⁴

Долго решали, что делать с осадной артиллерией. Посовещавшись, выгружать не стали, решив сделать ближе к Севастополю, в том месте, где будут заложены первые батареи. Англичане посчитали, что делать это едва ли не

на дистанции выстрелов из сильных укреплений – рискованное дело. По этой же причине отложили формирование Морской бригады.¹⁵⁵

Наконец британцы получили палатки, солдаты и офицеры почувствовали себя вполне комфортно. Правда, долгожданных ранцев так и не дождались – они продолжали оставаться на борту транспортов, которые не рисковали ставить под выгрузку, задерживая этим войска. Кстати, как бы не ругали англичане своих врачей, запретивших брать весь личный груз и «приговоривших» часть солдатской амуниции к разграблению моряками, но именно облегченная экипировка помогла британским пехотинцам без «поголовного падежа» перенести утомительные марши от Каламитского залива до Альмы и от Альмы до Балаклавы.¹⁵⁶

Потери забывались, война даже стала казаться привлекательной. Примерно в 16 часов у главнокомандующего был большой обед в честь прибывших с шампанским, музыкой и позитивными эмоциями в предвкушении скорого конца войны, плавно перешедший в ужин, закончившийся к 20 часам. Все происходило в одном из богато обставленных брошенных хозяевами имений, оцепленном постами 68-го полка.¹⁵⁷

Окружающая местность изменилась, став более радующей глаз. Проснувшись ранним утром следующего дня, союзники были потрясены увиденным. Перед ними простиралась совсем не та безжизненная, таящая опасность пустыня, которая сопро-

¹⁵³ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 457.

¹⁵⁴ Powell, Harry. Recollections of a young soldier during the Crimean War. Oxford. 1876. P.15–16.

¹⁵⁵ Mends, Boven Stilon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P.144–145; Clowes, W. Laird, Markham, Clements R., Mahan, A. T., Wilson, Herbert Wrigley, Roosevelt, Theodore, Laughton, Leonard George Carr. The royal navy: a history from the earliest times to the present. Vol.6. S. Low, Marston and co., limited, London. 1901. P. 432–434.

¹⁵⁶ Shepherd, Jhon. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1, Liverpool University Press, 1991. P.118.

¹⁵⁷ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 458.

вождала их взор со дня высадки в Крыму.¹⁵⁸ Это было зрелище «...достойное кисти художника».¹⁵⁹ Все откровенно восхищались окружающей местностью,¹⁶⁰ временами даже забывая, что вокруг идет война, а они в чужой стране, на чужой земле, куда их никто, в общем-то, и не звал.

Лейтенант 41-го Уэльского полка Алан был невероятно рад, когда его солдаты покинули поле на Альме и освободились от созерцания пугающего зрелища мертвых и умирающих. Окружающий пейзаж с каждым километром пройденного пути становился все лучше и лучше: «В полдень в знойную жару армия продолжила свой переход и, покинув плодородный край, вскоре перевалила через холмистый район с деревьями и кустарником, где можно было добыть совсем немного воды; однако далее очертания местности изменились в лучшую сторону».¹⁶¹

Он был обрадован, что на рубеже Качи, где ожидалась новая битва, русских не оказалось. Единственным свидетельством об их пребывании там были обнаруженные тела 300 русских солдат, которых британцы предали земле.

Вскоре восторг стал почти детским, почти сказочным: «...С рассветом перед нами явились настоящие молочные берега! Вместо бесплодной и холмистой местности, пройденной большей частью предыдущего дня, холмистая равнина предстала перед ними покрытой виноградниками и фруктовыми садами. В мгновение ока солдаты бросились вкушать самые сочные гроздья винограда, отборные груши и яблоки. Даже лошади откармливались до отвала пшеничным фуражом».¹⁶²

Никакие запреты не помогали.¹⁶³ Солдаты с жадностью набросились на фрукты, причем активно участвовала в атаках на местные плантации не только линейная пехота, но и гвардия.¹⁶⁴ Вскоре в нескольких английских полках появились признаки усиления дизентерии и холеры.

Французы, более привычные к фруктовым меню, страдали меньше.¹⁶⁵ Но и у них вскоре холера напомнила о себе среди офицеров. Особенно тяжелой потерей стала потеря одного из лучших хороших медиков – старшего врача Мишеля.¹⁶⁶

Спасительным средством у французов неожиданно стал кофе. Война показала его оптимальность, как напитка снимающего стресс и стимулирующего организм в условиях холодных осенних ночей. Но не только одним им получалось спастись от невидимой, но опасной, всепроникающей напасти. Эффективными от болезней стали напитки, готовившиеся путем заваривания трав и ягод, многие из которых, в изобилии произраставшие в Крыму, отличались прекрасными целебными свойствами.¹⁶⁷

¹⁵⁸ Leon Guerin, *Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56*, Tome 1, Paris, 1858. P. 269–273.

¹⁵⁹ Nathaniel Steevens. *Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56)*. London. 1878. P. 92–93.

¹⁶⁰ Daniel Lysons, *The Crimean war from first to last*, London. 1895. P. 108–109.

¹⁶¹ *Летопись Королевского Уэльского фузилерного полка (1854–1856 гг.)*. Перевод с англ. С. Ординат // *Military Крым*. №19. Симферополь, 2011 г. С. 17–25.

¹⁶² *Летопись Королевского Уэльского фузилерного полка (1854–1856 гг.)*. Перевод с англ. С. Ординат // *Military Крым*. №19. Симферополь, 2011 г. С. 17–25.

¹⁶³ Nathaniel Steevens. *Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56)*. London. 1878. P. 92–93.

¹⁶⁴ Wyatt, John. *History of the First Battalion Coldstream Guards during the eastern campaign: from February, 1854 to June 1856*. London. 1858. P. 22.

¹⁶⁵ Nolan, Edward Henry. *The illustrated history of the war against Russia*. Vol.3. London. 1857. P. 456.

¹⁶⁶ Chenu J. C. *Rapport au conseil de sante des armées sur les resultats du service medico-chirurgical aux ambulances de Crimee et aux hopitaux militaires francais en turquie. Pendant la campagne d'Orient en 1854–1855–1856*. Paris. 1865. P. 46.

¹⁶⁷ Nolan, Edward Henry. *The illustrated history of the war against Russia*. Vol.3. London. 1857. P. 455.

Меню офицеров и солдат разнообразила дичь: вокруг в изобилии водились зайцы. Во французском 39-м линейном полку «...солдатам удалось поймать несколько длинноухих. Один из гренадеров моего батальона преподнес такого зайца своему капитану». ¹⁶⁸

Кому было лень стрелять по «разбегающимся мишеням» нашли другой способ сделать полевой быт приятным, а жизнь сытной. Не сильно утомляя себя муками соевести, солдаты, услышав кудахтанье кур, стремительно бросались на манящий звук и вскоре «...только кучка перьев напоминала о домашней птице, которая имела несчастье оказаться на пути армии». ¹⁶⁹

«Рыцарская война» представлялась во всей своей красе. Особенно характерно проявлялось благородство европейцев при их любимом занятии — грабеже. Лейтенант Вильямс писал своей любимой тетушке в Англию: «Вы не можете себе представить, как много было украдено солдатами из домов русской знати и богатых жителей Севастополя. Дома были великолепно обставлены, в них висели люстры выше человеческого роста, имелся прекрасный фарфор, позолоченные безделушки...». ¹⁷⁰

При этом «грешили» разбоем не только солдаты, но и офицеры, вполне смирившиеся со своей «почетной» миссией оккупантов. Молодой лейтенант Варень принял деятельное участие в таком разбое: «Со всех сторон тянулись деревенские домики с садами. Когда мы стали на привал, лейтенант Генэн взял меня в экспедицию по огородам; нас сопровождали ординарцы с мешками. Мы совершили налет на капусту, морковь и прочие овощи, коим, сидя за столом, наши товарищи по оружию были очень рады». ¹⁷¹

В этом «возвышенном» деле каждая армия проявляет свой, только ей одной свойственный менталитет. Монтодон не имел ничего против, считая умение грабить составной частью науки воевать: «Вечером многие французские и английские солдаты среди триумфального восторга, дневной усталости, трудности марша по неровной местности, разброда, который был тому следствием, спешили продолжить утреннюю грабительскую работу, соперничая в этом друг с другом». ¹⁷²

Майор не одинок, другие офицеры тоже не возражают: кто ж будет против свеженькой курицы или гуся на ужин? Ведь разве не за этим, в том числе, мы пришли в чужую страну? Многие из командиров, не имея достаточного опыта кампаний, еще не понимают, что с этого начинается падение дисциплины.

Самые искусные грабители, конечно же, зуавы. «Вечером мы были весьма удивлены при виде зуавов, несущих нам красивую посуду, зеркала, ковры, книги. ...Многие из этих вещей — французского происхождения, все совершенно бесполезны и абсолютно не транспортабельны. Завтра их придется оставить». ¹⁷³

¹⁶⁸ Ernest Vairaigne. *Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimée. Temoignage.* Nice. 1992. Перевод Г. Беднарчика (<http://d13632.t24.tavrida.net.ua/article.php?id=873>).

¹⁶⁹ Хибберт, Кристофер. *Крымская кампания 1854–1855 гг.* М., 2004 г. С. 110.

¹⁷⁰ Хибберт, Кристофер. *Крымская кампания 1854–1855 гг.* М., 2004 г. С. 110–111.

¹⁷¹ Ernest Vairaigne. *Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimée. Temoignage.* Nice. 1992. Перевод Г. Беднарчика (<http://d13632.t24.tavrida.net.ua/article.php?id=873>).

¹⁷² *Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона.* Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 50.

¹⁷³ *Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона.* Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 50.

Русская пехота на биваке. Сер. XIX в.

Ну и грабят, конечно, с энтузиазмом, удовольствием, наслаждением: «Для наших солдат — это временная забава, развлечение, которое возбуждает их хорошее настроение, игрушки, которыми они увлекаются, как дети».¹⁷⁴

Одни грабили экспромтом, другие придавали этому важному делу организованный характер. Полковник Клер, например, с удовольствием говорит, что его зуавы «чистили» местные сады исключительно по команде: по 5 минут на батальон.¹⁷⁵

В этом смысле очень интересно описывает зуавов Н. Берг, познакомившийся с ними во время боев за Севастополь (он активно участвовал в допросах военнопленных) и позднее, во время перемирия: «Ныне в зуавских полках собраны самые разнообразные стихии. Большинство представителей приходится на долю Парижа. На роту (125 чел.) полагают: десять медицинских студентов, неокончивших курса; пять докторов прав, возлюбивших военное ремесло; десяток всякого сброда из Антуанского предместья, притона Парижской сволочи; от восьми до двенадцати разжалованных унтер-офицеров; полдюжины разорившихся промышленников; остальные — блудные сыны всех восьмидесяти шести департаментов. Старых, кадровых солдат, отличенных шеvronами, называют в зуавских полках „Магометами“. Обыкновенное прозвище зуава — „шакал“, и еще „chargeur“, то есть человек, который умеет

¹⁷⁴ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 50.

¹⁷⁵ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5 // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С. 49.

воспользоваться чем-нибудь чужим, для материальных наслаждений, умно, ловко и смело».¹⁷⁶

Англичане, конечно, уже не «детишки», они немного старше, но гражданский опыт городских «низов» у них не меньший, чем у парижских «Гаврошей».

Вопреки бытующему мнению о повальной «аристократичности» английской армии середины XIX в. большая часть ее личного состава состояла не из самых лучших представителей общества. Социальные условия жизни, внутренняя и внешняя политика, способ комплектования армии привели к тому, что она превратилась в своей массе в сборище деклассированных элементов, для которых вступление под знамена королевы было едва ли не единственным шансом если не выжить, то хотя бы исправить свои жизненные условия.

«...в ряды армии вовсе не поступают исключительно такие личности, которые чувствуют в себе призвание к военному делу; напротив того, большинство состоит из праздношатающихся и бродяг, принадлежащих к низшим слоям общества, которых привлекает возможность погулять на полученную денежную премию. Самое обязательство дается если не всегда, то большей частью под влиянием винных паров и многообещающих рассказней умелого вербовщика. Отсюда становится понятным тот, везде и всегда повторяющийся факт, что нравственность вербованных войск стоит весьма на низкой степени. Отсюда же вытекает необходимость поддерживать дисциплину среди массы людей с грубыми инстинктами и лишенных всякого нравственного воспитания, мерами суровыми по жестокости».¹⁷⁷

Соответственным было и отношение к армии среди граждан своей страны: «...не смотря на уважение, которое англичанин питает к своему войску вообще, он с пренебрежением относится к солдату, как отдельно взятой личности».¹⁷⁸

Только «...отличный корпус унтер-офицеров дает возможность поддерживать порядок в части и преобразовывать малонадежного и бесполезного в гражданском быту новобранца в отличного боевого солдата, обладающего тем хладнокровием, спокойствием и послушанием, которые всегда отличали английские войска».¹⁷⁹

В силу возрастных и отмеченных выше причин английские солдаты практичнее и к серьезному делу грабежа подходят основательно: «Английские солдаты, наоборот, люди самые практичные, они пренебрегают этими громоздкими предметами и предпочитают брать то, что могут унести в своих карманах или сумке, предполагая извлечь из этого пользу».¹⁸⁰

Офицеры лишь удивлялись размаху подчиненных, но не пытались им мешать.¹⁸¹ Артиллерист Ричардс удивлен, что русские живут не в шалашах, а в домах, поражающих обилием роскоши — цивилизованным и просвещенным мародерам есть где разгуляться: «На берегах этой реки находились усадьбы русских дворян и севастопольской знати, и, ругаясь, более роскошной добычи вам видеть не приходилось — дома

¹⁷⁶ Берг Н. Записки об осаде Севастополя. Том I. М., 1958 г. С. 19.

¹⁷⁷ Кр-ъ А. Иностранное военное обозрение. Англия // Военный сборник. № 4. СПб., 1870 г. С. 156–157.

¹⁷⁸ Кр-ъ А. Иностранное военное обозрение. Англия // Военный сборник. № 4. СПб., 1870 г. С. 157.

¹⁷⁹ Кр-ъ А. Иностранное военное обозрение. Англия // Военный сборник. № 4. СПб., 1870 г. С. 159.

¹⁸⁰ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 50.

¹⁸¹ Leon Guerin, Histoire de la demiere guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 269–273.

прекрасно меблированы, повсюду чудесный фарфор, позолоченные безделушки и т.д.»¹⁸²

Инженерного офицера Герена удивляет вид солдата, взвалившего себе на спину зеркало. Наивный Наверное думал, что завтра Севастополь падет и ему получится приехать домой с богатой добычей. Несколько таких же недоумков пытаются музицировать, но так как таланта к этому у них нет, они просто кулаками разносят в щепки музыкальный инструмент.¹⁸³

В столь важном занятии союзники провели сутки. Образ «войны джентльменов» растворялся в дымке костров, на которых жарились, коптились, варились отобранные у местных аборигенов поросята, куры, гуси, утки и прочая живность.

В течение дня провели кадровые перестановки, которые требовались для полков, чьи потери в офицерском составе не позволяли восстановить боеготовность. В 23-й Королевский Уэльский фузилерный полк, у которого несколько рот вообще не имели офицеров, перевели лейтенантов Бересфорда, Броуна и Редклифа из 88-го полка, которые в дальнейшем приняли решение навсегда остаться в рядах валлийцев.¹⁸⁴

11 (23) СЕНТЯБРЯ. БОЛЬШОЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ НА КАЧЕ

11 (23) сентября стало известно, что ситуация изменилась. В ночь на 22 сентября кептен Джонс на «Самсоне» вместе «Териблем» провел разведку входа в Севастопольскую бухту.¹⁸⁵ Джонс, на 6-весельной шлюпке подходивший к входу в гавань, сообщил Дандасу, что русские поставили пять линейных кораблей и два фрегата бортом ко входу в бухту, предположительно скрепив их тросами. Таким образом, они, по его мнению, готовятся к отражению нападения с моря. Наличие визуально наблюдаемых проходов англичане посчитали тем, что русские не отказались от возможности внезапной атаки против союзников.¹⁸⁶

Что то аналогичное донес Гамелену, чьи корабли подошли к Каче в 13 часов 23 сентября, командир корвета «Роланд» Ронсьер: русские корабли сосредотачиваются у выхода из бухты, возможно готовятся к атаке.

Неожиданно со стороны Севастополя послышались орудийные выстрелы. Вначале на союзном флоте посчитали это атакой против их эскадр, но вскоре стало ясно — русские закрыли вход в бухту, при этом один русский военный корабль стрелял в другую.

Первые эмоции союзных командующих — радость. Дандас пишет в Адмиралтейство, что русский флот, построенный многолетними титаническими усилиями, уничтожен руками его же создателей.¹⁸⁷

¹⁸² Письма из Крыма капитана конной артиллерии Уолпула П. Ричардса. Перевод Е. Тупахиной (<http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21>).

¹⁸³ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 269–273.

¹⁸⁴ Летопись Королевского Уэльского фузилерного полка (1854–1856 гг.). Перевод с англ. С. Ординат//Military Крым. №19. Симферополь, 2011 г. С. 17–25.

¹⁸⁵ Sydney Marow Eardley-Wilmot. Life of Vice-Admiral Edmund, Lord Lyons: With an Account of Naval Operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. Elibron.com, 2000. P. 217.

¹⁸⁶ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P. 433.

¹⁸⁷ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 446.

Фуражировка английской кавалерии в Крыму. Английский рисунок из "The Illustrated London News". 1855 г.

Вскоре пришло осмысление и пришлось собирать новое совещание. Неожиданное решение русского командования вынуждало к экстремному перепланированию всей операции.¹⁸⁸

Бургойн резюмировал ситуацию, согласно которой, по его мнению, у союзных войск был единственный возможный вариант следующих действий: двигаться на юг, отказавшись от атаки крепостных укреплений на северной стороне. Причину Бургойн видел в следующем:

1. Северный форт хотя и изолирован от других укреплений крепости, но удобен для обороны и его атака будет сопряжена с большими трудностями, соответственно и потерями. Затопив флот, русские приобрели необходимые для организации обороны 16000 моряков и большое число корабельных орудий, которыми можно было вооружать сухопутные батареи.¹⁸⁹

2. Русские ждут нашу атаку именно с севера, но не с юга. Если еще в Варне планировалась атака на Севастополь от Качи, то теперь там на всем пространстве виднелись массы солдат,

матросов и местных жителей, быстро возводивших укрепления, сила которых возрастала с каждым часом.¹⁹⁰

3. Взятие Северной стороны еще не означает взятие Севастополя, сохраняющего возможность сопротивления. Это один из наиболее спорных пунктов. Сами англичане не имеют по нему единого мнения и потому понять где истина, где попытка оправдаться – сложно. Рассел, пытавшийся понять Тотлебена, приводит утверждение британского инженерного офицера майора Грехэма, уже после войны проводившего исследование крепости, что Бургойн прав, утверждая независимость взятия укреплений на севере от сохранения русскими способности к сопротивлению.¹⁹¹

Тем более, что взятие Северной не решало всех проблем. Для взятия крепости и уничтожения Черноморского флота все равно пришлось бы переправляться через Севастопольскую бухту (с этим столкнулся Манштейн в 1942 г.).¹⁹²

4. Позиции, занимаемые для атаки с юга, позволяет иметь гораздо более широкий фронт наступления, что вынудит русских тоже растягивать фронт обороны, естественно ослабляя ее.

5. Любая атака не сопряженная с поддержкой флота – неоправданный риск с самыми непредсказуемыми последствиями.¹⁹³ Занятие позиций на юге от крепости позво-

¹⁸⁸ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levraut & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P. 68.

¹⁸⁹ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P. 433.

¹⁹⁰ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P. 434.

¹⁹¹ Russel, William Howard. General Tottleben's history of the defence of Sebastopol 1854–5. London. 1865. P. 100.

¹⁹² Stephen M. Harris. British military intelligence in the Crimean War, 1854–1856. Routledge, London. 1999. P. 46.

¹⁹³ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P. 201–203.

ляет взять под контроль несколько прекрасно защищенных гаваней, в первую очередь Балаклавы, Камышово́й и Казачьей бухт. Подобных надежных и комфортных мест для базирования флота севернее Севастополя не было.¹⁹⁴

Американский наблюдатель Делафилд добавляет, что союзники считали невозможным взять Севастополь, получивший усиление и без того многочисленной крепостной артиллерии за счет снятой теперь с кораблей Черноморского флота, без достаточного количества осадной артиллерии. Она была, но ее можно было выгрузить только в подходящем для этого месте. Кача была для этого малопригодной.¹⁹⁵

Не было понятно – где русские, вроде их следы видны, а самой армии нет. Но это только следы. Мало что упустили врага, так еще и центр сбора и анализа разведывательной информации – генерал Тайден 21 сентября отдал Богу душу, открыв мартиролог союзным генералам, лишившимся жизни в Крыму.¹⁹⁶

После его смерти С. Харрис в исследовании работы британской разведки во время Крымской войны период с 21 по 26 сентября назвал не иначе, как «информационным вакуумом».

Кавалерия, правда, есть, теперь даже с избытком, но если верить Харрису, ее не хватает, чтобы обеспечить контроль за всеми нужными пунктами.¹⁹⁷ Когда Раглан приказал Лукану выяснить наличие противника в деревне Дуванкой, тот дошел до Бельбека, при этом действуя столь беспечно, что только чудом не попал под удар мелькавших вблизи казачьих сотен.

Отныне атаке Северного укрепления противился сам главнокомандующий. Раглан не без оснований опасался, что, увязнув в наступательном бою за позицию, он рискует получить сокрушительный удар во фланг от подошедших свежих русских полков. В том, что они уже рядом лорд ничуть не сомневался и, как показали события, был прав.

Раглан не был самостоятельным в выборе решения.¹⁹⁸ С одной стороны ему приходилось оглядываться на Лондон, где не хотели повторения слишком, по их мнению, обильного кровопускания, подобного Альминскому. С другой стороны «под ногами» путались правительственные соглядатаи, которыми с избытком переполнен его штаб. Бургойн, кстати, похоже, один из них, привел аргументы, облегчившие Раглану принять решение. Суть их была простой:

- наступление с юга позволяет создать новые базы снабжения в удобных местах (Балаклава, бухты у Херсонеса), на которые можно принимать и снаряжение, и вооружение, и свежие подкрепления.

- обходя Севастополь с востока и юга, союзники отрезают его от сообщения с Россией.¹⁹⁹

- русские менее всего ожидают нападения с юга.²⁰⁰

¹⁹⁴ Edward. H. Seymour. My Naval career and travels. New York. 1911. P. 21–23.

¹⁹⁵ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 40.

¹⁹⁶ Stephen M. Harris. British military intelligence in the Crimean War, 1854–1856. Routledge, London. 1999. P. 46–47.

¹⁹⁷ Stephen M. Harris. British military intelligence in the Crimean War, 1854–1856. Routledge, London. 1999. P. 46.

¹⁹⁸ Urquhart, David. Naval Power Suppressed by the Maritime States: Crimean War. London. 1874. P. 18–19.

¹⁹⁹ Mends, Boven Stilon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P. 146.

²⁰⁰ Чаплинский Г. Воспоминания о Севастопольской обороне // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 69.

В 1855 г. граф Остен-Сакен, отвечая на вопросы Иннокентия Таврического,²⁰¹ подтвердил мнение английского командующего, не решившегося на атаку Северного укрепления потому, что «...на Северной стороне не было бухты для стоянки кораблей, а издали нет средств подвозить осадные орудия, снаряды и продовольственные припасы. Операционная линия была бы растянута; подвозы и подкрепления от места высадки подвергались бы разбитию во фланг нашими войсками, и фланг неприятеля не был бы прикрыт (как на Южной стороне) неприступной местностью».²⁰²

Что ж, попробуем проследить алгоритм действий британцев. Именно британцев, именно они в эти несколько дней задавали тон союзной армии, по крайней мере, на суше.

Наша цель найти ответ на вопрос, который задают все без исключения исследователи Крымской войны: почему союзники отказались от, казалось, верной атаки Северного укрепления, а начали обход Севастополя с юга, предпочтя короткому бою долгую кампанию.

Чаще всего мнение у историков одно: когда союзники узнали о затоплении флота (заграждении Севастопольской бухты) они поняли, что атаковать Северное укрепление не имеет смысла, если нет атаки с моря. Буа-Вильомез утверждал в 1855 г., что благодаря этому смелому поступку русского командования, борьба за Севастополь приняла затяжной характер.²⁰³

Когда утром 12(24) сентября Сент-Арно доложили, что содействие флота атаке армии Северного укрепления невозможно, а само укрепление прикрыто сильной батареей, он вначале отменил план нападения на Севастополь с севера, а вскоре, когда узнал, что английские батальоны уже движутся к Инкерману, совершенно от него отказался.

Нужно сказать, что самую плохую службу сыграли для французского маршала всякого рода расплодившиеся коллаборационисты: «...изменники татары, служившие союзникам лазутчиками, не понимая сущности дела, еще более запутывали главнокомандующего».²⁰⁴

Эти «разведчики», вероятно посчитав по наивности, что чем больше они наговорят, тем больше им заплатят, рисовали перед Сент-Арно страшную картину десятков тысяч моряков и солдат, денно и ночно копающих рвы и возводящих стены, десятков орудий, каждый день и час устанавливаемых на этих, только что возведенных батареях.

Более того, «...прослышав о мерах, принятых нами к подрыванию батарей „Михайловской“ и №4, и будучи склонны ко всякого рода преувеличениям, татары утверждали, что русские минировали все пространство от Северного укрепления до самого Бельбека».²⁰⁵

Сам Бургойн, тем более, что сбор информации, анализ и выводы по разведке лежали отныне на нем, скептически относился к показаниям дезертиров. По его мнению, кроме присущей нижнему чину русской армии безграмотности и склонности

²⁰¹ Иннокентий (1800–1857 гг.), русский православный проповедник, писатель. В 1848 г. назначен архиепископом Херсонским и Таврическим. Во время Крымской кампании священник проявил удивительное мужество, не покинув свою паству в годину испытания.

²⁰² Остен-Сакен Д. Е. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим // Военный сборник. № 7. СПб., 1861 г. С. 132.

²⁰³ Boult-Willaumez, Louis-Edouard Batailles de terre et de mer: jusques et y compris le bataille de l'Alma. Paris. 1855. P. 218–222.

²⁰⁴ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный сборник. № 4. СПб., 1902 г. С. 103.

²⁰⁵ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный сборник. № 4. СПб., 1902 г. С. 103.

к преувеличению, дезертир, в отличие от взятого в плен, стремится еще и выслужиться. В этом рвении он больше врет, считая, что от него именно это хотят услышать. Тем более, что речь не идет о пленных, а все больше о перебежчиках, которые в один голос твердили: о панике и неразберихе в крепости; о большой численности гарнизона Севастополя.²⁰⁶ Примерно тоже самое слышит от дезертиров Буа-Вильомез: в городе паника, переполох и террор.²⁰⁷ В общем, приходите, дорогие союзники, и берите все даром, долго Севастополь не продержится.

Бургойн услышанному не верил. Он как раз считал, что именно одним из главных сильных качеств русского солдата, является способность быстро приходиться в себя после поражений, что доказала Альма, а вскоре докажут Инкерман и Черная речка.²⁰⁸

Английские моряки, судя по воспоминаниям Мендса, знали о подготовке русских к заграждению бухты путем затопления нескольких кораблей. Один из пленных сказал правду — русские готовятся топить старые корабли для заграждения бухты.²⁰⁹ Мендс даже радуется этому: теперь русские упрощают им работу, не нужно прорываться под огнем, можно снять с кораблей орудия и начинать планомерную атаку на почти беззащитный город.²¹⁰

К имевшимся на юге укреплениям союзники относились не с должным уважением, а некоторые из имевшихся оборонительных стенков французские офицеры называли за слабость «не грознее акцизной стены Парижа».²¹¹

По одной из современных версий, Раглан сам не решил ничего, а послал Бургойна к французскому главнокомандующему, в руки которого таким образом и перешла в этот момент судьба Севастополя. Многие французские генералы советовали немедленно напасть на Северную сторону. Но тяжело больной, распростертый на кушетке Сент-Арно (ему оставалось жить еще ровно семь дней), выслушав Бургойна, сказал: «Сэр Джон прав: обойдя Севастополь и напав на него с юга, мы будем иметь все наши средства в нашем распоряжении при посредстве гаваней, которые находятся в этой части Крыма и которых у нас нет с этой (Северной) стороны».²¹²

Внезапно появившиеся химерические опасения (хотя, может быть перед своей смертью ему не хотелось новых жертв среди своих солдат?) стоящего одной ногой

Нижний чин Стрелковой бригады. Худ. Орландо Нори. 1855 г.

²⁰⁶ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P.201–203.

²⁰⁷ Boult-Willaumez, Louis-Edouard Batailles de terre et de mer: jusques et y compris le bataille de l'Alma. Paris. 1855. P.218–222.

²⁰⁸ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P.201–203.

²⁰⁹ Leopold George Heath. Letters from the Black Sea During the Crimean War, 1854–1855. London. 1897. P.62–63.

²¹⁰ Mends, Boven Stilon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P.144–145.

²¹¹ Грейг С. Письмо к капитану 2-го ранга Шестакову//Морской сборник. Том XX. №2. СПб., 1856 г. С.99–143.

²¹² Тарле Е. В. Нахимов. М., 1950 г. (<http://militera.lib.ru/bio/tarle3/index.html>).

«на том свете» Сент-Арно перед на глазах вырастающей оборонительной линией на Северной стороне, позволили ему дать легко себя убедить в необходимости обходного движения вокруг Севастополя.

Сент-Арно был хоть и в сознании, но уже при первых признаках приближавшейся смерти, скрыть которые было уже невозможно. По статусу, решения должен вроде бы принимать его начальник штаба Мартенпре, но известна его нерешительность. Вместо того, чтобы взять на себя инициативу, он продолжает выполнять указания умирающего командующего. Отсюда и слепое следование французам решениям штаба Раглана. А там царила уверенность.²¹³

Мы уже знаем, что британцы, в каждом из своих действий или бездействий всегда имели скрытый смысл, который по тем или иным причинам старались на страницах военной истории сильно не афишировать, что мы легко можем обнаружить в событиях двух дней на Каче и Бельбеке. Для этого нужно обратиться к группе военно-исторических исследований, которая в своем большинстве придерживается абсолютно нейтральной точки зрения и старается извлечь необходимый опыт из ошибок или достижений всех воюющих сторон. Как вы, надеюсь, поняли, это американцы.

Военная теория США не даром строила свою военную доктрину на французском опыте Крымской войны. Например, генерал Халлек считал, что французская система снабжения показала свою качественность, в то время как английская военная администрация полностью провалилась.²¹⁴ Что это значит для нас? На первый взгляд ничего, на деле много. Англичане, в чем уже все давно убедились, не имея нормального алгоритма снабжения, сопровождающего военную операцию, могли успешно вести кампанию только при опоре на хорошие базы. Кача такой не была. Более того, союзники понимали, что пока они думают, подходящие в Крым русские резервы захлопывают за их спиной Евпаторию, изолируя ее сообщение с войсками по земле.

Штурм или атака плохо разведанных укреплений для французам проблемой не была. Они на Альме доказали свою способность к экспромту, в отличие от прямолинейных действий англичан, для которых отрыв от флота был невозможен.

Британцы и так делали волевое усилие, отрываясь от флота, и потому для них нужно было любой ценой прорываться к морю, то есть — на Балаклаву, ближайшее место, удовлетворяющее всем требованиям базы снабжения, и оттуда уже открывать вторую часть кампании. Бургойн сделал все, чтобы убедить в этом Раглана и Сент-Арно, который просто не имел физических сил спорить, а его начальник штаба Мартенпре в силу своей натуры молчал. Канробер, более решительный, до этого времени оставался всего только командиром дивизии, хотя и с большими, чем у других правами. Пока же, сильно не споря, решили, что экспедиция продолжает на следующий день движение по следам отходящей русской армии и к концу дня должна выйти на рубеж реки Бельбек, где остановиться на бивак. Кача становилась промежуточной базой, куда предполагалось в случае необходимости принимать новые войска, а также организовать рейсы транспортов до Евпатории. Там же оставался почти весь флот. Морякам вменялись отныне три основные задачи:

1. Продолжать разведку всего побережья Крыма.
2. Продолжать блокировать русскую эскадру в Севастопольской бухте.

²¹³ Stephen M. Harris. British military intelligence in the Crimean War, 1854–1856. Routledge, London. 1999. P.45.

²¹⁴ Halleck, H. Wager. Elements of military art and science or, Course of instruction in strategy, fortification, tactics of battles, &c., embracing the duties of staff, infantry, cavalry, artillery, and engineers. New York. 1862.

3. Поддерживать специально выделенным отрядом сопровождение основных сил, последовательно перемещаясь от Качи до Камышовой бухты и далее, до Балаклавы.

4. Отряду кораблей адмирала Лайонса вместе с сухопутными войсками принять меры к захвату Балаклавы, после чего начать выгрузку там осадного парка и готовить главную базу снабжения.

Этот приказ дошел до Дандаса утром следующего дня. Адмирал поручил Лайонсу с отрядом пароходов отправиться в Балаклаву, ждать там подход сухопутных войск и содействовать им в захвате городка.²¹⁵ Нужно признать, что опытные в экспедициях британцы на этом этапе хорошо организовывали взаимодействие армии и флота.

Для защиты временной базы на Каче до 29 сентября оставалась 4-я дивизия генерал-майора Каткарта в полном составе и небольшая часть кавалерии.²¹⁶

12(24) СЕНТЯБРЯ 1854 Г. НА БЕЛЬБЕКЕ

24 сентября в 6 часов утра союзные войска начали марш на юг и через несколько часов вышли к Бельбеку, где вновь остановились.²¹⁷ Первыми к переправе подошли английская Легкая дивизия с артиллерией и часть кавалерии, имевшие предписание держать направление на деревню Дуванкой.²¹⁸ Гвардия только к 10 часам двинулась от Качи.²¹⁹

Местность становилась более холмистой, менее проходимой, но такой же живописной. Шедшие в авангарде Шотландская бригада 1-й дивизии и французские батальоны 1-й дивизии иногда перемешивались. Генералы герцог Кембриджский, Канробер, Кемпбел и принц Наполеон ехали рядом, обсуждая положение.²²⁰

К реальности союзников вернули кучи дерьма, которыми они усердно начали загромождать окрестности, а также необходимость вновь отправлять на транспорты десятки больных: о себе все чаще напоминали болезни, в первую очередь — холера.²²¹ Войскам пришлось двигаться по территории, которая дважды подверглась разорительным перемещениям десятков тысяч русских солдат. В результате само пребывание на ней было губительным с медицинской точки зрения. Особенно страдали молодые солдаты. К прискорбию, многие выбросили не только кивера, но и чайники, посчитав их слишком тяжелыми. В результате вместо кипяченой воды вновь стали пить сырую, переполненную смертельно опасными микробами. Британские солдаты, вообще не приученные экономить воду, страдали от ее отсутствия особенно жестоко. Их рацион, насыщенный соленым, не изменился, местные фрукты лишь усиливали мучения.²²² Обезвоженные организмы становились легкой добычей для болезнет-

²¹⁵ Clowes, W. Laird, Markham, Clements R., Mahan, A. T., Wilson, Herbert Wrigley, Roosevelt, Theodore, Laughton, Leonard George Carr. The royal navy: a history from the earliest times to the present. Vol.6. S. Low, Marston and co., limited, London. 1901. P.434–435.

²¹⁶ Kingsford, Charles Lethbridge. The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment). London. 1916. P.113.

²¹⁷ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.67–68.

²¹⁸ Beauchamp Walker. P. Sir, General. K.C.B. Days of a soldier's life. London. 1894. P.112.

²¹⁹ Wyatt, John. History of the First Battalion Coldstream Guards during the eastern campaign: from February, 1854 to June 1856. London. 1858. P. 22.

²²⁰ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.459.

²²¹ Harold Carmichael Wyllie. The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea (Vol. 1). S. Sonnenschein. London. 1899. P.20.

²²² Nathaniel Steevens. Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56). London. 1878. P.93–94.

ворных бактерий, и на Бельбеке появились новые могилы английских и французских солдат.

У шотландцев в 79-м полку Камерона к прискорбию всех умер полковой врач Ричард Макензи. Этот молодой человек с началом войны отказался от выгодной медицинской практики в Эдинбурге и последовал с камеронцами, многих из офицеров которых знал лично, которых догнал только в Варне. Совершенно гражданский человек, он блестяще проявил себя во время и после Альминского сражения, когда собственноручно сделал 27 операций. Когда, выполнив долг врача, Макензи появился в расположении полка, то был встречен троекратным «ура» — только зная британскую армию и ее психологию, можно понять, что значило такое приветствие. Спасавший других, врач не смог уберечь себя, и был похоронен неподалеку от реки Бельбек. Уже после окончания боевых действий чины 79-го полка привели могилу в порядок и установили на ней красивое надгробие.²²³ К сожалению, до настоящего времени она не сохранилась. Да разве только одна она?

Шотландец был не единственным медиком, умершим в эти дни. Английские врачи, как и их французские коллеги, не все выдерживали трудности и напряжение войны. Ушли в лучший мир ассистент врача 1-го батальона Стрелковой бригады Джеймс Шпорок, врач Джон Митчелл (из кавалерии) и другие.²²⁴

Утешали слухи, в том числе такие неадекватные, как перерезавший себе горло Меншиков, массовые расстрелы трусов и повальное бегство из крепости. На фоне таких новостей слух, что у ворот Севастополя англичан ждет депутация городских властей с ключами и хлебом-солью, не казался наивной шуткой.²²⁵

Но слухи в Крыму не шли ни в какое сравнение с газетным психозом, происходившем в Англии. Чего там только не плели: Севастополь взят, 18 тысяч русских убиты, 28 тысяч взяты в плен — это самые «безобидные» сенсации, о которых ежедневно вопили разносчики газет на улицах английских и французских городов.²²⁶

По-прежнему встречались разграбленными имения, брошенные бывшими владельцами на милость победителей и не пощажённые ни своими, ни чужими. Английский артиллерийский офицер писал: «Перемещаясь вверх по долине к реке, я наткнулся на небольшую виллу, которая была разграблена отступающими русскими. Я подъехал и вошел в дом. На ступеньках крыльца валялись поломанные кресла... В комнате справа были сломаны диваны, стулья, столы и фортепиано. Передняя крышка его была разбита, обнажая клавиши, ...было видно, что в последнее время роялем пользовались. Наверху была небольшая библиотека в основном заполненная французскими книгами. Портреты дам и господ были разорваны. Перед домом был сад с клумбами и фруктовыми деревьями среди них... Я наполнил свой рюкзак фруктами, чтобы иметь десерт...».²²⁷

Войска союзников, в первую очередь англичане, приобретают все более «военный» вид. Излишества униформы и снаряжения, которые «забыли забрать» до Альмы, отправляются в неизвестность на Каче и на Бельбеке. Офицер 55-го полка вспоминал,

²²³ Historical records of the 79th Queens Own Cameronian Highlanders. Captain A.Mackenzie, Lieutenant and adjutant J.S.Ewart and lieutenant C.Findlay, from the orderly room records. Debonport. 1887. P.111–112; Shepherd, Jhon.The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1, Liverpool University Press, 1991. P.140–141.

²²⁴ Shepherd, Jhon.The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1, Liverpool University Press, 1991. P.140–141.

²²⁵ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.111.

²²⁶ George Rose Emerson. Sebastopol: the story of its fall. G. Routledge. London. 1855. P.74–75.

²²⁷ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.459.

как они со своим братом посмотрели друг на друга, на солдат и приняли решение, что все должны выглядеть одинаково, после чего повесили свои кивера на ближайший куст и больше о них не вспоминали. С легкой иронией он предположил, что они стали украшением дома какого-нибудь русского или татарина.

Французы и турки перешли реку и стали фронтом к Северной стороне. 1-я и 3-я дивизии образовали выгнутый дугой на Бельбекских высотах фронт, середину которого заняли турецкие батальоны. Отсюда виднелись несколько русских фортов, создавая у союзников впечатление очень сильной обороны. Ощущение опасности и неизвестности усиливалось тем, что со стороны русских позиций не доносилось ни звука.²²⁸ Армия находилась в лесной местности, расположившись на бивак в полном неведении, где находится противник.²²⁹ Весь день ждали боя, но враг не был обнаружен.²³⁰

Генерал-майор (позднее генерал-лейтенант) И. П. Жабокритский. С сентября 1854 г. — начальник 16-й пехотной дивизии.

13 (25) СЕНТЯБРЯ 1854 Г. СТОЛКНОВЕНИЕ С РУССКИМИ ОБОЗАМИ

Пока союзники предавались маленьким радостям победителей, русские войска километр за километром уходили прочь от злосчастной Альмы. Постоянно отстававшие, а иногда просто потерявшие обозы, замедляли движение. Их приходилось разыскивать, подгонять, подталкивать. В результате не обошлось без неприятных сюрпризов.

Утром 25 сентября союзная армия двинулась в обход Севастополя. Порядок движения изменился. Местность не позволяла двигаться двумя колонными, имея впереди широкий развернутый фронт пехоты и кавалерии, оставалось держаться единственной проходимой дороги. На этот раз в авангарде общей колонны шли англичане (Легкая дивизия, за ней 1-я (Гвардейская), за ней остальные).²³¹ Французы и турки замыкали марш.²³² Задачей последних было прикрытие от нападения русских с тыла или с фланга, которого очень опасались. Традиционно, французы и турки были готовы к движению уже рано утром. Но уставшие после вчерашнего дня англичане, по установившейся привычке еще спали. Как и на Альме, они никуда не спешили, но

²²⁸ Albert Du Casse. *Precis historique des operations militaires en Orient de mars 1854 a septembre 1855*. E. Dentu. Paris. 1856. P.131–132.

²²⁹ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.49–50.

²³⁰ My early soldering days by major-general William Allan (http://www.archerfamily.org.uk/bio/allan_w_mesd.html).

²³¹ Historical records of the 79th Queens Own Cameronian Highlanders. Captain A.Mackenzie, Lieutenant and adjutant J.S.Ewart and lieutenant C.Findlay, from the orderly room records. Debonport. 1887. P.111–112.

²³² Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.49–50.

теперь их никто и не торопил. Сент-Арно был в тяжелом состоянии, его штабу было не до медлительных британцев.

К полудню тронулись и вскоре примерно в трех милях увидели Севастополь. Шли медленно, как и раньше, сдерживали артиллерия и обозы, а необычайно буйная растительность постоянно рассеивала походный порядок. Чтобы собрать людей прибежали к использованию звуковых сигналов.²³³

Французы, идущие за британцами, надеялись, что англичане знают, куда идут, англичане надеялись, что выйдут куда нужно. В результате ближе к вечеру 25 сентября противники неожиданно столкнулись.

Ничего удивительного в подобной неожиданности нет, скорее, при общем игнорировании разведки, случившееся, да простит мне читатель каламбур, должно было случиться. Можно было удивиться, если бы этой «встречи» не произошло. Обе стороны по-прежнему шли напролом, не утруждая себя не только разведкой, но и охранением. Аджютант Лукана Улокер говорит, что русских увидели, когда до них было не более 100 м.²³⁴

Британцы банально прозевали противника. Раглан, лицом к лицу столкнувшийся на лесной дороге с русскими пехотинцами, устроил разнос Лукану: «...Вы опоздали!». ²³⁵ Удивительно, но главнокомандующий с квартирмейстером Эйри и несколькими адъютантами значительно обогнал свои главные силы. Найдя приличную дорогу, он двинулся по ней. Единственные войска, составлявшие его «конвой» были артиллеристы конной батареи капитана Мода, взвод 8-го гусарского и взвод 11-го гусарского полков.

Упреки Раглана своим кавалерийским лидерам справедливы. Окружавшая его армия в Крыму местность, сильно пересеченная, с множеством зарослей, оврагов, ложин, была почти идеальной для использования кавалерии.

Проблемы всех участников войны происходили от никудышной разведывательной службы, которая «...исполнялась так плохо с обеих сторон, что англо-французская армия при марше на Балаклаву, выйдя на дорогу из Севастополя в Бахчисарай, внезапно и совершенно неожиданно для обеих сторон наткнулась на хвост русской армии, переходившей шоссе. Лорд Раглан был страшно поражен и чуть не попался в плен; русские, не менее пораженные, поспешили уйти. Английская конница лорда Лукана попала не на ту дорогу, на которую следовала, и пошла по ней, строго придерживаясь правил, указанных в уставе, в строю, обозначенном для авангарда, оставляя без всякого внимания соседние дороги и вокруг лежащую местность. Таким образом, две неприятельские армии двигались наперерез друг другу, так что даже сошлись на одном пункте, не угадав взаимных намерений и даже без столкновения между конницами. Этот факт указывает на полнейшее незнакомство кавалерийских офицеров обеих армий с одной из важнейших отраслей их службы». ²³⁶

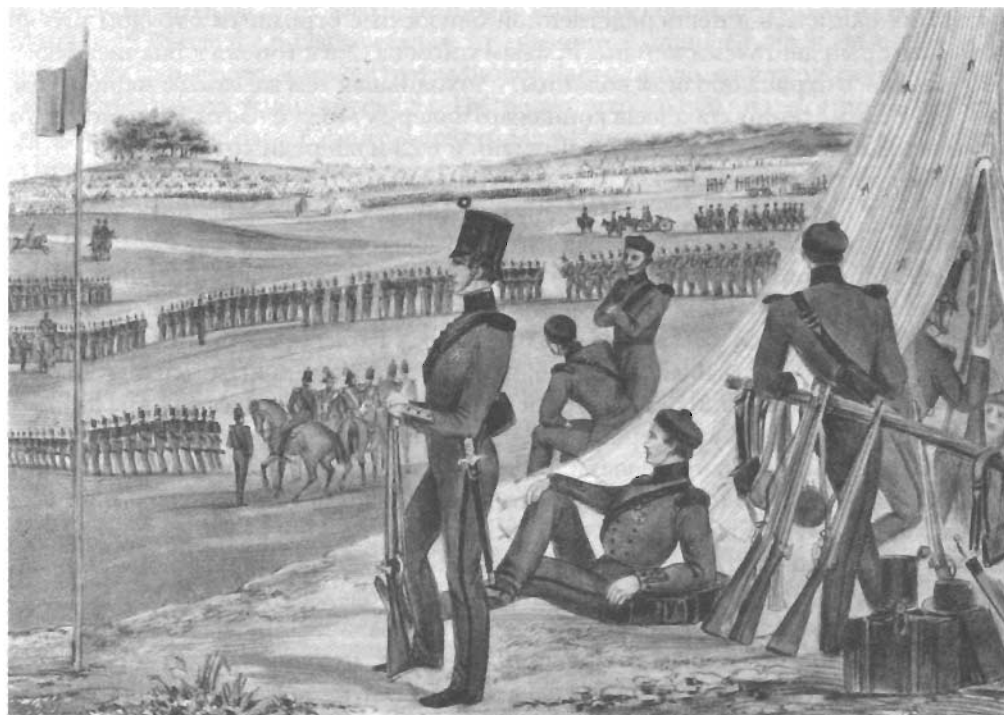
Но вернемся на место событий. Упреки для Лукана были, что черпание воды решето. Он искренне считал, что его блестящая кавалерия создана для великих атак, а не для того, чтобы рвать свои роскошные мундиры, стоившие не одну сотню фунтов, о густые заросли в обилии произраставшего вокруг колючего терновника.

²³³ Nathaniel Stevens. *Creean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56)*. London. 1878. P.90–95; Wyatt, John. *History of the First Battalion Coldstream Guards during the eastern campaign: from February, 1854 to June 1856*. London. 1858. P.22–24.

²³⁴ Beauchamp Walker. P. Sir, General. K.C.B. *Days of a soldier's life*. London. 1894. P.112–113.

²³⁵ Хибберт, Кристофер. *Крымская кампания 1854–1855 гг.* М., 2004 г. С.117.

²³⁶ Денисон, Джордж Тэйлор. *История конницы*: В 2 кн. Кн. 1. М., 2001 г. С.383–384.

Лагерь Стрелковой бригады. Английский рисунок. 1853 г.

В самом деле, если внимательно посмотреть на происходившее, то создается ощущение, что кавалерия англичан просто самоустранилась. Вместо того, чтобы обшаривать каждый куст, каждый пригорок, каждую деревню на маршруте армии, она прижималась к главным силам. Похоже, что кавалеристы просто боялись оторваться от них, предпочитая чувствовать за своей спиной стук пушечных колес по каменистой дороге и тяжелое дыхание пехоты.

В результате кавалерия двигалась настолько медленно, что артиллеристы предпочли не дожидаться ее, а действовать самостоятельно, «...стремясь поскорее ударить по врагу».²³⁷

Русские произвели несколько выстрелов по англичанам, но, как это бывает свойственно или слабо обученным или просто застигнутым врасплох солдатам, пули ушли выше голов британцев, не причинив вреда. Пауэлл утверждает, что на месте случившегося видел множество веток, срезанных ружейным огнем русских.²³⁸

Орудия конной артиллерии сделали один залп, после чего в дело вступила наконец-то подоспевшая кавалерия. Летопись 23-го Королевского Уэльского фузилерного полка говорит об этом так: «Ближе к полудню 25 сентября армия начала свой переход к Балаклаве, и перейдя через шоссеюную дорогу из Бельбека в Севастополь, была вынуждена пройти через густую лесистую местность, где переход в нужном направлении можно было совершить только с помощью компаса. Выйдя из роши на рав-

²³⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.117

²³⁸ Powell, Harry. Recollections of a young soldier during the Crimean War. Oxford. 1876. P.17–20.

нину, армия оказалась в непосредственной близости с огромным отрядом русской пехоты, который двигался к ней под правым углом из Севастополя к Бахчисараю.

Это оказалась охрана обозной колонны, проходившая тем же самым маршрутом... через лес. Её мгновенно атаковала конная артиллерия Мода и части 11-го гусарского и 8-го полков при поддержке Легкой Дивизии и с 23-м впереди колонны.

Подоспевшие «серые» подержали атаку огнем из карабинов, это стало их «боевым крещением» в Крыму. Вслед беспорядочно уходившим русским два орудия Мода отравили несколько малоэффективных картечных выстрелов».

Офицер конной артиллерии Ричардс так описал случившееся: «Внезапно мы наткнулись на значительные силы противника — до шести тысяч человек с обозом; увидав нас, они атаковали и едва не взяли в плен лорда Раглана, который ехал впереди, осматривая местность. С ним был штаб, а также двадцать драгун охраны; мы приблизились, показали зубы, и русские, бросив обоз, ударились в бегство. Мы взяли несколько пленных и множество трофеев — провизию всех сортов, богато отделанные кружевом камзолы, прекрасные шали, разнообразнейшие драгоценности, картины. в общем, все, чего душа пожелает, так что невозможно было решить, что из этого взять с собой, а что оставить».²³⁹

Сделав несколько выстрелов, русские рассыпались и стремительно бросились бежать, оставляя много телег с огромным количеством одежды, драгоценностей и боеприпасами для стрелкового оружия. Поскольку это была законная добыча, солдатам под надлежащим наблюдением, разрешили взять все, что они захотят и сколько захотят. Возможность захвата трофеев сильно подняла дух солдат, и весь день они шли быстрым и легким шагом.²⁴⁰

Действительно, трофеи союзниками достались богатые, теплая одежда, гусарские ментики, запасы продовольствия, включая «...бутылки ужасающе крепкой выпивки».²⁴¹ С интересом рассматривали, найденный в одной из повозок полковой складень с иконами. Лошадей и часть повозок распределили по полкам. Патронные запасы уничтожили. Но, якобы, более всего впечатлил союзников другой «трофей».

«На одной из повозок сидел смертельно пьяный русский артиллерийский офицер. С откупоренной бутылкой шампанского в руке, он весело напевал. Захвативших его в плен англичан он встретил бесконечными выражениями радости, настаивая на том, чтобы те выпили с ним шампанского. Когда предложение было принято, оказалось, что бутылка была пуста. Это был единственный офицер, сопровождавший часть русского арьергарда. Его доставили к Раглану, который хотел узнать, почему и в каком количестве войска уходили из Севастополя. Английские солдаты посмеивались над ним так, как высмеивают поведение пьяных на улице. Раглан посмотрел на офицера с выражением неудовольствия и смущения. Не желая смотреть на то, как смеются над офицером, он повернулся к нему спиной».²⁴²

Скажу сразу, я не сильно подвергаю вере подобный случай, хотя и не отрицаю совсем его возможность. Дальше, когда мы будем читать русскую версию случившегося, узнаем, что среди взятых в плен офицеров не указано. Английская "The illustrated history of the war against Russia", не вдаваясь в подробности, упоминает среди взятых в

²³⁹ Ричардс У.П. Письма из Крыма (<http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21&page=2>).

²⁴⁰ Летопись Королевского Уэльского фузилерного полка (1854–1856 гг.). Перевод с англ. С.Ординар//Military Крым. №19. Симферополь, 2011 г. С.17–25.

²⁴¹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.118.

²⁴² Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.118.

плен русских артиллерийского капитана, о котором сообщает Раглан в своем письме в Лондон.²⁴³ Вроде бы он даже сказал, что именно дравшиеся как львы англичане повергли в ужас русскую армию. Этот монолог часто приводят английские источники, и любят повторять наши краеведы. Не думаю, что правды в нем много. Война быстро обрастает мифами. В книге о действиях в Крыму полка «Рейнджеров Коннахта» есть упоминание о русском офицере в приподнятом состоянии сидевшем в повозке в окружении множества бутылок шампанского.²⁴⁴ Но нет гарантии, что автор книги, Натаниель Стивенс, не «содрал» ситуацию у Кинглейка, как, например, Хибберт.

Отрицать наличие попавших в неприятельский плен — глупо. На то она и война, чтобы одни попадали в плен, а другие его благополучно избегали. Шотландская бригада, проходя вечером мимо места стычки, видела нескольких пленных, под охраной кавалеристов стоявших у повозок, но кто они были — не ясно.²⁴⁵ Кстати, огромная численность войск, сопровождавших обоз англичанами, явно тоже завышена. Хрущёв говорит о назначенных для этого всего лишь двух ротах Черноморского батальона.²⁴⁶

Но не будем злорадствовать. Возможно, что англичанам достался просто чиновник или кто-то из иной «тыловой публики», одетый, естественно, лучше солдата, а часто и лучше офицеров. А может быть просто им обидно, что уже после войны, об англичанах, попавших в плен и пересидевших опасности войны в глубинных губерниях Российской империи, говорили как о беспробудных пьяницах. Недаром на буйства и неумеренное потребление алкоголя англичанами жаловался занимавшийся обменом пленных в Одессе подполковник Мещерский.²⁴⁷ Ведь как удобно свои грехи перевалить на чужие плечи.

Теперь понятно, отчего английский командующий настолько возмущен своей кавалерией. Казалось, для продолжавших выяснять свои семейно-личные отношения родственников — Лукана и Кардигана, все происходившее вокруг, в том числе и война, вторично. Наверное, попади Раглан в плен русским пехотинцам на безвестной лесной дороге, они бы просто не заметили его пропажи. Эти кавалерийские командиры прекратили реагировать на требования командующего и впали в аристократическую фобию. Это когда оба боялись показать друг другу свою слабость. В этом противостоянии место Раглану не предусматривалось.

Но не тут-то было. В отличие от своих кавалеристов, главнокомандующий помнил, что они пока еще на войне. Раглан спокойно высказал Кардигану, что он думает о нем, его подчиненных и стиле руководства ими: «Кавалерии не было там, где она должна была быть. Вы плохо командуете ею».

Лучше бы он этого не говорил. Кардиган впал в амбиции, встав в позу недооцененного гения: «В таком случае, милорд, я отказываюсь от командования кавалерией».²⁴⁸

Неудивительно, что буквально через месяц, ведомая такими выдающимися бездарностями Легкая бригада попала «под раздачу» у Балаклавы. Удивительно, что ее не перебили месяцем раньше.

²⁴³ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.461, 463.

²⁴⁴ Nathaniel Steevens. Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56). London. 1878. P.94–95.

²⁴⁵ Historical records of the 79th Queens Own Cameronian Highlanders. Captain A.Mackenzie, Lieutenant and adjutant J.S.Ewart and lieutenant C.Findlay, from the orderly room records. Debonport. 1887. P.112–113.

²⁴⁶ Хрущев А.П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С.23.

²⁴⁷ Мещерский А.В. записки о размене пленных войны 1854–1856 в Одессе//Русский архив. №3. М., 1899 г. С.474.

²⁴⁸ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.118.

Пока же окружение Раглана пребывало в расстройстве: «Кардиган был обижен, Лукан разъярен, Раглан и Эйри не довольны и тем и другим».²⁴⁹

Это конечно удивительно, что обличенный властью военный вождь не мог взять в руки управление вверенной ему королевой армией. Но у Англии не было других. Сорок лет мира породили армию военных бездельников, среди которых Раглан был одним из самых ярких представителей. Это, кстати, не мое мнение. Я, если читатель заметил, периодически пытаюсь найти военные дарования у английского главнокомандующего.

«Трагедия Раглана, — пишет английский историк У. Пембертон, — заключается в том, что его качества оказались непригодны для человека, которому надлежало командовать армией в Крыму после сорока лет мира. Этой армии не был нужен безупречный джентльмен и апатичный аристократ. Ей не был нужен мягкий и добродушный пожилой господин. Армия нуждалась в человеке помоложе, в генерале с железным кулаком, который не потерпит никаких вольностей, и пусть он будет скорее хамом, чем джентльменом. Армия нуждалась в жестоком, ярком, энергичном, властном человеке, надсмотрщике, если хотите, который накормит, оденет и согреет солдата, обеспечит армии приличные условия, будет угрожать, горячиться, ругаться последними словами и при надобности снимет с должности своего лучшего друга. Шестидесятисемилетний Раглан не был и не мог быть таким человеком».²⁵⁰

Вся английская военная машина, офицерский и генеральский корпуса которой в своем большинстве состояли, по меткому выражению Уильяма Теккерера, из «военных снобов», терпела крах. Если бы не спокойно «пыхтевшая» неподалеку французская пехота, которая, кажется, поняла, что именно ей предстоит «делать» войну и за себя, и за своих союзников, крах был неминуем.

Русские военные ученые, исследуя обстановку, сложившуюся во время обоюдных фланговых маршей Меншикова и союзников (о них мы скоро поговорим отдельно), считают, что ошибками князя было то, что он не воспользовался множеством выгод, проистекавших из тактических ошибок союзников, многократно повторявшихся из дня в день. Одним из таких упущенных шансов было нападение на потерявшего организацию неприятеля на Мекензиевых высотах, когда «...можно было нанести серьезный удар».²⁵¹ Действительно, даже Клер признает, что марш происходил в тяжелейших условиях, когда войска сами теряли организацию. Французы пытались двигаться самостоятельно, но из этого ничего хорошего не получилось. Все, что им оставалось, двигаться в замыкании, постоянно натываясь на маячивший перед ними английский обоз.²⁵²

Конечно, Меншиков сам совершал сложный маневр. Он не только не нанес вреда союзникам, но и потерял часть обозов. Конечно, это слабое оправдание. У князя было подавляющее превосходство в кавалерии и знание местности. Одни только отвлекающие действия конницы могли не только ослабить неприятеля, но и при удачной и правильной организации, направить его именно туда, где ему пришлось бы труднее всего. Так действовали южане во время Гражданской войны (1861–1865 гг.) когда их кавалерийские рейды срывали операции более многочисленной и более

²⁴⁹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.118.

²⁵⁰ Трубецкой А. Крымская война (пер. с англ.). М., 2010 г. С.183.

²⁵¹ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости//Военный сборник (статья первая)// Военный сборник. №11. СПб., 1881 г. С.32–33.

²⁵² Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.50.

сильной армии федералов, например в Вирджинии в 1864 г.²⁵³

Кстати, судя по всему, адмирал Нахимов был в высшей степени интеллектуалом своего времени. Ведь его мысль после окончания войны поехать в Англию и публично обозвать Раглана (про покойного, к тому времени, Сент-Арно не будем говорить) ослом, не выдумка русского моряка. Упомянутый нами выше Теккерей писал о таких, как Раглан и его окружение: «...человек не может уйти от собственной глупости, как бы ни был он стар, и сэр Джордж в шестьдесят восемь является ослом в большей степени, чем в пятнадцать лет, когда он впервые вступил в ряды армии...».²⁵⁴

Через два дня после случившегося, полковник Лебедев, выехавший из Севастополя к войскам в штаб главнокомандующего, находившийся в это время у деревни Отаркой. Осторожно пробираясь тропинками, он неожиданно оказался на том самом месте, где произошло столкновение русских и англичан. Нередко исследователи кампании, романтизируя происходившее в Крыму во время войны, преподносят случившееся, как мирную встречу, при которой никто никого не трогал. И противники, слегка выпив и подискутировав на темы войны, мира и превратностей судьбы, разошлись по своим, одним им ведомым делам. Разочарую господ романтиков: британцы крепко «пощипали» тылы русской армии и с точки зрения войны совершенно правы. Согласитесь, глупо упускать такую добычу, тем более саму пришедшую к ним в руки. Потому и картина, открывшаяся Лебедеву, была тоскливой: «К сумеркам мы были на Мекензиевой горе, где трупы людей и лошадей лежали у разбитых фур с разбросанной из них поклажей; разбитые бочонки с порохом покрывали дорогу; воздух был невыносимый от гниющих тел. Это было то место, где парк был достигнут неприятелем 13-го числа».²⁵⁵

Столкновение лишь незначительный эпизод. Благодаря скверной разведке союзников и густому туману, стоявшему там в эти дни, основные силы противников, хотя и прошли в непосредственной близости, друг с другом не встретились.²⁵⁶ Английские

Капитан 1 ранга Шарль Риго де Женовели. В 1854 г. Командовал французским Морским отрядом под Севастополем.

²⁵³ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости//Военный сборник (статья первая)// Военный сборник. №11. СПб., 1881 г. С.34.

²⁵⁴ Уильям Мейклис Теккерей. Английские снобы (книга снобов, написанная одним из них). Собрание сочинений в 12 т. Том.3. М., 1975 г. (<http://psujourn.narod.ru/lib/snobs.htm>).

²⁵⁵ Лебедев Н. П. Возражения севастопольца полковника Лебедева на записки генерала В. И. Дена//Русская старина. Том 76. СПб., 1892 г. С. 160.

²⁵⁶ Комаров А. Черноморский флот в период Крымской войны. Малоизвестные вопросы организации флота//ФлотМастер. №1. М., 2000 г. С.6.

разъезды наткнулись на Владимирский полк, но, поняв, что это не обоз, «...неприятель, вежливо посторонясь, дал нам дорогу».²⁵⁷ Думаю, это было хорошо для всех.

Англичане не долго оставались на месте стычки. Растащив, что было нужно, и съев, что было найдено, кавалеристы Лукана уничтожили обозные повозки, предав их огню.²⁵⁸

Кое-что перепало французам. Один из проныр из 2-го полка зуавов по фамилии Руссо на дне оврага обнаружил два, как он утверждал, штандарта артиллерийской батареи, и, видимо в душе надеясь как минимум на «Военную медаль», а, как максимум, на орден Почетного легиона, притащил их к своему командиру дивизии. К счастью, принцу Наполеону хватило ума понять, что зуав нашел что угодно, кроме того, о чем думал, и вручив ему две монеты с изображением императора, он отправил его восвояси, правда, присвоив за старание звание капрала.²⁵⁹

²⁵⁷ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 199.

²⁵⁸ Beauchamp Walker. P. Sir, General. K.C.B. Days of a soldier's life. London. 1894. P. 116.

²⁵⁹ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5 // Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С. 50.

ФЛАНГОВЫЙ МАНЕВР МЕНШИКОВА: ВЕЛИКАЯ ПАРТИЯ В ПОКЕР

«Война настолько же сложная игра, как шахматы или покер. Побеждает в ней тот, кто делает меньше ошибок».

Генерал Джон Фокс Бургойн, главный военный инженер британской армии в Крыму.

В эпиграф этой главы я намеренно включил слова британского военного инженера генерала Бургойна. Перечитайте их еще раз. Зачем? Да потому что сейчас мы станем свидетелями великой партии в покер, которая разыгралась в Крыму в сентябре 1854 г. Я не даром в этом случае отхожу от более привычной шахматной терминологии. В шахматы играют все-таки два игрока, а у нас, их немного больше. При этом двое вроде бы и в одной команде, но не прочь устроить один другому маленькие гадости. Поэтому представим наших героев не за шахматной доской, а за зеленым сукном карточного стола для игры в покер.

Здесь были все элементы этой зверской по психологическому накалу карточной игры: блеф, припрятанные карты и самое главное — невероятно высокие ставки. Фланговые действия, фланговые операции — это такие формы войны, в которых «...умственные способности руководящего битвой дают самый значительный перевес».²⁶⁰ Недаром, по воспоминаниям одного из участников этих событий, Нахимов назвал их «игрой в жмурки».²⁶¹

СИТУАЦИЯ

Первое, что князь понял после Альмы, что воевать ему придется, в основном, с никудышними генералами. Других у него не было. Все случилось, ровно так, как он и предполагал: «Увы, какие генералы, и какие штаб-офицеры: ни малейшего не заметно понятия о военных действиях и расположении войск на местности, об употреблении

²⁶⁰ Исследование о тактике пехоты // Военный сборник. №10. СПб., 1874 г. С. 259.

²⁶¹ Попов М. М. Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове // Русская старина. Том 77. СПб., 1893 г. С. 534.

стрелков и артиллерии. Не дай Бог настоящего дела в поле» — написал князь в своем дневнике после небольших маневров с войсками 24 августа (5 сентября) 1854 г.²⁶²

Почти тоже сказал Меншиков Тотлебену, возвращаясь после очередного занятия с войсками за неделю-две до высадки союзников в Крым: «Что я буду делать с подобными генералами; что же меня ожидает, если придется действовать с ними против неприятеля».²⁶³ Сказал — как в воду глядел.

После поражения Меншиков уже не сдерживался, сказав все, что думал: «Кто были помощниками мне? Назовите мне хоть одного генерала, — жаловался князь в доверительной беседе с полковником Меньковым. — Князь Петр Дмитриевич (Горчаков)? Старый скряга в кардинальской шапке! Или всегда пьяный Кирьяков и двусмысленной преданности к России Жабокритский, или, наконец, бестолковый Моллер?.. Остальные, мало-мальски к чему-либо пригодные, все помешаны на интриге! Полагаю, что, будучи далеко от солдата, я не сумел заставить его полюбить себя; думаю, что и в этом помогли мне мои помощники».²⁶⁴

Меншикова, на самом деле, искренне жаль. А если не жаль, то, по крайней мере, князю не позавидуешь. Мало того, что генералы за редким исключением показали полнейшую неподготовленность к войне, так и некоторые (например, Волков и Куртьянов) под разными предлогами вообще разбежались и в первые несколько дней после Альмы никто не мог сказать, где они и чем занимаются. Те же, кто оставался в наличии, иногда выдавали такие «фокусы», что утешало одно — у союзников, особенно у англичан, командование тоже не отличалось военными дарованиями.

Теперь князь понимал, что ни о каком сдерживании противника по рубежам Качи и Бельбека речи идти не может. Следующее сражение пусть и на выгодной, но совершенно неподготовленной позиции с еще не пришедшими в себя после поражения войсками может привести к одному — катастрофе, после которой союзники могут взять Севастополь если не голыми руками, то не особенно сильно напрягаясь.

Оказавшемуся один на один с ответственностью князю нужно идти на самые радикальные действия, и выбор, перед которым он стоял, был трудным. Предстояло решить, что спасать в первую очередь: армию и Крым, или флот и Севастополь. На эти рассуждения князь потратил немного времени — самое большее день, традиционно ни с кем не советуясь. По крайней мере среди многих писавших об этих событиях. в том числе самых близких к князю офицеров и чиновников, ни единый, ни одним словом не обмолвился о том, что узнал замысел князя до того, как получил команду на его исполнение. Но главнокомандующий на сей раз не ошибся.

В его решении был элемент академичности, подтвержденный всем последующим ходом событий. Каким бы маленьким не был Крым в масштабе все империи, для неприятельского десанта это была огромная неизвестная территория, которая союзников откровенно пугала своей непредсказуемостью и размахом. В результате высадившиеся в Крыму войска боялись отойти на десяток верст от побережья, чтобы не потерять сообщений с флотом, базами снабжения, позднее с Балаклавой, и должны были заняться «долблением» Севастополя, отказавшись от каких-либо полевых маневров.²⁶⁵

²⁶² Шильдер Н. Великий князь Николай Павлович // Русская старина. Том 107. СПб., 1901 г. С. 25–26.

²⁶³ Шильдер Н. Великий князь Николай Павлович // Русская старина. Том 107. СПб., 1901 г. С. 25–26.

²⁶⁴ Тарле Е. В. Нахимов. М., 1950 г. (<http://militera.lib.ru/bio/tarle3/index.html>).

²⁶⁵ Бюлов, Адам Генрих Дитрих. Дух новейшей военной системы // Стратегия в трудах военных классиков. Под ред. А. Свечина. Том II. М., 1926 г. Примечание 10.

Князь принимает решение отправить Тотлебена в окрестности Севастополя с задачей подобрать позицию, на которую можно стянуть войска и которая должна сохранить угрозу союзным войскам. Меншиков продолжает разыгрывать сценарий фланговой позиции и последующих действий на фланги неприятеля. Хотя в самом начале главнокомандующий и склоняется к фланговым действиям, но не решается покидать Севастополь, планируя лишь несколько отойти от крепости, почти не теряя с ней связь. С этой целью предполагалось занять позицию между Бельбеком и долиной Черной речки. Но вскоре от этого пришлось отказаться по причине неудобств местности, густо поросшей кустарниками, с многочисленными холмами и ямами.²⁶⁶

Адмирал лорд Дандас. Командующий английским флотом на Черном море.

Что касается потерпевших поражение частей, то особо волноваться за них не стоило. Профессор Кертисс, один из известных исследователей российской военной истории говорил, что: «Русский солдат — удивительный человек: он спит, подложив камень под голову, он сыт черным сухарем и водой и готов петь, оказавшись в хлеву». Гельмут фон Мольтке так пишет о русских солдатах, которых видел в делах с турками в 1829 г.: «Великолепный боевой дух, который ни разу их не оставил, обеспечивал русским успех в самые трудные минуты испытаний».²⁶⁷

Каким бы ни был беспорядок, у русских редко дело доходит до паники. Вдоволь побузив по хуторам, настрелявшись зайцев и успокоившись, солдаты вскоре сами начинают самоорганизовываться. Меншиков этот момент уловил и теперь начал действовать безошибочно.

Князь, как будто очнувшись, внезапно спросил Панаева о дороге, ведущей от Севастополя мимо Кадыкоя на хутор Мекензия и далее на Бахчисарай. В ту же минуту к главнокомандующему доставили унтер-офицера Балаклавского греческого батальона Георгия Панаго. Грек детально рассказал Меншикову особенности дороги. Главнокомандующий застыл над картой, раздумывая о чем-то, после чего решение было принято. Штаб начал лихорадочные действия. Все молниеносно получали распоряжения, казалось, все только начинается.

Для Корнилова у Меншикова только два распоряжения:

- «...полагая, что наибольшая опасность Севастополю угрожала с моря, приказал генерал-адъютанту Корнилову затопить несколько кораблей на рейде».²⁶⁸
- силами выделенных флотом людей обеспечить подготовку города к обороне.

Не думаю, что решение легко далось князю. За спиной — проигранная Альма. Если до нее он еще как-то контролировал ситуацию, то после сражения события управляли им. Да, союзники вроде бы не преследуют — но это было, пожалуй, единственное

²⁶⁶ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.141.

²⁶⁷ Трубецкой А. Крымская война (пер. с англ.). М., 2010 г. С.195–196.

²⁶⁸ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

везение. В остальном, все очень плохо. Мало того, что нужно собирать разбредшиеся чуть ли не по всему Крыму войска, так в довершение паника в Симферополе (благо в Севастополе все относительно спокойно), моряки чуть ли не в оппозиции, и немало сил приходится затратить для того, чтобы заставить строптивого Корнилова подчиниться. И все это приходится делать самому, только самому, больше нет, кажется, никого, кто был бы способен разделить с ним ответственность. Кругом одни исполнители — лидеров нет.

Леон Герен, шедший в сентябре 1854 г. со своей саперной ротой по следам отступающей русской армии, один из тех, кто отметил, что, не вводя войска в Севастополь, князь совершил мужественный, рискованный, но правильный поступок. Деморализованные вплоть до Качи русские войска могли своей паникой, принесенной в город, разрушить все, и только сошедшие на берег морские экипажи, не подверженные панике, стали лучшим гарнизоном крепости.²⁶⁹

Для Меншикова очевидно, что с теми силами, которые у него остались (а осталось у него немного) крепость не удержать. Что делают противники неизвестно, но по логике развития событий они должны:

1. Занять Северную сторону.

2. После занятия Северной стороны и войти на внутренний рейд, уничтожив огнем с моря и суши батареи южного берега Севастопольской бухты и корабли Черноморского флота.

Можно себе представить, какой ад устроили бы союзники, если этот план был приведен в исполнение. Сгрудившиеся на относительно небольшом участке русские корабли, скорее мешали бы своей артиллерии. Оборона в этом случае превращалась в бессистемное героическое противостояние без малейших шансов на успех.

Для противодействия этим коварным замыслам неприятеля, который, напомним, находился неизвестно где и неизвестно чем занимался, князь принимает три решения, которые и определяют дальнейший ход кампании.

1. Подполковнику Тотлебену всеми наличными на Северной стороне силами начать ее инженерное укрепление. Это давало хоть небольшой, но шанс, что:

- союзники преувеличат силы русских на Северной и откажутся от намерения ее штурмовать;

- союзники не рискнут удалиться, что неизбежно в случае атаки Северной, от своего флота и не начнут атаку русских укреплений;

- союзники остановятся у Северной и будут готовить ее атаку, что даст несколько дней для ее укрепления, установки новых батарей так и подтягивания свежих сил.

2. Закрыть вход в Севастопольскую бухту, неважно чем, хоть несколькими старыми кораблями, но закрыть наглухо. В этом случае:

- исключался прорыв неприятельского флота на внутренний рейд:

- исключался удар неприятельской корабельной артиллерии в тыл защитникам Северного укрепления и союзникам становилось предпочтительнее не атаковать его (если, конечно, Тотлебен успеет создать хотя бы видимость сильно укрепленной позиции).

- хотя большие корабли и затоплялись, пароходы, наиболее боеспособная составляющая Черноморского флота, сохранялись, не подвергаясь возможности героической, но сомнительно эффективной гибели в прорыве к неприятельской эскадре. Как покажут дальнейшие события, они были удачно включены в систему обороны

²⁶⁹ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 264–268.

крепости, а их действия станут одними из самых славных страниц защиты Севастополя. И победа 5 октября 1854 г. во многом принадлежит им. Линейные же корабли, хотя и привлекались к стрельбе по целям на берегу, но эпизодически. Использовались они и в качестве временных госпиталей.²⁷⁰

3. Занять с войсками позицию, удовлетворяющую как минимум трем требованиям:

- прикрытие коммуникаций от Севастополя до Перекопа;

- доминирование над подступами к крепости и создание угрозы флангу союзных войск, заставляя их развернуть в эту сторону значительную часть своих сил;

- отрезать неприятеля от Евпатории, как основной базы снабжения. Об этом почти никто не упоминает. На самом деле, когда союзные войска, еще не приобретя другой базы, оказались отрезанными от Евпатории, англо-французское командование задумалось о дальнейших перспективах действий в Крыму. Им теперь нужно было сосредоточиться на поисках новых баз. В этом случае атака Севастополя в ближайшее время теряла свою приоритетность.

Офицер английской Морской бригады под Севастополем. 1854 г.

РЕШЕНИЕ НА ФЛАНГОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ

А что оставалось князю? Оставить войска в Севастополе? А если эти войска еще деморализованы и не восстановили управление? В этом случае, запереть их в крепости — лучший способ проиграть все. Общепринятая аксиома военной науки гласила, что «...армия, которая запирается в крепости, совершает стратегическое самоубийство, оставляя неприятелю территорию, которую должна защищать».²⁷¹

Может быть гораздо лучше, после короткой передышки, отвести их от крепости, извлечь оттуда тех, кто все-таки до нее уже дошел, вывести в поле, зная, что уже вот-вот подойдет подкрепление, привести в чувство и вновь угрожать неприятелю?

Меншиков прекрасно понимал, что русскому солдату, которому не доступна роскошь сомнений в правильности или неправильности войны, не нужно много времени, чтобы из разбитого превратиться в победителя. В то время это еще не было научно обосновано. Свой выдающийся труд генерал Головин написал только в начале следующего столетия, после чего в военно-теоретический лексикон вошел термин «моральная упругость войск» — сложный элемент, включающий соотношение уби-

²⁷⁰ Комаров А. Черноморский флот в период Крымской войны. Малоизвестные вопросы организации флота//ФлотоМастер. №1. М., 2000 г. С.8.

²⁷¹ Мейснер Е. Опыт боевой оценки крепостей (статья вторая)//Военный сборник. №2. СПб., 1891 г. С.51.

тых, раненых, пленных, дезертиров и проч., по которым русская армия традиционно представляла наиболее быстро восстанавливающуюся военную силу, в том числе в XIX в.²⁷²

Суть предлагаемого состояла в том, чтобы, используя с максимальной выгодой для себя привязанность союзников к флоту, вновь поставить их в положение «между молотом и наковальней». В этом случае молотом была день ото дня увеличивавшаяся группировка войск в районе Бахчисарая, между которой и крепостью неприятель проскальзывал к ее южной стороне, а наковальней — Севастополь с его постоянно нараставшей артиллерийской обороной.

Такой алгоритм действий, когда уже трудно было понять, кто из противников нападает, а кто обороняется, заставлял всех менять ружья и пушки на кирки и лопаты и как можно скорее и глубже зарываться в землю.

Вспомним — идет партия в покер. В ней у каждой из сторон есть два «козыря в рукаве», которые обе они будут всю кампанию доставать и с разной степенью успеха использовать. Эти «козыри» не зарываются в землю, они готовы действовать активно и решительно. Для русских это армия, которая вне стен и чуть ли не за спиной обложивших Севастополь союзников, не дает им спать спокойно, являя постоянную, каждодневную угрозу.

Но и союзники не такие уж простаки. Они не зря тащили свой военный флот «за три моря» — теперь это их козырь, загнавший русский флот в Севастопольскую бухту и только одной демонстрацией угрозы атаки и прорыва отправивший на морское дно сильные, хоть и самые старые корабли. Кроме того, не обремененные многочисленными обозами, они движутся быстрее русских.

И все-таки они попадают на великолепный блеф Меншикова! Герен пишет, как вначале английские и французские офицеры смеялись над князем, который, как им казалось, бросил Севастополь, оставив его им на съедение. Но уже вскоре им пришлось брать свои слова обратно.²⁷³

Уходить от Севастополя нужно было, хотя бы для сохранения сообщения с тылом и обеспечения подхода подкреплений: «...иначе положение армии было бы ужасное».²⁷⁴ Но уходить нужно было так, чтобы новая позиция позволяла угрожать флангу союзных войск, заставляя последних изменить операционную линию и делая свои дальнейшие действия предсказуемыми.

И Меншиков решился.

БОЛЬШИЕ МАНЕВРЫ

К 12 сентября князь отдал приказ войскам покинуть Севастополь. Причем, вопреки утверждениям и мнениям многих исследователей, это не паника, не хаотичное движение. Деорганизованность уже несколько дней, как почти забыта. Уже как бы и обида за проигранную Альму появилась. Поэтому, ставя задачу на маневр, Меншиков

²⁷² Головин Н. Н. Наука о войне: О социологическом изучении войны. Париж, 1938 г.

²⁷³ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 274–278.

²⁷⁴ Остен-Сакен Д. Е. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим // Военный сборник. № 7. СПб., 1861 г. С. 132.

Французский лагерь под Севастополем. 1854–1855 гг.

требует выполнять его быстро, активно, в случае обнаружения неприятеля, по возможности атаковать его.²⁷⁵

12(24) сентября Меншиков ведет великую партию, при этом отчаянно блефуя: «утром... не объявляя никому своих намерений, двинул генерала Жабокрицкого с 16-й дивизией к Мекензиеву хутору».²⁷⁶

То, что никто не был поставлен в известие о начале действий – не самодурство князя, а одна из коварнейших частей его плана. Он блефует не только с союзниками, но и с соратниками, которым не верит, не доверяет. Ему нужно сохранение тайны маневра, а болтливость генералов и их челяди ему известны – собери Меншиков штаб и отдай громогласно приказ, уже через четверть часа каждая кухарка в Севастополе узнала об этом. И все. Союзники, уверенные в том, что блокируют не только крепость, но и запирают в ней армию, сразу бы начали менять свою диспозицию, возможно не дав армии, еще не восстановившейся полностью, выйти из города.

12 сентября князь навесил в севастопольском госпитале раненого при Альме одного из своих любимых офицеров – Жолобова. Офицера главнокомандующий застал уже при смерти, но еще в сознании. Его вынесли на свежий воздух, и князь около четверти часа не отходил от своего любимца. Скорбный момент нарушил своим появлением прибывший из столицы флигель-адъютант Альбединский, «...посланный Государем... за известиями о делах наших».²⁷⁷

Так, в течение часа одним профессиональным офицером стало меньше, зато еще одним «профессиональным» соглядатаем при штабе главнокомандующего стало больше.

²⁷⁵ Служебная деятельность Александра Петровича Хруцова, ныне Генерал от Инфантерии, Генерал-Адъютанта во время севастопольской обороны//Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С.4.

²⁷⁶ Хруцов А.П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С.

²⁷⁷ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.491.

Этим же утром 12(24) сентября, никому не объявляя о своих намерениях, Меншиков начал перемещение войск. 16-я пехотная дивизия первой выдвинулась к хутору Мекензия.

В полдень бригада Хрущёва (Волынский и Минский полки) с 5 батареями артиллерии двинулась на Куликово поле. Прибыв туда к 5 часам дня, оба полка по Балаклавской дороге двинулись к Сапун-горе, не доходя которой сделали привал. Там они встретили главнокомандующего, по приказу которого, совершили ночной марш и с рассветом были у его главной квартиры в Отар-кое.²⁷⁸

Сделанный Меншиковым по итогам рекогносцировки Хрущёва вывод не утешал: хотя с северной стороны союзных войск уже нет, зато с южной стороны город «совершенно обложен».²⁷⁹

Каждый полк и каждая батарея получали свой маршрут, но одно генеральное направление. Московский полк отошел на Качу возле Бахчисарая и остановился биваком, ожидая прибытия продовольствия из Симферополя.²⁸⁰

Находившиеся в городе войска выходили через Черную, переходили ее по Трактирному мосту и шли на Мекензиевы горы, оттуда — на Бельбек, потом на Качу и уже оттуда к Бахчисарая.²⁸¹

Обоз направили к хутору Бракера.²⁸² Туда же двинулся штаб Меншикова с ним Горчаков. Скрытность движения постоянно нарушал блуждавший по просторам ночного Крыма Кирияков. Несколько раз он едва не доводил до стрельбы, принимаемый за неприятеля, но каждый раз благополучно ускользал от гнева главнокомандующего, скрываясь в беспросветной темноте. Горчаков был готов разорвать Кириякова, но генерал благополучно избегал столь жестокой кары.

А все началось, когда иррегулярная кавалерия доложила о возросшей активности неприятеля, и стало ясно, что он вот-вот начнет двигаться вслед за отходящей русской армией, Меншиков принял решение прикрыть свой тыл арьергардными действиями. Удивительно, что это не было сделано до сих пор, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Выбор командующего пал на войска Кириякова, о чем ему вскоре пришлось сильно пожалеть. Выполняя приказ, Кирияков с Московским, Бородинским и Тарутинским полками при 20 приданных орудиях и с 5 сотнями казаков 11 сентября перешел через р. Черную у хутора Мекензия и вновь подошел к р. Бельбек. Примерно в 4 часа дня, поднявшись на высоты, он сразу заметил оттуда движение англичан по дороге у Дуванкоя. Убедившись, что дорога перекрыта, Кирияков принял решение оставить высоты и перейти с них на Сапун-гору. Батальон Тарутинского полка и 4 орудия 16-й артиллерийской бригады остались на старом месте для продолжения наблюдения за неприятелем и «демонстрации присутствия».

Простояв на новом месте сутки и рискнув на ночной марш, Кирияков традиционно умудрился запутать себя и своих подчиненных. Не умея организовать движение

²⁷⁸ Хрущов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 22.

²⁷⁹ Александр Петрович Хрущов. Выдержки из его писем 1853—1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С. 438.

²⁸⁰ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642—1700—1890. Варшава, 1890 г. С. 430.

²⁸¹ Служебная деятельность Александра Петровича Хрущёва (Хрущова), ныне Генерал от Инфантерии, Генерал-Адъютанта во время севастопольской обороны // Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 3.

²⁸² Хутор Бракера — назван по имени владельца. Здесь в 1854—1855 гг. размещалась главная квартира английской армии и здесь же 16 июня 1855 г. умер ее главнокомандующий лорд Раглан.

войск на незнакомой местности, он, начав движение затемно, банально заблудился. В результате его батальоны вышли наперерез главным силам армии, устроив переполох. К счастью до стрельбы дело не дошло, но движение армии замедлилось. Поняв, очевидно, что на его седую голову в любую минуту может обрушиться праведный гнев главнокомандующего, командир 17-й дивизии не мог придумать ничего лучшего, как устремиться в обратную сторону, предпочтя встречу с неприятелем свиданию с Меншиковым.

Вскоре Кирьяков опять заблудился. Его батальоны вброд перешли р. Черную между Инкерманским и Трактирным мостами и еще раз вдоволь поблужав, остановились к радости измотанных солдат и офицеров на ночлег у хутора Мекензия.

13(25) сентября батальоны 17-й пехотной дивизии вновь начали марш и вышли к деревне Отар-Кой. Апофеоз военной безграмотности случился именно в этот день. Это, конечно, удивительная история, но она более чем наглядно показывает, с какими генералами пришлось вести войну русской армии.

Сделав получасовой привал у Отар-Коя и начав двигаться к Бахчисараю, Кирьяков с удивлением узнал, что, опередив Жабокритского, его отряд из арьергарда превратился в авангард. Меншиков, узнав о случившемся, приказал вернуть три полка к Отар-Кую, где москвичи, бородинцы и тарутинцы, после 80 верст почти непрерывного марша, соединились с главными силами и к их великому счастью смогли наконец то расположиться на отдых.²⁸³

На этом месте они простояли ровно сутки пока на следующий день не получили новый приказ главнокомандующего: следовать на хутор Мекензия, держась за авангардом генерала Жабокритского.

Как это не смешно, кампания только начиналась, а похоже, собственное командование решило если не истребить Московский полк на поле боя, то загонять его личный состав до смерти на маршах. Это, конечно, шутка, но если посмотреть на «московский тур по Крыму», начинаешь верить то ли в злой рок, то ли в вопиющую русскую безалаберность, за которую привычно приходилось платить кровью.

Меншиков, узнав про «кругосветку» Кирьякова, впал в ярость. Больше суток он ничего не знал о нахождении почти целой дивизии, усиленной кавалерией, и, когда, наконец, появился присланный ее командиром подполковник Залевский, выясняется, что она находится совсем не там, где должна находиться.

«... Я дал ему 12 батальонов, две батареи, аванпосты и разъезды содержать два полка гусарских, два казачьих. Я послал его вчера вечером, чтобы он, не замеченный

Лаброс Шарль Дени. Во время бомбардирования Севастополя 5(17) октября 1854 г. лейтенант линейного корабля «Монтебелло».

²⁸³ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 430–431.

неприятелем, занял позицию на этой стороне Бельбека, для прикрытия нашего движения, которое я был намерен сделать сегодня на заре, обойдя фланг неприятеля, встать у него в тылу, на сообщении с Симферополем. Наше движение до того важно, что я сказал Кирьякову: „в случае натиска, держитесь до тех пор, пока я не извещу вас, что прошел Мекензиеву гору. Помните, что переправа на Бельбек слишком затруднительна; без ущерба себе, с тем количеством войска, которое у вас в распоряжении, вы можете очень долго вредить неприятелю и легко его удерживать“.

Кирьяков же, придя вечером занимать места, услышал на той стороне Бельбека музыку, которая на своем биваке играла зорю. Не знаю, почему это так сконфузило, что он, не оставившая войска, повернул налево кругом и удрал. Лупил целую ночь и, перейдя Черную через Инкерманский мост, остановился на Сапун-горе, так что от нашего лагеря под Севастополем его отделяет только Сарандинакина балка. А при нем еще — этот подполковник Залевский! Не понимаю, как он его не удержал? Он то на минуту и прискакал ко мне с этим известием. Что я буду делать с подобными генералами? Что мне только придумывать такое, чтобы они были в состоянии исполнять как следует?».²⁸⁴

Понятно, что Панаев ненавидит Кирьякова всеми фибрами души, понятно, что Меншиков считает его одним из тупиц, которыми его наградила царь в должностях дивизионных командиров. Но, признаем, приключения дивизии описаны достаточно точно, чтобы им поверить. Мало того, что Кирьяков все запутал, он еще и замедлил движение русской армии,²⁸⁵ нарушив с таким трудом наведенный и еще совсем слабый порядок.

Правда Петру Дмитриевичу Горчакову удалось отомстить командиру 17-й дивизии. Утром его авангард наткнулся на перегородившую дорогу, поломавшуюся коляску.

«Горчаков набросился на сидевшего в ней офицера:

— Что же вы ее не сбросите? Задерживаете такую массу войск из-за дряни!

Офицер оправдывался тем, что это повозка генерала Кирьякова».

Лучше бы он этого не говорил. Горчаков пришел в ярость: «Опять Кирьяков?!». Следующие его действия более чем предсказуемы: повозка со всем генеральским хозяйством улетела в овраг.²⁸⁶

Под утро Кирьякова снова нашли. Он расположился биваком на одной из высот и развел костры, плюнув на маскировку и скрытность марша. Горчаков помчался туда, приказал немедленно залить огни и начал банально орать на прибывшего к нему командира дивизии. На эти вопли Кирьяков совершенно спокойно ответил, что не может никуда идти так как:

1. Нет огня, нет ужина — значит, он голодным никуда не пойдет.
2. Его повозку скинули в овраг, а он устал — и тоже никуда не пойдет.
3. Еще ночь — и у него больше нет никакого желания по темноте бродить, и он тем более никуда не пойдет.

Горчаков смирился со строптивым генералом и увел его к себе ужинать, войска же повел дальше один из полковых командиров.

²⁸⁴ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 487.

²⁸⁵ Борисов В., Сыцанко А. Походы 64-го пехотного Казанского Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича полка. 1642–1700–1886. СПб., 1888. С. 405–406.

²⁸⁶ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 492.

Но только на следующий день в штабе Меншикова выяснили, что во время путешествия Кирьяков «потерял» один батальон Тарутинского егерского полка и артиллерийскую батарею (4 орудия), которые были оставлены на Инкерманском спуске.²⁸⁷

По словам Панаева, уцелели тарутинцы лишь потому, что союзники их не заметили, и только благодаря темноте им удалось пройти в Севастополь, переполошив своим приближением гарнизон, принявший батальон за приближавшегося неприятеля.

Как только 17-я дивизия ушла, Меншиков отправил к Корнилову в Севастополь казачьего урядника сообщить о своем местоположении и принять меры к отправлению из крепости парка с присоединенным к нему отставшим обозом. Для прикрытия парка в Севастополе оставались две пехотные роты и 2 орудия.

После их ухода Корнилову было приказано уничтожить Инкерманский мост и разрушить плотину.²⁸⁸

ПРОПАВШИЙ ПАРК

Мы уже говорили, как британцы неожиданно, в том числе и для самих себя, напали на отставший «хвост» русского обоза, тянувшегося из Севастополя в сторону Бахчисарая. Картина, конечно, неприглядная, но что поделаешь — война, и на ней никто не гарантирован от внезапных атак и незапланированных потерь. Теперь у нас есть возможность немного вернуться назад и взглянуть на случившееся со стороны русских. Увы, читатель, но картина окажется не менее неприглядной.

Едва казак, ездивший к Корнилову, вернулся из Севастополя, Меншиков приказал штабу сниматься с места. Войска оставили Мекензиеву гору, спустились в Черкез-керменскую долину и двигались по Бахчисарайской дороге до реки Бельбек.

Едва начали разбивать бивак, как издалека, со стороны Мекензиевых гор, послышались выстрелы. Штаб главнокомандующего в подзорные трубы увидел, как «...парковые повозки в беспорядке несутся с горы в долину».²⁸⁹

Дальше начало творится самое интересное. Сначала к штабу главнокомандующего примчался взвод гусар-лейхтенбержцев, командир которых ничего не смог внятно объяснить, кроме как, сказать про внезапное нападение на парк неприятеля и о том, как лихо ему удалось удрать. Последнее, видимо от нахлынувших эмоций, офицер и не скрывал: «...А там, остальные все пропали, людей порубили, повозки порубили, которые — сами сломались, которые — с горы полетели, а больше должно быть они позабрали».²⁹⁰

Но две повозки офицер спас, наверное, они были самыми нужными для него. Это повозка командира полка и его собственная. Судя по всему, именно полковой обоз и попал к англичанам, которых удивило большое число ментиков и других деталей гусарской униформы. Именно ментики и доломаны привлекли самое большое вни-

²⁸⁷ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.493.

²⁸⁸ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.494.

²⁸⁹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.494.

²⁹⁰ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.495.

мание английских стрелков. Уже в тот день командование с удивлением созерцало солдат Стрелковой бригады, шеголявших в русских гусарских мундирах.²⁹¹

Сколько было неприятелей, что случилось с парком, гусар не знал. Поняв, что от юного офицера ничего не добиться: «Что с него взять? Правда, еще молод, почти совсем еще мальчик», Панаев отпустил его в полк.²⁹²

Дальнейшее подтвердило, что действительно пропал обоз Лейхтенбергского²⁹³ гусарского полка: «Только что отъехал, как ему на смену прискакал, на изнуренной лошади, кучер из гусарского обоза. Лошадь была рослая, здоровая, но ноги всадника чуть ли не дохватывали до земли: это был истинный гигант: в плечах косая сажень, грудь широчайшая, ручки могли привести в ужас целый взвод. Кучер был без шапки, в одной рубашке, и геркулесовские его формы обрисовывались во всей красе; борода и волосы на голове, от быстрой езды закинувшиеся назад, придавали ему вид свирепого, мощного бойца...».²⁹⁴

От него стало известно следующее: налетели враги внезапно, беспощадно порубили всех, кто под руку попался: «...Как секанет — с Терешки башка долой; секанет — Степан покотился...».²⁹⁵

Судя по тому, что оба, и офицер, и обозник, отметили наличие на нападавших меховых шапок, можно предположить, что «виновниками разбоя» были английские конные артиллеристы, что подтверждает один из них, Уолпол Ричардс в своих письмах.²⁹⁶

Вслед за обозником появился командир парка полковник Хамрат, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. за 25 лет выслуги. Все надеялись, что хоть он внятно скажет о случившемся. Надеялись зря. Все, что он смог сказать, не сильно отличалось от уже сказанного. Единственное, что знал он точно: «в парке пропало 10 повозок...больше сами, в путанице, поломали; лошадей — которых они позабрали, иные разбежались; изломанные ящики остались на месте, взять было нельзя; некоторые даже слетели в пропасть».²⁹⁷

Вскоре стало известно, что, втянувшись на затяжной подъем, парк и обоз замедлили движение, стали делать частые привалы. Прикрытие оторвалось и в этот момент случилось в точности то, что мы уже писали: с парком столкнулся Раглан. Панаев, правда, именует его Сент-Арно (а кто же еще, по его мнению, в меховых шапках по Крыму мог ездить, не иначе французская гвардия), но, совершенно очевидно, что Аркадий Александрович путается, притом настолько убедительно, что сам в свою ошибку верит. На самом деле Сент-Арно было уже не до верховых поездок, ему еще день-два прожить, и то хорошо.

²⁹¹ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 462–463.

²⁹² Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 495.

²⁹³ Корнилов сообщает о Скасен-Веймарнском полку (Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н. В., Софинова П. Г. М., 1947 г. С. 273).

²⁹⁴ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 495.

²⁹⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 496.

²⁹⁶ Ричардс У. П. Письма из Крыма. Перевод Е. Тупахинной (<http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21&page=2>).

²⁹⁷ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 497.

В остальном он прав: «...увидев русских, неприятель в нерешимости приостановился; наши тот час его заметили и в парке, в обозе, в прикрытии — поднялась такая сумятица, что Сент-Арно, поспешив воспользоваться ею, послал туда часть своей артиллерийской прислуги припугнуть наших. Несколько человек неприятелей врезались в эту кутерьму и нагнали панический страх на несчастных и безоружных ездových, которые суетились, бросались, путались, падали... гусарские денщики и кучера, отчаянно выпутывались из-за парка, расталкивали и сбрасывали повозки с дороги. Некоторые офицерские повозки уже добрались до спуска с горы; но из них только две, с нахальством распорядившись за счет парка, пробрались и понесли во всю прыть. За ними во весь карьер поскакали гусары и дули без оглядки вплоть до нас. Прикрытие парка, не долго думая, пустилось врассыпную по кустам. После, Бог знает, как и откуда, беглецы поодиночке случайно приставали к войскам, где попало. Горсть неприятеля занялась грабежом офицерских повозок, парковые же, между тем, выбравшись как могли, ушли своей дорогой».²⁹⁸

Вице-адмирал Луи Генри Браун. Во время бомбардировки Севастополя 5(17) октября 1854 г. аспирант линейного корабля «Жан Бар».

13(25) СЕНТЯБРЯ 1854 Г.: ЗАВЕРШЕНИЕ МАНЕВРА

Маневр завершали также быстро, как и начинали. 14 сентября Владимирский полк уже в 5 верстах от Бахчисарая разворачивает цепь охранения войск аванпостами, обозначая линию границы территории, контролируруемую русскими. За эту линию проходят остальные войска.²⁹⁹

14(26) сентября, желая удостовериться, что союзники не преследуют и одновременно расчистить сообщение с крепостью, Меншиков приказывает полковнику Хрущёву с Волынским пехотным и двумя батальонами Углицкого егерского полка с артиллерией, сотней пластунов, полусотней казаков провести разведку долины Черной речки и спуска с Мекензиевых гор. При постановке задачи предполагалось атаковать встреченного неприятеля. До 15 часов 15(27) сентября Хрущёв находится в движении, неприятеля не обнаруживает, но удостоверяется, что союзники полностью очистили Северную сторону, о чем донес главнокомандующему, отправив к нему прапорщика Маклакова. После этого войска отходят к главным силам. Меншиков, убедившись в удачном завершении маневра, отправляет об этом донесение в столицу,

²⁹⁸ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 498.

²⁹⁹ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца) // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 200.

Жорж де Парсеваль. Во время бомбардировки Севастополя 5(17) октября 1854 г. лейтенант корабля «Юпитер».

заодно избавившись от назойливого флигель-адъютанта императора Альбединского.³⁰⁰

16(26) сентября Меншиков, узнав, что союзные силы уже в полном составе перешли на южный берег Черной речки, выдвинулся к Бельбеку и в течение суток занял его. 17(29) сентября русские войска вновь заняли Северную сторону. Туда через бухту перевезли не успевшие уйти из города полковые обозы.

В этот же день генерал Жабокрицкий авангардными войсками занял Инкерманский спуск, «запечатав» союзные войска южнее крепости и полностью взяв под контроль территорию северо-восточнее и севернее Севастополя.

17(29) сентября все закончили: в этот день Меншиков приказывает перевести с Бельбека и Качи войска на Северную сторону Севастополя, что вызвало среди гарнизона и обывателей крепости всплеск положительных эмоций: «...наше появление после пятидневного отсут-

ствия, произвело неопишемую радость в гарнизоне Севастополя».³⁰¹ В город вводились Московский пехотный, Бородинский и три батальона Тарутинского егерских полков.³⁰² Вслед за ними введены только что прибывшие два запасных батальона Волынского и Минского полков в полном составе, два Черноморских пеших батальона. Волынский пехотный полк оставался при главной квартире на высотах левого берега Бельбека.³⁰³ Хрущёва, одного из немногих генералов, которым доверял, Меншиков предпочитал держать рядом.

Теперь уже неприятель в Евпатории оказывается отрезанным от своих войск, и союзники будут вынуждены держать там гарнизон, который был бы совершенно не лишним в траншеях под Севастополем. С этого времени Евпатория перестает играть роль передовой базы снабжения. Сложилась парадоксальная, в тоже время часто случающаяся на войне ситуация: хотя русские были в тяжелом положении, но и враг находился там, где его хотели видеть.

Только выйдя из Севастополя, никого не поставивший об этом в известность Меншиков (вот почему многие сочли его действия предательством и бросанием крепости на откуп судьбе),³⁰⁴ приказал лейтенанту Стеценко вернуться в город с информацией для Корнилова, в которой говорилось:

1. Войска покидают Севастополь, для «...совершения известного Корнилову движения».

³⁰⁰ Хрущов А.П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С.25.

³⁰¹ Служебная деятельность Александра Петровича Хрущова, ныне Генерал от Инфантерии, Генерал-Адъютанта во время севастопольской обороны//Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С.4.

³⁰² Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 430–431.

³⁰³ Хрущов А.П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С.27.

³⁰⁴ Попов М.М. Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове//Русская старина. Том 77. СПб., 1893 г. С.521–523.

2. Войска постараются уйти до приближения неприятеля к Севастополю.

3. Меншиков не потеряет из вида Севастополь, и в случае, если союзники попытаются атаковать город, ударит им в спину.

4. Благодаря маневру армия сохранит сообщение Севастополя с Россией и «...Севастопольский гарнизон не должен терять бодрости, потому что подвозы и подкрепления достигнут своего назначения».

5. Главнокомандующий найдет возможность «...уведомить о себе Корнилова».³⁰⁵

Стеценко выполнил приказ. И опять о реакции Корнилова на это сообщение молчат все, кто мог бы об этом рассказать. Можно лишь предположить, что адмирал понял все по-своему, руководствуясь больше эмоциями, нежели разумом. В конце концов, он привык воевать на море и с трудом воспринимал планирование действий на сухопутном фронте. Хотя, судя по его личным запискам, он все понимает и даже спокоен: «Князь с армией двинулся на Мекензиеву дачу. Я начал свои приготовления к защите Северного укрепления».³⁰⁶

О «любви» князя к Корнилову может свидетельствовать высказывание Панаева, о том, как, якобы, последний сказал всем, что главнокомандующий бежал, а гарнизону теперь нужно самим отыскивать силы и средства для защиты Севастополя. Но это только начало. Дальше Аркадий Александрович, не моргнув глазом, утверждает, что Корнилов написал это всем своим родственникам (жене и брату) и этим «...обрек искусного стратегика на жертву нелепых толков и сплетен: по всей России пронеслась молва, будто бы Меншиков продал Севастополь!».³⁰⁷

О том, с каким искусством «великий стратегик» проиграл высадку союзников и Альму, Панаев, кажется, уже забыл. Да и о Корнилове врет, не краснея. Адмирал наоборот, старается сохранить веру в князя: «Слава будет, если устоим, если же нет, то князя Меншикова можно будет назвать изменником и подлецом; впрочем, я не верю, чтобы он продал».³⁰⁸

Эти несколько дней вообще окутаны обидами, недопониманием, недоверием и взаимным осуждением участников событий. К счастью у всех хватило ума не поставить личное выше общего и в целом медленно, но уверенно ситуация стала меняться.

ИТОГИ

18(30) сентября, находясь у Северного укрепления и убедившись, что союзники отказались от атаки крепости с севера, князь докладывал императору: «Я доводил до сведения В.И. В-ва, что фланговым нашим движением из-за Севастополя я намеревался перейти в наступление, которое тем более представлялось своевременным, что, после дела при р. Алма, французские войска двинулись к Севастополю, а английские отправились на судах в Балаклаву.

Между тем, последствием нашего флангового движения было то, что и французское войско, избегнув боя, поспешило оставить Северную сторону, — где я ныне нахожусь, — и перешло на южную, для присоединения к своим союзникам.

³⁰⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.490.

³⁰⁶ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н.В., Софинова П.Г. М., 1947 г. С.272–273.

³⁰⁷ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.490.

³⁰⁸ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н.В., Софинова П.Г. М., 1947 г. С.273.

В настоящее время неприятель расположился между Балаклавою и Херсонесским маяком. Выходцы из Балаклавы видели вчерашний день, как с судов выгружали орудия большого калибра...

...Прибывшему в Симферополь с Бутырским пех. полком, артиллерии ген.-майору Тимофееву я поручил, с отрядом из двух резервных батальонов 14-й пех. Дивизии, несколько кавалерии³⁰⁹ и двух горных орудий, идти горною частью Крыма в Байдарскую долину, чтобы с одной стороны, воспрепятствовать неприятелю производить фуражировку, а с другой – удерживать жителей от присоединения к неприятелю. При надобности же – приближу этот отряд к себе».³¹⁰

Меншиков опять блефует. Князю сейчас страшнее чувствовать близость царских соглядатаев, чем неприятеля. Своим высокомерием, сарказмом и издевками он нашил себе столько недоброжелателей, что желающих вцепиться ему в глотку более, чем достаточно. Хотя Альбердинский уже скрылся за горизонтом, спеша в столицу, но вот вот должен появиться не менее любопытный Ден, кичившийся личной дружбой с царем. От этого так просто не избавишься.

Упомянув намерение атаковать, главнокомандующий выдавал желаемое за действительное. Какие атаки, тут бы раны зализать, отлежаться, успокоиться, осмотреться, а потом можно будет и нападать, тем более, что уже клубится пыль на ведущих в Крым дорогах – идут батальоны, полки, эскадроны, батареи новых пехотных и кавалерийских дивизий.

Как бы и кто не критиковал Меншикова, но после неожиданного движения к Бахчисараю, и последовавшего занятия позиций от Бельбека до Инкермана, русские войска почувствовали себя уверенно.

Во-первых, сохранилось сообщение с Симферополем, через который уже шли войска и он из беззащитного города, постепенно превращался в надежную тыловую базу. Отныне союзники теряли шанс отрезать находившиеся в Крыму войска от континентальной России и превратить действия под Севастополем в осаду крепости с суши и с моря. Еще несколько дней назад условно владевшие чуть ли не всем Крымом (подразумеваю под этим способность самостоятельного выбора направления действий), союзники отныне ограничивали свое присутствие территориями южнее и юго-восточнее Севастополя. Правда, они владели морем, но тут уж ничего не поделаешь – здесь русские свою войну проиграли.

Во-вторых, крепость уже не была беззащитной, более того, русские получали возможность заменять войска в гарнизоне, позволяя сохранять длительное время силы, давая некоторый отдых от постоянных дней нахождения в условиях позиционной войны.

В-третьих, отныне флот гармонично вписывался в оборонительную систему города, становясь ее основой.

В-четвертых, союзники входили в западню, которая, казалось, за ними захлопывается. Едва они очистили Бельбекскую долину, как ее по приказу Меншикова заняла пришедшая Сводная бригада резервной легкой кавалерийской дивизии (генерал Корф) генерал-майора Рыжова. От дивизии были посланы разведывательные отряды к Чоргуну и в Байдарскую долину. 22 сентября генерал-майор Краснов предпринял с 8 сотнями 61-го и 62-го Донских казачьих полков разведку Евпатории и уста-

³⁰⁹ Два эскадрона регулярной кавалерии и две сотни казаков (Война России с Турцией. 1854–1855 гг. // Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 167).

³¹⁰ Война России с Турцией. 1854–1855 гг. // Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 167.

новил, что ее гарнизон, оцененный в 1000 человек европейцев (и в неизвестное количество арабов и турок) переходит к обороне. С моря город прикрыт флотом.

Отбив напоследок большой обоз с продуктами, казаки без потерь отошли от города.³¹¹ Русские кавалеристы действовали у Евпатории, как на неприятельской территории, стараясь подавить все очаги поддержки местным населением союзных войск. С коллаборационистами сильно не церемонились, в результате местные татары или ушли в Евпаторию, или притихли.³¹² 30 сентября, с прибытием дополнительных сил кавалерии, Евпатория была полностью блокирована, и всякое ее снабжение с суши прекратилось.³¹³

С увеличением войск русские стали активно вытеснять неприятеля из окрестностей Севастополя. Отряд генерал-майора Тимофеева вошел в Байдарскую долину. Отныне площадь действий неприятельских фуражиров уменьшилась.³¹⁴ После этого часть кавалерии Рыжова отвели к Каче для наблюдения за берегом вплоть до Альмы и, что важнее, более удобного довольствования.³¹⁵

Меншиков, отдышавшись, почувствовал безопасность: союзники ничего не предпринимают. Хотя и копают что-то в отдалении, но это совсем не похоже на начало осадных работ. Создавалось впечатление, что они просто не знают, что делать дальше. После того, как посланный им полковник Лебедев проехал от штаба до Севастополя и спокойно вернулся обратно без риска быть захваченным патрулями союзников, князь успокоился окончательно. Для перепроверки направили опытного в делах разведки Стценко. Результат был тот же: союзники очистили Северную сторону и тянутся на юг. Меншиков мог торжествовать: «...открылось сообщение войск с гарнизоном Севастополя, получившего крепость и силу геройски держаться 11 месяцев под адской бомбардировкой».³¹⁶ А вскоре к нему дошли слухи, что Сент-Арно умер, сдав пост командующего французским контингентом генералу Канроберу.³¹⁷

Контр-адмирал Жан-Пьер Эдмонд де ла Гравьер. 5(17) октября 1854 г. — офицер штаба французской эскадры.

³¹¹ Обзор военных действий 1854—1855 гг. // Отечественные записки. Том 12. СПб., 1855 г. С. 85; Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 220.

³¹² Хруцов А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 27.

³¹³ Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 221.

³¹⁴ Война России с Турцией. 1854—1855 гг. // Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 167; Обзор военных действий 1854—1855 гг. // Отечественные записки. Том 12. СПб., 1855 г. С. 85; Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 220—221.

³¹⁵ Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 221.

³¹⁶ Лебедев Н. П. Возражения севастопольца полковника Лебедева на записки генерала В. И. Дена // Русская старина. Том 76. СПб., 1892 г. С. 160.

³¹⁷ Александр Петрович Хруцов. Выдержки из его писем 1853—1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С. 438.

Князь, приободрившись, решил напомнить о себе, не сильно сдерживая эмоции. К М. Д. Горчакову вернул присланного очередного соглядатая — графа Орлова-Денисова: «...любезный князь, вы присылали... узнать о взятии неприятелем Севастополя, которое вы полагали близким. Но событие это еще отдаленно. Отпускаю этого офицера обратно к вам, чтобы не задерживать его здесь по-пустому».³¹⁸

Но тут же, как будто опомнившись, напоминает Горчакову, не стесняясь откровенного обмана, что в последние два дня к союзникам прибыли подкрепления в числе 10 тыс. человек, и пришедшей в Крым 12-й пехотной дивизии уже явно недостаточно. Трудно сказать, на что надеялся Меншиков. Россия, конечно, страна большая, и войск еще много. Можно их набить в Крым и создать численный перевес над неприятелем, чтобы, если и не предотвратить его зимовку в Крыму, то хотя бы удержать край за собой, но в этом случае «...давайте только побольше войска».³¹⁹

Что нужно отметить, так это умение Меншикова изобразить ситуацию настолько умело, что теперь даже император успокоился. Наверное, это было то, что нужно главнокомандующему, понимавшему, что сейчас совсем не время для гнева, наказаний и прочих прелестей, которые могли обрушиться на его голову, узнай император всю правду. В принципе, царь ее узнал, но только дозировано и постепенно. Но хитрый и умный князь избавил себя от его вмешательства в руководство армией.

Отныне, судя по тексту реляций, Альма — совсем не поражение, а всего лишь часть более масштабного сражения, и закончилось оно под стенами Севастополя у Северного укрепления отражением врагов с последующим заманиванием их в подготовленную западню. То есть, конкретное место события как бы распределилось на большее пространство и, соответственно, на большее время. Меншиков в ударе: мало того, что французы, отражены и отступили от города, но и союзники, бросив все, погрузились на корабли и отплыли от берегов Крыма, правда, потом все-таки решили вернуться, высадившись в Балаклаве.

Меншиков старался быть настолько убедительным, что царь даже засомневался — уж больно складно все получалось: «...непонятна скорость, с которой французские войска сели опять на суда и вновь высадились с южной стороны».³²⁰

Князь остался верен своему принципу: все, что не подтверждено документами, всегда можно опровергнуть. Первые, отправленные им, новости в резиденцию Николая I похожи скорее на слухи, нежели донесения облаченного властью военачальника. Император удивился: «...Сегодня утром прибыл, наконец, флигель-адъютант Альбединский, посланный князем более со словесными, чем с письменными донесениями», но, в целом, одобрил: «Слава Богу, что мудреное и отважное это движение, но спасительное для отряда, который, признаюсь, считал я потерянным, могло столь неожиданно благополучно свершиться».³²¹

Император верит, он счастлив и 20 сентября пишет Паскевичу, что враг «...пострадал сильно от нашей картечи».³²²

Меншиков в очередной раз заверяет его, что вот-вот сам атакует союзников, тем более, что к нему уже прибывает подкрепление. Царь опять верит: «...движение

³¹⁸ Оборона Севастополя. Письма князя А. С. Меншикова к кн. М. Д. Горчакову. 1853–1855 // Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С. 306.

³¹⁹ Оборона Севастополя. Письма князя А. С. Меншикова к кн. М. Д. Горчакову. 1853–1855 // Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С. 307.

³²⁰ Война России с Турцией. 1854–1855 гг. // Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 170.

³²¹ Война России с Турцией. 1854–1855 гг. // Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 168.

³²² Война России с Турцией. 1854–1855 гг. // Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 168.

это спасло отряд и дало Меншикову восстановить дела, став на своих сообщениях — на пути подкреплений, к нему следующих, и в левом фланге, и угрожая тылу неприятелю».³²³

Правда вскоре намекает, что слова словами, но и журнал боевых действий неплохо было бы тоже прислать, а если его некому вести у князя в штабе, то «...Шеншин пишет хорошо, Левашёв тоже, поручи это кому-либо из них, но оно мне необходимо».³²⁴

Поручает князь Шеншину. Тот, «...разъезжал между Севастополем и Симферополем... много раз бывал под неприятельскими выстрелами. Оба раза докладывал он Государю о своих наблюдениях, и не скрывал истины».³²⁵

Все правильно, именно в этот период любая, самая правдивая информация, тем более от слывшего редкостным по порядочности флигель-адъютанта Шеншина, только на пользу Меншикову: теперь он управляет ситуацией на полуострове.

ЗНАЧЕНИЕ ФЛАНГОВОГО МАНЕВРА

Вообще же, все что касается информации, направляемой из Крыма в столицу, напоминает хорошо срежиссированный спектакль. По известному выражению известного русского публициста и бывшего военного корреспондента Г. К. Градовского (Гамма): «В Крымскую войну было уже очень тяжело и безгласно. Сам Государь Николай Павлович был мало осведомлен, что делалось в Крыму. О высадке неприятеля, об Альминском сражении, о понесенном нами поражении и причинах его Государь узнал из иностранных газет...».³²⁶

Но, запутывая одновременно противников и собственного императора, Меншиков сделал то, что должен был сделать: увел армию на перегруппирование и спас Севастополь.

Николай I оценил маневр, видя, что положение вроде бы меняется в пользу его армии. И недалёк час, когда неприятель будет славными русскими штыками сброшен в море, и кара Божия свершится. Он пишет Паскевичу уже, кажется, почти не скрывая гордости: «Это делает честь Меншикову, да и честь войску, которое после неудачного дела, столь мудреное движение совершило в примерном порядке. Меншиков для обороны Севастополя принял все зависящие меры, и надеюсь на милость Божию, дней десять могут продержаться и драться отчаянно с помощью флота, с которого 9000 человек, под начальством самого Корнилова, обороняют Северное укрепление, сторону самую слабую. Меншиков надеется по присоединении следующих подкреплений, часть коих уже к нему прибыла, ежели неприятель начнет атаку Севастополя, — сам атаковать их левый фланг и тыл».³²⁷

Горчакову император вообще 20 сентября в письме намекает на гениальность своего командующего в Крыму: «...Надо благодарить Бога, что Меншикову удалось его трудное и отважное фланговое движение в виду неприятеля: делает честь ему и столь же войскам, что после неудачного дела и огромной потери начальников, офицеров и самих людей, могли движение совершить в столь примерном порядке. Повторяю,

³²³ Война России с Турцией. 1854—1855 гг.//Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 168.

³²⁴ Война России с Турцией. 1854—1855 гг.//Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 170.

³²⁵ Романов В. Биография и воспоминания о Н. В. Шеншине (1827—1858)//Русский архив. М., 1866 г. С. 876—877.

³²⁶ Алушкин В. Война 1877—1878 гг. в корреспонденции и романе (статья первая)//Военный сборник. №7. СПб., 1902 г. С. 197.

³²⁷ Война России с Турцией. 1854—1855 гг.//Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 168—169.

слава Богу! Теперь что бы ни было, но корпус Меншикова имеет свободное отступление, ежели не удастся даже спасти Севастополь. Признаюсь, я предвидел гораздо худшее, то есть пропажу всего».³²⁸

Знающий хитрого Меншикова Паскевич не так восторжен, но и он 27 сентября в письме императору высоко оценивает действия, считая, что князь вновь вернул ситуацию под контроль и может начать активно действовать против неприятеля: «Положение кн. Меншикова было действительно трудное, но, если он, после дела 8-го (20-го) сентября, мог свободно отступить и беспрепятственно произвести фланговое движение, а союзники до 20-го (2-го окт.) числа ничего не предпринимали, то видно, что они потерпели сильно; теперь же, когда англо-французы очистили Северную сторону Севастополя и отошли к Балаклаве, князь же Меншиков соединился уже с частью идущих к нему подкреплений, то можно надеяться, что он воспользуется превосходством своей артиллерии в сильных авангардных делах, не вводя в генеральный бой своей пехоты, которая, будучи слабее числом, представляла бы все выгоды союзникам; а если неприятель начнет осаду Севастополя, тогда он будет в состоянии не давать ему покоя непрерывными и сильными атаками. И так, мне кажется, что дела наши в Севастополе, при помощи Божией, не представляют еще большой опасности».³²⁹

Что касается других мнений, то, как и личность самого Меншикова, оценивают его действия по-разному, часто диаметрально противоположно. Большинство, правда, положительно. Ф. Энгельс считает, что своим маневром Меншиков практически восстановил ситуацию если не в свою пользу, то практически уравнивая шансы свои и неприятеля: «Результат сражения, хотя и имел в моральном отношении большое значение для союзников, вряд ли может вызвать глубокое уныние в русской армии. Это отступление похоже на то, которое было после Лютцена или Бауцена; если Меншиков со своей фланкирующей позиции в Бахчисарае сумеет завлечь союзников за собой так же ловко, как Блюхер сделал это перед битвой на Кацбахе, то союзники еще смогут убедиться в том, что такие бесплодные победы не приносят большой пользы победителю. Меншиков все еще угрожает их тылу большими силами, и пока они не нанесут ему поражения еще раз и окончательно не оттеснят его, он останется грозным противником. Теперь почти все будет зависеть от того, придут ли подкрепления из резерва союзников, с одной стороны, и из русских войск в Перекопе, Керчи и Анапе, с другой. Кому удастся первому получить численный перевес, тот сможет нанести серьезный удар. Но у Меншикова то преимущество, что он может в любое время уклониться от нападения, отступив, между тем как союзники прикованы к тому месту, где находятся их склады, лагеря и обозы».³³⁰

Хрущёв, а это, бесспорно, один из наиболее мыслящих генералов Крымской войны, считал, что у главнокомандующего, не имевшего никакой информации о положении и действиях союзников (хотя это его ошибка), вариант действий в их тыл и фланг были единственно верным решением. «...При этом главнокомандующий сохранял в тылу у себя пути, по которым могли прибыть к армии подкрепления, и вместе с тем сохранял сообщение с Севастополем».³³¹

³²⁸ Шильдер Н. К. заметки о событиях 1853—1855 гг. // Русская старина. Том 13. СПб., 1875 г. С. 649.

³²⁹ Война России с Турцией. 1854—1855 гг. // Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 169; Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 198.

³³⁰ Энгельс Ф. Сражение на Альме (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/10/68.htm>).

³³¹ Хрущёв А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 18.

Своими действиями князь не только оправдал поражение на Альме, но и внес вклад в военную теорию, убедительно подтвердив: чтобы «...удержать за собой более выгодное сообщение, обороняющийся может: или занять на этом сообщении позицию в тылу блокирующего, как сделал, например, князь Меншиков (1854 г.), став на дороге Севастополь-Бахчисарай и тем самым заставив англо-французов очистить сообщение Севастополя через северную сторону, или удерживать сообщение с помощью на нем укрепляемых этапных постов... как, например, турки охраняли путь Плевна-София в кампанию 1877 г...». ³³²

Граф Остен-Сакен в числе сторонников главнокомандующего: «Заслонение сообщений было необходимостью; но смелое фланговое движение, притом армией, понесшей поражение, и занятие положения, угрожающего флангу неприятеля, было следствием прекрасного военного соображения». ³³³

Но Сакен не может внятно ответить на вопрос, заданный ему архиепископом Иннокентием Таврическим: «Почему мы, с нашими силами, у себя дома, где, как говорится, и стены помогают, ведем войну оборонительную и не можем перейти в наступление? Феномен необыкновенный в истории войн!». ³³⁴

Нужно сказать, что по воспоминаниям современников, священник оказался более прозорливым, нежели те, кому это по должности было положено. Незадолго до высадки союзников он, совершая объезд Таврии и Крыма, был удивлен вопиющей беспечности и самоуспокоенности местных военачальников: «Мы спали тогда, как бы среди глубокого мира; войска было мало, и то разбросано». ³³⁵

Подобно Иннокентию, не все высоко оценили действия князя. Были те, кто видел в отводе войск от Севастополя чуть ли не предательство. Вездесущий Ден, которого Меншикову не удалось провести, во всеуслышание заявляет: «русский ли был главнокомандующий кн. Меншиков?». Отвечает тоже сам: «...это был аспид, а не человек». ³³⁶

Морские пехотинцы Королевского военно-морского флота. Английский рисунок из "The Illustrated London News". 1854 г.

³³² Мазюкевич М. О блокаде крепостей//Военный сборник. №7. СПб., 1883 г. С. 123.

³³³ Остен-Сакен Д.Е. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим//Военный сборник. №7. СПб., 1861 г. С. 132.

³³⁴ Остен-Сакен Д.Е. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим//Военный сборник. №7. СПб., 1861 г. С. 132.

³³⁵ Остен-Сакен Д.Е. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим//Военный сборник. №7. СПб., 1861 г. С. 132–133.

³³⁶ Лебедев Н.П. Возражения севастопольца полковника Лебедева на записки генерала В.И. Дена//Русская старина. Том 76. СПб., 1892 г. С. 158.

Ночной бой под Севастополем. Французский рисунок.

Оставим в покое жесточайшую критику Деном неурядиц, неопределенности приказаний, суматохи, разброда творившихся в рядах отступавших войск.³³⁷ В них много личного, тем более, никто это не отрицает. Признаем, что только благодаря отводу войск от крепости Меншиков сумел и восстановить управление, и взять ситуацию под контроль. В этом еще один скрытый смысл маневра, удачно реализованный князем. Он, вспомним, вывел из города войска психологически надломленные, оскорбленные поражением, которые более были вредны в крепости, нежели полезны. После в гарнизон вводились войска или свежие, или прежние, но отдохнувшие, восстановившиеся морально, вернувшие себе возможность драться.

Позволю поддержать бытовавшее в российской военной мысли суждение в защиту своей пехоты, которую во второй половине XIX в. было модно «пинать» за Севастополь, а вскоре и за Плевну. «Оставляя в стороне употребление пехоты в таких делах, как сражения под Инкерманом и на Черной речке, которые скорее были вредны, нежели полезны для обороны, разве не пехота вынесла на своих плечах, не говорим уже — массу оборонительных работ, но ту контр-апробную войну, те беспрестанные вылазки, отбитые штурмы, словом — все то, чем обуславливалась возможность продолжительного сопротивления обороняющегося».³³⁸

Традиционно добавлю «ложку дегтя». Не стоит до восторженного визга идеализировать личную заслугу князя. Русские специалисты в вопросах военной теории нача-

³³⁷ Лебедев Н. П. Возражения севастопольца полковника Лебедева на записки генерала В. И. Дена // Русская старина. Том 76. СПб., 1892 г. С. 158.

³³⁸ Плюцинский А. Вопросы крепостной войны и подготовки крепостей к обороне (окончание) // Военный сборник. №9. СПб., 1882 г. С. 101.

ла XX в. считали, что тот факт, что союзникам не удалось взять под контроль сообщение Севастополя с континентальной Россией, в определенной степени не столько заслуга главнокомандующего, как следствие определенной малочисленности союзного контингента, еще только начавшего получать подкрепления.³³⁹

А теперь подведем итог. 13 (25) сентября 1854 г. рискованным фланговым маневром Меншиков из опасения быть заблокированным в крепости ушел на бахчисарайскую дорогу, занял угрожающее относительно позиций союзников положение и сохранил сообщение с Россией. Отныне русская армия оставалась в виде Дамоклова меча, постоянно грозившего блокирующими действиями, нападениями против осаждавшей Севастополь неприятельской силы.³⁴⁰ Угроза быть запертой в крепости, то есть самого страшного для армии положения,³⁴¹ миновала.

Николай I предусмотрительно начал советоваться с Паскевичем об отправке новых войск, в том числе гренадерских частей, ближе к театру военных действий — к Киеву, «...дабы наш главный резерв был на таком месте, откуда он может быть легко двинут — где его появление может быть нужнее».³⁴²

В КРЕПОСТИ

Но, как хорошо не расположена крепость, для ее защиты нужны хоть какие материальные и людские силы. Если с первым особых проблем в Севастополе не было, то со вторым — все наоборот. Десятилетия бытовавшее на высшем уровне мнение, что если и нападут — то с моря, а сильный флот лучшая гарантия достойного отпора, оказалось страшной ошибкой. Невозможный, по мнению российских стратегов, большой десант случился «как снег на голову». Полевая армия, достаточно сильная в руках умелого руководителя, но не сумевшая ничего сделать под руководством группы вполне «серых» личностей, оказалась не способной стать на защиту крепости. Для ее восстановления нужно было время и пополнение свежими силами, которым чувство поражения еще не было знакомо. В этой ситуации для защиты Севастополя не оставалось почти ничего. Да и откуда ему было взяться, если генерал Лидерс, тот самый, которому приписывали качества выдающегося военного деятеля, в рапорте князю М. Д. Горчакову от 10 августа 1853 г. утверждал, что даже в случае высадки союзников в Крыму «...резервная бригада в самом Севастополе, а на северной стороне один полк пехоты с полевой батареей, при содействии морского ведомства, кажется, достаточно охранили бы Севастополь».³⁴³

Позднее обвинявший в недалекновидности руководителей защиты Крыма князь Паскевич в апреле 1854 г. укрепил мнение о невозможности каких-либо масштабных

³³⁹ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости // Военный сборник (статья первая) // Военный сборник. №11. СПб., 1881 г. С. 39–40.

³⁴⁰ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости // Военный сборник (статья первая) // Военный сборник. №11. СПб., 1881 г. С. 42.

³⁴¹ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости // Военный сборник (статья вторая) // Военный сборник. №12. СПб., 1881 г. С. 281.

³⁴² Война России с Турцией. 1854–1855 гг. // Русская старина. Том XX. СПб., 1877 г. С. 169.

³⁴³ Библиография. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М. И. Богдановича. 4 тома. С.-Петербург. 1876 года (статья вторая) // Военный сборник. №2. СПб., 1877 г. С. 124–125.

действия в Крыму, считая, что если они и начнутся, то хватит усиления имевшихся сил одной бригадой 17-й пехотной дивизии.³⁴⁴

Князь Меншиков, уводя войска к Альме, практически не оставил в Севастополе гарнизон, способный, в случае неблагоприятного развития ситуации, оказать серьезное сопротивление неприятелю: 4 резервных батальона 13-й пехотной дивизии (5-е и 6-е батальоны Литовского и Виленского егерских полков), 4 морских десантных батальона (№34, №36, №37 и 1-й рекрутский), 2 морские подвижные батареи (16 орудий), а так же личный состав экипажей и команд Черноморского флота, тыловые учреждения.³⁴⁵

Резервные батальоны, остававшиеся в Крыму, не предназначались для непосредственного участия в боевых действиях. Они служили для подготовки пополнения и несения караульной службы, имея внушительную численность: 920 чел. (по 230 чел. в ротах).³⁴⁶

В их состав входили, в основном, бессрочноотпускные чины, среди которых было достаточно малоподготовленных и малопригодных для службы людей. Как называется их полковая история — «не имевшие ни истории, ни надлежащей физиономии, в которых люди не знали друг друга и своих командиров».³⁴⁷ Но связь батальонов с действующими полками была значительной. В них служили солдаты, которые ранее входили в состав действующих батальонов, имели награды, прониклись традициями полка.

После отправки 13-й пехотной дивизии в Закавказье в 1853 г. в Севастополе собрались все 8 резервных батальонов (по два от Брестского, Белостокского, Виленского и Литовского полков). С момента разрыва отношений России с Англией и Францией личный состав резервных батальонов стал привлекаться к работам по укреплению обороны Севастополя. Позднее, в позиционных боях, они оказались как раз к месту, тем более, что многие из нижних чинов умели работать в качестве орудийной прислуги и хотя бы примерно знали, что и как делать на батареях.³⁴⁸

15 (27) сентября 1854 г. 5-й резервный батальон Литовского егерского полка (майор Обручев) входил в гарнизон Южной стороны Севастополя. Вместе с литовцами в него входили 5-й резервный батальон Виленского егерского полка, 1-й морской батальон, 42-й флотский экипаж, 1-й рекрутский батальон, взвод 6-го саперного батальона, всего числом около 3500 чел. 6-й резервный батальон полка (майор Алферов 2-й) находился на 1-й дистанции: на батарее №10 и 7-м бастионе.

20 сентября (2 октября) 1854 г. произошло усиление гарнизона. Теперь по две роты 6-го батальона Литовского полка находились на батареях №8 и №10 1-го отделения на Городской стороне.

К началу первой бомбардировки Севастополя 5 октября 1854 г. 6-й батальон литовцев был размещен двумя ротами на батарее №10, по одному взводу от остальных рот

³⁴⁴ Библиография. Восточная война 1853–1856 годов. Сочинение М. И. Богдановича. 4 тома. С.-Петербург. 1876 года (статья вторая)// Военный сборник. №2. СПб., 1877 г. С. 125.

³⁴⁵ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 138.

³⁴⁶ История 51-го пехотного Литовского Его Императорского высочества Наследника Цесаревича полк. 1809–1909 гг. Составит. Генерального штаба полковник Павлюк К. К., Одесса, 1909 г.

³⁴⁷ История 51-го пехотного Литовского Его Императорского высочества Наследника Цесаревича полк. 1809–1909 гг. Составит. Генерального штаба полковник Павлюк К. К. Одесса, 1909 г.

³⁴⁸ История 51-го пехотного Литовского Его Императорского высочества Наследника Цесаревича полк. 1809–1909 гг. Составит. Генерального штаба полковник Павлюк К. К., Одесса, 1909 г.

Бой в траншее во время вылазки. Французский рисунок.

на батарее №8 и на Александровской батарее. Одна рота была повзводно разделена в редуте №1 (Шварца) и 5-м бастионом.³⁴⁹

Забегая вперед, могу сказать, что резервные батальоны в Севастополе проявили себя самым лучшим образом, достойно искупив Альминский «грех» брестцев и белостокцев. К сожалению, до сих пор память их участия в обороне крепости не вознаграждена в металле и камне, хотя к началу XX в. это предполагалось сделать на тех позициях, в защите которых они принимали участие. В том числе на 5-м бастионе, люнете Белкина, между батареями Бутакова и 6-м бастионом, на 6-м бастионе, на Рудольфовой горе, на месте 7-го бастиона и т.д.³⁵⁰ Это, конечно, обидно, тем более, что все они принадлежат к 13-й пехотной дивизии, самой «родной» для Крыма из всех соединений императорской армии. Остается надежда на потомков...

Морские десантные батальоны находились на кораблях и, сменяя друг друга, свозились на берег.

Общая численность войск в Севастополе после ухода армии к Бахчисараю была такой:³⁵¹

Место расположения	Саперы (чел.)	Пехота (чел.)	Моряки (чел.)	Всего (чел.)
На Северной стороне	607	2674	9649	12930
На Южной стороне	–	5630	607	6237
Итого:	607	8304	10256	19167

³⁴⁹ История 51-го пехотного Литовского Его Императорского высочества Наследника Цесаревича полк. 1809–1909 г.г. Составит. Генерального штаба полковник Павлюк К.К., Одесса, 1909 г.

³⁵⁰ Рерберг П. Памятники частям войск, оборонявшим Севастополь в 1854–1855 гг.//Военный сборник. №3. СПб., 1904 г. С.79–85.

³⁵¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.214–218.

Кроме этого, на Южной стороне были легкая №4 батарея 14-й артиллерийской бригады, 2-я морская подвижная батарея и батарея из 4 орудий, сформированная при резервной бригаде 13-й пехотной дивизии. К этому числу нужно добавить прислугу орудий на береговых батареях и 6-7 тысяч матросов на кораблях.³⁵²

Но не только малая численность гарнизона вызывала опасения. Для начала снова немного теории. Дело в том, что защищать предстояло не крепость. Защищать нужно было территорию, усиленную крепостью.

Многие, употребляя термин «крепость» подразумевают привычные для представления обывателя высоченные стены, рвы с водой, мосты на цепях и башни с зубцами. Разочарую тех, кто так думает. Если бы Севастополь, был хоть немного таким, то все что хотелось бы пожелать гарнизону – это успеть разбежаться по окрестным деревням и ждать пока союзная артиллерия сотрет с лица земли это средневековое творение, после чего сдаться в плен на максимально почетных условиях.

Российская военная теория не слишком высокого мнения о Севастополе, как крепости: «„Крепостью“, даже в тогдашнем смысле слова, Севастополь и не был: с севера он был открыт; береговые его батареи, правда, были, по устройству, долговременными, как и некоторые казематированные постройки восточной части ограды, по южную сторону рейда, но самая эта ограда, без которой „крепость“ немыслима, отсутствовала; будучи уже насыпана во время осады... „Крепость“, плоше тогдашнего Севастополя, трудно было себе и представить».³⁵³

Если на крепость защитникам надеяться было нельзя, оставался флот? Пока он был в боевом состоянии и готовым к действиям, одно только его наличие Бургойн считает сильной стороной русских, равно как и огромные запасы всего необходимого для организации долгой и упорной обороны.³⁵⁴

«Но этот блестящий флот был обречен на бездействие, часть его судов была затоплена, а команды взяты на сухопутные батареи. С потерей сражения на реке Альме, князь Меншиков отступил сначала к Севастополю, а потом направился к Бахчисараю. Признавая энергию и способности В. А. Корнилова, все адмиралы просили его принять на себя главные распоряжения по приготовлению города к обороне. Корнилов, принимая на себя обязанности руководителя обороны, вместе с тем принял и нравственную поддержку всего Черноморского флота, что не нравилось князю Меншикову, и он, отказавшись от каких бы то ни было распоряжений, махнул рукой на все, происходившее в Севастополе».³⁵⁵

³⁵² Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный сборник. №3. СПб., 1902 г. С. 80.

³⁵³ А. П. К вопросу: «Возмещают ли крепости недостаток численности войска» // Военный сборник. №4. СПб., 1894 г. С. 311.

³⁵⁴ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P. 198.

³⁵⁵ Библиография. Обзор исторических статей в русских журналах // Военный сборник. №4. СПб., 1894 г. С. 96–97.

ФЕНОМЕН ТОТЛЕБЕНА

«Тотлебен, по уму не орел, но человек в высшей степени храбрый, практический и с верным взглядом».

Генерал-лейтенант Порфирий Николаевич Глбов, во время обороны Севастополя командир батареи.

Когда мы задумываемся над тем, почему все-таки союзники не взяли Севастополь, или хотя бы его Северную сторону в первые дни кампании, мы тут же вольно или невольно вспоминаем деятельность тогда еще мало кому известного инженерного подполковника Эдуарда Ивановича Тотлебена. В заголовок данной главы слово «феномен» введено мной преднамеренно и отнюдь не для сочности фраз. Многие прибегают к еще более высокопарному стилю, когда речь заходит об Эдуарде Ивановиче. Канадский историк А. Трубецкой прямо сказал в своем исследовании Крымской войны: «Гений и энергия Тотлебена быстро изменили столь пагубную ситуацию в Севастополе».³⁵⁶ Не чураются этого даже противники. Английский адмирал Сеймур в своих воспоминаниях об участии в Крымской войне тоже говорит о гениальности Тотлебена.³⁵⁷

В 1857 г. император Франции Наполеон III имел приватную встречу с генерал-адъютантом Э. И. Тотлебенем и они, судя по воспоминаниям последнего, детально обсудили ход кампании. Наполеон утверждал, что главной точкой приложения сил должен был вначале стать совсем другой город, чем главная база флота: «Чтобы с успехом осаждать Севастополь, необходимо было предварительно занять Симферополь: это было всегда мое убеждение».³⁵⁸

Наполеон прав – если бы союзники взяли Симферополь, они могли в этом случае взять русскую армию за горло, перекрыв коммуникации для ее снабжения.³⁵⁹ В этом случае, говоря точными терминами, обороны Севастополя не могло быть, началась бы его осада с неминуемой сдачей.

³⁵⁶ Трубецкой А. Крымская война (пер. с англ.). М., 2010 г. С.220.

³⁵⁷ Seymour, Edward Hobart, Sir. My naval career and travels. London. 1911. P.23.

³⁵⁸ Граф Эдуард Иванович Тотлебен//Русская старина. Том XLV. СПб., 1885 г. С.717.

³⁵⁹ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г. С.518–526.

Но, «...генералы мои действовали противно моим советам»³⁶⁰ и союзники решили, не теряя время, атаковать Северную сторону. Это была их первая, но не последняя стратегическая ошибка.

Когда за месяц до высадки союзников подполковник представился о прибытии князю Меншикову, да еще с рекомендательным письмом князя Горчакова, он, естественно, не мог ждать ничего иного, нежели перспективы скорейшего удаления из Крыма. Мы знаем, как не терпел князь соглядатаев, пусть даже присланных людьми вышестоящими и уважаемыми. Потому и поинтересовался язвительно: «...когда он располагает вернуться обратно?»³⁶¹

Тотлебен остроумие князя оценил, убыл к Корнилову, который, оказавшись безошибочно прозорливым, педантичного лифляндца успокоил и прикомандировал подполковника к своему штабу.³⁶² А тут вскоре союзники высадились, ситуация закрутилась, и о «горячей встрече» Тотлебена не вспоминал уже даже сам Меншиков, к чести, высоко оценивший многие дарования офицера.

Наверное, Севастополю исключительно повезло, что этот, без сомнения, выдающийся фортификатор и не менее выдающийся организатор оказался в крепости в этот драматический период. Благодаря его (и, конечно, не только его) профессионализму при, казалось, бесконечно проигрываемых полевых сражениях от Альмы до Черной речки, крепость смогла держаться почти год.³⁶³ При этом даже трудно сказать, какие из его качеств оказались важнее: организаторские или инженерные. Тотлебен был нужен, как воздух, именно в тот момент, когда вся Россия, поняв, что «...в Крыму разыгрывается теперь, а всего вернее что уже разыгралась страшная драма»,³⁶⁴ замерла в ожидании — как оно там все повернется.

Все без исключения участники защиты крепости с высочайшим уважением отзываются о Тотлебене. Командир батареи П. Н. Глебов, будущий генерал-лейтенант: «Тотлебен, по уму не орел, но человек в высшей степени храбрый, практический и с верным взглядом. Главная заслуга его в том, что он всегда отгадывал намерения неприятеля, всегда предвидел то, на что может и должен решиться неприятель в известных случаях, вследствие чего, всегда успевал предупредить его своими работами. Шарлатанства в нем никакого, и теперь, едва поднялся с постели».³⁶⁵

Не будем идеализировать действия военного инженера. Не потому, что они не были гениальными, а потому, что и он совершал ошибки. Но в отличие от ошибок союзных и русских генералов, они не были глобальными и позволяли себя быстро устранять. Главное было то, что он действовал, в то время как самой страшной ошибкой могло быть только бездействие, пассивное ожидание развития событий. Для идеальных решений у него не было времени. И потому «...в этих условиях нужно было лишь организационное руководство, которое бы помогло развертыванию богатых артиллерийских средств Севастополя. Таким организатором обороны явился инженер Тотлебен; важнейшая заслуга последнего заключалась в бесперерывном вооружении новых батарей на сухопутной линии обороны; всего здесь перебивало до 2500 орудий, наиболее тяжелых из обширного имевшегося запаса».³⁶⁶

³⁶⁰ Граф Эдуард Иванович Тотлебен//Русская старина. Том XLV. СПб., 1885 г. С.717.

³⁶¹ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С.64.

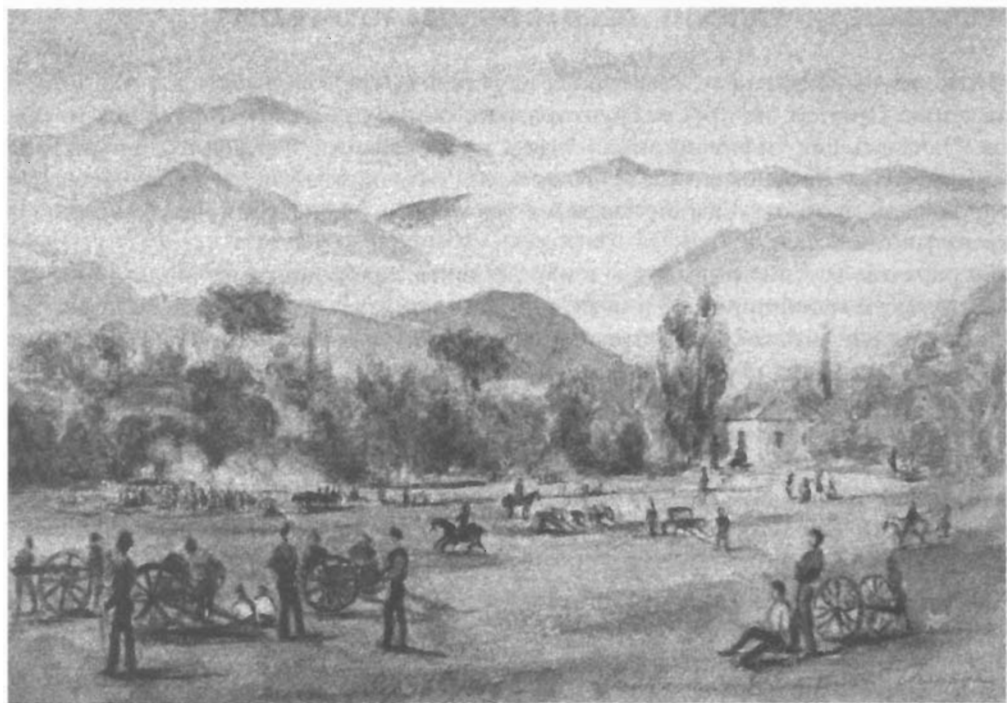
³⁶² Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С.64.

³⁶³ А. П. Возмещают ли крепости недостаток численности войск//Военный сборник. №2. СПб., 1894 г. С.310.

³⁶⁴ Дневник П. Д. Рудакова о войне в Малой Азии в 1854—1855 годах//Русская старина. Том 122. СПб., 1905 г. С.285.

³⁶⁵ Записки П. Н. Глебова//Русская старина. Том 121. СПб., 1905 г. С.499

³⁶⁶ Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том II. М.-Л., 1928 г. С.54—55.

Английские войска под Балаклавой. Английский рисунок. Сентябрь 1854 г.

Лучшая оценка — это оценка из уст противника. Впоследствии маршал Пелисье признал, что именно идея Тотлебена по опоре на бастионы позволила русским, в том числе, столь долго удерживать Севастополь.³⁶⁷

Сочетание инженерного ума и тактического чувства позиции, свойственного многим талантливым артиллеристам, стало отличительной чертой таланта Тотлебена.³⁶⁸

Со «снобами» труднее. Проваливший кампанию английский инженерный генерал Бургойн, когда говорит о быстроте возведения русскими оборонительных соединений, никак не хочет признавать, что те оказались умнее его, заставив потащить союзную армию к Балаклаве. Потому утверждает, что никакого искусства фортификации русские не показали. Просто они оказались более энергичными, быстрыми, и им на руку оказался пересеченный рельеф местности под Севастополем, в который они удачно вписывали систему укреплений,³⁶⁹ что, кстати, русские не опровергают совсем.³⁷⁰

Кстати, а что же тогда считать искусством?

Для того чтобы окончательно понять, кто же в этом споре прав, снова вернемся назад.

³⁶⁷ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P.180.

³⁶⁸ Плюинский А. Опыты стрельбы по фортификационным постройкам//Военный сборник. №11. СПб., 1883 г. С.255.

³⁶⁹ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P. 191–193.

³⁷⁰ Крыжановский П. Заметка об обороне береговых укреплений//Военный сборник. №2. СПб., 1894 г. С.298–299.

СЕВЕРНОЕ УКРЕПЛЕНИЕ: ПЕРВАЯ ПОБЕДА ТОТЛЕБЕНА

Инженерные работы в Севастополе начались до первых выстрелов Альминского сражения. Причем, не просто грунтоработка по принципу: кирка-лопата, земля-ров. Началась фортификационная битва, полностью и безоговорочно выигранная русскими. Наверное, именно с этого времени начинается «эпоха Тотлебена» в Севастопольской обороне. Сам он называет это просто: «приступил к исполнению собственного проекта».³⁷¹

В сражение вступил новый, но, одновременно, такой древний, вид оружия, который при всей своей простоте и незатейливости доказал способность побеждать или нейтрализовать многократно сильнее него неприятеля. Это — лопата. В мировой военной истории этот скромный шанцевый инструмент недооценивают, а ведь с его помощью если не выигрывались войны, то решались судьбы кампаний.

Сторонний наблюдатель может с полным правом сказать: а что там стоило оборонять крепость, которая по утверждению иностранных военных специалистов (Делафилд) была одной из трех сильнейших морских крепостей мира (Кронштадт, Севастополь, Шербур).³⁷²

Во время упомянутой выше беседы с Тотлебенем, Наполеон III, которого эти мысли мучили как минимум уже три года, прямо спросил Эдуарда Ивановича: «Скажите, возможно ли было, по вашему мнению, овладеть северным укреплением немедленно после Альминского боя?».

Думаю, что ответ последнего сильно расстроил императора: «Северное укрепление имело слабую профиль, было не сильно вооружено, занято одним батальоном пехоты и поддержано двенадцатью батальонами флотских экипажей, которые только что были сформированы с судов и неудовлетворительно вооружены. Если, ваше величество, после Альминского сражения значительные силы союзников были бы направлены вслед за нашими отступающими войсками против северного укрепления, то штурм увенчался бы, по всей вероятности, успехом».³⁷³

Тотлебен прав, уж кому, как ни ему знать то, что действительно скрывалось за теми, казавшимися грозными фортификационными новообразованиями, столь озадачившими подходившего неприятеля.

Если бы императору доложили, что некоторые оборонительные сооружения Севастополя не выдерживают «атак» домашних животных, он, думаю, был бы расстроен еще больше. Действительно, у севастопольцев еще на слуху рапорт, в котором один из военных чинов инженерного ведомства просил полицмейстера «принять зависящие меры против козла, принадлежащего священнику, который уже в третий раз, в разных местах на правом фланге Малахова кургана, рогами разнесит оборонительную стенку».³⁷⁴ В свою очередь полицмейстер издал приказ, запрещающий выпускать скот на улицу, «так как он разрушает городские укрепления».³⁷⁵

Но это все более анекдот, реальность была скорее грустной, нежели смешной: из семи верст оборонительной линии Северной стороны к концу 1853 г. была построена только четвертая часть. Но и на той вооружение почти отсутствовало. В резуль-

³⁷¹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 139.

³⁷² Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 26.

³⁷³ Граф Эдуард Иванович Тотлебен//Русская старина. Том XLV. СПб., 1885 г. С. 717–718.

³⁷⁴ Зонин А. И. Жизнь адмирала Нахимова. Л., 1987 г. С. 347–348.

³⁷⁵ Эдуард Иванович Тотлебен. Биография (<http://www.genroge.ru/totleben/index.htm>).

тате не только эти укрепления, но и береговые батареи могли стать легкой добычей неприятеля.³⁷⁶

Как бы то ни было, «по непонятным причинам союзники отказались от штурма наиболее слабой Северной стороны».³⁷⁷

То, что смог сделать козел священника, у них не получилось.

Еще в первые дни кампании, когда противник только высадился в Крыму, и не было ясности ни в ходе, ни в исходе первых дней, а в воздухе витало священное русское «авось», предприняли попытку укрепить Северную сторону. Работы сводились к утолщению брустверов и дефилированию внутренности укрепления. Темп был настолько медленным, а предполагаемый объем таким большим, что, по мнению Тотлебена, «...они могли быть окончены не ранее, как по истечению нескольких месяцев».³⁷⁸

Идея заставить союзников без единого выстрела оставить в покое Северную сторону Севастополя зиждилась на гениальной простоте. Понимая, что одно лишь, пусть и мощное укрепление, не является препятствием, способное задержать союзные войска, рискни они атаковать Северную сторону, Тотлебен лишь развил имевшийся сильный опорный пункт в крепкую фронтальную позицию. Считая бессмысленным расходовать рабочую силу на одном месте, он принял решение расширить оборонительную линию системой полевых укреплений, опирающихся своими флангами на Северное укрепление, чтобы иметь возможность, расположив в них наибольшее количество батарей и стрелков, артиллерийским и ружейным огнем взять под обстрел всю прилегающую местность. Другие фланги предполагали опору на естественный рельеф, на места, исключавшие применение больших масс пехоты. При этом, оборонительная позиция сокращалась до минимальной, а неприятель принуждался растягивать фронт, рассеивая силы. В основу инженерного плана Тотлебен положил идеи своего учителя Теляковского: «Я ничего нового не создал, — писал ему Тотлебен, — я только, Аркадий Захарович, проводил ваши идеи в жизнь».

Генеральная суть замысла состояла в том, чтобы направить неприятельское наступление по маршруту оставившей Севастополь армии с последующим выходом на южную сторону. В полном соответствии с идеей Клаузевица: «Располагаясь за сильными укреплениями, мы заставляем противника искать решение в другом месте».

Выигранное время планировали использовать для усиления полевыми укреплениями Южной стороны Севастополя.³⁷⁹

В пользу русских обращались как минимум три фактора, идеально удовлетворявших (по Лееру) тактическим требованиям к местности:³⁸⁰

- наличие нескольких уже имевшихся сильных укреплений, в первую очередь Северного.

- рельеф местности, позволявший сократить протяженность оборонительной линии, а следовательно и временные затраты на ее возведение. Этот же рельеф перед позицией позволял почти все время держать подходовшего неприятеля под артиллерийским огнем.

- наличие вооружения, необходимого для оснащения позиции, в том числе снятого с кораблей и имевшегося после разоружения не использующихся батарей.

³⁷⁶ Скориков Ю. А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 136.

³⁷⁷ Доценко В. А., Доценко А. А., Миронов В. Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. С. 101.

³⁷⁸ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 139.

³⁷⁹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 139.

³⁸⁰ Леер Г. Тактическое значение местности. Исследование о позиции (статья первая)//Военный сборник. № 8. СПб., 1878 г. С. 36–43.

Мы вскоре увидим, настолько точен расчет выдающегося военного инженера. Тотлебен стал тем человеком, которому удалось сгладить грубейшие просчеты Меншикова, допущенные им еще до начала боевых действий в Крыму и порожденные, прежде всего, неумением главнокомандующего скоординировать действия флота и армии. Это было, увы, вечным слабым звеном российской военно-стратегической мысли. В результате, требуя полного и исключительного единства, они проводились в порядке междудеятельного компромисса, и высадка встретила разрозненное сопротивление армии и флота, без шансов на успех и на суше, и на море. Оборона берега была задачей и армии и флота, но для обеих одинаково второстепенной.³⁸¹ Теперь же предстояло оборонять и крепость, и берег, притом делать это силами и армии, и флота.

Когда же союзники обнаружили свое главное намерение — взять Севастополь, выяснилось, что слабо укрепленная с суши крепость, без малейшего преувеличения, незащищена (из 7 верст оборонительной линии к началу войны вчерне была возведена только четвертая часть³⁸²), а укреплять ее некому. В мирное время строительные работы выполнялись инженерными командами и их военно-рабочими ротами, прикомандированными морскими командами и подрядчиками.³⁸³

В военное время этого под руками не оказалось. Вместо строительных подрядчиков в наличии имелись лишь войска, после Альмы рассеянные по окрестностям, местное население, более озабоченное собиранием своих пожитков и желающее лишь одного — скорее уйти из города, пока над крепостью не засвистели первые ядра и, правда, вполне организованные морские команды.

Кроме того, случилось то, что уже сказало на ходе Альминского сражения. Как и там, так и здесь в распоряжении войск не оказалось нужного числа шанцевого инструмента.

Я понимаю, что читателям двух первых книг словосочетание «шанцевый инструмент» уже набило оскомину, но так уж получается, что Севастополь союзники не взяли сразу не благодаря героизму удаляющихся от него войск, а благодаря настойчивости Тотлебена и его последовательности в вопросах обеспечения фортификационных работ. Основным оружием первых месяцев обороны были не столько пушки и ружья, сколько лопаты, кирки, ломы и носилки. Впервые за много лет, казалось, уже утраченное русской армией сильное свойство быстро и крепко укрепляться на местности возрождалось под Севастополем.³⁸⁴

Впервые проблема с инструментом «всплыла» 17 августа 1854 г. когда Меншиков, выполняя требование Николая I об усилении именно сухопутной обороны крепости в связи с опасением возможного десанта союзников в Крым, запросил строителя Севастопольской крепости инженер-генерал-лейтенанта Павловского о наличии и состоянии инструмента, необходимого для выполнения фортификационных работ в большем объеме на сухопутной линии.

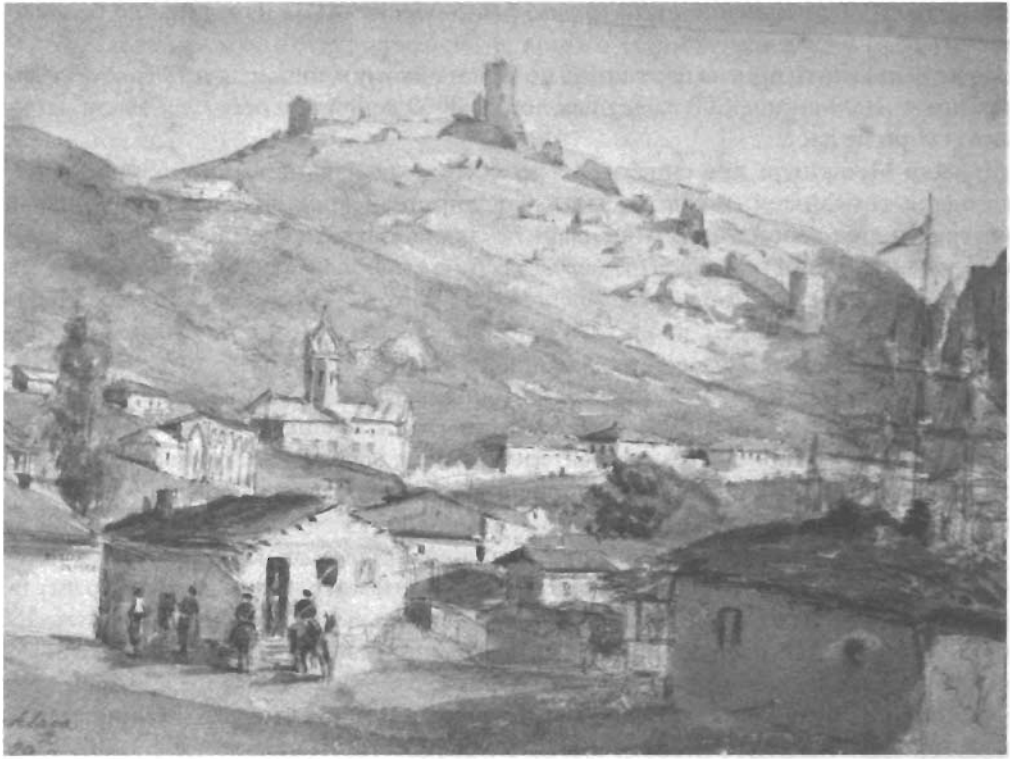
Павловский информирует князя, что в крепости нет ничего, что необходимо для строительства сухопутной оборонительной линии. Нет камня, нет инструмента, нет денег, не разработаны чертежи некоторых проектов. Нет даже людей, из числа во-

³⁸¹ Петров Н. Оборона берегов. М., 1926 г. С. 15.

³⁸² Прямыцкий С. Д. Инженерно-строительные органы Российского флота (1696–1917 годы)//Гангут. №22. СПб., 2000 г. С. 13

³⁸³ Прямыцкий С. Д. Инженерно-строительные органы Российского флота (1696–1917 годы)//Гангут. №22. СПб., 2000 г. С. 13

³⁸⁴ Николаев. Об окопном деле в пехоте//Военный сборник. №3. СПб., 1889 г. С. 120.

Английские войска в Балаклаве. Английский рисунок. Сентябрь 1854 г.

енно-рабочих рот, которые находятся на сезонных работах и только после ноября можно будет выделить на крепость 150–200 человек.³⁸⁵

Полученные цифры князя не насторожили. Успокоенный затянувшимся ожиданием высадки, Меншиков, имитируя активность, вступил в бюрократическую тяжбу с Петербургом, всячески оттягивая начало работ, дабы не обременять себя и подчиненных лишними заботами.³⁸⁶ Вполне вероятно, что, зная коррумпированность чиновников и опасаясь последующей ответственности за «прилипшие» к рукам подрядчиков государственные деньги, князь понадеялся на традиционное «авось пронесет».

В результате за считанные недели до высадки союзников в Крыму, в крепости имелось ничтожное количество шанцевого инструмента: кирок – 175 (годных в том числе – 69), лопат железных – 75 (годных – 45), лопат деревянных – 535 (годных – 123), мешков – 1800 (годных – 1082), ломов – 30 (годных – 18). Кроме того, имелся штатный инструмент инженерной команды: 108 топоров, 30 кирок, 203 лопаты, 6 ломов

³⁸⁵ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С.150.

³⁸⁶ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С.148–149.

и 15 мотыг.³⁸⁷ Таким имуществом можно было обеспечить всего лишь не более 200 рабочих.³⁸⁸

Но не выполнить приказ царя князь не мог, и потому в конце августа требует иметь в крепости 1000 кирок, 200 железных лопат, 3000 деревянных и т.д.,³⁸⁹ зная, что их никто скоро не даст.

Отныне Меншиков мог считать себя победителем великой придворной битвы. Благодаря тончайшей, можно сказать, ювелирной бюрократической интриге, он разыграл перед императором невиданную активность в стремлении укрепить Севастополь, но, одновременно, освободил себя от проблем, связанных с этим самым укреплением, почти на год. Срок завершения работ перенесли до 1 апреля 1855 г.³⁹⁰ Князь же явно был уверен, что к тому времени «хлебасть заваренную ими кашу» придется кому-то другому...

Все бы хорошо, но в это самое время в портах Болгарии по корабельным сходням уже стучат каблуки английских, французских и турецких солдатских ботинок. Батальон за батальоном, батарея за батареей десант исчезает во чревах транспортов, которые один за другим выходят на рейд и выстраиваются в походный ордер, имея один генеральный курс — Крым.

Настырный и педантичный инженер Тотлебен первым делом оформил ситуацию на бумаге, представив ее князю. В ней он (теперь он) потребовал то, чего до сих пор не было, но что было крайне необходимо — шанцевый инструмент (800 лопат, 1600 кирок, 50 мотыг и 40 ломов).³⁹¹ Преобладание кирок в соотношении 1:2 к лопатам говорит, что на первый план ставилась скорость работ.

Уже перед лицом неприятеля в Севастополе «расторопные унтер-офицеры» под самыми разными предлогами позаимствовали у местного населения кирки, ломы и лопаты, но даже эта «инструментальная мобилизация» на нужды Отечества и обороны не дала даже сотой доли необходимого.³⁹²

М. Д. Горчаков, получив враз устаревшую информацию о столь плачевном состоянии дел, приказывает контр-адмиралу Метлину и генерал-адъютанту Анненкову найти инструмент в достаточном количестве и одновременно пишет Меншикову: «...При твердости грунта, шанцевый инструмент портится, достать инструмент в Севастополе трудно, а потому я приказал прислать вам из Одессы и Николаева 10 тыс. железных лопат и кирок».³⁹³ Но только 3 октября обоз в числе 12 подвод вышел из Одессы в Севастополь. Везли 4264 лопат. Кирок так и не нашли...³⁹⁴

Тотлебен, поняв, что инструмента ему так и не дожидаться, приказал наладить его производство и ремонт в мастерских Севастопольской крепости.³⁹⁵

И давайте посмотрим правде в глаза. Когда мы говорим о массах людей, вышедших на строительство укреплений Севастополя, мы, мягко говоря, выдаем желательное за действительное. Можно вывести на фортификационные работы сотни, тысячи

³⁸⁷ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 149.

³⁸⁸ Маслов А.Н. История крепостной войны (выпуск первый). Севастополь (1854–1855 г.). Бельфор (1870–1871 г.). СПб., 1900 г. С. 27.

³⁸⁹ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 150.

³⁹⁰ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 150.

³⁹¹ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 161.

³⁹² Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 151–152.

³⁹³ Попов М.М. Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове//Русская старина. Том 77. СПб., 1893 г. С. 527.

³⁹⁴ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 152.

³⁹⁵ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 161–163.

людей, включая всех местных публичных девок. Тем более, что их действительно вывели. А дальше? Чем они будут работать, что мы им дадим в руки? Пусть уж лучше, чем умеют, повышают воинский дух защитников крепости, в смысле стирают, готовят бинты, носят на бастионы воду. Трудно не согласиться, что это принесло бы гораздо больше пользы.

Кстати, об этих самых девках. Возвеличивая их роль, мы, сами о том не задумываясь, ударившись в мифостроительство, уменьшаем подвиг жителей Севастополя. Тотлебен тоже пишет о женском участии в создании обороны крепости, но посмотрите, как это звучит у него: «Женщины работали на внутренней батарее Городской стороны. Это были большей частью жены и дочери матросов, добровольно вызвавшиеся служить общему делу».³⁹⁶

Действительно, гарнизон совершал свой первый подвиг, когда в ход шли самодельные деревянные лопаты, колья, доски. Это не для красного словца сказано. Хотя бы потому, что в нашей стране подвиги совершаются тогда, когда приходится исправлять ошибки бездарностей. Представьте, что стоит за понятием «негодная деревянная лопата»? Наверное, просто палка. А подберите-ка другое подходящее слово, когда с помощью этих шанцевых «уродцев» в считанные дни возводили укрепления, не возведенные за несколько лет мирного времени? Вот-вот, и мне захотелось матом...

С таким материально-техническим обеспечением солдаты, матросы, жители Севастополя перерабатывали кубы севастопольского грунта, который по определению копать почти невозможно! Изъятый грунт носили в полах шинелей!

Что касается мирного населения вообще, то его, в случае, если нет возможности избавиться от него, чтобы не подвергать риску для жизни, можно и нужно использовать более рационально. Примеров, к счастью и чести горожан, тому хватает и в нашем случае. Из жителей-добровольцев можно формировать различные вспомогательные команды (пекари, мясники, пожарные и т.д.). В Севастополе под началом двух актеров местного театра Пилони и Дрейсixa действовали городские караулы, следившие за порядком.³⁹⁷

Но никакой героизм, плюс энтузиазм, плюс две царские чарки водки не помогали решить проблем отсутствия инструмента. Суточные задания не выполнялись, работы шли крайне медленно.³⁹⁸

Будем объективны, и у Тотлебена нашлись критики. Капитан-лейтенант Ильинский вообще выдвигает свою версию, в основу которой положил возможность ведения успешной обороны крепости на рубежи реки Бельбек: «опытный генерал Тотлебен не одобрил бы проекта менее опытного подполковника Тотлебена».³⁹⁹ Но он заблуждается: во-первых, Альминское сражение совсем не, как он утверждает, «...незначительное авангардное дело, проигранное нами».⁴⁰⁰ Во-вторых, он слишком уповает на морские батареи, которые к тому времени только начинали обустраиваться и, наконец, в-третьих, оценивает общее состояние войск по своим морьякам.

³⁹⁶ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 169.

³⁹⁷ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости//Военный сборник (статья вторая)// Военный сборник. №12. СПб., 1881 г. С. 264.

³⁹⁸ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 152.

³⁹⁹ Из воспоминаний и заметок Д.В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 68.

⁴⁰⁰ Из воспоминаний и заметок Д.В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 68.

А вышеупомянутый инструмент — это лишь вершина айсберга проблем: войска длительное время без жалования, продовольствие есть, но качество его вызывает сомнения и т.д. до бесконечности.⁴⁰¹

ЧТО СДЕЛАЛИ

Пример Северной стороны показал, как задачи первостепенного стратегического значения иногда могут быть решаемы с помощью импровизированной или временной системы укреплений, особенно когда неприятель медлит с наступлением и дает возможность довести эти укрепления до необходимой степени силы.

Принимаясь за дело, понимая, что лучшего у него все равно нет, Тотлебен взял за основу то, что было — Северное укрепление. Конечно, крепостью его назвать было трудно, но и не станем прибедняться — слабым оно тоже не было.

Его построили в 1807–1811 гг. под руководством инженер-генерал-майора Гартинга, со стенкой «в три обтесанных кирпича». Незадолго до Крымской войны Военное ведомство полагало, что в результате принятия мер по его усилению, определенных адмиралом Корниловым и поддержанных Николаем I, Северное укрепление станет неплохим препятствием на пути противника. В качестве примера приводилась крепость Измаил, которая была в таком же состоянии, и которую привели в порядок за три месяца.

6 октября 1853 г. Николай I утвердил предложения Инженерного ведомства. Срочно определили объем предстоящих работ и составили сметы, по которым всего на Северное укрепление требовалось более 32400 рублей, которые были выданы по приказу императора из «особого военного капитала». К 1 сентября 1854 г. работы были в основном закончены, и 47 орудий заняли свои места.⁴⁰²

Давайте не будем слишком доверчивы. Когда такой серьезный исследователь Крымской войны как Богданович пытается убедить нас в беззащитности крепости, утверждая, что Северное укрепление почти не прикрывало доступ к городу, а флот противника, подойдя к берегу, мог действовать почти безнаказанно против него, он не прав.⁴⁰³

Во-первых, автор ведет речь только о тех орудиях, которые в нем были до высадки союзников.

Во-вторых, союзный флот никак не мог угрожать ему хотя бы по причине той же, что на Альме: удаленность от берега и возвышение над уровнем моря. Уже совсем скоро во время бомбардирования орудия нескольких линейных кораблей ничего не смогут сделать с батареями Волохова и Карташевского, расположенными значительно выше уровня моря и гораздо ближе к берегу.

Но укрепление хоть и есть, оно лишь прикрывает фронт, служа ключевым пунктом позиции, которую к сентябрю 1854 г. развить не успели, хотя и планировали на перспективу. И теперь перед Тотлебенем стояла, на первый взгляд, неразрешимая задача: создать на, можно сказать, пустом месте, непреодолимую категорически превосходящими силами неприятеля оборонительную линию, способную если не спасти крепость, то хотя бы остановить наступающего. Думаю, он понимал, что при

⁴⁰¹ Трубецкой А. Крымская война (пер. с англ.). М., 2010 г. С. 220.

⁴⁰² Скориков Ю. А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 154–156.

⁴⁰³ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

Английский флот в Балаклаве. Английский рисунок. Сентябрь 1854 г.

дефиците: а) времени; б) инструмента; в) рабочей силы, это была лишь мечта. Но умный немец поступил рациональнее: зачем создавать полнокровную оборону, если ее можно качественно симитировать.

Оборонительная линия Северной стороны опиралась на три элемента,кратно усиливших ее.

В центре — само укрепление. Выбить русских из него можно было только атаками пехоты, сопряженными с большими потерями. Использование флота было невозможным по его удаленности, а использованию полевой артиллерии мешал рельеф местности.

Хотя состояние укрепления желало лучшего. К описываемому времени успели достроить полуразвалившийся бруствер для прикрытия стрелков от выстрелов. При этом во время насыпки бруствера, старые эскарповые стены, не выдержав давления земли, обрушивались, засыпав узкий ров, и на западном бастионе образовался обвал. Пришлось спешно устранять «грехи» предшественников (не зря боялся Меншиков горе-подрядчиков). С позиции, занимавшей в длину около 1,5 км, по противнику, наступающему с фронта, могли действовать 29 орудий.

Основные инженерные работы проводились с целью расширения фронта позиции и прикрытия ее с флангов. Для этого правее соорудили батарею с 12 24-фунт. орудиями, соединенную с укреплением бруствером и рвом полевого профиля. Для прикрытия позиции от обхода с правого фланга, была трассирована батарея на скате, упирающемся в берег бухты около батареи № 4. Батарею № 4 дополнительно вооружили 6 пудовыми единорогами, поставленными на барбетах присыпанных к оборонительной стенке горжи. Две балки, глубоко разрезавшие местность и служили есте-

ственным усилением позиции. На этом месте Тотлебен ограничил позицию: можно было смело ликвидировать две батареи (Двенадцати-Апостольскую и Парижскую), а их личный состав и орудия отправлять на усиление фронта. Что и было сделано.

Наибольшие опасения вызывала приморская часть оборонительной линии. Для противодействия флоту противника и для обстрела местности в направлении устья р. Бельбек, совершенно не обстреливаемой с укрепления, на окраине Северной стороны, рядом с морским обрывом, были установлены две батареи: № 1 — с 8-ю 24-фунт. орудиями и № 2 с 6-ю 24-фунт. орудиями. Обе были соединены с Северным укреплением двумя траншеями, из которых передняя была приспособлена для ружейного огня, а задняя предназначалась для накапливания резервов.⁴⁰⁴

Море из врага превращалось в союзника. Это не Альма, для того, чтобы подойти к берегу и попытаться что-то сделать для поддержки своих войск, союзному флоту нужно было сначала «разобраться» с двумя сильными батареями (башней Волохова и батареей Карташевского), не говоря уже о мощной Константиновской батарее.

Использовали на работах всех. На Северной стороне впервые массово задействовали 352 чел. из числа 44-й, 45-й и 46-й арестантских рот. В исторической литературе часто преподносят это событие, как нечто замечательное и выдающееся. На самом деле ничего такого в этом нет: эти люди и предназначались для использования, прежде всего, на тяжелых и опасных работах. Позднее, когда по приказу Корнилова их «расковали», большинство из них разумно использовали свой шанс стать свободными людьми: «...даже арестанты усердствуют».⁴⁰⁵ Очевидец вспоминает, что их было много, «...и нам в диковинку было на них смотреть, как они в солдатских шинелях и в форменных шапках с бритыми лбами ходили по городу. Большинство из них усердно служили и трудились на батареях, многие определены были служителями при больных в госпитали, а некоторые, по старой привычке, пустились обворовывать дома, брошенные интеллигенцией, отправившей свои семьи внутрь России. Таких ловили, заковывали и отсылали в Киев, Харьков и др. места».⁴⁰⁶

В распоряжение Тотлебена и назначенного ему в помощь для общего руководства работами Истомина (как начальника над морскими батальонами) поступило 1200 матросов, а также саперы, гарнизон укрепления, чины 5-го резервного батальона Литовского егерского полка, 1-го рекрутского батальона, усиленного артиллеристами Двенадцати-Апостольской батареи.⁴⁰⁷

Так как этих войск было не достаточно не только для боя, но даже «демонстрации силы» 11 сентября Корнилов отправляет туда четыре десантных батальона во главе с капитаном 1-го ранга Варницким «...для усиления находившегося там гарнизона» и на следующий день еще 5 морских батальонов свезены с кораблей туда же.⁴⁰⁸

К 14(26) сентября войска на Северной стороне были размещены следующим образом. Северное укрепление (капитан 1-го ранга Бартенев): 6 морских батальонов (1-й, 2-й, 3-й, 5-й и 1-й десантный), 1 рекрутский батальон, 1 резервный батальон, 6-й саперный батальон, 5-й резервный батальон Литовского егерского полка, команды трех артиллерийских батарей (Михайловской, Двенадцати-Апостольской и под-

⁴⁰⁴ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С.161.

⁴⁰⁵ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н.В., Софинова П.Г. М., 1947 г. С.273.

⁴⁰⁶ Алексеев. Госпитальная жизнь в Севастополе в 1853–1856 г./Изборник Разведчика. Том XVIII. СПб., 1902 г. С.104.

⁴⁰⁷ Жаңдр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.201.

⁴⁰⁸ Жаңдр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.208–209.

вижной №16 батареи), 3 арестантские роты (№№44, 45, 46). Всего около 6000 чел.

Правый ретраншемент (капитан 1-го ранга Варницкий): 4-я рота 2-го десантного батальона, батарея К.Л.Ильинского, 4-й десантный батальон. Сизопольско-Флорский батальон, 42-й и 45-й батальоны (последние 4 подразделения – в Сухой балке). Всего около 2200 нижних чинов.

Левый ретраншемент и у северной пристани (вице-адмирал Новосильский): 3 роты стрелкового батальона, 3-й десантный батальон, 4-й морской батальон, 29-й, 32-й, 34-й батальоны (последние 5 подразделений в балке у северной пристани). Всего около 3200 нижних чинов.

Кроме того: Константиновская батарея, 5-й резервный батальон Виленского егерского полка и прислуга у орудий батареями Карташевского, Волохова, Пестича и батареи № 4.⁴⁰⁹ Примерно 800 нижних чинов.

Для поддержки войск на Северной стороне назначили 10 кораблей. На случай, если противник займет русские позиции и вынудит войска к отступлению, для его обеспечения были поставлены у пристани пароходы «Бессарабия», «Одесса», «Громоносец», «Эльбрус» и у батареи №4 – «Херсонес», «Грозный», «Владимир», «Крым».

Более детально расписывать расположение войск на Северной стороне нет смысла – они подробно указаны в сочинении Жандра.⁴¹⁰

С занятием укрепления войсками на пути союзников из ничего появилось удачно демонстрирующее свою силу и наличие достаточного гарнизона фортификационное сооружение с полным комплексом позиций, примкнутых и отдельных батарей, недостижимое с моря и контролирующее подступы с фронта и флангов.

Корнилов, приняв начальство над расположенными на Северной войсками, резюмировал: «...С северной стороны ретирады нет; все, кто туда попал, ляжем на веки».⁴¹¹

12 (24) сентября адмирал издает приказ, в котором распределяет силы для отражения возможной атаки неприятеля. Своим начальником штаба он назначает Истомина, Жандра, флаг-офицера, отправляет на Южную сторону к телеграфу для связи с городом. Другие офицеры штаба получают наиболее ответственные задачи: подчинить и держать в готовности гребные суда в бухте (капитан-лейтенант Лихачев), следить за движением неприятеля в море и на суше, вовремя оповещая о нем установленными сигналами (капитан-лейтенант князь Барятинский, лейтенант Крюденер в

П.А. Бабенчиков. 5(17) октября 1854 г. юнкер артиллерии на береговой батарее №10. За отличие при отражении бомбардирования Севастополя союзным флотом награжден Знаком отличия. Впоследствии произведен в офицеры.

⁴⁰⁹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.215.

⁴¹⁰ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.215–216.

⁴¹¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.209.

помощь им мичманы Скарятин, князь Ухтомский и др.). Заведывание артиллерией доверяется штабс-капитану Пестичу. Все войска (видно, что Корнилов спешит, он несколько раз в приказе путает точные наименования частей) распределяются по оборонительной линии. Капитан 1-го ранга Бартенев становится начальником гарнизона крепости, но часть войск ему не подчинена. Ими командует только молодой подполковник Тотлебен. Он неприкасаем. Его роль обозначена, как наделенная исключительной самостоятельностью — «...заведывать всеми оборонительными работами; инженерным и саперным офицерам получать все приказания от подполковника Тотлебена».⁴¹²

ПОЧЕМУ ТАК ПОЛУЧИЛОСЬ?

Не удивляюсь совершенно, когда слышу вопрос: неужели союзники такие идиоты, что просто не пошли и не заняли Северную сторону со всеми ее фортами, оборонительными стенками никуда не годными, в считанные дни возведенными и слабо вооруженными батареями, а дали русским не только укрепится там, но и найти время для укрепления обороны с юга.

Однозначного ответа нет. С одной стороны действительно: военного гения не хватало не только русским, но и англичанам с французами, притом не известно кому больше. А на такое предприятие можно было решаться или имея дарование предвидения или просто наобум. Американец Делафилд, без сомнения детально изучивший все, что происходило под Севастополем, считает, что именно по причине нехватки военного гения у врагов, они не сумели справиться с «гениальностью Тотлебена».⁴¹³

Но гений гением, а брать укрепление нужно было солдатам и офицерам союзных армий, которые только недавно выдержали тяжелый бой на Альме. Но никакая храбрость и личный пример «не в силах преодолеть того губительного огня, который в состоянии развить обороняющийся...».⁴¹⁴

Союзники боялись русской артиллерии. Альма показала, что шутки с ней дорого стоят, и повторять атаку под градом картечи больше не хотел никто. Канробер, сам получивший удар осколками гранаты в руку и грудь, говорил после сражения, что именно артиллерийский огонь русских принес основные потери.⁴¹⁵ Только лишь взятие одной устроенной на скорую руку батареи обошлось захватчикам в несколько сотен английских жизней и истерику герцога Кембриджского.

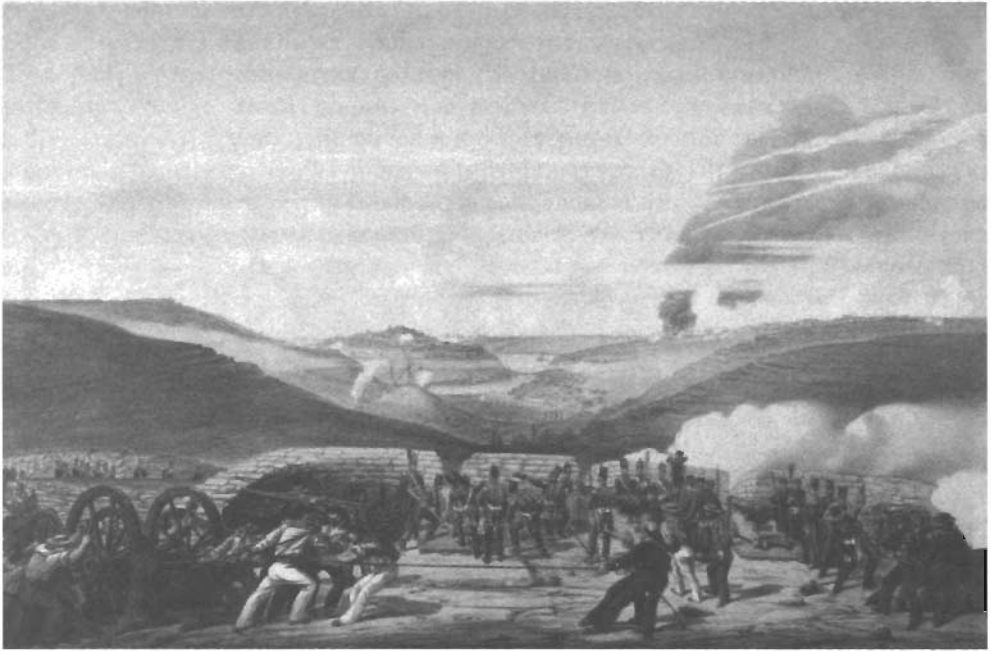
А тут как раз и ощущение, что союзники такой прием устроить могут, и никакая истерика родственника королевы их не разжалобит. Да и земля на могилах своих солдат истребленных огнем русской артиллерии на Альме еще свежа, а новые могилы рыть особенно не хочется. Тем более, что издалека не видно, что там, за виднеющимися батареями, перебежчики врут, пленные ничего не знают, шпионов там нет. Вместо ожидаемой деморализованной армии, союзники видят массы энергичных солдат, без усталости роящих землю, и вырастающие с угрожающей скоростью укрепления. Не

⁴¹² Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 209–210.

⁴¹³ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 40.

⁴¹⁴ Незнамов. Элементы укрепления полевых позиций (статья первая)//Военный сборник. №1. СПб., 1904 г. С.122.

⁴¹⁵ Just-Jean-Etienne Roy. Histoire du siege et de la prise de Sebastopol. Name, 1856. P.122.

Матросы Морской бригады доставляют 32-фунтовые орудия на одну из осадных батарей у Севастополя.
Английский рисунок сер. XIX в.

зря Делафилд считает, что боязнь мужества русских солдат и их начальника князя Меншикова, повлияла на отмену атаки союзниками Северной стороны.⁴¹⁶

Так что, давайте не будем думать, что укрепления Северной стороны были «хлипкими» сооружениями, типа «потемкинской деревни от искусства полевой фортификации». Скорее, наоборот. Военные инженеры склонны считать, что именно на Северной был продемонстрирован «блестящий пример применения временных укреплений для усиления пункта, плохо укрепленного в мирное время... Укрепления ...Северной стороны образовали настоящий укрепленный лагерь временного характера...».⁴¹⁷

События этих дней не единственный пример, когда слабые, но неизвестные неприятелю по силе позиции, становились непреодолимым препятствием. Подобные случаи предостаточно обнаруживаются в Гражданской войне в США (1861–1865 гг.), русско-турецкой войне (1877–1878 гг.) и прочих известных кампаниях XIX–XX вв.

И это еще не все. Союзники могли предположить, что русские, сообразно с теорией действия отходящей к крепости армии, изберут Северную сторону, как один из оборонительных рубежей и даже будут желать его атаки, чтобы нанести противнику большие потери и тем ослабить его.⁴¹⁸ В этом случае Раглан и Сент-Арно попадали в стратегическую западню, описываемую еще Клаузевицем, когда, хотя наступающая

⁴¹⁶ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P.40.

⁴¹⁷ Яковлев. Современное значение, устройство и применене временных укреплений продолжение)//Военный сборник. №10. СПб., 1904 г. С. 123.

⁴¹⁸ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости)//Военный сборник (статья первая)// Военный сборник. №11. СПб., 1881 г. С.24–25.

Разъезд Лейб-гвардии крымско-татарского полускадрона. Худ. К. Ф. Шульц. Середина XIX в.

армия имеет преимущество, но оно временное. Они прекрасно знали, что где-то уже подходят новые русские дивизии, а удар в спину увязнувшим в бою за Северное укрепление войскам, лишившимся поддержки флота, будет смертельным.

Поэтому решили не рисковать и действовать по науке, которая в описываемый период XIX в. рекомендовала военачальникам воздерживаться от фронтальных атак каких-либо местных предметов, считая это крайней мерой лишь в том случае, когда «...обход окончательно невозможен».⁴¹⁹

Тотлебену не удалось избежать массовой критики военного сообщества. В его судьбе случилось то, что иногда случается с людьми великими, когда они, создавая противнику ловушки, поменявшись с ними местами, сами же в них попадают. «Звезда» его закатилась под Плевной во время войны с Турцией 1877–1878 гг. Спустя десятилетия инженеру не могли простить высоких потерь в ходе кровавых атак турецких позиций. При этом так увлеклись критикой генерала, что его заслуги ставили ему в вину. Когда в 1901 г. вышла книга А. Н. Маслова «История крепостной войны», сравнивавшая две наиболее упорных крепостных войны второй половины XIX в. (Севастополь и Бельфор), то именно известная теория Тотлебена «ломки линий огня» была объявлена ошибкой. В ходе полемики отдельные аналитики сходились в том, что «...не можем, однако, поставить в заслугу г. Тотлебену его слишком большое увлечение ломаными линиями огня. Отрицательные стороны этого увлечения сказались

⁴¹⁹ Леер Г. Тактическое значение местности. Исследование о позиции (статья первая)//Военный сборник. №8. СПб., 1878 г. С. 57.

весьма рельефно на такой крепости, как Кронштадт, и за эти минувшие ошибки Тотлебена приходится теперь материально рассчитывать». ⁴²⁰

Тотлебену не простили его характер. Требовательнейший по роду службы, он, потерпев «поражение» под Плевной, увы, действительно стал скандальным человеком. «Доброжелатели», расплодившиеся в неимоверном количестве, тут же «слетелись» как воронье на падаль, чтобы добить фортификатора. Ему припомнили все, и вскоре на месте инженерного гения появился скандальный тип, да еще и преподносимый обществу, как невероятный русофоб. Оказывается «...генерал Тотлебен принадлежал к числу тех завзятых, закоренелых германофилов, которые, служа Русскому правительству, добившись от него самого высокого положения и почестей, не только не преследуют русских интересов, а, наоборот, относятся к ним с явным пренебрежением и усердно поддерживают все немецкое». ⁴²¹

Выдающийся русский композитор Цезарь Кюи не только хорошо сочинял музыку, но не менее хорошо разбирался в фортификации. В 1893 г. он опубликовал статью о бельгийском генерале Бральмоне, авторе целого ряда инженерно-строительных теорий, в основу которых ложилась минимальная затратность при максимальной эффективности. По его мнению, европейцы, быстро смекнув, что именно эти самые ломаные линии и есть суть будущей фортификации, развили теорию Тотлебена и уже к концу XIX в. вышли к теории «укрепленных районов». Отделившаяся в 1831 г. от Нидерландов Бельгия имела старую и слабую систему крепостей. После Крымской войны Бральмон усовершенствовал государственную пограничную оборонительную линию, отказавшись от строительства сверхкрепостей, способных поглотить и парализовать в своих стенах небольшую бельгийскую армию. Потому в основу укреплений Антверпена положил систему укрепленных районов, являвших собой усовершенствованные севастопольские бастионы, вынесенные далеко за пределы крепостной линии.

В 1864 г. Тотлебен посетил Бельгию. Осмотрев Антверпен, он сказал сопровождавшим его бельгийским офицерам: «Я бы предпочел защищать эту крепость, чем атаковать ее». ⁴²²

К сожалению, по умению не делать выводы, мы всегда опережали всех. После Крымской, как всегда неожиданно, «случилась» очередная турецкая война 1877–1878 гг. Ценой громадных потерь выиграв ее и вскружив голову от успехов, русские вместе с убитыми, ранеными и искалеченными вынесли кровавую науку, что важны на войне не только ровный шаг пехоты, но и ее меткий огонь в сочетании с умелым владением лопатой. ⁴²³

Вскоре, однако, и это быстро забылось, вновь уступив место обучению «лихим» штыковым атакам: «Армия застыла в старых формах, как в те годы и вся Россия застыла в довольстве, благополучии, умеренности и сытости». ⁴²⁴

⁴²⁰ Мошнин В. А. Новые издания. История крепостной войны. Выпуск 1. Севастополь (1854–1855), Бельфор (1870–1871) // Разведчик. № 540. СПб., 1901 г. С. 179.

⁴²¹ Детенгоф А. Забытый герой. Из воспоминаний старого сапера // Русский архив. Том 8. М., 1905 г. С. 549–550.

⁴²² Кюи. Ц. Генерал Бральмон // Разведчик. № 127. СПб., 1893 г. С. 247.

⁴²³ Краснов П. Н. Воспоминания о русской императорской армии. М., 2006 г. С. 64.

⁴²⁴ Краснов П. Н. Воспоминания о русской императорской армии. М., 2006 г. С. 65.

ЗАГРАЖДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ БУХТЫ

«... что ожидать, кроме позора, с таким клочком войска, разбитого по ограмной местности, при укреплениях, созданных в двухнедельное время».

Вице-адмирал В. А. Корнилов.
15 сентября 1854 г.

Хотя в предыдущей части мы уже готовились встречать союзные войска, подходящие к Севастополю с севера, давайте все-таки еще раз вернемся на несколько дней назад.

Честно говоря, когда думал над тем, как рассказать о том, что произошло в Севастополе спустя всего три дня после сражения на Альме, вначале очень хотелось податься общему искушению и, даваясь слюной, смаковать избитые фразы о «самоубийстве Черноморского флота». Звучит-то как красиво!

Но чем дальше продвигался процесс осмысления имевшейся информации, чем больше мнений извлекались на свет, чем больше воспоминаний очевидцев являлись из полузабытья, тем меньше от этого желания оставалось. И, в конце концов, после того, как «зерна были отделены от плевел», осталась очищенная от наносного патристического хлама часть сугубо военного плана, исполненного в точном соответствии с требованиями ситуации. Но обо всем по порядку.

Как только стало ясно, что армия потерпела поражение, Черноморский флот начал готовиться к тому, для чего и был предназначен – выходу в море, бою с неприятелем. Никто из моряков не сомневался: пришел их час. Но, в конце концов, это как раз то, за что им батюшка-царь деньги платит, значит нужно сделать свою работу хорошо. Началась предбоевая рутина. Капитан-лейтенант Реймерс, старший офицер линейного корабля «Уриил» получил приказ принять боезапас и быть готовым к действиям против неприятельской эскадры.⁴²⁵ Как и его корабль, весь Черноморский флот получил приказ быть готовым к выходу в море, а по кораблям объявлена диспозиция на этот случай.⁴²⁶

⁴²⁵ Воспоминания командира 4-го бастиона капитана 1-го ранга Реймерса (бывшего капитан-лейтенанта) о 8-месячной бытности его в Севастополе во время его бомбардирования// Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С.26.

⁴²⁶ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 139.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ 9(21) СЕНТЯБРЯ 1854 Г.

Если мы говорим о событиях, с которых начала отсчитывать окутанные пороховым дымом дни годовая защита Севастополя, то не имеем права не сказать об уникальном по своей психологической напряженности и стратегической значимости событии. Это совет флагманов и командиров кораблей Черноморского флота, проведенный адмиралом Корниловым 9 (21) сентября 1854 г, радикально поменявший ситуацию в Крыму.

Получив от Меншикова приказ готовиться к тому, что у него вызывало не только неприятие, а убеждение в приглашении к соучастию в преступлении, адмирал мучительно искал выход. Выход он видел один — противодействие, и откровенно надеялся на понимание коллег.

После расставания с князем, адмирал остался один на один с мыслями и, хотя понимал, что атака неприятельского флота, к тому времени стоявшего в боевых линиях у и. Лукулл невозможна, все-таки надеялся достойно выйти из сложившейся ситуации. Но все, к чему он приходил, было больше эмоциями. Как бы не хотелось ему вывести красу и гордость Российской империи — Черноморский флот, из Севастопольской бухты, а затем обрушить град металла на неприятельские корабли и двигаться на них вплоть до абордажа и самовзрывания, смывая тем позор бесчестья и деморализуя противника «безумством храбрых», это было лишь желанием.

Когда мы полемизируем о том, что произошло в этот день, часто не принимаем в расчет, что адмирал Корнилов был составной частью касты, был **ВОЕННЫМ МО-РЯКОМ**. Эта мысль иногда мелькает на многочисленных форумах с участием его современных коллег, но в пылу дискуссий они кидаются в теорию, оставляя мораль в стороне. А теперь попробуйте, немного абстрагироваться от всего, что вам пришло в голову, не думать о выгодах и невыгодах предложенного адмиралу, тем более, что оно в конце концов свершилось.

Человек чести, преемник Лазарева, ученик, принявший из его рук Черноморский флот со всей былой, и уверенный, будущей славой, Корнилов, без малейшего сомнения, в ужасе от случившегося. Верный флотскому корпоративному духу, он уже «имел зуб» на Меншикова, когда последний, упустив инициативу, обрек флот на бездействие.

Противник не атакован: ни в момент входа его в Черное море, ни при переходе морем, ни во время высадки. Думаю, Корнилову представлялось, что бездействие флота в сочетании с врагом у ворот империи, обрекало его на вечный позор.

Вскоре армия, управляемая бездарными генералами, терпит поражение. Но, уводя войска от Альмы и собираясь увести их из города, Меншиков приказывает ему — адмиралу атакующей, агрессивной лазаревской школы, собственной волей затопить корабли, не сделав ни то что ни одного бортового залпа, ни единого выстрела по неприятельским кораблям. Для него готовящийся уход Меншикова из Севастополя был не маневром. Он назвал его, правда, достаточно мягко, ретирадой.⁴²⁷

От этого легче не становилось. И что вы скажете адмиралу делать? Взять и дать команду — топи, загораживай, своди людей на берег! А как же люди: матросы, офицеры, адмиралы?

⁴²⁷ Грейг С. Письмо к капитану 2-го ранга Шестакову//Морской сборник. Том XX. №2. СПб., 1856 г. С.99–141.

Французская карикатура на затопление русскими флота в Севастополе. 1855 г.

Корнилов хотел знать, что скажут они и созывает совет. Никто не фиксировал выступлений, даже точно число участников, не говоря о персоналиях, до сих пор неизвестно. Все, что дошло до нашего времени — исключительно из личных воспоминаний двух-трех присутствовавших на нем. И это притом, что Корнилов всегда отличался стремлением документально подтверждать каждую мелочь.⁴²⁸

Как бы то ни было, все делалось в соответствии с десятилетиями сложившимися флотскими традициями, понять которые сухопутному человеку трудно, но которые почему-то всегда оказываются эффективными.

На совет приглашены адмиралы, командиры экипажей и командиры кораблей.⁴²⁹ Все понимают, что решающее слово принадлежит трем военным лидерам, хотя и занимавшим разные должности во флотской иерархии, но одинаково авторитетным у людей в морских эполегах. Звучит красиво, но вот как раз нужного единства в среде тех, от чьего решения зависела судьба флота и Севастополя, не было.

ЛИЧНОСТИ, ЛИДЕРЫ ИНТРИГИ

Представлять руководителей Черноморского флота, особенно начального периода обороны Севастополя, цельной и одинаково думающей общностью бессмысленно. Как и любой человеческий коллектив это были люди со своими проблемами, мыслями и идеями. Объединяло их одно: от них, от их умения, их способностей и просто личных качеств зависела судьба крепости, а в данном конкретном случае территории Российской империи. Недаром прусский император Фридрих II, говоря о человеческом факторе в защите крепостей, утверждал, что «...не фортификационные сооружения, не число солдат составляют защиту города, но все зависит от более или менее светлой головы того, кто ими командует».

Костяк, становой хребет, вокруг которого стояла и крепла сила Черноморского флота, являли три адмирала, бывшие без малейшего преувеличения явлением, выдающимися личностями в истории военно-морского флота России. Но, будучи каждый человеком оригинальным и уникальным, вместе они были разными и с серьезными разногласиями между собой.

Лидером этой тройки был, несомненно, вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов — человек смелого ума, самостоятельной и твердой воли, неутомимой энергии.⁴³⁰ В тоже время командующий флотом, как сетями, окружен хитросплетениями

⁴²⁸ Гребенщикова Г.А. Вспоминая П.С. Нахимова (к 200-летию со дня рождения)//Гангут. №32. СПб., 2002 г. С. 19.

⁴²⁹ Из воспоминаний и заметок Д.В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С.70.

⁴³⁰ Из воспоминаний и заметок Д.В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С.61–72.

интриг. Автор их — князь Меншиков, завидовавший быстрому возвышению адмирала и всеми силами старавшийся умалить его заслуги.⁴³¹

Хотя Панаев старается убедить нас, что князь «...никогда не осуждал Корнилова, так как ценил его хорошие качества, но только досадовал на холодность и натянутость отношений»,⁴³² получается это у него плохо, тем более что написано «задним числом».

Корнилов тоже «не подарок» для Меншикова, тем более, что по оценке современников «...нелегко подчинял свои убеждения воле и власти другого человека, который не разделял с ним его мнений и воззрений»:⁴³³ типичная ситуация, когда «нашла коса на камень».

По воспоминаниям Ильинского, князю, чтобы нейтрализовать адмирала, приходилось действовать осторожно, но от того не менее коварно. Зная авторитет Корнилова у Николая I, прекословить которому было опасно, Меншиков запустил миф, а якобы взаимной ненависти его с Нахимовым, рассчитывая вывести одним ударом «из игры» обоих.

Действительно, Нахимов, как известно, не в восторге от Синопской победы, полагая, что это не столько успех, сколько предвестник грядущему поражению, так как теперь союзники имеют все законные основания атаковать Севастополь.⁴³⁴

Корнилов же, если верить Ухтомскому, видел в Синопе победу блестящую и, так как сам к делу опоздал, имел к славе Нахимова зависть.⁴³⁵

Меншиков, будем к нему справедливы, особой радости от победы не испытывал, хотя сам отдал Нахимову разрешение на атаку и даже имел намерение присвоить себе лавры победителя, заперев эскадру по возвращению в Севастополь на трехдневный карантин. После чего, улучив момент, отправил в Петербург подполковника Сколкова с докладом о победе, в котором хотел выглядеть перед самодержцем честным и объективным.⁴³⁶

Император, неожиданно, проявил свое мнение, отличное от большинства, хотя даже канцлер Нессельроде расценил Синоп, как грубейшую ошибку. Даже «непричастный» Сколков за добрую весть получил чины полковника и флигель-адъютанта.⁴³⁷

То, как пытался Меншиков унижить Нахимова, оставшегося со своим мнением, может служить классическим примером мести самодура начальника своему подчиненному лишь за то, что тот талантлив.

⁴³¹ Библиография. Обзор исторических статей в русских журналах // Военный сборник. № 4. СПб., 1894 г. С. 95–96; Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 61.

⁴³² Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С. 111.

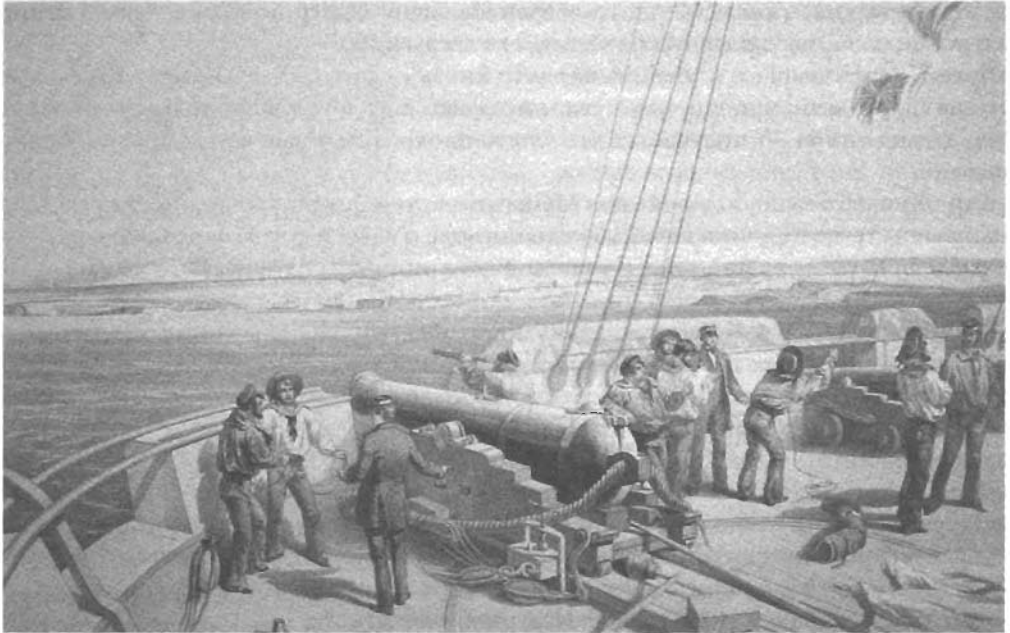
⁴³³ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856. Том I. СПб., 2002 г. С. 574.

⁴³⁴ Жиркевич А. В. Из архива князя Л. А. Ухтомского // Русская старина. № 148. СПб., 1911 г. С. 358.

⁴³⁵ Жиркевич А. В. Из архива князя Л. А. Ухтомского // Русская старина. № 148. СПб., 1911 г. С. 358.

⁴³⁶ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер. № 1. М., 1999 г. С. 14.

⁴³⁷ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер. № 1. М., 1999 г. С. 15.

Севастополь с моря. Худ. В. Симпсон. 1855 г.

Нахимов, как и Корнилов, воспитанник адмирала Лазарева, «...был бесспорно лучшим и опытнейшим моряком обоих флотов». Нахимов, «...тип оригинального, отменно-честного моряка»,⁴³⁸ был «боготворим матросами».⁴³⁹

И тот и другой были совершенно неуютны Меншикову, но удалить он их не мог, да и не желал – оба авторитетны среди матросов и офицеров Черноморского флота, а после Синопа и у Николая I.

Предполагалось, что император, чтобы не оскорбить обоих флотских командиров, назначит старшим на Черноморском флоте адмирала Берга. Авторитет Корнилова и Нахимова будет подавлен.⁴⁴⁰ Меншиков же в этом случае получит абсолютную власть, в том числе на флоте.

Все эти интриги не были бы столь страшными, если бы действие не происходило почти перед открытыми орудийными портами артиллерийских палуб английских и французских кораблей. Но, кажется, для Меншикова понятие война имела смысл не только как сражение на поле боя, но как не менее яростная битва при дворе. Едва ли не под неприятельскими пушками, князь, откровенно завидуя быстрому возвышению Корнилова, «...всеми силами пытался умалить его заслуги».⁴⁴¹

«Кадровые игры» князя Меншикова привели к тому, что события в Крыму в 1854 г. вошли в военную историю, как пример вредного влияния на военную операцию распределения обязанностей между несколькими начальниками.⁴⁴²

⁴³⁸ Попов М.М. Южная армия и Крымская армия при князе Меншикове//Русская старина. Том 77. СПб., 1893 г. С.525.

⁴³⁹ Библиография. Обзор исторических статей в русских журналах//Военный сборник. №4. СПб., 1894 г. С.95.

⁴⁴⁰ Библиография. Обзор исторических статей в русских журналах//Военный сборник. №4. СПб., 1894 г. С.95–96.

⁴⁴¹ Библиография. Обзор исторических статей в русских журналах//Военный сборник. №4. СПб., 1894 г. С.95–96.

⁴⁴² Петров А. К вопросам стратегии (статья третья)//Военный сборник. №10. СПб., 1896 г. С.213.

Неизвестно, как бы развивались события дальше, если бы не фактор, повлиявший на который. Меншиков был не в силах — это Истомин. Адмирал Владимир Иванович Истомин был младшим братом личного адъютанта Лазарева Константина Ивановича Истомина и человеком в военно-морской среде достаточно популярным. По точной характеристике Ильинского: «...человек особенного типа и воззрений; он был честолюбив, но не чиновлюбив».⁴⁴³

Как правило, в самой сложной компании такие становятся катализатором, который не дает распространиться негативу даже в отношениях между непримиримыми соперниками. И действительно, искренняя дружба Истомина с Нахимовым и Корниловым благоприятно повлияла на их взаимоотношения. Всех троих объединяет неискоренимая нелюбовь к Меншикову. По словам Дена, Истомин всегда называл последнего не иначе, чем «аспид»: «Поверьте, это аспид, а не человек».⁴⁴⁴

Эти три адмирала, три ярких представителя флота империи были настолько поглощены службой (явление, кстати, в среде российских адмиралов флота не редкое), что «...почти никогда не появлялись в Севастопольском обществе и сомкнутостью своей составляли как бы ядро завещанного адмиралом Лазаревым направления, к поддержанию и преуспеванию Черноморского парусного флота».⁴⁴⁵

РЕШЕНИЕ

Корнилов не сдерживал эмоции, сообщая о сложившейся ситуации. Но никакие эмоции, какими бы праведными они не были, не могут заменить точную информацию. Адмирал «...не считал себя вправе оглашать секретные предположения главнокомандующего и сообщать во всеуслышание о безнадежном, в случае отступления армии, состоянии обороны».⁴⁴⁶

Слушайте, а о чем тогда вообще говорить нужно? Корнилов считал себя вправе скрывать от подчиненных правду? Но ведь это не матросы, которым можно крикнуть «ура» и они будут счастливы, что адмирал почтил их вниманием. Это, как-никак, флагманы. Думаю, понявшие всё морские офицеры, уже были готовы не принять решение своего начальника, ибо нельзя скрывать перед лицом неприятеля истинное положение дел. Перед подкравшимся к крепости врагом любые тайные планы должны стать явными, иначе теряют весь свой глубокий смысл. Без них невозможно и обстановку правильно оценить, и решение верное принять.

Не знаю, насколько это понял Корнилов, но суть его доклада, с которого и началось собрание флагманов, состояла в следующем: «Наша армия отступает к Севастополю, вследствие чего неприятель может легко занять южные Бельбекские высоты, распространиться к Инкерману и, действуя с высот по кораблям эскадры Нахимова, принудить наш флот оставить настоящую позицию на рейде. Если это случится, доступ на рейд неприятельскому флоту будет облегчен, и если союзная армия успеет в это время овладеть северными укреплениями, то геройское сопротивление не спасет Черноморского флота от гибели и позорного плена».⁴⁴⁷

⁴⁴³ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 64.

⁴⁴⁴ Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. Том 66. СПб., 1890 г. С. 55–57.

⁴⁴⁵ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 63.

⁴⁴⁶ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 61–72.

⁴⁴⁷ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный сборник. № 3. СПб., 1902 г. С. 78.

Адмирал настаивал на том, что флот должен был: «...немедленно атаковать стоящие на якоре неприятельские корабли, слишком сплоченные, и истребить их; а при неблагоприятных обстоятельствах свалиться с ними и взорваться».¹⁴⁸

Аргументировалось это тем, что союзный флот «столпился» у Лукулла и уязвим для внезапной атаки.¹⁴⁹ На деле союзники ни во время высадки, как утверждал Корнилов, ни после нее, порядка не теряли, их эскадры продолжали действовать четко, уверенно и организовано. Очевидно, заявление о, якобы, беспечности неприятеля, беспорядочности его расположения не более, чем лишний аргумент, вселяющий, по мнению Корнилова, оптимизм и подталкивающий флагманов к поддержке его предложения.

Но, сквозь громкие фразы проскользнула нотка опасения не только в возможности неудачи предприятия, но и о его самых необратимых последствиях: «...по свозе десанта неприятельские корабли стали свободнее в своих движениях; возможно не встретить единства в их действиях, но нельзя уже рассчитывать на тот хаос, который неминуемо бы произошел в англо-французско-турецком флоте, если бы, до высадки десанта, попутный ветер примчал к нему наш флот, решившийся на кровавую битву. Теперь двойное число кораблей могло принести неприятелю существенную пользу и, хотя мы твердо уверены, что и при неудаче враги купят победу самой тяжелой ценою, но не должны упускать из вида, что в таком случае излишние, не участвовавшие в бою корабли, могут отрезать нас от Севастополя, или же ворваться туда вместе с нами. Притом все шансы нашего успеха зависят от ветра».¹⁵⁰

Впрочем, адмирал не отрицал, что после высадки десанта, все неприятельские корабли восстановили в полном объеме боеспособность и организованность. Застать их неожиданной атакой в расстроенном виде было отныне едва ли возможно.¹⁵¹

Не было еще одного слагаемого успеха: армия в крепость не вошла, и входить туда не собиралась.¹⁵²

Корнилов заговорил об атаке неприятельского флота, только когда корабли союзников почти две недели хозяйничали у берегов Крыма. Почему? Почему когда враг, не то что «у ворот», а готовится ударом ноги эти самые ворота вышибить, у адмирала возникает идея наконец-то его атаковать? Есть интересное мнение: у Корнилова имелась определенная боязнь английского флота. И не только у него.

Еще в эпоху Александра I в России господствовала идея всеобщего превосходства британского флота. Эта идея содержится в работах Н. Л. Кладо (Лазарев прозвал момент перехода к паровому флоту, увлеченный победами английского парусного флота) и В. А. Стеценко (ореол прежних побед немало способствовал полному отказу русского командования от любого сопротивления англо-французскому флоту, находящемуся, особенно в 1854 г., далеко не в оптимальном состоянии).

Современные исследователи в доказательство приводят пример действий эскадры адмирала П. И. Ханькова, в 1808 г. он без боя отступил от объединенной англо-шведской эскадры, при этом даже бросив на произвол судьбы героически дравшийся с двумя

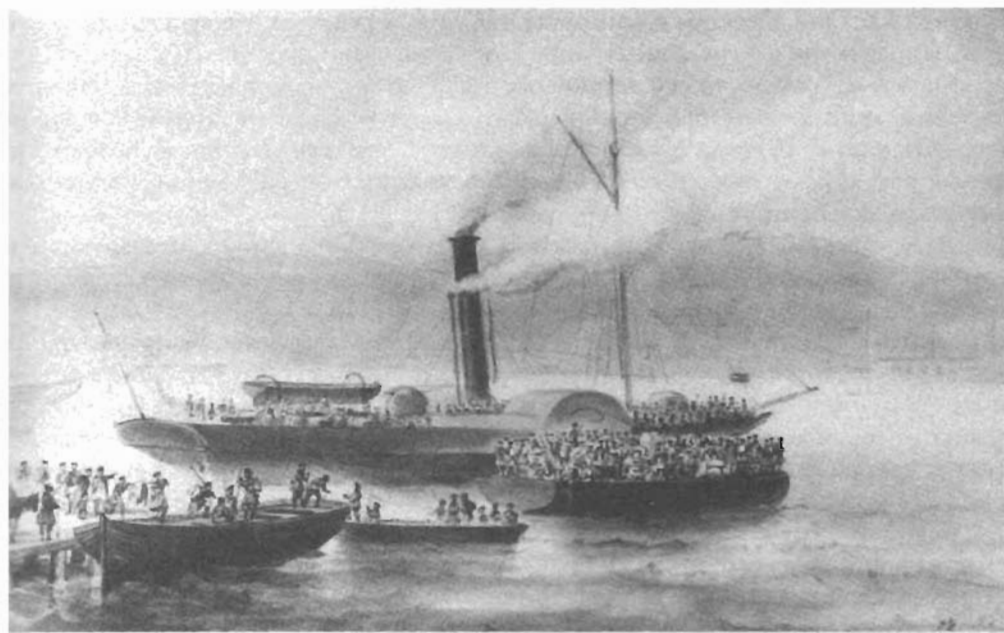
¹⁴⁸ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 70; Макареев М. В., Никольский Б. В. Ильинский Дмитрий Васильевич, капитан 1 ранга, офицер корниловской школы. Севастополь, 2008 г. С. 16.

¹⁴⁹ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный сборник. №№3. СПб., 1902 г. С. 78.

¹⁵⁰ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный сборник. №№3. СПб., 1902 г. С. 78.

¹⁵¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 198.

¹⁵² Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 197.

Русские пароходы переправляют войска через Севастопольскую бухту. Худ. В. Тимм. 1855 г.

неприятельскими кораблями 74-пушечный корабль «Всеволод». Последний был после ожесточенного боя взят англичанами и демонстративно оскорбительно уничтожен ими в виду русской эскадры.

Русские адмиралы середины XIX в. находились под сильным влиянием Трафальгара, иногда доходившим до культа этой победы. В тоже время, победы выдающихся отечественных адмиралов Ушакова, Сенявина и Спиридова не пользовались особенной популярностью. Их имена давали второстепенным кораблям береговой обороны. Курс военно-морской истории в академии уделял Нельсону столько часов, сколько уделялось трем вышеназванным адмиралам вместе взятым. Неудивительно, что в отечественной военно-морской теории сложился культ обороны Севастополя, дорого обошедшийся стране и в русско-японскую, и в первую мировую, и во вторую мировую войны.¹⁵³

Не случайно М. А. Петров разбирая бои у мыса Сарыч (1914 г.) и у о. Готланд (1915 г.) с горечью констатировал в своем труде «Два боя»: «Здесь мы имеем дело с какой-то отдаленной традицией, пустившей глубокие корни в аппарате Морского ведомства и русского флота вообще. Пути все тянутся к давно прошедшим временам, к Крымской кампании, где флот был обречен на пассивную роль и погиб в Севастополе, они проходят через Русско-японскую войну, с ее артурской эпопеей, явившейся повторением истории Севастополя, они дотягиваются и до мировой войны, в которой задача

¹⁵³ Лебедев А.А. Трафальгар и Афон. Размышления об итогах развития искусства проведения регулярных сражений парусных флотов//Гангут. №60. СПб., 2010 г. С.38–41.

пассивной местной обороны доминирует над всем, оказывает решающее влияние на общее направление мысли и воспитание командного состава».⁴⁵⁴

Адмирал знал о слабости сухопутной обороны и с трудом мог заставить себя поверить в возможность в считанные дни создать сильную защитную линию, способную выдержать штурм. 15 сентября Корнилов писал: «...что ожидать, кроме позора, с таким клочком войска, разбитого по огромной местности, при укреплениях, созданных в двухнедельное время».⁴⁵⁵

В случае же, если союзники овладеют Северным укреплением, никакие усилия флота не спасут Севастополь, и в этом случае самоубийственная атака станет хотя бы делом чести.⁴⁵⁶

Угроза ответственности за неминуемое, как ему думалось, падение крепости, страшила Корнилова. В этом случае, пусть даже неудачное, морское сражение могло частично вину уменьшить и, главное, честь сохранить, переложив вину на князя, который, по словам адмирала, должен будет «...дать отчет России в отдаче города».⁴⁵⁷

Но вот у собравшихся было свое мнение, большей частью не совпадавшее с точкой зрения Корнилова. Озвучил его капитан 1-го ранга Зарин, человек рассудительный и, как офицер, пользовавшийся среди командиров кораблей авторитетом, пусть и меньшим корниловского, но тоже большим. Соответственно, высказался он более взвешенно. Его предложение выглядело так: «Положение наше выгоднее и сильнее, чем положение неприятеля. Альминское дело не могло оказать никакого влияния на изменение этих отношений: мы у себя дома, средства порта неистощимы, для управления морскими орудиями на земляных батареях мы имеем громадный запас опытных командиров; близость почти неприступных позиций на Бельбеке позволяет, без всякого опасения морским командам, подкрепить осаждаемый гарнизон Северного укрепления, а промедление на подготовках к осаде со стороны неприятеля дает возможность подходящим через Симферополь подкреплениям проникнуть по более отдаленной дороге на Балаклаву через Трактирный мост у Чоргуна, на Сапун-гору в Севастополь, а через бухту иметь свободное сообщение и с армией, стоящей на Бельбеке. Хотя прорыв неприятельского флота вполне не мыслим по чрезвычайной силе наших приморских батарей, но если находят, что бон слишком слаб, то можно на фарватере затопить во множестве стоящие негодные суда».⁴⁵⁸

Как видим, Зарин прав, и аргументирует свою правоту точно по сложившейся ситуации.

Было еще одно предложение, упоминаемое Реймерсом, но насколько оно соответствует действительности и кому принадлежит — неизвестно. Суть его в том, что линейные корабли должны встретить неприятеля, пытавшегося прорваться в бухту, залпами артиллерии левого борта, включаясь в систему береговых батарей.⁴⁵⁹

⁴⁵⁴ Петров М. А. Два боя. СПб., 2003 г. С. 40–41; Лебедев А. А. Трафальгар и Афон. Размышления об итогах развития искусства проведения регулярных сражений парусных флотов // Гангут. № 60. СПб., 2010 г. С. 43.

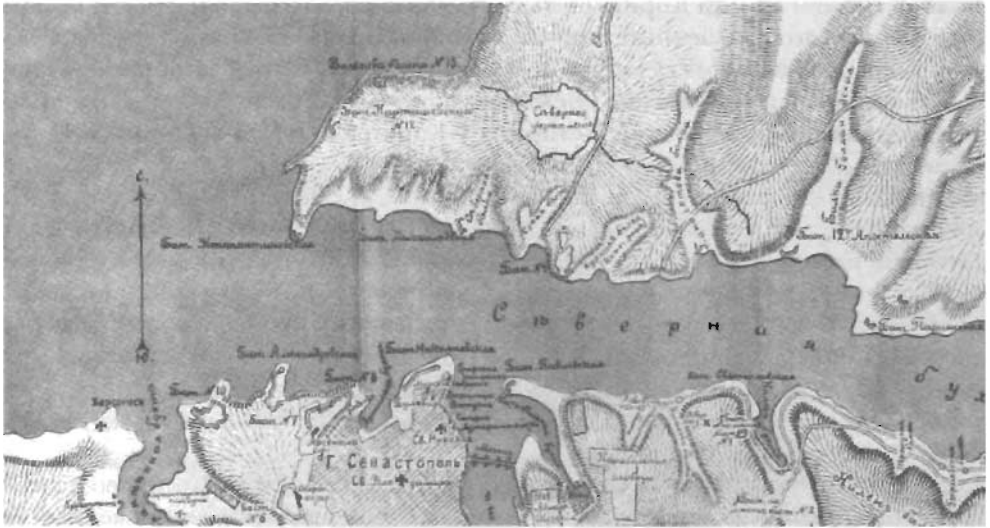
⁴⁵⁵ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер. № 2. М., 1999 г. С. 13.

⁴⁵⁶ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г. И. Бутаков. М., 1954 г. С. 50.

⁴⁵⁷ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н. В., Софинова П. Г. М., 1947 г. С. 274.

⁴⁵⁸ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 70–71.

⁴⁵⁹ Воспоминания командира 4-го бастиона калитана 1-го ранга Реймерса (бывшего капитан-лейтенанта) о 8-месячной бытности его в Севастополе во время его бомбардирования // Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С. 27.

План русских батарей в Севастополе к началу высадки союзников в Крыму. Сентябрь 1854 г.

Это предлагал за много лет до войны Лазарев, говоря о защите Севастопольской бухты. В нынешней ситуации оно было маловероятным по тем же причинам, что и первое, ибо не предполагало наличия противника, который мог с минуты на минуту войти на Северную сторону и собственной армии, не планировавшей возвращение в гарнизон крепости.

Опоздавший к началу совета командир пароходофрегата «Владимир» Бутаков, войдя в помещение, застал следующую картину, подробно позднее описанную в воспоминаниях: «Когда я вошел, Корнилов стоял в глубине комнаты на каком-то возвышении, и Вукотич только что говорил, что лучше выйти в море и сразиться. Тотчас за этим последовало заявление капитана 1-го ранга Зарина, что выгоднее затопить вход старыми кораблями и командами подкрепить гарнизон».⁴⁶⁰ Интересно, Зарин знал о приказе Меншикова или догадывался? Если первое, то кто ему это сказал?

По его мнению, выход флота, а тем более атака союзной эскадры, была предприятием не только не нужным, но и бессмысленным. Удача попадала под большое сомнение: численно больший союзный флот, пользуясь превосходством паровых кораблей, мог легко расправиться с русскими, поставив последних под огонь с двух направлений.

Основываясь на этом, Зарин предложил то, что давно уже обсуждалось морскими командирами: после закрытия бухты защищать город силами морских экипажей, дожидаясь прибытия войск Южной армии.⁴⁶¹ Младший Зарин говорил и думал рассудком, в старшем Корнилове клокотали эмоции. Адмиралу было мучительно от одной мысли, что неприятельский флот хозяйничает и разбойничает у святая святых Российской империи на юге, у главной базы славного Черноморского флота — Сева-

⁴⁶⁰ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. М., 1954 г. С.50.

⁴⁶¹ Макареев М.В., Никольский Б.В. Ильинский Дмитрий Васильевич, капитан 1 ранга, офицер корниловской школы. Севастополь, 2008 г. С.16–17; Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах//Военный сборник. №№3. СПб., 1902 г. С.79.

стополя. В гневе и ярости Корнилов даже не понимал, что выполнить его приказ о выходе в море флот уже не может: почти половина экипажей снята с кораблей и отправлена для оборудования сухопутной обороны. Для того, чтобы собрать матросов и вернуть на корабли требовалось время, которого уже не было.⁴⁶² Споры кончились общим раздражением и словами Истомина к Корнилову: «Что вы прикажете, то и будем делать».⁴⁶³

Жандр называл готовившееся «самоубийством».⁴⁶⁴ Кстати, именно у него это слово прозвучало впервые. Возможно, его произнес Корнилов, который явно не договаривал офицерам то, что они и без него уже поняли или (если судить по Зарину) знали. Слабая попытка оправдать адмирала у Ильинского звучит наивно: Корнилов счел себя не вправе огласить якобы секретные предположения главнокомандующего. Но собравшиеся были людьми опытными и образованными, чтобы понимать происходившее, реально воспринимая перспективы, какими бы трагическими они не были. Все они офицеры, все люди долга и насколько сложной не становилась ситуация, их работа была одной — действовать.

Моряки знали, что армия, не заходя в Севастополь, следует на Куликово поле, откуда, по Ильинскому, императору и был отправлен Меншиковым «фальшивый брелок», то есть то письмо, в котором события преподносились искаженно. Князь явно опасался, что император вмешается в избранный им ход военных действий: «...было ли это настоящее донесение или умышленная хитрость, так и осталось неизвестным».⁴⁶⁵

Адмиралы и старшие офицеры, будучи людьми осведомленными имели полное право не поверить Корнилову на слово, надеясь, что Меншиков не просто так собирается оставить город, а пытается перехватить инициативу у неприятеля. Последний, потеряв надежду на прорыв в бухту, штурмовать город, который моряки уже несколько дней без отдыха укрепляли, не будет. Слухи о нападении к началу совета считались «...за пустую несбыточную сплетню праздных говорунов».⁴⁶⁶

Корнилов огласил собравшимся одну, свою, точку зрения, он надеялся, рассчитывая на авторитет, убедить их в единственно правильном решении. О том, были ли ему даны Меншиковым инструкции по дальнейшим действиям или нет, неизвестно.⁴⁶⁷ Но и без указаний главнокомандующего было ясно, что потеряв море, русским предстояло позаботиться об обороне берега. Задача эта усложнялась тем, что союзники владели морем абсолютно и отныне не давали заблокированному Черноморскому флоту возможности проведения каких-либо операций.⁴⁶⁸

Все было против русских:

1. Узость выхода из бухты не давала возможность вывести одновременно число кораблей, достаточное для боя с караулившими вход союзниками.

⁴⁶² Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный сборник. №3. СПб., 1902 г. С. 78–79.

⁴⁶³ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г. И. Бутаков. М., 1954 г. С. 50.

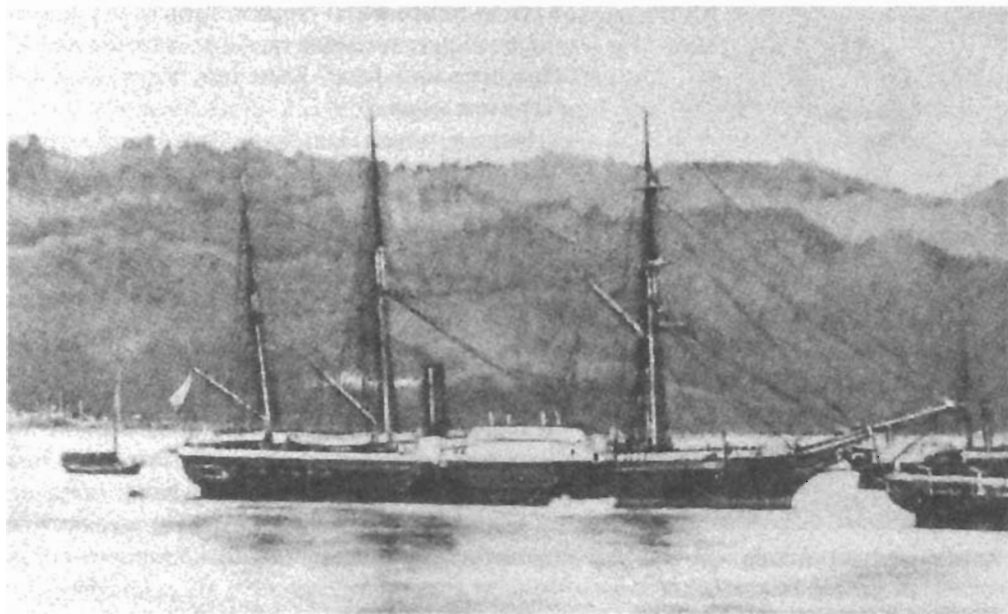
⁴⁶⁴ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 198–199.

⁴⁶⁵ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 71.

⁴⁶⁶ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 71.

⁴⁶⁷ Остен-Сакен Д. Е. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим // Военный сборник. №7. СПб., 1861 г. С. 133.

⁴⁶⁸ Петров Н. Оборона берегов. М., 1926 г. С. 9.

Пароходофрегат «Херсонес».

2. В случае встречного ветра линейным кораблям требовались для буксировки пароходы, которые слабым ветре могли осуществлять ее со скоростью от 5 до 6 узлов, а при сильном не более 1 узла.⁴⁶⁹

3. Даже если бы русские линейные корабли вышли под огнем неприятеля и героически погибли один за другим, это не спасало Севастопольскую бухту от прорыва неприятельских пароходов.

Исходя из этих, как всем казалось, единственно верных причин, большинство участников совещания с мнением Корнилова не согласились, и предложили считать первоочередной задачей флота защиту города до подхода армии, заградив вход в бухту. Конечно, флот этим сам себя блокировал наглухо, но и неприятель не мог оказаться в крепости. По сравнению с потерей Севастополя затопление нескольких старых кораблей – ничто.

Участовавший в военном совете лейтенант Асланбегов записал в дневнике: «Какой неувыдаемый блистательный венок готовился Черноморскому флоту: 14 кораблей, 7 фрегатов и 10 пароходов хотели сразиться с 33 кораблями и 50 пароходофрегатами. С какой дивной чудной памятью погреб бы себя в волнах Черного моря Черноморский флот! Если ему уж назначено погибнуть, то может ли быть славнее смерть? И какие чудеса храбрости увековечил бы за собою этот сонм героев, эта гордость храбрых? Россия бы отпела по нас вечную память; родные и друзья гордились бы считать нас в числе этих доблестных русских, которые так мужественно презрели жизнь. Но с выходом флота и удалением армии, что бы последовало? Город был бы

⁴⁶⁹ Гребенщикова Г. А. Вспоминая П. С. Нахимова (к 200-летию со дня рождения) // Гангут. № 32. СПб., 2002 г. С. 19.

Капитан-лейтенант (впоследствии – адмирал) Г. И. Бутаков. Во время обороны Севастополя командир пароходофрегата «Владимир».

взят, и неприятель торжествовал бы занятие первого русского порта. А что важнее для России: порт или флот? Конечно, порт, – это ключ Черного моря».¹⁷⁰

Кстати, а что Нахимов? Он ведь тоже здесь. Мы почти никогда не можем найти его точку зрения, что обостряет интригу взаимоотношений двух главных действующих лиц будущей обороны Севастополя, ее лидеров и без малейшего сомнения, героев. Кстати, спекуляций по этому поводу тоже великое множество.

Нахимов помнил, что еще в январе Корнилов утверждал, что «Нельзя думать о схватке с могучим союзным флотом». А сейчас, в сентябре того же года, предложил «разразить врага на воде». Свидетели говорили, что, предлагая «...весь пылал, одержимо, с тем жестким выражением худощавого лица, которое говорило больше слов».¹⁷¹

Исаков, кстати, единственный, утверждал, что «Нахимов без колебаний выступил против своего друга и боевого товарища». Это не так: Нахимов молчал.¹⁷² И нам не узнать причины

этому молчанию. Правда версий хватает: от романтических до патриотических. Например, если внимательно посмотреть на письма Корнилова с времени совета и до его смерти мы не найдем в них ни единого доброго слова о Нахимове, за исключением пары язвительных фраз, которые Жандр стыдливо не приводит в своих записках.¹⁷³ Как будто его нет вообще или он есть, но где и чем занимается – непонятно. Не мог Корнилов простить ему совета, и не простил до смерти.

П. Кириллов, например, утверждает, что молчал Нахимов по причине банального нежелания выходить в море. Он после Синопа вообще «...полностью охладел к морским баталиям и не стремился напасть на неприятеля, превышающего его в силах».¹⁷⁴

Советский историк Поликарпов, детально восстановивший ход заседания драматического совета по архивным документам, объясняет: Нахимов молчал потому, что не хотел спорить с Корниловым в присутствии младших, не хотел ставить начальника в неловкое положение, понимая, возможно, бедственное положение Черноморского флота, вынужденного теперь расплачиваться за все ошибки, совершенные до начала войны.

Дело даже не просто в парюдах, они у России тоже были. Но у англичан и французов к этому времени колесные паровые корабли были анахронизмом. Недаром Павел Степанович говорил фразу, которую ныне стараются не слишком упоминать, по

¹⁷⁰ Асланбегов А. Адмирал Павел Степанович Нахимов // Русский архив. М., 1868 г. С.374–410; Скрицкий Н.В. Русские адмиралы – герои Синопа. М., 2006 г. С.176.

¹⁷¹ Давыдов Ю. Нахимов. М., 1970 г. С.133.

¹⁷² Давыдов Ю. Нахимов. М., 1970 г. С.133.

¹⁷³ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н.В., Софинова П.Г. М., 1947 г. С.281–282.

¹⁷⁴ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер. №2. М., 1999 г. С.8.

которая многое проясняет: «Приложение винтового двигателя окончательно разрешило вопрос о нашем настоящем ничтожестве в Черном море». ⁴⁷⁵

Нахимов прав. Уже после всех поражений России на морях в XIX – начале XX вв. военные исследователи с сожалением констатировали, что если бы не военно-морское отставание, то не только военного поражения, самой Крымской войны могло не быть. ⁴⁷⁶

Нет более неблагодарного, чем копать в головах людей, тем более, тебе совершенно незнакомых. В конце концов, у Нахимова могли быть свои, и только свои, цели, планы, намерения, он был такой же человек из плоти и крови, как и все остальные, от кого в этот день зависела и не зависела судьба Севастополя. Конечно, от массы других Павла Степановича отличал груз ответственности, давивший на плечи эполетами и разрывавший голову присягой. Поэтому, что бы нам легче было понимать адмиралов, не будем в дальнейшем искать в них возвышенное и ставить в картинные лубочные позы. Смысл доблести военного совсем не в том, чтобы стать во главе строя и обнажив саблю повести солдат в героическую, но бессмысленную атаку, итогом которой будут горы насеченного картечью мяса, ручьи крови, сотни нищих без рук, ног и глаз, просящих милостыню на папертях церквей по всей России. А уж какой «благодарной» могла (и может) быть «матушка» по отношению к своим защитникам мы знаем. Да и то, как умеют англичане врываться в бухты и разносить в пух и прах все там стоящее. Нахимов знал не понаслышке.

Знали и другие – сами участвовали в таком прорыве в 1827 г. при Наварине. ⁴⁷⁷ Там получили крещение огнем лейтенант Нахимов (после сражения капитан-лейтенант с орденом Св. Георгия 4-й ст.), мичман Корнилов (орден Св. Анны 4-й ст.), гардемарин Истомин (после сражения мичман, знак отличия Военного ордена Св. Георгия). В том самом Наваринском сражении, за победу в котором решительный английский адмирал Кодрингтон был награжден орденом Бани, но, подписывая документ о награждении, король Георг IV на полях приказа написал: «Я посылаю ему ленту, хотя он заслужил веревки». ⁴⁷⁸

Поэтому давайте скажем так: Нахимов, очевидно, колебался: понимая, что именно его голос мог оказаться решающим. Но перевес разума над эмоциями в нахимовской натуре возобладал. Отмечаемое современниками единение твердой решимости с благоразумной осторожностью, удержало адмирала от поспешных решений. ⁴⁷⁹ Хотя, как моряк, он взял на себя великий профессиональный грех, за который чувствовал свою вину вплоть до самой своей искупительной гибели на батарее.

Суть военной доблести состоит в принятии самого трудного решения, на которое можно пойти только раз в жизни, и заставить выполнить его тех, чьи жизни доверены тебе государством, зная, что только это решение и есть единственно правильный путь к победе, пусть почти все окружающие сейчас тебя за это осуждают.

⁴⁷⁵ Данилов С. Великие морские сражения. М., 2011 г. С.244–245.

⁴⁷⁶ Стеблин-Каменский И. Море в историческом пути России//Армия и флот. Вестник сухопутных, морских и воздушных сил. №1. Париж, 1938 г. С.13.

⁴⁷⁷ Наваринское морское сражение 8(20) октября 1827 г. в Наваринской бухте (юго-западный берег полуострова Пелопоннес) между турецко-египетским флотом и соединенными эскадрами России, Англии и Франции во время Греческого национально-освободительного восстания 1821–1829 гг.

⁴⁷⁸ Сирый С.П. Наваринское сражение (http://www.argolis-yacht.ru/Articles/Navarin_battle/Navarin_battle.htm).

⁴⁷⁹ Давыдов Ю. Нахимов. М., 1970 г. С.133.

Нахимов не поддержал Корнилова только тем, что не встал на его сторону. Так же поступил и Истомин, судя по всему вообще не проронивший ни слова. Этого было достаточно, чтобы Корнилов понял – ситуация зашла в тупик.

ПРИБЫТИЕ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Все разрешилось само собой, когда в разгар дискуссии доложили, что в Севастополь прибыл князь Меншиков и Корнилов немедленно отправился к нему, лишь сказав собравшимся: «Готовьтесь к выходу; будет дан сигнал, что кому делать».⁴⁸⁰

Это означало одно – совещание закончилось безрезультатно, каждый из его участников остался при своем мнении, но дисциплина предусматривала выполнение приказа старшего по должности.

Откровенно говоря, по моему и не только убеждению, Меншикову было в тот момент не до флота. Главнокомандующий достаточно уверенно спрогнозировал дальнейший ход событий, и ему оставалось лишь убедить в своей правильности несговорчивых флотских начальников, которые не могли и не хотели простить армии поражение на Альме, горя желанием показать свою доблесть в морском сражении, даже если это будет их «последний и решительный бой».

Князь не смотрел на флот, как структурное объединение разных типов кораблей, предназначенных для выполнения самых разных стратегических задач, связанных с интересами России в Черном море. Для него это было лишь средство выполнить элементарное тактическое решение: закрыть вход в бухту. Пушки, люди, имущество – все это безоговорочно представлялось ему только на сухопутном фронте.

До этой минуты князь считал, что Корнилов – авторитетный и распорядительный начальник, способный самостоятельно решать «морские» проблемы, не перегружая их на его плечи. Сам же он, занимаясь в основном «выколачиванием» подкреплений и материальным обеспечением⁴⁸¹ сухопутных войск, был убежден, что его приказ о заграждении входа в Севастопольскую бухту адмирал выполнит в точности. Но не тут то было.

Каким то образом вездесущий Ильинский «исчез» с совещания и пока Корнилов собирался на встречу с Меншиковым, капитан-лейтенант, «не пройдя и пятидесяти шагов», приветствовал главнокомандующего, который: «...спросил меня, на чем поехали в совете».⁴⁸²

Ильинский спешил не ради того, чтобы поприветствовать своего старшего товарища по недавно проигранной Альме. Да он, кстати, этого и не скрывает. Доложив Меншикову о приказе Корнилова готовиться к выходу в море,⁴⁸³ Дмитрий Васильевич посчитал свой долг исполненным, вновь обратившись в стороннего наблюдателя.

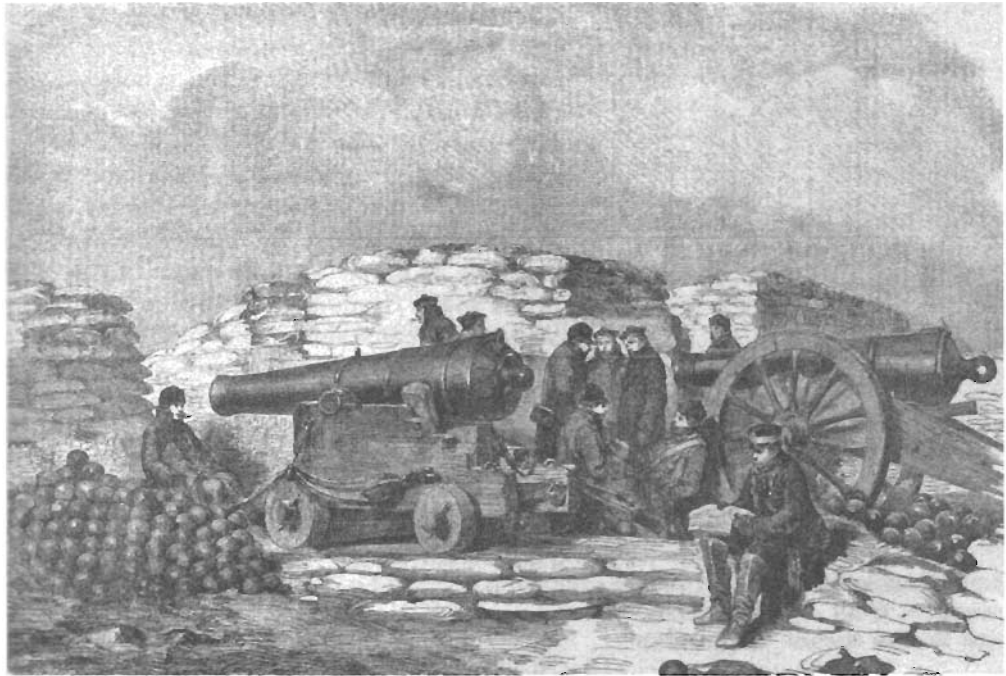
Судя по всему он и потом был где-то рядом, ибо детально свидетельствовал в своих воспоминаниях о далее происходившем между двумя высшими начальниками: «Князь Меншиков при этом сообщении медленно, но почти судорожно, мотнул подбородком слева на право, что было мною сочтено за признак великого неудовольствия и, не говоря ни слова, продолжал свой путь по направлению к дому Корнилова.

⁴⁸⁰ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах//Военный сборник. №3. СПб., 1902 г. С.79.

⁴⁸¹ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С.141.

⁴⁸² Из воспоминаний и заметок Д.В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С.72.

⁴⁸³ Из воспоминаний и заметок Д.В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С.72.

Английская батарея на Зеленом холме. Английский рисунок. 1854-1855 гг.

Разговор между ими обоими не мог быть дружественный, так как вслед за тем про-
 шли слухи, что он гневным голосом сказал: спрячьте ваш флот в карман, и даже
 будто бы грозил отправить его в Николаев, что равносильно было бы отданию его,
 генерал-адъютанта под военный суд за непокорность приказаниям и распоряжениям
 главнокомандующего. Узнав про общее неодобрение всех морских офицеров его за-
 тее скрыться в Бахчисарае, князь Меншиков причислил весь Черноморский флот к
 злейшим своим врагам и в роли всесильного временщика стал над ним издеваться.
 Иначе как объяснить, что, покидая Севастополь, он никому не дал главного началь-
 ства его обороны? По бумагам как будто и сделано обо всем заботливое распоряже-
 ние, но, в сущности, было только оскорбление иронией. Впоследствии Московский
 комендант, добрейший генерал Кизмер был оставлен комендантом Севастополя.
 Еще добрее и беззащитнее его генерал Моллер назначен командующим всех войск в
 Севастополе. Начальником обороны Северной стороны, покидаемой неприятелем
 для перехода на южную сторону бухты, назначен Корнилов, а заведывание морскими
 командами, расположенными на оборонительной линии Южной стороны, возложе-
 но на вице-адмирала Нахимова».⁴⁸⁴

Наверное, это был самый трудный разговор в жизни каждого из них. Хотя Панаев
 представляет его, как благопристойную беседу двух облаченных высокими должно-
 стями джентльменов, в подобное верится с трудом.⁴⁸⁵

⁴⁸⁴ Из воспоминаний и заметок Д.В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С.72.

⁴⁸⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.485.

Кептен (впоследствии – адмирал) С. Лушингтон. В Крыму – командир английской Морской бригады. Рисунок конца XIX в.

Когда Корнилов попытался князю возразить, терпение главнокомандующего, и без того взведенного до предела, лопнуло: «... князь повторил отданное накануне приказание – затопить фарватер, Корнилов отвечал, что он этого не сделает. Раздраженный противоречием подчиненного, Меншиков сказал: „Ну, так поезжайте в Николаев к своему месту службы“, и приказал ординарцу позвать вице-адмирала Станюковича, чтобы через него сделать дальнейшие распоряжения. „Остановитесь! – вскричал Корнилов. – Это самоубийство... то, к чему вы меня принуждаете... но чтобы я оставил Севастополь, окруженный неприятелем – невозможно! Я готов повиноваться вам“». ⁴⁸⁶

Взбешенный, но сдерживающийся главнокомандующий, вновь «перетасовал колоду». Корнилова поставил на место, пригрозив полным удалением из Севастополя. Место ему определил на Северной, намекнув этим, что если неприятель ее возьмет, то не на Меншикове будет лежать ответственность, а на Корнилове. что последний сразу понял: «...вечер в черных мечтах о будущем России». ⁴⁸⁷

Дальше последовали указания по делу и разъяснение замысла: «... неприятель не может повести решительную атаку на северные укрепления, имея у себя на фланге и в тылу нашу армию». ⁴⁸⁸

Нахимову князь поставил задачу готовить к обороне Южную сторону. Адмиральский «бунт на корабле» был подавлен, даже не начавшись. А главное, отныне вся ответственность за падение или не падение Севастополя ложилась на морские эполеты. Меншиков имел возможность оправдаться перед императором: а что ж я могу сделать, ежели мои лучшие адмиралы мои приказы открыто саботируют?

С Моллером ситуация, конечно, анекдотичная. Тут уж никто не стал более убедительным, нежели Ден: «...Ф. Ф. Моллер командовал дивизией, расположенной уже несколько лет в Крыму, и потому случайно очутился начальником Севастопольского гарнизона, к чему не имел ни малейшего призвания. Фигура его напоминала тех, о ком император Павел говорил, что они, как наводящие уныние, не должны быть терпимы. Я его помнил еще командиром л.-гв. Павловского полка, в котором он приобрел известную всей гвардии весьма не лестную репутацию...». ⁴⁸⁹ Корнилов откры-

⁴⁸⁶ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 199.

⁴⁸⁷ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н. В., Софинова П. Г. М., 1947 г. С. 274.

⁴⁸⁸ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах//Военный сборник. №3. СПб., 1902 г. С. 79.

⁴⁸⁹ Записки Владимира Ивановича Дена//Русская старина. Том 65. СПб., 1890 г. С. 664.

венно презирает Моллера, «...нашего главнокомандующего, моего нового Морица»⁴⁹⁰ Борисовича».⁴⁹¹

Меншиков хитер и точно чувствует адмирала с его самолюбием: знает, что тот никогда не станет подчиняться Моллеру, но и Севастополь не бросит, а значит, все взвалит на себя. Такому смело поручай самый главный участок — он умрет, но, чести ради, сделает все. Недаром Тотлебен ценил в Корнилове не стратега, не тактика, не моряка или сухопутного командира — организатора: «...Пока жив адмирал Корнилов, человек умный и энергичный, и он не будет тяжело ранен, Севастополь не будет взят».⁴⁹²

Теперь на шахматной доске все фигуры были расставлены, и можно было начинать новую партию. Тем более что русские в этот раз играли белыми.

Для обстрела Северной стороны и затопления ставились на позицию 10 кораблей. В 12 часов 30 минут по сигналу с флагманского корабля «Великий князь Константин» на него были доставлены по 2 буйка с грузами, которыми начали отмечать места расположения кораблей согласно новой диспозиции. После утверждения ее Меншиковым, Корнилов отдал приказ по эскадре, которым определялись дальнейшие действия всех кораблей, батарей и команд.⁴⁹³

В 16 часов корабли стали выходить на свои места. С «приговоренных» на Екатерининскую пристань и в Адмиралтейство свозились пушки, боезапас, имущество.

ЗАГРАЖДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ БУХТЫ

Когда всем стало ясно, что решение о заграждении бухты окончательно принято, командиры, все еще надеясь на отмену данного им приказания, неохотно приступили к его исполнению: приказ есть приказ.

Биограф адмирала Нахимова Ю. Давыдов приводит воспоминания офицера одного из этих кораблей: «Адмирал Новосильский и командир корабля капитан 1-го ранга Кутров отправились на вельботе на берег, чтобы принять участие в совещании. На корабле у нас общее внимание обращено на Графскую пристань, у которой вельбот адмирала. Сигнальщик не отрывает глаз от трубы. Вдруг раздается зычный голос: „Отваливает“. Адмирал с командиром возвращаются на корабль. Все офицеры по старшинству становятся во фронт; они, видимо, стараются казаться спокойными, бодрыми, но лихорадочный блеск глаз выдает их душевное настроение. Вызван караул с музыкой; при звуке встречного марша адмирал спускается с площадки трапа на палубу; приняв рапорт старшего офицера, он машет рукой, музыка умолкает; выражение его лица грустно; не менее грустно и выражение лица командира, слезинки пробиваются из учащенно мигающих ресниц.

⁴⁹⁰ Корнилов явно язвит, называя Моллера именем Морица Саксонского. Герман Мориц Граф Саксонский: полководец Франции. Известно, что император Наполеон I Бонапарт восхищался идеями главного маршала Франции Морица Саксонского и многое перенял у него (<http://100v.com.ua>).

⁴⁹¹ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н. В., Софинова П. Г. М., 1947 г. С. 281.

⁴⁹² Ляшук П. Записки Эдуарда Ивановича Тотлебена за время обороны Севастополя 1854–1855 гг. // Military Крым. № 7. Симферополь, 2007 г. С. 18.

⁴⁹³ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 199–200.

— Господа, — обращаясь к офицерам, сказал адмирал, — я вам, к великому моему прискорбию, привез печальную весть: мы должны будем расстаться со своим кораблем, он попал в список судов, назначенных к затоплению на фарватере.

После этих слов наступило гробовое молчание. Когда адмирал спустился вниз, офицеры окружили командира; здесь уже не было начальника и подчиненных; общее горе сблизило людей. Но в эту тяжелую минуту каждый сознавал, что ему предстоит трудная, непривычная, но вместе с тем славная служба — защищать с берега свой любимый порт».⁴⁹⁴

С раннего утра 10 августа корабли, предназначенные к затоплению, находились на рейде в готовности к открытию огня: опасались атаки союзников. В 18.00 подтвердили приказ о затоплении: вероятность атаки союзного флота до скорого наступления темноты становилась маловероятной. К затоплению решили приступить в полночь, чтобы к рассвету вход в бухту оказался закрытым.

11 сентября 1854 г. на рассвете между Константиновской и Александровской батареями были затоплены первыми: «Силистрия», «Варна», «Уриил», «Селафаил», «Гавриил». В 8 утра ушли на дно фрегаты «Флора», «Сизополь».

Последний корабль, 120-пушечный «Три Святителя» умирать не хотел, пусть и до блесна. Пришлось добивать. Пароход «Громоносец» сделал 27 орудийных выстрелов, прервал агонию синопского ветерана. Из вахтенного журнала линейного корабля «Три святителя»: «Часы: 1 Ветры: SW. Ветер тихий, ясно. В 1 час корабль „Три святителя“ пошел ко дну с орудиями, рангоутом, порохом и морскою провизией».

Это был психологический край. Стоявшие на берегу матросы зарыдали. Нам не дано узнать, что творилось в их душах, но, наверное, смерть кораблей, дала им те силы, которые позволили почти год держаться на бастионах. Понять их слезы мы можем: корабли погибли с пользой — но ни один из них не был потоплен в бою.

11 сентября 1854 г. адмирал Корнилов докладывает Меншикову, который в этот день еще остается в Севастополе, вероятно желая лично убедиться, что приказ его будет выполнен беспрекословно: «Имею честь донести до вашей Светлости, что корабли „Три святителя“, „Уриил“, „Селафаил“, „Варна“, „Силистрия“ и фрегаты „Флора“ и „Сизополь“ согласно приказанию Вашему затоплены на здешнем фарватере. Подлинный подписал генерал-адъютант Корнилов».

С некоторых кораблей не успели убрать не только орудия, но и запасы снарядов и пороха. Кроме боезапаса море поглотило провизию, койки. Даже офицерская посуда, гордость кают-компаний, пошла ко дну вместе с судами. Когда в 1856–1857 гг. после завершения боевых действий начали подготовительные работы по подъему затопленных кораблей, то обнаружили, что все дно усеяно якорями, пушками, цистернами и другим имуществом.⁴⁹⁵

Отнести это на счет неразберихи, безалаберности, или, тем более, паники исполнителей — неправильно. Для того чтобы снять все означенное, а особенно вооружение и боезапас с борта кораблей, находящихся в полной готовности к бою и выходу в море нужны не одни сутки, а много больше времени. Потому правильнее употреблять термин не «успели снять ввиду сложившейся обстановки», нежели «забыли снять по причине охватившей всех паники и хаоса», как утверждают некоторые

⁴⁹⁴ Давыдов Ю. Нахимов. М., 1970 г. С.134–136.

⁴⁹⁵ Афанасьев Д. О поднятии судов, затопленных на Севастопольском рейде//Морской сборник. Том XXV. №13. СПб., 1856 г. С.93.

очевидцы (Чаплинский, например).⁴⁹⁶ Если бы забыли, то в вахтенном журнале не писали, а молчали бы тихонько...

В действиях моряков нет паники, нет растерянности и беспомощного ожидания подхитившего неприятеля. Безалаберность есть, мы, русские, увы, без нее не умеем совершать подвиги, но подавленности, обреченности и жертвенности нет: флот выполняет часть операции по защите крепости, а не совершает акт самоубийства, который так любят смаковать отдельные исследователи.

Непонятная история, конечно, произошла с порохом на складе в Георгиевской балке. Но и тут Чаплинский, видимо, не знает, о чем говорит (кстати, все его воспоминания слишком обзорны и как-то с трудом помещаются в стереотип описания событий непосредственным участником), умышленно нагнетая драму.⁴⁹⁷ Упомянутые им 30 пудов, явно далеко не весь пороховой запас крепости и даже не его значительная часть.

А теперь подумаем, почему часть имущества ушла на дно Севастопольской бухты, а не поступила на вновь возводимые батареи:

- время, отводимое для выполнения задачи (демонтаж, погрузка, своз на берег) — 6 часов.

- количество орудий (хотя бы только орудий) на каждом из кораблей — от 64 до 120. Общий вес только орудий до 340–350 тонн. Для забывчивых напоминаю: мы в XIX в., многотонных плавучих кранов у нас нет.

- наличие экипажа (то есть необходимая для демонтажа, погрузки и своза на берег рабочая сила) — от 50 до 75% (в основном артиллеристы).

Из позитива только то, что успели перед выводом на рейд пароходами демонтировать и свезти на берег рангоут. Решение единственное: спасти только то, что успеем.

Прискорбно, но военные историки в том, что часть имущества, боезапаса и вооружения ушла на дно винят Корнилова. Богданович считает, что промедление с выполнением приказа Меншикова стоило флоту (а значит и крепости) значительных имущественных потерь: «...Приступая против собственной воли к исполнению этой меры, Корнилов медлил снимать орудия с осужденных на гибель судов и подал сигнал к их затоплению уже 10-го (22-го) сентября в 6 часов вечера».⁴⁹⁸

Матрос английской Морской бригады в Крыму. 1854 г.

⁴⁹⁶ Воспоминания о Севастопольской обороне Георгия Чаплинского//Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С.71.

⁴⁹⁷ Воспоминания о Севастопольской обороне Георгия Чаплинского//Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С.71.

⁴⁹⁸ Богданович М.И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

Что делать, Черноморскому флоту России выпала славная, но горькая участь. Он ни разу не был побежден в эскадренном сражении, но был дважды вынужден к самозатоплению — сначала в 1854, затем в 1918 г.⁴⁹⁹

Каков бы ни был результат, это национальная трагедия. Какие бы устаревшими не были корабли, это боевые единицы, входящие в состав российского Черноморского флота. Моряк, в своем большинстве, не думает о стратегии высших военных умов. Для него, вид идущего ко дну корабля, который много лет был его домом, полем боя, школой жизни, потенциальным гробом, в конце концов, не лучшее зрелище и могло иметь самые негативные последствия, вплоть до полной потери доверия командованию. И, как нам это еще предстоит узнать, подобные настроения имели место быть. Простые матросы почти всех сухопутных генералов, проигравших Альминское сражение, причислили к предателям, а кличка «Изменщиков» прилипла к главнокомандующему вплоть до его отставки.⁵⁰⁰

Корнилов до своей скорой смерти не смог простить князю и всем сухопутным начальникам того позора, который, на его взгляд, перенес российский флот в Севастополе. При любой возможности он и другие адмиралы язвили в их адрес, невзирая на чины и должности. Армию разносили в пух и прах, считая ее чуть ли не несчастьем Отечества: не только воевать не хочет, но и свою страну портит: «сады рубят, здания отбрасываются в развалины — все вверх дном».⁵⁰¹

Меншикова доходящая об этом информация раздражала, но поделаться он уже ничего не мог. Об одном таком случае князю донес тот, кому это по службе было положено — верный Панаев. Повод был — вернулся капитан Лебедев, старший адъютант штаба. Его незадолго до этого Меншиков отправил в Севастополь с поручением известить морское командование о своем нахождении, а так же «...хлопотать о скорейшем доставлении нам сухарей и о пополнении парка».⁵⁰²

Лебедев с приключениями добрался до крепости, наткнувшись по пути на неприятельский патруль, обратно пуститься в путь не решился, добравшись к штабу, уже когда тот был на Бельбекской позиции. Его при штабе даже сочли погибшим. В Севастополе началась вторая часть приключений. Горячий желанием продемонстрировать свою значимость штабной чин, естественно (по его словам) появился на очередном совещании флагманов. «Почетного гостя» военно-морской флот, мягко говоря, игнорировал. Вместо почестей офицера встретила «...умышленная невнимательность Корнилова».⁵⁰³

Услышанное на совещании потрясло капитана: его патрона обвиняли едва ли не в предательстве. Корнилов, якобы, вопрос поставил так, что виновным во всем «начался» Меншиков: «Что предпринять по случаю брошенного на произвол судьбы князем Меншиковым Севастополя?».⁵⁰⁴

Дальше — больше. По версии Панаева-Лебедева Нахимов, который до сих пор как бы даже Меншикова поддерживал, и тот вдруг начинает глумиться над старшими

⁴⁹⁹ Данилов С. Великие морские сражения. М., 2011 г. С.244–245.

⁵⁰⁰ Тарле Е. В. Нахимов. М., 1950 г. (<http://militera.lib.ru/bio/tarle3/index.html>).

⁵⁰¹ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н.В., Софинова П.Г. М., 1947 г. С.272.

⁵⁰² Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.499.

⁵⁰³ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.499.

⁵⁰⁴ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.499.

начальниками. Моллера адмирал выставляет просто идиотом: «...старейший из нас всех в чине генерал-лейтенант Моллер, которого я охотно променял бы вот на этого мичмана, — Нахимов указал на входившего Костырева».⁵⁰⁵

ЧТО ЭТО БЫЛО: САМОУБИЙСТВО ИЛИ ДЕЙСТВИЯ ПО ПЛАНУ?

Споры на тему: что же произошло с Черноморским флотом 10–12 сентября 1854 г. до сих пор не утихают в среде военных историков. Наверное, это одна из самых горячих тем мировой военной истории и уверенно претендует на то, чтобы много лет продолжать ей оставаться. Это будет всегда, а потому не считаю, что моя точка зрения будет единственно верной. Поэтому лишь высказываю свое мнение. Провоцирую дискуссию, так сказать.

Трудно говорить о жертвенности вообще. Лучше всего определять ее эффективность, соотношением количеством пролитой крови своих войск с количеством сохраненной крови своих же войск. Примерно также обстоит дело, когда речь идет об уничтожении материальных ресурсов.

Оборона Севастополя во время Крымской войны одна из славных, но в то же время одна из темных страниц нашей военной истории. И дело было даже не в том, что город рано или поздно пришлось сдать союзникам. Пожалуй, это случилось бы все равно, при наличии проблем, которыми «болела» русская армия: управление, воспитание, образование, тактика, вооружение, снабжение и т.д. Эти же диагнозы можно смело ставить флотам Российской империи: и «придворному» Балтийскому, и боевому Черноморскому.

Венцом трагедии стало затопление. Не сразу, частями, но в течение периода обороны большинство его кораблей превратились в стационарное подводное заграждение. Но ведь не для этого они строились, не для этого казна выделяла немалые деньги на их создание, вооружение и обучение экипажей?

Трагедия началась после Синопа, когда официально признанной «владычице морей» Британии была дана публичная пощечина. Турецкий флот, ею вооружаемый и «консультируемый» разбит наголову. В этой беде есть доля вины союзников, и они ее ощущают.

Казалось перед «синопской бойней» им не о чем было беспокоиться: их корабли в проливах, постоянный осенний шторм 3–4 балла. Потому, когда Осман-паша возопил о помощи, ему посоветовали не сильно волноваться, а уделить больше внимания собственному гарему, нежели русскому флоту. Турок успокаивают: не волнуйтесь, у русских кораблей не так много, половина из них «древние», половина побита штормом. А тут система береговых батарей, внутренний рейд. И вот, как снег на голову, на внутренний рейд Синопа входит «древняя» русская эскадра, сжигая все, или почти все. Конечно, для Турции это не катастрофа, но отныне самостоятельно вести военно-морские операции в Черном море она уже не могла.⁵⁰⁶

Реакция союзников бешеная и ожидаемая: престижу Британии и Франции нанес страшный удар. Традиционные межгосударственные распри стерты или ушли

⁵⁰⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.499.

⁵⁰⁶ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.// ФлотоМастер. №1. М., 1999 г. С.12.

на второй план, уступив место оскорбленному самолюбию. Наполеон III в письме Николаю I возмущен: «Турецкая эскадра уничтожена. Несмотря на уверения, что наступательные действия со стороны России допущены не будут, несмотря на близость нашего флота, удар нанесен одновременно и нашей политике, и нашей военной чести...».⁵⁰⁷

То, что англичане и французы потребуют сатисфакции, никто на Черноморском флоте не сомневался. Потому, как вспоминал участник сражения при Синопе князь Барятинский (брат Кавказского героя), появление после Синопа у входа в Севастопольскую бухту английского корабля "Retributin" все восприняли, как требование «...возмездия за погром, причиненный нами, состоявшему под их опекой Турецкому флоту».⁵⁰⁸

Не удержись от пары слов «хулителям военной славы России», коих в последнее время развелось не меньше, что ура-патриотов и уже трудно понять, кто из них менее для Отечества вреден. Так вот, в Синопе, русский флот не просто расстреливал «несчастливых» турок, а вел бой, сообразуясь, как с общей ситуацией в данное время в данном месте, так и с общим положением на Черном море, и своими стратегическими задачами. То есть делал то, для чего создавался и к чему был предназначен и обучен. Кстати, даже будущий адмирал Сеймур (в 1853 г. корабельный гардемарин, потом мичман), как настоящий военный моряк, признает, что, не смотря на волну жесткой критики действиям эскадры Нахимова, страны находились в состоянии войны и русские имели полное право на такие действия.⁵⁰⁹

Единственная «сладкая пилюля» от синопской «болячки» — прорыв «Таифа» под командованием кептена Слейда. В отличие от русских, англичане умели делать выходы. Русские не придали значения, каким с точки зрения военно-морской истории, тревожным эпизодом Синопской битвы был прорыв в Босфор одиночного англо-турецкого парового фрегата, ускользнувшего от нашего парусного флота. Неспособность уничтожить или захватить «Таиф» казалась досадной и мелкой случайностью. Она на первый взгляд мало изменила соотношение сил на море. Но она же стала предвестницей грандиозного появления в Черном море морской силы западных держав — англо-французского парового флота.⁵¹⁰

Теперь для союзников дело чести утопить весь Черноморский флот вместе с его адмиралами, в первую очередь Нахимовым. Первоначальное решение: войдем на внутренний рейд Севастополя и сожжем все, зря, что ли, вся страна бьется в истерике: «Всюду, куда могут достать наши пушки, наши союзники должны быть уважаемы!».⁵¹¹ Тут мы наблюдаем две стратегические ошибки, допущенные Николаем I, который, имея на руках выдающуюся победу (о ее моральной стороне думать не будем, в конце концов, о войне пишем), лишил Черноморский флот возможности вести активные действия.

Во-первых, император переоценил морские силы союзников и недооценил возможности собственного флота, отдав без боя англичанам и французам господство на море. Хотя дешево доставшаяся нам Синопская победа не определила ни ход, ни исход Крымской войны, но как только в ответ на нее союзники вошли в Черное море,

⁵⁰⁷ Бухаров Д. Россия и Турция. Исторический очерк. СПб, 1878 г. С.161.

⁵⁰⁸ Из воспоминаний князя Виктора Ивановича Барятинского // Русский архив. Том 1. М., 1905 г. С.108.

⁵⁰⁹ Seymour, Edward Hobart, Sir. My naval career and travels. London. 1911. P.11.

⁵¹⁰ Данилов С. Великие морские сражения. М., 2011 г. С. 244–245.

⁵¹¹ Это из письма Наполеона III Николаю I. (Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотМастер. №2. М., 1999 г. С.3).

Россия утратила инициативу, и общее превосходство на театре перешло к противнику. Атакующий оказался в обороне.⁵¹²

Во-вторых, одновременно, переоценил силы сухопутной обороны Крыма, позволив союзникам высадиться на полуострове.⁵¹³

Если кто и был раздражен более других, так это Меншиков. Ведь по его предложению еще задолго до нынешних событий адмирал Лазарев подготовил план активной обороны Черноморского побережья, а в 1835 г. разработал даже план морской стратегической десантной операции на побережье Босфора.⁵¹⁴ Теперь же все самое сокровенное, блестяще им задуманное, обращено в прах. Но и это не все. Союзный неприятельский флот стоит у порога и грозит прорывом в Севастопольскую бухту.

Нужно сказать, что система батарей Севастополя изначально предназначалась именно для предотвращения такого прорыва. Но уже к середине XIX в. возможность удержать неприятельский флот, даже ценой «защитых» в камень батарей была сомнительной.

Обер-офицер Балаклавского греческого пехотного батальона 1853 г. Современная реконструкция А. Саковича.

Об этом позднее говорил адмирал Шестаков, который в январе 1853 г. обсуждал возможность прорыва в Севастопольскую бухту неприятельского флота с Великим князем Константином Николаевичем, возглавлявшим в то время Морское министерство: «...Особенно долго говорили о способах преградить неприятелю путь в Севастопольскую бухту. Великий князь терпеливо выслушал мое мнение, внимательно смотрел на пояснения, которые я делал карандашом на листе бумаги и, видимо, обрадовался, что мои взгляды совпали с предложениями Корнилова, от которого он имел уже заключение по тому же предмету. И Корнилов и я считали прорыв на Севастопольский рейд с кораблями-пароходами возможным...».

В морской практике первой половины XIX в. прорыв флота на внутренний рейд стал обычным, и примеров этому было немало: прорыв английской эскадры в 1801 г. на рейд Копенгагена, прорыв англо-австрийско-турецкого флота в 1840 г. в Сен-Жан д'Акре и, наконец, прорыв эскадры П.С. Нахимова в 1853 г. на рейд Синопа.

Через 10 лет американскому адмиралу Фаррагуту⁵¹⁵ удалось взять сильную береговую крепость конфедератов Нью-Орлеан, не смотря на сильный огонь береговых ба-

⁵¹² Данилов С. Великие морские сражения. М., 2011 г. С.244–245.

⁵¹³ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер. №1. М., 1999 г. С.16.

⁵¹⁴ Доценко В.А., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. С.48.

⁵¹⁵ В конце ноября 1861 г. президент США Линкольн приказал снарядить экспедицию для занятия Нового Орлеана. Начальником экспедиции был назначен коммодор Фаррагут, в подчинении у которого находилась довольно большая мортирная флотилия под начальством коммодора Портера. Задачу эту предполагалось решить следующим образом: сперва форсировать проход между сильно укрепленными фортами у устья Миссисипи, затем заставить их сдаться, изолировав их предварительно уничтожением их тыловых сообщений и, наконец, занять Новый Орлеан, высадив для этого десанты из сухопутных войск (Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г. С.518–526).

тарей, правда, причинивший ему минимальные потери.⁵¹⁶ В своем рапорте адмирал доносил: «Всегда возможно форсировать проход, защищаемый фортами; мы это уже делали и повторим всякий раз, когда будет нужно».⁵¹⁷ Вскоре Фаррагут повторил прорыв у Вискбурга, кстати, за долгую и упорную оборону прозванного «Американским Севастополем».

Отдадим должное Корнилову: адмирал предвидел, что атака на Севастополь может иметь успех только при совместных действиях сухопутных и сил и ворвавшегося на внутренний рейд флота. Чтобы не допустить этого, еще с конца 1853 – начала 1854 гг. им были приняты категорические меры в соответствии с переводом крепости на военное положение.⁵¹⁸

Но разве прорыв на внутренний рейд это все? Разве присутствие блокирующей неприятельской эскадры у входа в бухту это повод для того, чтобы спустить военно-морской и поднять белый флаг над кораблями? Конечно, нет. От этой болезни было несколько средств. Первое профилактическое, но достаточно эффективное. Это морские мины. Они уже доказали свою эффективность на Балтике, но в Крым, чего так боялись союзники, к началу событий не успели.

Заграждение путем затопления дело, конечно, грустное, почти радикальное, но тоже не самое плохое. Тем более, сам великий Лазарев еще в 1833 г. в письме на имя начальника Главного морского штаба князя Меншикова подобное развитие событий предвидел и, предупреждая о его возможности, давал рекомендации по предупреждению. Кстати, заграждение входа в бухту путем использования своих кораблей было не новшеством: еще в 413 г. д.н.э. флот Сиракуз оборонялся так против флота Афин. Разница лишь в том, что корабли не топили (глубины не позволяли), а поставили в линию, сковав цепями.⁵¹⁹

Таким образом, Меншиков не «изобретал велосипед», а лишь развивал теорию защиты внутреннего рейда Севастопольской крепости, разработанную адмиралом Лазаревым за двадцать лет до описываемых событий, и потому огульно причислять его в компании с Николаем I к основным виновникам гибели Черноморского флота глупо.

Причины случившегося, не на поверхности, они – глубже.⁵²⁰ В том числе и в традиционном для русского флота неумении координировать свои совместные действия с армией, в результате чего сопротивление противнику было разрозненным: как в Севастополе, так и в 1904–1905 гг. в Порт-Артуре.⁵²¹

И еще одна причина, приведшая, может и косвенно, к трагедии Севастополя 1854–1855 гг. О ней можно не говорить, все равно не все согласятся. Но ее резкость не повод для замалчивания. Автор мысли русский военный теоретик преподаватель Морской академии Н. Л. Кладо обвинил в грядущей катастрофе покойного адмирала Лазарева: «Если в Черноморском флоте дело обстояло немного лучше благодаря Лазареву, то и там все же не удосужились создать паровой флот. Значит, и Лазарев не сумел настоять на этом, значит, личный состав мало не понимал всего значения совершившегося поворота, значит, его это мало беспокоило...».⁵²²

⁵¹⁶ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г. С.570–571

⁵¹⁷ Крыжановский П. Заметка об обороне береговых укреплений//Военный сборник. №4. СПб., 1894 г. С.296.

⁵¹⁸ Золотарев В.А. Козлов И.А. Три столетия Российского флота. Том 2. XIX – нач. XX вв. СПб., 2004 г. С.318.

⁵¹⁹ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г. С.199–226.

⁵²⁰ Амирханов Л.И. Легендарный Севастополь/Цитадель. №16. СПб., 2009 г. С.7.

⁵²¹ Петров М. Оборона берегов. М., 1926 г. С.15.

⁵²² Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. СПб., 2003 г. С.38.

Давайте не будем сразу принимать возмущенный вид и присоединяться к обвинению известного ученого. За спиной Кладо стояли, как минимум, два события, убедительнейшее доказавшие всю его правоту: Цусима и Порт-Артур. И там, и там слишком уж явно виднелись призраки Черного моря и Севастополя.

После трагедии Порт-Артура в начале XX в. в российской военной теории бытовало, неоднократно появляясь на страницах военных журналов и в военно-теоретической литературе, мнение, что «... в Севастополе в 1854 г., и в Порт-Артуре в 1904 г. мы сами погубили свой флот только потому, что не знали или забыли насколько „приморская крепость создается для флота, а не флот для приморских крепостей“? ... мы сами погубили свой флот не в Севастополе и в Порт-Артуре, а как бы намеренно вели его к гибели до начала Крымской войны, упорствуя в недоверии к паровым судам и до начала русско-японской войны со всевозможных точек зрения, кроме боевой. Флот, хорошо подготовленный и хорошо командуемый, хотя бы и слаб численно, никогда бы не дал себя запереть в приморской крепости, как не дал бы себя и застигнуть врасплох минной атакой противника в первый момент войны».⁵²³

В попытке принять или не принять затопление кораблей у нас два пути. Первый — самый простой, хотя бы потому, что обкатан десятилетиями. Мы берем за истину точку зрения советской военной истории и успокаиваемся. Действительно, а почему нет? Флот старый, никуда не годный, вот им и пожертвовали, чтобы спасти Севастополь.⁵²⁴ И все вроде бы так: подвиг совершается, самопожертвование происходит, союзники не берут город, война затягивается, углубляется в землю, морской театр становится вторичным. Отныне затопление кораблей Черноморского флота в Севастопольской бухте признавалось отечественными исследователями как крупный стратегический успех.⁵²⁵

С другой стороны, современные военные историки предлагают свою точку зрения, по которой «...затопление части кораблей Черноморского флота и отвод вглубь бухты оставшихся, а затем их самоуничтожение свидетельствует о стратегических просчетах русского командования».⁵²⁶

В просчетах стратегии, а точнее в ее отсутствии, сомневаться трудно и мы это уже признали. Само то, что союзники могли высадиться в России, безнаказанно базироваться в нескольких бухтах Крымского полуострова, подвозить резервы, снаряжение, обстреливать русские города и порты вдоль всего побережья Черного моря, действуя не только малыми группами, но даже одиночными кораблями, означает, что они господствуют на всей его акватории.⁵²⁷

Обе точки зрения совершенно не противоречат, а лишь последовательно дополняют друг друга: если бы не просчеты в стратегии начала кампании, подготовки к ней, нужды в заграждении бухты или, по крайней мере, нужды прибегать к столь экстраординарным средствам не требовалось. Но если враг у входа в бухту и начинает подступать к крепости — нужно принимать решение, каким бы тяжелым оно не было.

Долгое время активность споров то взлетала в зенит, то сама по себе затихала. Первый всплеск пришелся на начало XX в., когда в свет вышли несколько военно-исторических трудов, посвященных Крымской войне: «История крепостной войны.

⁵²³ Библиография. Обзор книг//Военный сборник. №3. СПб., 1910 г. С.273–286.

⁵²⁴ Дыгало В.А. Российский флот. Три века на службе Отечеству. М., С.38

⁵²⁵ Доценко В.А., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. С.96.

⁵²⁶ Доценко В.А., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. С.97.

⁵²⁷ Доценко В.А., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. С.97.

Севастополь. Бельфор» А. Н. Маслова (1900 г.),⁵²⁸ «История Крымской войны и обороны Севастополя» Н. Ф. Дубровина (1900 г.),⁵²⁹ «Оборона побережья с древнейших времен и до наших дней» В. В. Мошнина (1901 г.).⁵³⁰ Пик пришелся на похождение на Севастополь события, связанные с обороной и потерей Порт-Артура во время войны с Японией.

Но это только запас гремучей смеси. В роли взрывателя случилось выступить статье А. Зайончковского «Потопление судов в Севастопольском рейде в 1854 году», опубликованной в журнале «Русский инвалид» (1900 г.).⁵³¹ Добавил масла в огонь известный российский военный исследователь Д. Лихачев в аналитической статье «Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах» (1902 г.).⁵³²

Лихачев предложил, прежде чем делать выводы о необходимости затопления кораблей Черноморского флота, ответить на несколько вопросов. В том числе:

- «...как действовал наш флот с самого начала кампании, когда численный перевес неприятельского флота был еще не так велик, а иногда бывал и на нашей стороне;
- в каком состоянии была оборона севастопольского рейда со стороны моря, какое о ней представление имели наши противники, и было ли основание опасаться форсирования входа на рейд, оправдывалось ли действительной необходимостью постоянное заграждение входа на рейд;
- что дала эта крайняя мера (затопление судов) обороне и как она отразилась на последующих действиях союзников;
- какое место занимает факт затопления судов в ряду других факторов, повлиявших, так или иначе, на ход кампании;
- как влияли стратегические условия театра военных действий на характер операций нашего флота».⁵³³

Через несколько десятков лет, в свете событий, случившихся в Крыму в 1941–1942 гг., к проблеме вернулся советский адмирал И. С. Исаков в своей работе «Приморские крепости».⁵³⁴ Правда его интересные выводы, что любая приморская крепость может быть взята только атакой с суши, советской военной историей были признаны чуть ли не преступными.

Итак, до настоящего времени мы имеем два взгляда на оценку стратегического и тактического значения заграждения Севастопольской бухты путем затопления кораблей Черноморского флота.

1. Точка зрения категорическая и без вариантов: полная нецелесообразность затопления (иногда говорят о преступном характере, масонском следе, предательстве Меншикова и проч.).

2. Точка зрения умеренная с вариантами: совершенно оправданный ход, позволивший спасти Севастополь от немедленного занятия его союзниками.

Апологетом признания затопления кораблей неоправданным, едва ли не граничащим с преступлением решением (идет от Корнилова), стал полковник Мошнин. Причем в гневных эпитетах себя не ограничивая: «История не знает другого подобного примера безумного, бессмысленного уничтожения своих собственных средств.

⁵²⁸ Маслов А. Н. История крепостной войны. Севастополь. Бельфор. СПб., 1900 г.

⁵²⁹ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1900 г.

⁵³⁰ Мошнин В. В. Оборона побережья с древнейших времен до наших дней. СПб., 1901 г.

⁵³¹ Зайончковский А. Потопление судов на Севастопольском рейде в 1854 году // Русский инвалид. № 274. СПб., 1900 г.

⁵³² Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 г. // Военный сборник. № 3, 4. СПб., 1902 г.

⁵³³ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный сборник. № 3. СПб., 1902 г. С. 44.

⁵³⁴ Исаков И. С. Избранные труды. Океанология, география, военная история. М, 1984 г.

Английская Морская бригада доставляет орудия на батареи под Севастополем. Английский рисунок сер. XIX в.

Подобное уничтожение собственного флота, равносильно, по нашему мнению, следующему: возьмем кавалерийскую часть, вооруженную одними саблями, предположим, что эта часть должна встретиться с кавалерией противника, вооруженной пиками. Эти неравные условия борьбы вдруг сделались бы причиной того, что конница, вооруженная саблями, признавая себя слабой и бессильной, решила бы заколоть всех лошадей, не сделав бы даже попытки к борьбе; или предположим, что сторона, имеющая гладкие орудия, не сделав ни одного выстрела, решила бы заклепать свои орудия только потому, что противник имеет нарезные пушки. Совершенно аналогично поступил и наш Черноморский флот: только потому, что противник имел паровые суда, он решился свой парусный флот уничтожить. Такому поступку нет оправдания. Фаррагут в американскую войну, с деревянными судами шел против броненосцев и побеждал, между тем ему следовало бы, исходя из вышеизложенного поступка наших моряков, уничтожить свои деревянные суда».⁵³⁵

Сравнение, конечно, не самое корректное. В конце концов, Фаррагут атаковал, а значит, владел инициативой. Но главное обвинение нам понятно: флот отказался от борьбы с союзным флотом, предпочтя пассивную оборону крепости – активной побережья.

Естественно, что оппоненты (их большинство) высказали свое, диаметрально противоположное мнение. Дубровин: «Идею затопления кораблей можно назвать гениальной, а приведение ее в исполнение – одним из крупных подвигов в жизни Севастополя. Жертвуя несколькими старыми судами, мы преградили неприятелю всякую возможность ворваться на рейд и вместе с тем усиливали Севастополь более чем 10000 человек матросов испытанной храбрости».⁵³⁶

⁵³⁵ Мошнин В. В. Оборона побережья с древнейших времен до наших дней. СПб., 1901 г. С. 313; Доценко В. А., Доценко А. А., Мионов В. Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. С. 97.

⁵³⁶ Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 130.

Вице-адмирал П. С. Нахимов. Современный рисунок.

Сдержанно оправдывающий Меншикова Зайончковский, осаживает Мошнина, указывая на зависимость характера действия флота от ряда неблагоприятных условий. В том числе:

- численное и, главное, качественное превосходство неприятельского флота (на это указывает и Герен⁵³⁷);
- превосходство союзного флота в паровых кораблях;
- риск гибели флота делал Севастополь беззащитным не только с суши, но и с моря.

Зайончковский считает, что нравственные силы моряков и неисчерпаемые запасы флота стали ядром обороны города. Как видите, эмоциональность вкупе с материальностью и звучит по-другому — аргументировано. И, пожалуй, генерал прав. Прежде всего, после 8 сентября никто из русских военачальников толком не знал что происходит.

А теперь о морском сражении. Возможно, что при всем желании Корнилова его дать, случиться этому уже было невозможно. И дело

даже не в ситуации. Просто время больших кораблей с этажами артиллерийских палуб, заставленных десятками артиллерийских орудий, уже прошло.

Что ж, в борьбе парусов и пара, паруса проиграли. После Синопа все это становилось историей. Как пишет один из современных российских историков: «Гибель красоты и гордости Черноморского флота, его прекрасных парусников, достигших во время Крымской войны наивысшего совершенства, совпала с закатом эры парусного судостроения. На смену парусам и дереву шли пар и броня...»⁵³⁸

Он не первооткрыватель. Тот же Зайончковский с душевной болью констатирует, что осенью 1854 г. «...Парусный Черноморский флот со славою пропел свою лебединую песню».⁵³⁹

Нет сомнения, Меншиков не испытывал душевных метаний, которые изгрызли души и сердца адмиралов, офицеров и матросов флота. Для него все эти корабли, некогда гордо проходившие перед Севастополем символизируя десятилетия русского владычества на Черном море, были просто устаревшим материалом, который пока еще можно было использовать единственным наилучшим способом — затопив на входе в Севастопольскую бухту, преграждая путь прорыва неприятельскому флоту. В чем-то Меншиков прав. Выбрав самые непригодные из них,⁵⁴⁰ он лишь пытался исправить ошибку совершенную задолго до него, когда флот создавали для войны с Турцией, но никак не с передовыми индустриальными державами Европы. В 1871 г. «Морской сборник» писал: «В 1854 русские имели ...флот самых больших и воору-

⁵³⁷ Leon Guerin , Histoire de la demiere guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 264–265.

⁵³⁸ Комаров А. Черноморский флот в период Крымской войны. Малоизвестные вопросы организации флота//ФлотоМастер. №1. М., 2000 г. С. 8.

⁵³⁹ Зайончковский А. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года//Военный сборник. №11. СПб., 1903 г. С. 95.

⁵⁴⁰ Leon Guerin , Histoire de la demiere guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 264–265.

женных из всех известных в то время судов – судов, созданных нарочно для того случая, который им представился. Действительная причина их существования была война с Турцией и, однако же, когда наступило время, они все без исключения принуждены были покинуть то море, для командования на котором они были построены, и лучшее употребление, которое могло быть из них сделано, это загородить рейд Севастополя своими днищами».⁵⁴¹

Свой план едва ли не силой заставил исполнить моряков князь Меншиков. И руководствовался он отнюдь не желанием «согнуть» на берег не любивших его матросов и офицеров. Вопреки распространенному мнению о его «придворно-полководческих» способностях, сейчас все происходившее не располагало к интригам. Слишком высоки были ставки. В основу своего решения князь положил стратегическую и тактическую необходимость, проистекавшую из вышеизложенных причин. Главные его оппоненты, неприятели, в лице французского инженера Герена говорят, что после проигранной Альмы, Меншиков сохранил волю, упорство и действовал талантливо.⁵⁴²

Решение главнокомандующего о заграждении входа в Севастопольскую бухту – не преступление, вызванное, как часто любят говорить любители «политических выкрутасов», масонскими кознями и не антигосударственный поступок. Это необходимость, вызванная конкретной обстановкой. Закрыв фарватер, моряки могли больше не думать о борьбе с неприятельским флотом, передав полномочия береговому артиллерийским батареям и без опасения отправлять личный состав на сухопутный фронт.

Самое невероятное во всей этой военно-исторической полемике, что мнение «царских сатрапов» (Лихачев, к примеру) в итоге совпадает с точкой зрения советских историков (Тарле, тот же).

Еще в начале XX в. профессор Военно-морской академии Б. Б. Жерве говорил, что «владение морем является первой и важнейшей стратегической целью борьбы на море».

По его теории достигалось это двумя путями: уничтожением неприятельского флота в морском генеральном сражении или путем блокирования в военно-морских базах.⁵⁴³

Если мы соглашаемся с Жерве (а не соглашаться с аксиомой, признаюсь, трудно), то признаем, что союзники выиграли военно-морскую кампанию Крымской войны и владели стратегической инициативой на море, ни разу не упустив ее.

Что ж, пожалуй, не навязывая читателю свою точку зрения, я тоже присоединюсь к тем, кто считает, что действия русского военного командования в Крыму были, может не единственно, но на тот момент времени правильными. Хотя к их исполнению есть вопросы. Мотивирую вышесказанное следующим:

1. Черноморский флот, уступавший численно и качественно союзному, имел больше шансов погибнуть, нежели победить в случае морского сражения. При этом смерть его непременно началась бы уже при выходе из бухты и, вероятно, в порядке очереди. На мой «сухопутный» взгляд, акция против союзного флота: выход из бухты, формирование боевого порядка, атака, бой требовали ювелирной точности и в высшей степени отработанной слаженности действий не только отдельных кораблей,

⁵⁴¹ Статьи Times по поводу черноморского вопроса//Морской сборник. №2. СПб., 1871 г. С.33–34.

⁵⁴² Leon Guerin, Histoire de la demiere guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858.P.268.

⁵⁴³ Доценко В.А., Доценко А.А., Миронов В.Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. С.41.

но целых отрядов, в идеальной согласованности с береговыми батареями. Смогли бы сделать это русские? Не знаю. Знаю лишь то, что маневры флота осенью 1852 г. под флагом исполняющего должность главного командира Черноморского флота и портов М. Б. Берха прошли неудачно, продемонстрировав при хорошей подготовке отдельных кораблей слабую их сплванность.

Оппоненты, конечно, сразу начнут возражать, приводя разгром турок при Синопе, как «сильнейший» аргумент. Но мы не в Синопе и на прицеле русские корабли не у турецких морских артиллеристов, а значительно лучше подготовленных англичан и французов. Даже больше все-таки лучше вторые, ибо английские исследователи признают, что с началом Крымской войны Королевский флот столкнулся с кадровой проблемой.⁵⁴⁴

Если корабли сумели наскрести, то с командами начались проблемы, ибо понятие мобилизация ему было неведомо. Для укомплектования корабельных экипажей брали всех, кого попало. Вербовщики скребли по портовым кабакам, подбирая тех, от кого отрешивались капитаны самых вонючих китобоев. Другую категорию заманивали перспективой быстро выслужиться в офицеры. Таких брали как корабельных гардемарин. Отсюда и просто гигантское количество малолетних, часто почти детей, на борту военных кораблей.

Да и присутствующие рядом с ними турки, могут тоже во имя Аллаха неплохо «влепить», чувствуя поддержку «благодарной» Европы, пусть даже по оценке современников турецкий флот еще с первой четверти XIX в. (особенно после Наварина и Синопа) находился в состоянии постепенной деградации.⁵⁴⁵

2. В случае выхода из Севастопольской бухты корабли Черноморского флота теряли возможность туда вернуться, и таким образом из участия в обороне выбывали несколько тысяч моряков. Без них Севастополь, как показали дальнейшие события, не имел ни малейшего шанса удержаться и пал бы в течение нескольких недель или, в лучшем случае, месяцев.

3. Даже если бы Черноморский флот и нанес значительные потери союзному флоту, это не затруднило бы взятие слабо укрепленного города. Давайте не будем забывать, что армия еще только приходит в чувство после неудачного сражения на Альме.

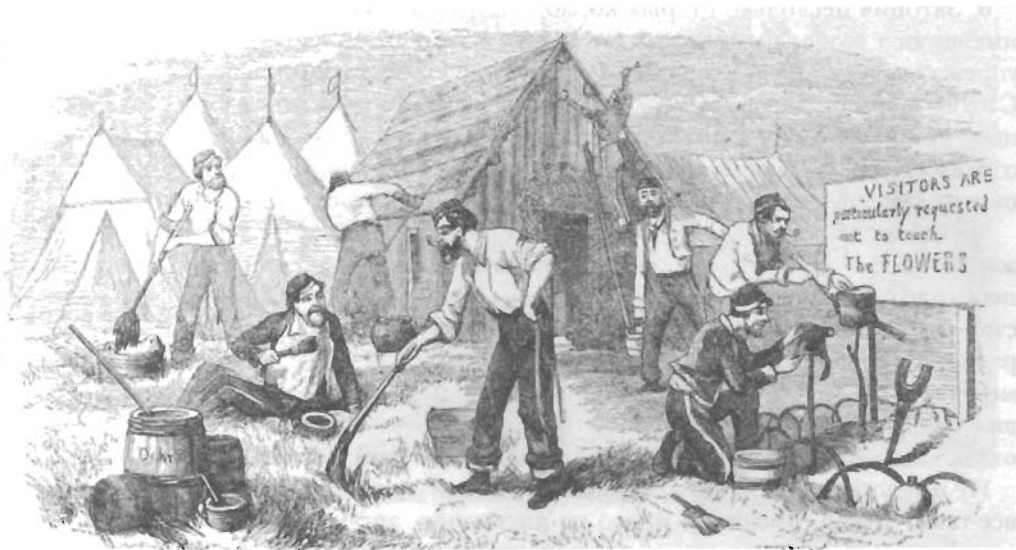
4. Затопление нескольких старых судов и привлечение моряков на устройство батарей — ситуационное действие. Оно произведено тогда, когда любое действие было лучше, чем пассивное выжидание. Некоторые из моряков не видели в нем нечто «душераздирающее». Тот же Ильинский вполне спокойно к этому отнесся: «Хотя прорыв неприятельского флота вполне не мыслим по чрезмерной силе наших приморских батарей, но если находить, что бон слишком слаб, то можно на фарватере затопить во множестве стоящие негодные суда».⁵⁴⁶

5. Затопив несколько старых кораблей, русские не закупоривали свой флот. Он хоть и ограниченно, но сохранял возможность действовать, в том числе и за пределами Севастопольской бухты. Так, например 29 сентября 1854 г. за линию заграждения с целью захвата брошенного турецкого корабля выходил пароход «Дунай», а 24 ноября пароходы «Владимир» и «Херсонес» атаковали блокирующие силы союзников.

⁵⁴⁴ Eardley-Wilmot S., Rear-admiral. *British Navy. Past and present.* London. 1914. P. 13–14.

⁵⁴⁵ Зайончковский А. М. *Восточная война. 1853–1856.* Том 1. СПб., 2002 г. С. 916.; Кириллов П. *Синоп: победа или поражение*// Флотомастер. №1. М., 1999 г. С. 9.; Лебедев А. А. *Фрегаты против кораблей. Неизбежный и неоцененный эпизод Русско-турецкой войны 1878–1791 гг.* СПб., 2011 г. С. 98.

⁵⁴⁶ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского//Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 71.

Английский лагерь под Севастополем. 1854–1855 гг. Английский рисунок сер. XIX в.

Оппоненты могут сказать: да ведь противник все равно не пошел на город с севера. Ну и что? Зачем мы совершаем ошибку, пытаясь мыслить за неприятеля? Давайте лучше будем считать, что союзники не атаковали Северное укрепление, в том числе и по причине загражденной к тому времени Севастопольской бухты. Это значит, что ценой нескольких старых кораблей была спасена крепость Севастополь, а значит и честь России.

Хотя, признаюсь, еще один вариант действий был, и отдельные исследователи его допускают: наряду с укреплением обороны города с суши использовать несколько кораблей в виде плавучих батарей.⁵⁴⁷ Суть его сводится к установке у входа в бухту в качестве плавучих батарей бортом к морю (лагом) нескольких тех самых старых линейных кораблей. Это, конечно, имело свои плюсы, хотя бы потому, что усиливало береговую артиллерию как минимум в три раза. Но с другой стороны:

- при постановке лагом, не было полной гарантии, что корабли, получив «смертельные» повреждения в бою, затонут в нужном месте, надежно перекрыв проход в бухту;

- при постановке кораблей лагом, перекрывались значительные сектора обстрела у береговых батарей находившихся в глубине Севастопольской бухты;

- гибель кораблей влекла за собой потери в их командах, возможно немалые. Матросы же, «товар», однозначно, «штучный», а потому целесообразно было их применить к использованию в качестве команд вновь возводимых и уже существующих батарей на суше, тем более что кроме флота у Севастопольской крепости защитников на тот момент не было.

- и самое главное, вариант хороший, но только в случае если есть, чего не было — надежная сухопутная линия обороны.

⁵⁴⁷ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. СПб., 2003 г. С. 12.

6. Затопив несколько старых кораблей, русские, как ни странно, ликвидировали имевшуюся разбалансированность состава Черноморского флота, о которой предупреждали и которую посылно пытались преодолеть адмиралы Грейг и Лазарев.⁵⁴⁸ С этого времени бесполезные отныне и навсегда линейные корабли уходили «со сцены», при этом, как честные солдаты, выполнив последний долг перед Отечеством, отдав для защиты своей базы все, или почти все, что могли: вооружение, людей, припасы и даже часть материалов, из которых были построены.

Грейг, предложив Черноморскому флоту сделать ставку на фрегаты, как показала жизнь, вообще предвидел особенности будущей Крымской войны: «... Теперь не было необходимости в трехдечных кораблях, и в новых условиях 130-пушечный корабль становился анахронизмом. Прежде огромное количество орудий означало большие размеры корабля и его значительную уязвимость как цели, а пропорциональная размерениям большая осадка ограничивала использование только открытым морем, лишая его возможности действовать на мелководье или у берегов при их блокаде, что оказалось основным образом действий флота в Крымской войне».⁵⁴⁹

Ну и в дополнение еще один может быть не менее спорный, чем остальные, но все-таки, думаю, имеющий право на дискуссию, аргумент в пользу необходимости заграждения Севастопольской бухты путем затопления нескольких хоть и больших, но старых кораблей. Это люди. Нет сомнения, что именно вопрос наличия или отсутствия годных к бою людей определял проблему возможности крепости к сопротивлению.

Еще в январе 1854 г. Меншиков получает информацию, что даже крепостная артиллерия крепости не имеет должного числа людей. В поданной ему записке говорилось: «В Севастополе по малочисленности гарнизона невозможно назначить к орудиям того числа людей, которые необходимы для безостановочного действия из оных».⁵⁵⁰

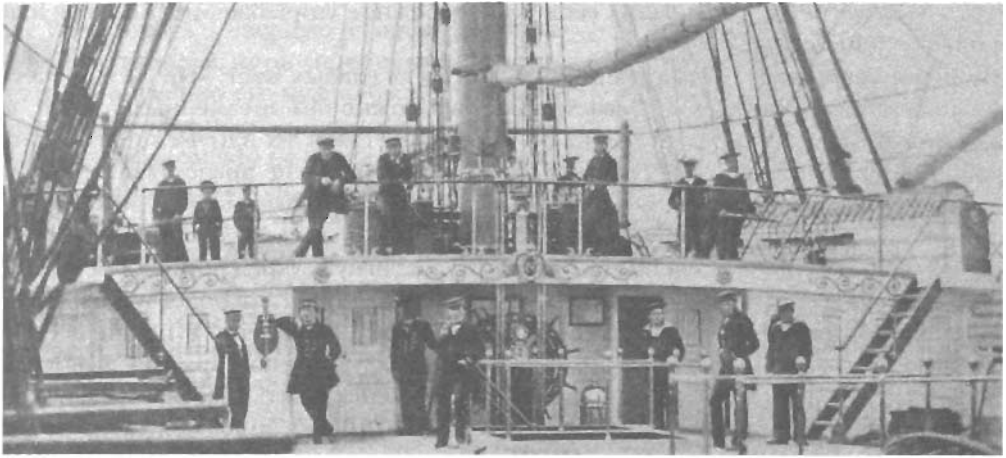
И то и другое могли компенсировать исключительно моряки, которых можно было собрать из корабельных команд и береговых структур. Последние уже были задействованы в первую очередь в качестве артиллерийской прислуги. Все находившиеся в городе рабочие экипажи дали людей на укомплектование 7-го и 8-го бастионов, Николаевской и Павловской батарей. Да, можно было частично снять пропорциональное число людей с кораблей, но это отразилось бы на их боеготовности. По этому пути пошли союзники и получили проблемы во время бомбардировки 5(17) октября, о чем мы скоро будем говорить. Значит, лучшим решением проблемы было пополнение артиллерии сухопутного фронта исключительно за счет полных экипажей кораблей, которые на описываемый момент оказались единственным резервом в крепости. Что и было сделано.

Но, отбросив сентиментальные мотивы, как бы это ни было трудно, давайте прием как должное, как одну, может быть не самую лучшую, но в тот момент ставшую эффективной, меру — заграждение входа в Севастопольскую бухту путем затопления нескольких единиц корабельного состава флота. Это была необходимость, вызванная конкретной обстановкой под стенами крепости, направленная в том числе и на

⁵⁴⁸ Лебедев А.А. Фрегаты против кораблей. Неизбежный и неоцененный эпизод Русско-турецкой войны 1878–1879 гг. СПб., 2011 г. С.98.

⁵⁴⁹ Лебедев А.А. Фрегаты против кораблей. Неизбежный и неоцененный эпизод Русско-турецкой войны 1878–1879 гг. СПб., 2011 г. С.98, 139.; Паркс О. Линкоры Британской империи. Часть I. Пар, парус и броня. СПб., 2001 г. С.15.

⁵⁵⁰ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856. Том 1. СПб., 2002 г. С.436.

На борту французского линейного корабля «Наполеон». Фотография сделана после Крымской войны.

спасение Черноморского флота. Сделав это, русские «...тем самым создали заграждение рейда, прикрываемое береговой и корабельной артиллерией. Это мероприятие усилило оборону Севастополя».⁵⁵¹

Обо всем остальном, военном и моральном, мы уже говорили выше, и будем говорить далее.

СОЮЗНИКИ ПОСЛЕ ЗАТОПЛЕНИЯ ФЛОТА: ВОЗМУЩАТЬСЯ, РАДОВАТЬСЯ ИЛИ НЕГОДОВАТЬ?

О значении затопления кораблей Черноморского флота, думаю лучше всего спросить у наиболее «пострадавшей» стороны — союзников. Вообще, мнение противника нужно периодически спрашивать: похвала из уст врага звучит внятно и громко!

Знали ли они, что их ждет в Севастополе? Конечно. Задолго до описываемых событий французский лейтенант Бони подробнейшим образом описал гидрографию рейда, силу укреплений Севастополя, отметив как уже действующие, так и те, строительство которых еще не было завершено. Его выводы были неутешительными: «...Севастополь защищен 11-ю укреплениями; одно из них еще строится, 5 расположены налево от входа, 6 — направо; одни построены из камня — каземат в два-три яруса с барбетной батареей, стреляющей во все стороны, наверху; другие батареи — земляные, без амбразур, недавней постройки; наконец, два укрепления, расположенные на возвышенностях по обе стороны порта, не видны с палубы судна и едва заметны с верхушки мачты; я могу их уподобить форту „Наполеон“ в Тулоне».⁵⁵²

Дотошный лейтенант заканчивает доклад неутешительным заключением: «...огонь батарей был так искусно распределен, что... эскадра, которая отважилась бы форси-

⁵⁵¹ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 101.

⁵⁵² Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах // Военный сборник. № 3. СПб., 1902 г. С. 46.

ровать вход на рейд, обрекла бы себя на неизбежное уничтожение, без малейшей вероятности на успех...».⁵⁵³

Бони дает варианты взятия крепости с учетом ее слабых мест: «Не смотря на указанные трудности, овладение Севастополем возможно без чрезмерных усилий, высадка может быть легко произведена во многих местах; в 3-х или 4-х милях от укреплений берег недоступен для гребных судов, и местность не представляет никаких препятствий от самого Херсонесского мола. К северу о входа на рейд, в расстоянии одной мили, лежит бухта, не имеющая обороны, откуда весьма удобно, но не по крутому подъему, не по пересеченному оврагами, достигнуть укрепления Е (Северное), представляющего, по моему мнению, ключ позиции. Форт Е господствует над всеми укреплениями, над городом и портом, подобно форту „Наполеон“ в Тулоне...»

Против двух соединенных эскадр и 25-тысячной сухопутной армии Севастополь не мог бы долго устоять; но для этого необходимо действовать безотлагательно, иначе потребуются для овладения этим пунктом уже не 25 000, а 50 000 чел.».⁵⁵⁴

А ведь прав Бони! Хотите взять Севастополь и при этом не подвергать корабли растерзанию батарей внутреннего рейда – берите Северное укрепление, пока оно слабо и почти беззащитно. Это мы уже поняли. Но когда до этого дошли союзники, оно уже не было слабым, или, как минимум, таким не казалось.

Заподозрив русских в странной активности в Севастопольской бухте, Гамелен направил корвет «Роланд» на разведку. Адмирал решил, что русские готовятся к выходу в море, приняв разгрузку назначенных к затоплению кораблей к подготовке их к бою. Удивлению французов не было предела, когда утром, дежуривший у входа в бухту «Роланд» обнаружил, что выстроившиеся в линию между Константиновской и Александровской батареями корабли странным образом куда-то исчезли.

Об этом немедленно донесли командованию. Когда Гамелен убедился, что вход в Севастопольскую бухту закрыт, он доносил в Париж: «Если бы русские не заградили входа в Севастопольскую гавань, затопив пять своих кораблей и два фрегата, я не сомневаюсь, что союзный флот после первого выдержанного огня проник бы туда с успехом и выступил бы из глубины бухты в сообщении со своими армиями».⁵⁵⁵

Союзники расценили ситуацию как для себя отныне неблагоприятную. То есть русские, мало того, что обезопасили себя от прорыва в бухту, но и:

1. Получили в неограниченном количестве артиллерию, которую могли ставить, где хотят, так как отныне им можно было контролировать необходимое для создания оборонительных позиций пространство.

2. Получили возможность использовать дополнительно качественный личный состав флота в качестве прислуги вновь создаваемых батарей.

Упомянутый нами кептен Слейд, кстати, считает решение русских о заграждении бухты совершенно правильным. По его мнению, вместо того, как впустую и без всякой нужды держать десятки совершенно ненужных для обороны города кораблей в бухте, при этом, содержа на них невероятно необходимую для вооружения береговых батарей артиллерию, вместе с командами, Меншиков и Нахимов приняли абсолютно взвешенное и продуманное решение.⁵⁵⁶ Слейд знал, о чем говорил. Год назад ему пришлось самому прорываться через блокирующую Синоп русскую эскадру.

⁵⁵³ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах//Военный сборник. №3. СПб., 1902 г. С.44.

⁵⁵⁴ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах//Военный сборник. №3. СПб., 1902 г. С.46–47.

⁵⁵⁵ Лурье А. Маринин А. Адмирал Г.И. Бутаков. М., 1954 г. С.51.

⁵⁵⁶ Slade, Adolphus. Turkey and the Crimean war; a narrative of historical events. Smith, Elder and co. London. 1867. P.303–304.

Английские участники кампании говорят, что идею брать Северную сторону и атаковать Севастополь с моря «похоронил» генерал Бургойн, и именно его нужно было Нахимову, остаться он живым до конца войны, публично обзывать дураком. Но не будем столь опрометчиво легкомысленны. Доля правды у Бургойна была. Более чем вероятно, что ход его мыслей был такой (или примерно такой):

1. Силы русских и сила укреплений неизвестны. Татары и перебежчики говорят небылицы (но он то об этом не знает!) о невероятной силе укреплений. Собственные моряки своими наблюдениями это, как мы знаем, подтверждают. А что там эти русские понарыли, одному Богу известно: может, добро в землю прячут, а может, уже глубоко эшелонированную линию обороны возвели, кто их знает, от них всего ожидать можно.

2. Флот неизвестно где, и для согласований действий с ним нужно время. И не просто время, а много времени. По сути, это планирование нового сражения, в котором действия с моря сочетаются с действиями (а не просто поддержкой) с моря. Что флот в море, знают все, но вспомним, что мы находимся в то время, когда скорость прохождения документов исчисляется часами и днями.

3. Дорога, связывающая крепость с Симферополем в руках русских, по ней непрерывно идут подкрепления, и сколько их уже пришло — неизвестно.

Судя по работам военных историков, Бургойн выдвинул следующие аргументы для отказа от атаки Северного укрепления.

1. Вместо позиции на сильной местности и небольшой протяженности, позволяющей русским сконцентрировать там большое число войск, с юга им придется защищать длинную оборонительную линию, растягивая и без того небольшие войска, имевшиеся тогда в гарнизоне крепости.

2. Маневр на юг будет неожиданным для русских.

3. Занятие Северного укрепления не даст союзникам возможности занять главную, южную, часть города.

4. Местность между Севастополем и Балаклавой позволяет размещать и содержать на ней большое число войск длительное время.

5. Юг дает возможность иметь постоянное взаимодействие с флотом при условии его базирования в бухтах южнее Севастополя.⁵⁵⁷

Узнав о заграждении входа в бухту, Гамелен немедленно доносит об этом главнокомандующему. Маршал Сент-Арно откровенно теряется. Привыкший действовать уверенно он начинает сомневаться и уже сам ищет возможность совета с англичанами, которые пока еще в полном неведении: «Русские заградили вход в их порт. Это

Кептен Джордж Полетт. Во время бомбардирования Севастополя 5(17) ноября 1854 г. командовал линейным кораблем «Беллерофон». Вторая половина XIX в.

⁵⁵⁷ Лихачев Д. Очерк действий Черноморского флота в 1853–1854 годах//Военный сборник. №4. СПб., 1902 г. С.101–102.

изменит, может быть, мой план атаки. Я, вероятно, двинусь на юг. Ожидаю мнение лорда Раглана и англичан относительно завтрашнего движения».⁵⁵⁸

Если до этого девиз экспедиции «Севастополь за неделю» имел какой-то смысл, то отныне сроки менялись...

С этим категорически соглашается официальная советская военная история. Летопись Черноморского флота, изданная в 1979 г. говорит: «Заграждение Севастопольского рейда расстроило планы союзников»,⁵⁵⁹ что отчасти верно.

---

⁵⁵⁸ Базанкур

⁵⁵⁹ Краснознаменный Черноморский флот. М., 1979 г. С.40.

ПРОБЛЕМЫ СНАБЖЕНИЯ И ТЫЛА

«...наши войска ни в чем не нуждаются».

Полковник А. П. Хрущёв.

В каждой из предыдущих книг мы в той или иной степени затрагивали проблемы тыла русской армии. Как бы ни хотелось, об этом нам придется говорить и во всех последующих книгах без исключения — слишком большой оказалась зависимость хода кампании с состоянием ее снабжения всем необходимым для ведения войны. Проблемы появились с первых дней и задолго до первых выстрелов. Пока они не мешают действиям войск, тем более, что в первые дни после сражения на Альме русская армия не испытывала особых проблем со снабжением всем необходимым. Можно было рассчитывать на имеющиеся запасы: «...у нас всего довольно», писал Хрущёв 25 сентября. 3 октября он констатирует: «...наши войска ни в чем не нуждаются».⁵⁶⁰

Полон оптимизма Ильинский: «...мы у себя дома, средства порта неистощимы...».⁵⁶¹ Остен-Сакен не менее уверен: «...было обильное продовольствие и достаточно пороха».⁵⁶²

Едва ли не самым большим достижением Меншикова и, равно, одна из самых больших ошибок союзников было сохранение за русскими коммуникаций, связывающих Севастополь и Крым с континентальной империей. По своей значимости это равно выигранному сражению, позволив крепости почти год вполне успешно держаться. В руках русских оставался Симферополь — сосредоточение всех дорог в Крыму и главные пути, расходившиеся от него: к Евпатории и Ак-Мечети, на Севастополь через Бахчисарай, на Южный берег Крыма (к Алуште, Ялте), на Керчь через Карасубазар, к Чонгарскому мосту и далее в глубь территории империи.⁵⁶³

⁵⁶⁰ Александр Петрович Хрущов. Выдержки из его писем 1853–1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С. 439.

⁵⁶¹ Из воспоминаний и заметок Д. В. Ильинского // Русский архив. Том. 1. М., 1893 г. С. 70.

⁵⁶² Остен-Сакен Д. Е. Отрывок из переписки с Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим // Военный сборник. № 7. СПб., 1861 г. С. 133.

⁵⁶³ Маслов А. Н. История крепостной войны (выпуск первый). Севастополь (1854–1855 г.). Бельфор (1870–1871 г.). СПб., 1900 г. С. 13.

МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГАРНИЗОНА КРЕПОСТИ СЕВАСТОПОЛЬ

Постоянное акцентирование внимание читателя на состоянии медицинского обеспечения русской и союзных армий не случайность. Проблема военной медицины Крымской войны оказалась настолько важной, что до сих пор будоражит умы исследователей. Действительно, если отбросить от общего числа жертв умерших от самых разных болезней, то остаток сравним с локальным конфликтом средней интенсивности. Во второй половине XIX в. военная печать отмечала склонность историков обходить стороной цифры умерших, сосредотачивая внимание исключительно на павших на поле брани.⁵⁶⁴

Мы не будем повторять ошибку, хотя бы потому, что медицина и медицинское обеспечение такой же элемент военных действий, как обеспеченность боеприпасами, наличие артиллерии и т.д. Если у кого-то эта составляющая не соответствует требованиям войны, то и потери эти можно смело относить в актив противоборствующей стороны. Ну и, соответственно, наоборот. Для примера: во всех войнах, которые вела Россия с 1809 г. по 1856 г. на поле брани было убито 130000 чел. За это же время число умерших от болезней было едва ли не в четыре раза большим — 400000 чел.⁵⁶⁵

Ни в коем случае нельзя считать, что ничего в стране и армии не делалось, дабы привести военную медицину в должное грядущей войне состояние. Ее уровень вполне соответствовал общеевропейскому, по многим параметрам даже превосходя его. В первую очередь решался кадровый вопрос. Еще в 1853 г., когда боевые действия шли за пределами империи, правительство сделало распоряжение об усиленных выпусках врачей из Императорской медико-хирургической академии и медицинских факультетов университетов. Первыми выпустили студентов пятых курсов. 23 декабря 1853 г. их утвердили в звании лекарей, а уже 14 февраля 1854 г. последовало назначение новоиспеченных «Эскулапов» на службу в армию и на флот.⁵⁶⁶ В Севастополе еще до начала кампании в Крыму досрочно выпустили воспитанников Севастопольской морской фельдшерской школы при Морском госпитале.⁵⁶⁷

Как только пролилась первая кровь, проблемы медицинского обеспечения армии и флота обнажились со всей своей тоскливой очевидностью. К октябрю 1854 г. обеспеченность имуществом медицинских учреждений в Крыму составляла 16780 мест, а количество нуждающихся в медицинской помощи (с учетом пострадавших в первом бомбардировании крепости) доходило более 33000 чел.⁵⁶⁸

Едва число раненых превысило возможности медицинских учреждений, весь механизм оказания первой помощи, лечения и эвакуации стал балансировать на грани коллапса. Это не преувеличение и скрывать это, слегка краснея, маскируя именами великих врачей и подвижников, нужно прекратить. Кстати, в русской армии, не смотря на наличие светил с мировыми именами, никогда не удавалось наладить полностью эффективную медицинскую службу. Недаром без сомнения имеющий право на оценку событий профессор Гюббенет сказал в своем докладе в Киеве в 1868 г.: «Наш

⁵⁶⁴ Бильдеринг А. Взгляд на убыль в войсках в прежние и последние войны нынешнего столетия//Военный сборник. №LXXI. СПб., 1870 г. С.367.

⁵⁶⁵ Взгляд на убыль в войсках в прежние и последние войны нынешнего столетия//Военный сборник. №LXXI. СПб., 1870 г. С.376.

⁵⁶⁶ За полстолетия. 1841–1892. Воспоминания о пережитом доктора А.И. Ильинского. Часть вторая (1854–1864)//Русская старина. Том 81. СПб., 1894 г. С.29.

⁵⁶⁷ Алексеев. Госпитальная жизнь в Севастополе в 1853–1856 г.//Изборник Разведчика. Том XVIII. СПб., 1902 г. С.7–9.

⁵⁶⁸ Бильдеринг А. Взгляд на убыль в войсках в прежние и последние войны нынешнего столетия//Военный сборник. №LXXI. СПб., 1870 г. С.367.

русский человек милосерден и благотворителен. Если бы он имел понятие обо всех бедствиях и несчастиях на поле битвы, во время и после сражения, никто не отказался бы от какого-нибудь приношения. Каждый нищий в лохмотьях, живущий ежедневными подающими и милостынями, богаче, чем раненый воин. Он находит всегда, по крайней мере, сухой ночлег, кусок хлеба и чистую воду — а это такие богатства, за которые раненый часто платит своей жизнью».⁵⁶⁹

Если общее состояние было вполне сносным, то организация медицинской службы к началу Восточной войны, соответствуя мирному периоду, не соответствовала военному времени. Низовой медицинский состав, полковые врачи, страдал от своего двойственного положения, часто мешавшего должным образом выполнять прямые обязанности по оказанию помощи больным и раненым. После законченной в 1847 г. реорганизации медицинского ведомства они подчинялись командирам полков и своему медицинскому начальству. На деле в случае возникновения проблем часто одни кивали на других, а страдало дело.

Врач Азовского полка Генрици отмечал, что «...лучшие медики, горячо относившиеся к быту солдат, не были терпимы, и, при случае, были преследуемы штабами».⁵⁷⁰

После поступления раненых с Альвы в Севастополе приходилось по 1 врачу на 300 больных и раненых. В Александровских казармах 8 врачей на 1500 человек, в том числе и на перевязочный пункт находившийся неподалеку. Все бы хорошо, но уже скоро и из этих 8 двое имели все шансы не встать на ноги от тифа.⁵⁷¹ Хотя, даже имелся пусть и недостаточно численный штат врачей, не имелось почти ничего, с помощью чего они могли бы качественно выполнять свои обязанности.⁵⁷²

В крепости имелся морской госпиталь, вместимостью до 1400 чел., расположенный на Корабельной стороне.⁵⁷³ Эта внушительная цифра могла удовлетворить нужды флота мирного времени, для военного же ее было совершенно недостаточно. Тем более, что здание учреждения во время обороны города находилось настолько близко от оборонительной линии, что подвергалось систематическому обстрелу со стороны неприятеля и получило в итоге такие разрушения, что уже после окончания войны от восстановления госпиталя решили отказаться.⁵⁷⁴

Капитан 1-го ранга В. Г. Реймерс. Во время обороны Севастополя — капитан-лейтенант. Литография 1875–1879 гг.

⁵⁶⁹ Слово об участии народов в полевом лечении раненых воинов и несколько воспоминаний из Крымской кампании (Речь, произнесенная 27-го октября 1868 года на годовщине Общества киевских врачей, профессором фон Гюббенетом//*Университетские известия*. №11. Киев, 1868 г. С.12.

⁵⁷⁰ Воспоминания о Восточной войне 1853-1856. доктора А.А. Генрици//*Русская старина*. Т. XX. СПб., 1877 г. С.330.

⁵⁷¹ Библиография. Очерк медицинской и госпитальной части русских войск в Крыму в 1854–1856 годах//*Военный сборник*. №8. СПб., 1870 г. С.120.

⁵⁷² Профессор хирургии Х.Я. Гюббенет и его воспоминания об обороне Севастополя 1854–1855 гг.//*Русская старина*. Том 61. СПб., 1889 г. С.78.

⁵⁷³ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.74.

⁵⁷⁴ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С.116.

Адмирал Артур Вильям Окланд Худ, 1-й барон Худ Авалон. В 1854 г. лейтенант линейного корабля «Аретуза».

По приказу Корнилова в кратчайшие сроки за счет медицинских средств флота оборудовали четыре перевязочных пункта. Ввиду нехватки собственного персонала для их заведывания привлекли армейских медицинских чинов.⁵⁷⁵

Много хлопот доставляла сложная система управления госпитальными учреждениями в Крыму. Те, что были в городе до начала войны, подчинялись большей частью Главному Командиру Черноморского флота и портов, а последний, находившийся в Николаеве, не был подчинен главнокомандующему армией в Крыму. Поэтому морские госпитали сохранили почти до конца войны двойственность подчинения, зависевшую и от Николаева и от Севастополя.⁵⁷⁶ В тоже время вновь созданные переходили в подчинение главнокомандующего. В Севастополе после Альмы пришлось передать надзор за медицинскими учреждениями из рук чиновников военным чинам. Учредили долж-

ность директора госпиталей на которую назначили барона Кюстера.⁵⁷⁷

После Крымской войны несомненные достижения полевой медицины, в первую очередь организационные, добытые под обстрелом и в крови Пироговым, Гюббенотом и др., быстро забылись. Опыт эвакуации и транспортировки раненых, больничные этапы, упоминались лишь вскользь.⁵⁷⁸

Пирогов в своем большом отчете, например, говорил об использовании в военной медицине войны 1877–1878 гг. опыта Крымской кампании: «...Любителям сравнений прошлого с настоящим могу к успокоению их сказать, что относительно содержания больных в госпиталях на театре войны, мы с 1854 года успехов не сделали. Устройство госпиталей в Болгарии было также скверно, как и в Крымской войне».⁵⁷⁹

Традиционно, лучшие уроки извлекли из Крымской войны американцы, хотя и не избежавшие повторения ее ошибок во время Гражданской войны в США (1861–1865 гг.), но сумевшие минимизировать многие из них, в том числе касающиеся медицинского обеспечения войск. Уже в первый год войны страна покрылась сетью госпиталей, в которые распределялись по разработанной Н. И. Пироговым системе пострадавшие. В результате средняя смертность не превышала 80 чел. на 1000. Для сравнения, такая цифра в русской армии периода Крымской войны в среднем была 131 на 1000, а в кампанию 1828–1829 гг. даже 300 на 1000.⁵⁸⁰

⁵⁷⁵ Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010 г. С. 136.

⁵⁷⁶ Извлечения из отчета Ст.Сов. Мансурова по возложенному на него поручению в Крыму, относительно попечения о раненых чинах Черноморского флота и их семейств//Морской сборник. Том. XXI. №5. СПб., 1856 г. С. 260.

⁵⁷⁷ Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853–1856 гг. М., 2010 г. С. 136.

⁵⁷⁸ Кехр Ю. О военных врачах//Военный сборник. №10. СПб., 1902 г. С. 163.

⁵⁷⁹ Кехр Ю. О военных врачах//Военный сборник. №10. СПб., 1902 г. С. 164.

⁵⁸⁰ Бильдеринг А. Взгляд на убыль в войсках в прежние и последние войны нынешнего столетия//Военный сборник. №LXXI. СПб., 1870 г. С. 380–381.

СОЮЗНИКИ: КРУШЕНИЕ НАДЕЖД

«Великое искусство выигрывать битвы состоит в умении изменять направление главного удара в процессе его нанесения».

Наполеон Бонапарт.

КАК БРАЛИ БАЛАКЛАВУ

Через несколько дней англичане подошли к Балаклаве. Увиденное привело их в восторг: «...Это была одна из самых красивых виденных мной гаваней», — писал матери подполковник Лайсонс.⁵⁸¹ Естественно, всем захотелось скорее приступить к тому, зачем они сюда так долго и тяжело шли: к грабежу! Но маленькая и уютная Балаклава оказалась не самой простой добычей и потрепала нервы новоявленным «крестоносцам».

Взятие Балаклавы и создание в ней главной базы английской армии, в своем исполнении напоминает больше детективную историю с хитроумными комбинациями. У англичан на самом деле было два противника: русские, как защитники городка и французы, тоже положившие глаз на уютную и безопасную гавань. И если русских можно было просто перестрелять, то с союзниками так поступать было как-то не очень удобно.

Перед подходом армии бухту Балаклавы в темное время тщательно обследовал лейтенант Фредерик Максе с «Агамемнона». Затем, этот бесспорно храбрый офицер по приказанию Лайонса прошел через враждебную территорию и доложил о результатах разведки Раглану. Отныне все, что предполагалось для встречи англичан в Балаклаве стало им известно. В своем превосходстве они не сомневались. Но вот как не пустить в Балаклаву французов? Раглан ни под каким предлогом не желал видеть их рядом и продолжал терпеть исключительно на расстоянии. Ему не хотелось делить этот живописный «...маленький рыбацкий поселок с домиками под зелеными крышами, утопавшими в море цветов, излюбленное место летнего отдыха жителей Севастополя» с французами. Тем более, было ясно, что Балаклава не сможет служить базой сразу для двух союзных армий: «...глубины, несомненно, были недостаточными для прохода больших кораблей, но сам проход — достаточно узким. Англичане, конечно, пришли сюда первыми, но французы могли сослаться на оговоренное место на правом фланге наступающих на Севастополь армий».⁵⁸²

⁵⁸¹ Daniel Lysons, *The Crimean war from first to last*, London. 1895. P. 110–116.

⁵⁸² Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.120–121.

Но как убедить в этом союзников? Выход нашли моряки. Еще до первых выстрелов у Балаклавы показались английские транспорты, сопровождаемые «Агамемноном», «Нигером» и еще несколькими кораблями, отправленные туда Рагланом с началом флангового движения. Едва войдя в городок, англичане, пользуясь случаем, «затолкали» в бухту все или почти все свои транспорты. Когда подошла французская эскадра во главе с грозным «Наполеоном», то массивному кораблю просто не было куда приткнуться. Коварные британцы, продемонстрировав тесноту гавани, посочувствовали союзникам и порекомендовали искать себе другое место якорной стоянки. «Наполеон» увел эскадру в Камышовую бухту.⁵⁸³ Сильно об этом французы не жалели, скорее наоборот.

БОЙ ЗА БАЛАКЛАВУ

Адмирал Нахимов, которому была поручена организация обороны Южной стороны Севастополя, наблюдая движение союзных войск, понимал нависшую над крепостью опасность. Надеяться было не на кого. 5 батальонов, бывших у него под рукой, слишком малая сила, чтобы противостоять неприятелю. Когда он убедился, что англичане и французы разделились, при этом первые решили атаковать беззащитную Балаклаву, то наверняка вздохнул с облегчением: малочисленный иррегулярный гарнизон, защищавший этот приморский поселок, вполне мог сыграть роль жертвы, принесенной во благо грядущей победы. Еще сутки были выиграны благодаря маленькому храброму городку.

Этому, по сути, малозначительному военному эпизоду часто уделяют столько внимания, что и мы его обойти не можем. Даже Тарле, не смог придумать ничего сверхгероического, и в его труде взятие Балаклавы – это лишь три предложения. В первом содержится главное: «Вечером 13(25) сентября англичане подошли к Балаклаве, куда проникли к 7 часам утра 14(26) сентября, после перестрелки с оставшейся в городе одной ротой греческого батальона (110 чел.).»⁵⁸⁴

В сентябре 1854 г. в Крыму оставались две роты Балаклавского греческого пехотного батальона. Одна была направлена в Ялту для сопровождения и охраны 627 греческих поселян, вторая осталась в Балаклаве в составе 80 строевых и 30 отставных солдат под командованием командира батальона полковника М. А. Манто.⁵⁸⁵

Исследователи, кажется, какого-либо сильного кровопролития не заметили. У Тотлебена бой за Балаклаву небольшой эпизод: «Неприятельский авангард, заняв деревню Кадькой, неожиданно был встречен огнем греческих стрелков и гранатами мортирной батареей».⁵⁸⁶ У Жандра примерно тоже самое: «...13-го сентября передовые неприятельские колонны начали спускаться с Инкеманских высот на южную сторону».⁵⁸⁷

Даже все что можно по юношески восторженно преувеличивавший Ричардс и тот говорит об этом событии совсем обыденно кратко: «На следующий день Легкая и

⁵⁸³ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London, 1901. P. 434.

⁵⁸⁴ Тарле Е. В. Крымская война. В 2-х т. М.-Л. (<http://militera.lib.ru>).

⁵⁸⁵ Кибовский А. Части Российской морской пехоты из греков и балаклавских славян. 1775–1859 г. // Military Крым. № 8. Симферополь, 2008 г. С. 74–82.

⁵⁸⁶ Александр Петрович Хрущев. Выдержки из его писем 1853–1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С. 233.

⁵⁸⁷ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 213.

наша (первая) дивизии выдвинулись вперед и после небольшой перестрелки захватили крепость, город и бухту Балаклава».⁵⁸⁸ Хрущёв тоже не упоминает о кровопролитном сражении, упомянув лишь «некоторое сопротивление» с последующей сдачей в плен.⁵⁸⁹ По всей видимости, в сражение это событие выросло после появления труда капитана Аничкова, крайне слабого, обзорного описания примерного хода кампании.

Маслов вообще не говорит о бое,⁵⁹⁰ Богданович указывает на артиллерийскую перестрелку, после которой союзникам достались израненные подполковник Манто, капитан Стамати и до 60 солдат.⁵⁹¹ Французы пишут о том, что город был взят после короткой перестрелки.⁵⁹²

О взятии союзниками Балаклавы настолько мало достоверной информации, а та, которая есть, почти полностью принадлежит британцам, что найти зерно истины тяжело. Например, одно из британских изданий сообщило, что к удивлению гарнизон Балаклавы оказался меньшим, чем предполагали, а сопротивление большим, чем ожидали.⁵⁹³

Достоверным можно считать лишь то, что в ночь с 13 на 14 сентября 1854 г. англичане вышли к Балаклаве. На кораблях английской эскадры 13(25) сентября примерно в 22 часа получили сообщение, что армия подходит к Балаклаве и флот должен двигаться туда же.⁵⁹⁴

При приближении неприятеля около сотни солдат Греческого батальона заняли оборону в развалинах Генуэзской крепости и начали обстреливать с больших дистанций головы колонн английской пехоты. Одновременно открыла огонь артиллерия гарнизона, которая состояла из четырех⁵⁹⁵ медных полупудовых мортир, способных больше напугать, нежели остановить неприятеля. Командовал импровизированной артиллерийской батареей поручик Марков.

Нужно сказать, что мортирки оказались в Балаклаве почти случайно. Еще в январе Меншиков отправил в этот городок Панаева, решить вопрос о закупке лошадей (не зря, видимо, Ден говорил, что тот «...все больше по лошадям»). Панаев наведаясь к Манто, застав которого за чаем: «Матвей Афанасьевич Манто, градоначальник Ба-

Адмирал Джордж Трион. В 1854 г. лейтенант линейного корабля «Венджинс». Рисунок 1857 г.

⁵⁸⁸ Письма из Крыма капитана конной артиллерии Уолпула П. Ричардса. Перевод Е. Тупахиной (<http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21>).

⁵⁸⁹ Хрущёв А. П. История обороны Севастополя. СПб., 1888 г. С. 24.

⁵⁹⁰ Маслов А. Н. История крепостной войны (выпуск первый). Севастополь (1854–1855 г.). Бельфор (1870–1871 г.). СПб., 1900 г. С. 42.

⁵⁹¹ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

⁵⁹² Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P. 68–69.

⁵⁹³ Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 127.

⁵⁹⁴ Mends, Bowen Stilon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P. 147.

⁵⁹⁵ V. Kt. Mich Anitschkof. La campagne de Crimée. J. Corbeard, 1858. P. 32.

лаклавы и командир тамошнего греческого батальона, родом грек, почтенных лет, любил свой родимый уголок... Манто просил доложить его светлости, что в виду военных событий, можно ожидать покушения неприятеля на город и, потому, ему необходимо иметь несколько мортирок, которые Манто полагал разместить у входа в бухту...».⁵⁹⁶

Меншиков, счел доводы командира батальона обоснованными и выделил ему поручика Маркова с его артиллерией, на которую и напоролась Легкая дивизия. Марков оказался прекрасным специалистом и уже первые выстрелы пришлось по центру боевых порядков английской пехоты. Не желая рисковать, наивно верившие что первые и последние потери они понесли на Альме, британцы остановились и подтянули артиллерию. Они не спешили, понимая, что в истории войн за спиной наиболее нетерпеливых остаются самые большие военные кладбища.

Браун развернул линию батальонов, приказав занять высоты слева и справа у входа в Балаклаву.⁵⁹⁷ 1-й бригаде Кодрингтона достался правый фланг, ей предстояло войти на улицы городка и прорваться к бухте. 2-я бригада Буллера по склону атаковала Генуэзскую крепость и прилегавшую к ней местность.

Авангард 23-го Королевского Уэльского фузилерного полка, пройдя деревню Кадыйкой, начал приближаться к городку, но неожиданно был встречен ружейным и артиллерийским огнем. Валлийцы быстро развернулись в боевой порядок и остановились севернее городка у горы Кефаловариси. Огонь велся из-за старых стен. Выстрелы не только остановили англичан, но и не давали им возможности пробраться в Балаклаву.

«Как только голова колонны подошла к Балаклавской деревне, по ней внезапно начался огонь из старой генуэзской крепости, в след за тем лорд Раглан занял две фланговые высоты вместе с Легкой Дивизией и частью конной артиллерии».⁵⁹⁸

Натаниель Стивенс, служивший в 88-м полку «Рейнджеров Коннахта», вероятно единственный, кто описал этот бой не как свидетель, а как участник: «25-го мы с утра были на ногах и в 8 часов двинулись к Балаклаве, которая была от нас в пяти милях. Когда мы приблизились к деревне, наши стрелки открыли огонь, предварительно сняв ранцы. 1-я бригада пошла справа, поднимаясь по высотам, с которых была видна гавань. Наша 2-я бригада двинулась к высотам слева, где были развалины старой Генуэзской крепости, защищаемой небольшим отрядом пехоты. Наш флот и некоторые наши батареи открыли огонь, и противник вскоре сдался».⁵⁹⁹

В спешке первые снаряды конной батареи пошли через крепость. В это время с другой стороны Крепостной горы на рейд уже входили британские корабли («Агамемнон», «Санспарейл», «Хайфлауер», «Даймонд» и «Нигер») ⁶⁰⁰, когда снаряды левой артиллерии стали ложиться в бухту. Вопреки распространенному мнению, что англичане сокрушали защитников Балаклавы бортовыми залпами «Агамемнона», стрельба с моря не была плотной, огонь вели лишь несколько орудий в основном

⁵⁹⁶ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. XVIII. СПб., 1877 г. С.111.

⁵⁹⁷ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.461.

⁵⁹⁸ Летопись Королевского Уэльского фузилерного полка (1854–1856 гг.). Перевод с англ. С.Ординат//Military Крым. №19. Симферополь, 2011 г. С.17–25.

⁵⁹⁹ Nathaniel Steevens. Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56). London. 1878. P.95–96.

⁶⁰⁰ Leopold George Heath. Letters from the Black Sea During the Crimean War, 1854–1855. London. 1897.P.65–66.

паровых фрегатов.⁶⁰¹ Линейные корабли при всем своем желании не могли этого сделать: угол возвышения орудий не позволял.

И все-таки попаданий им удалось добиться едва ли не после первых выстрелов, правда, это был, говоря современной военной терминологией, типичный «дружественный огонь». Натаниель Стивенс вспоминал, как снаряды с моря (он, правда, «грешит» на «Агамемнон») не давали им поднять голову.⁶⁰²

Моряки не сразу разобрались, где стоят мортирки Маркова. В результате, пока артиллерия английского сухопутного корпуса обстреливала крепость и заодно английский флот, английский флот обстреливал крепость, а заодно английский сухопутный корпус, к их счастью все это было без особого успеха. Неразбериха продолжалась пока не закончились заряды у защитников крепости,⁶⁰³ которые в 14.30 выпустили последний заряд.

Только после этого Манто принял решение на сдачу гарнизона. К этому времени из Балаклавы массово начали уходить жители. Вереницу женщин и детей, нагруженных тюками с семейным скарбом, хорошо видели с борта флагманского корабля адмирала Лайонса. В толпе заметили нескольких мужчин, у которых были по одному или даже по два ружья, но преследовать уходивших огнем не стали.

Сам бой за крепость, где засели греки, вел 77-й полк. Подполковник Егертон радовался такой возможности. В армии помнили, как его ирландцы едва не бежали на Альме. Возможность первыми войти в город означала реабилитацию полка, тем более входившего в элитную Легкую дивизию. Английские пехотинцы от горы Кефаловариси устремились укреплению и быстро заняли его.⁶⁰⁴

Если верить истории 77-го полка, артиллеристы Маркова держали англичан под огнем 25 минут. Затем выстрелы прекратились и над стеной появился белый флаг. 77-й выслал вперед развернутую в цепь легкую роту, которая осторожно от укрытия к укрытию подошла к древней стене, сложенной из камня. Никто не стрелял и Егертон провел своих солдат в укрепление. Там их встретила группа русских офицеров и солдат. Один из них (Егертон назвал его «губернатор») отдал командиру полка свою саблю. Особенно счастлив был Грем Егертон, по мнению, военного журналиста, корреспондента лондонской газеты «Таймс» Вильяма Рассела, «...один из самых блестящих солдат британской армии, которых он когда-либо видел». Лорд Раглан, кстати, отзывался о нем как о самом лучшем офицере в армии. К его радости, взятые 4 мортиры без снарядов были по решению главнокомандующего отданы 77-му полку как

Кептен Коупер Пипс Кулес. В 1854 г. лейтенант Королевского военно-морского флота.

⁶⁰¹ Mends, Boven Stikon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P.147.

⁶⁰² Nathaniel Steevens. Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56). London. 1878. P.95–96.

⁶⁰³ Фомин М. Греки на службе у Российской империи. История Балаклавского Греческого пехотного батальона (<http://www.rus-sky.com/>).

⁶⁰⁴ Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 130.

военный трофей.⁶⁰⁵ Кроме мортир Маркова англичанам достались еще примерно 80 военнопленных.⁶⁰⁶

Остальная британская армия лишь наблюдала за развитием событий, с трудом представляя, что там происходит, и почему дивизия Брауна никак не может войти в городок. Шотландская бригада, шедшая следом за Легкой дивизией, тоже не заметила сильного сражения. В 79-м полку услышали треск ружейных выстрелов, грохот орудий и вскоре узнали, что засевшие в развалинах гегуэзской крепости русские через 15 минут сдались.⁶⁰⁷ Колдстримские гвардейцы в книге о своих днях в Крыму вообще не говорят о каком-либо бое.⁶⁰⁸

Ворвавшись в город, англичане быстро зачистили дома, не брезгуя ничем, что казалось им полезным и нужным. Некоторым везло — они находили в домах немного медных денег, в том числе спрятанных в постельном белье.⁶⁰⁹

Во время боя всех удивила жена одного из сержантов 95-го Дербиширского полка некая госпожа Гринджл. Мало того, что она «контрабандой» пробралась в Крым, так и в бою за Балаклаву умудрилась оказаться в боевых порядках полка. Правда для нее участие в событии у Балаклавы было скорее номинальным: 2-я дивизия была во второй линии.⁶¹⁰

О женщинах в английской армии мы уже говорили, теперь лишь дополним, что эта храбрая дама была не единственной. Вместе с полком в Балаклаву прибыли еще три ее подруги (госпожи Поли, Батлер, Онтинджл). Всего с 95-м в Крым прибыли 21 женщина, но остальные предпочли трудностям марша быть на борту морского транспорта и сошли на берег позже.⁶¹¹

КАК СПАСЛИ ЗНАМЯ БАЛАКЛАВСКОГО БАТАЛЬОНА, НО ПОТЕРЯЛИ КАЗНУ

Одна из самых странных и таинственных историй, связанных с историей обороны Балаклавы, имеет отношение к судьбе батальонного знамени Балаклавского Греческого пехотного батальона. В Российском государственном военно-историческом архиве в фонде Департамента военных поселений среди документов описи Отделения иррегулярных войск сохранились материалы, свидетельствующие о роли в этих событиях рядового Балаклавского Греческого пехотного батальона Капо и его жены Елизаветы Капо.

14 сентября 1854 г. когда шел бой за Балаклаву командир батальона принял решение закопать для сохранения знамени Балаклавского батальона и казну в две ямы в саду одного из унтер-офицеров. В 1855 г. после отхода англичан из Балаклавы и окрестностей, на месте ничего не оказалось.

⁶⁰⁵ Kingsford, Charles Lethbridge. The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment). London. 1916. P.113.

⁶⁰⁶ Daniel Lysons, The Crimean war from first to last, London. 1895. P. 110–116.

⁶⁰⁷ Historical records of the 79th Queens Own Cameronian Highlanders. Captain A.Mackenzie, Lieutenant and adjutant J.S.Ewart and lieutenant C.Findlay, from the orderly room records. Debonport. 1887. P.112–114.

⁶⁰⁸ Wyatt, John. History of the First Battalion Coldstream Guards during the eastern campaign : from February, 1854 to June 1856. London. 1858. P.24–25.

⁶⁰⁹ Nathaniel Steevens. Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56). London. 1878. P.96–99.

⁶¹⁰ Harold Carmichael Wylie. The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea (Vol. 1). S. Sonnenschein. London. 1899. P.20.

⁶¹¹ Harold Carmichael Wylie. The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea (Vol. 1). S. Sonnenschein. London. 1899. P.21–22.

Согласно Докладу по Департаменту военных поселений от 23 марта 1857 г. Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором генерал-адъютантом графом А. Г. Строгановым было назначено следствие, которое по его поручению проводил его же адъютант. Как показала жена рядового Капо, через некоторое время после вступления неприятельских войск в Балаклаву и окрестности, ее муж, «возвратясь домой поздно вечером, принес с собой на груди скрученные знамена, спрятал под сундук и строго приказал ей никому о том не говорить». Он, якобы, наблюдал закапывание и, опасаясь, что неприятель может найти имущество батальона, вырыл знамена. Судьба же денег осталась неизвестной.

В начале ноября 1854 г. Капо вместе с другими военнопленными был отправлен во Францию, где умер. Прощаясь с женой, он просил ее сохранить то, что спрятано. Елизавета Капо до ноября 1855 г. на территории занятой противником в деревни Карань, боясь обыска со стороны неприятельских властей, хранила знамена в подушке, которая все время находилась в люльке с ее ребенком.

Когда англичане и французы стали высылать семейства чинов батальона в Феодосию, Елизавете, не смотря на ее бедность, удалось нанять повозку и доставить знамя батальона и 6 значков в Главную квартиру русской армии.

За спасение знамени по ходатайству Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора генерал-адъютанта графа А. Г. Строганова от 7 марта 1857 г. Елизавете Капо была пожалована по высочайшему повелению серебряная медаль для ношения на груди с надписью «За усердие».

Из Канцелярии Капитула Российских императорских и царских орденов медаль была отправлена в Департамент военных поселений, оттуда поступила в дежурство Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа А. Г. Строганова, и как он 17 мая 1857 г. уведомлял Департамент военных поселений, в «Управлении моем получена и отослана по принадлежности».⁶¹²

Судьба денег осталась неизвестной. Что поделаешь – война.

Фельдмаршал Генри Эвелин Вуд.
В 1854 г. мичман Королевского военно-морского флота.

⁶¹² Это явствует из записки военного министра генерал-адъютанта Н. О. Сухозанета от 29 марта 1857 г. и из его же переписки с Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором графом А. Г. Строгановым, канцлером Российских императорских и царских орденов В. Ф. Адлербергом, директором Департамента военных поселений Военного министерства генерал-лейтенантом А. И. Веригиным (Донской А. Ю. Спасение батальонного знамени // Вестник архивиста. №1(79). М., 2004 г. С. 202–204).

ПОТЕРИ

История 46-го пехотного полка совсем обыденно говорит, что Балаклаву взяли «без кровопролития».⁶¹³ Понятно, русским было обидно, что уже второй город в Крыму пал. Потому бою стремились придать характер ожесточенного, а потери союзники сделать большими, что скорее свидетельствует о подмене действительного желаемым. У Дубровина есть упоминание о том, как англичане во время атаки от городского шлагбаума попали под огонь и оставили на земле после разрыва одной (!) гранаты до 30 убитых и раненых.⁶¹⁴ Это уже фантазия: такие потери картечью в сомкнутый строй нанести сложно, а тут граната полупудовой мортиры.

Аничков приводит не менее странные цифры: почти 100 убитых и 100 раненых⁶¹⁵ (что само собой по процентному соотношению нелепо, должно было хотя бы 100/400 или еще вероятнее 100/500), то это, пожалуй, снова выдается желаемое за действительное. Если же мы эти цифры признаем, то тогда это должна быть почти вторая Альма! Не шучу. Вспомним, что за несколько часов сумасшедшего боя за альминский берег британцы потеряли убитыми более 300 чел. А там был картечный огонь десятков орудий и выстрелы сотен стрелков, то есть с боем за Балаклаву ситуация не сравнимая. Четыре мортирки плюс меньше сотни ружейных стволов при всем желании и максимальной доблести просто не могли стать серьезным препятствием на пути британцев. Потому груды павших неприятелей, это скорее желаемое, нежели действительное. Увы, но даже если бы греки держались в Балаклаве, как красноармейцы в Сталинграде и судьба каждого дома решалась исключительно после жесточайшей рукопашной, такого соотношения никак не могло быть.

Единственный, кто пишет о потерях из британцев, это Натаниель Стивенс. Тот, которому пришлось со своими солдатами лежать почти под стенами Генуэзской крепости, укрываясь от огня с моря. Один из снарядов с моря почти попал в их цепь, ранив нескольких человек.⁶¹⁶

Из гарнизона Балаклавы в плен попали 6 офицеров (все раненые) и примерно 60-80 нижних чинов (артиллеристы и греки). Остальные или погибли или, вероятнее всего, большинство предпочли сдаче в плен возможность уйти в Севастополь.

СОЗДАНИЕ БАЗЫ В БАЛАКЛАВЕ

Как только английские корабли (первыми были «Карадок» и «Даймонд»⁶¹⁷) вошли в Балаклавскую бухту с борта каждого из линейных кораблей были высажены на берег партии из 100 морских пехотинцев.⁶¹⁸ После входа Легкой дивизии еще по 30

⁶¹³ Cannon Richard. Historical Record of the 46th, of South Devonshire, Regiment of Foot (<http://www.hargreave-mawson.demon.co.uk/46thhistory18541858.html>).

⁶¹⁴ Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 130.

⁶¹⁵ Аничков, капитан. Военно-исторические очерки Крымской экспедиции. Ч. 1. Описания сражений на реке Альме, пр Балаклаве и под Инкерманом. СПб., 1856 г. С. 33–35; Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 130.

⁶¹⁶ Nathaniel Steevens. Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56). London. 1878. P. 96–99.

⁶¹⁷ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol. 3. London. 1857. P. 466.

⁶¹⁸ Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. – 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbennyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>).

человек от полка выделялись в гарнизон города. Первым английским офицером, ступившим на землю Балаклавы, стал командир линейного корабля «Агамемнон» кептен Мендс.⁶¹⁹

Вскоре появился запыленный после двенадцатичасового марша Раглан со штабом. Для его встречи собрали пленных и сложили в кучи взятое оружие. Мендс первым из флотских командиров встретил торжественно въехавшего в город лорда.⁶²⁰ Как же – второй город достается верным солдатам королевы почти без боя! А вскоре главнокомандующего приветствовал адмирал Лайонс.

Единственное, что сильно беспокоило Раглана, это отсутствие Каткарта с 4-й дивизией. Все время замыкавшая тылы, она предположительно должна была находиться в районе Бельбекских высот, подвергаясь опасности оказаться отрезанной и разгромленной. Русские ее откровенно прозевали, но лорд об этом не знал. Пришлось еще раз прибегнуть к помощи опытного разведчика лейтенанта Максе.

Полковник штаба главнокомандующего Виндхам смог лишь приблизительно объяснить офицеру, где может быть дивизия. Было известно, что Каткарт получил приказ после завершения работ на Каче одновременно с несколькими кораблями двигаться на юг, по следам армии. Максе вспоминал, что еще на биваке у Черной Раглан вызывал его и спросил, может ли он еще раз проделать свой трудный и опасный путь. С небольшим сопровождением ему удалось отыскать Каткарта, который, к счастью, был всего в 5 милях от главных сил, и направить его к Балаклаве, куда 4-я дивизия пошла на следующий день.⁶²¹

При переходе через Черную речку англичане остановились, чтобы пропустить французский санитарный транспорт. Британцев поразили удобные носилки в виде кресел, крепившиеся с обеих сторон выносливых мулов, в каждом из которых сидя или полулежа, но довольно комфортабельно, размещались раненые. За транспортом проехал Канробер с конвоем спаги, уже заслуживших у англичан прозвище «старые бабки» за свои колоритные униформы. У генерала рука оставалась на перевязи после полученной на Альме травмы, но он был в прекрасном настроении.⁶²² Последними шли развернувшиеся густой цепью пешие егеря. Эти «шустрые ребята» то там, то тут на ходу подстреливали зайцев, предвкушая скорый вкусный ужин.

Каткарт развернул батальоны северо-восточнее Балаклавы. В его подчинении собралось к этому времени около 8000 чел. и генерал был уверен, что на своей удоб-

Адмирал Эдвард Аугустас Инджфилд. В 1854 г. офицер на пароходе «Файербанд» Портрет из собрания Национальной портретной галереи в Лондоне.

⁶¹⁹ Mends, Boven Stilon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P. 148.

⁶²⁰ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 461.

⁶²¹ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 462.

⁶²² Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 466.

Адмирал Джеймс Роберт Драммонд.
В 1854 г. лейтенант парохода
«Ретрибьюшн».

ной позиции сможет отразить атаку до 30000 русских. В случае чего его мог усилить находившийся рядом Эванс со своей 2-й дивизией.⁶²³

Интересно, что Легкая бригада, которая по всем понятиям должна была быть впереди, прибыла в Балаклаву после того, как все самые интересные события завершились. Юный корнет Уолкер с удивлением заметил, что когда запыленный штаб Лукана спустился в этот чудесный городок, там уже была штаб-квартира командующего, и всюю шла выгрузка осадного парка.⁶²⁴ В первую очередь снимали тяжелую артиллерию, в том числе Ланкастерские пушки.⁶²⁵

Я не знаю, что сказал Раглан по этому поводу Лукану. Вероятнее всего просто махнул на легкую кавалерию рукой. Но чтобы не видеть их рядом и занять чем-нибудь нужным, Раглан отправил кавалеристов сделать несколько разведок в сторону Севастополя. Уолкер во время одной из них впервые увидел Севастополь, впечатливший его. Удивили офицера несколько ружейных залпов, донесшихся из города. Это позволило ему сделать заключение, поражающее своей пронизательностью и глубиной: в

городе бунт и русские начали массовый расстрел поляков.

Что ж, повторяюсь, легкая кавалерия сама себя вела к смерти. Ее истребление было лишь вопросом времени, и свои новые потери она начала нести именно под Балаклавой. Во время разведки в плен русским попал первый англичанин – сержант Алдерсон из 13-го легкого драгунского полка. Он попался по беспечности, решив совершить поездку у Воронцовской дороги, где и был застигнут казаками, которые к этому времени своей активностью уже стали держать англичан в постоянном напряжении.⁶²⁶ Волею судьбы «туриста» поймали почти у самой долины, которая вскоре станет для Легкой бригады роковой и, как посчитал, Пауэлл, Алдерсону просто повезло там через месяц не оказаться.⁶²⁷

Самому Пауэллу война вновь стала казаться приключением. В окрестностях Балаклавы он с удовольствием предавался поеданию винограда, в изобилии произраставшего вокруг и был счастлив, что болезнь обошла его стороной. Другим повезло меньше – болезни продолжали мучить людей, увеличивая число страдальцев каждый день. К страдающим холерой и дизентерией, добавились «подхватившие» лихорадку – сказывались холодные осенние ночи. 28 сентября в 88-м полку от болезни умерли сержант и рядовой.⁶²⁸ В 1-м батальоне Колдстримской гвардии – 1 рядовой.

⁶²³ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.467.

⁶²⁴ Beauchamp Walker. P. Sir, General. K.C.B. Days of a soldier's life. London. 1894. P.116.

⁶²⁵ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.466.

⁶²⁶ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.467.

⁶²⁷ Powell, Harry. Recollections of a young soldier during the Crimean War. Oxford. 1876. P.20.

⁶²⁸ Nathaniel Steevens. Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56). London. 1878. P.96–99.

Полковой врач Виатт поставил диагноз — диарея от избыточного употребления в пищу невымытых фруктов.⁶²⁹

Городок провоцировал англичан избытком маленьких радостей: «...такого обилия великолепного винограда, капусты, меда, яблок, орехов, кур мы никогда не видели».⁶³⁰ Кажется, британцы быстро оценили не только вкус крымского винограда, но и его лечебные свойства. искренне считая, что, обильно поедая его, спасают себя от холеры: «...мы пиروвали! ...Виноград и миндаль! Какая радостная перспектива после солонины и бисквитов, которыми нас кормили с начала кампании!».⁶³¹

Молодые морские офицеры были счастливы. «Это самое романтичное место на земле, которое мне пришлось видеть!», — писал в своем дневнике Джон Барнс с «Терибля».⁶³²

Нужно сказать, что нет ни одного из воспоминаний о первых днях проведенных британцами в Балаклаве, где не упоминались бы этот безумный процесс поедания винограда и прочие радости южного берега.

Девственная беззащитность Балаклавы еще больше возбуждала давно проснувшийся единственный свойственный каждому оккупанту инстинкт — грабить! Дело это стало вполне привычным и с каждым днем несложную науку такого ремесла и англичане, и французы, и присоединившиеся к ним турки постигали все лучше и лучше.

По дворам вновь весело застучали револьверные выстрелы. Захватчики занялись охотой на оставшуюся живность, которая позволила им с размахом отметить взятие второго русского города. Как вспоминал Мендс, с помощью этого типа оружия обеспечивалось пополнение стола офицеров английской армии и флота.⁶³³

Пили много и в основном за то, во что верили и на что надеялись: третьим станет Севастополь. В принципе, это случилось, но вот только не так скоро как хотелось, и далеко не всем было суждено до события дожить.

Особую радость оккупантам доставил мед, который удалось добыть, разбив несколько ульев в одной из близлежащих деревень.⁶³⁴ В трофеи попал весь обывательский скот, еще днем мирно пасшийся на окрестных лугах.⁶³⁵

Англичане напоминали саранчу, высадившуюся на благодатную землю и пожирающую плоды ее плодородной земли: «...все съедобное было взято и частью съедено,

Адмирал Вильям Роберт Мендс.
В 1854 г. кептен, командир линейного
корабля «Агамемнон».

⁶²⁹ Wyatt, John. History of the First Battalion Coldstream Guards during the eastern campaign : from February, 1854 to June 1856. London. 1858. P.25–26.

⁶³⁰ Daniel Lysons, The Crimean war from first to last, London. 1895. P. 110–116.

⁶³¹ Nathaniel Steevens. Crimean Campaign with "The Connaught Rangers" (1854–55–56). London. 1878. P.96–99.

⁶³² Journal Kept by George Barnes Aboard HMS Terrible, off Sevastopol Between July 17th and December 6th, 1854 (<http://www.abaa.org/books/283769475.html>).

⁶³³ Mends, Bowen Stilon. Life of Admiral Sir William Robert Mends, G.C.B., late director of transports. London. 1899. P.144–150.

⁶³⁴ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.466.

⁶³⁵ Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С.132.

Адмирал Сеймур. В 1854 г. – гардемарин на пароходе «Террибль».

а большей частью разбросано. Виноград, осенние фрукты и огородные овощи разом исчезли; все пожиралось с жадностью...».⁶³⁶

Моряки быстро разгрузжали имущество. Уже к концу дня берег был усеян горами армейских запасов: палатки, полковые ящики, патронные коробки и проч. В первую очередь выгружали осадный парк. Вскоре на суше оказались: 20 80-дюймовых пушек; 30 24-фунтовых пушек; 10 10-дюймовых мортир; 5 5-дюймовых мортир. Всего: 65 единиц с запасом 520 выстрелов на орудие.⁶³⁷

Хотя Балаклава была глубокой бухтой, но не настолько, чтобы глубокосидящие транспорты могли вплотную подойти к берегу для выгрузки. К счастью имелась небольшая песчаная отмель, на которую производили разгрузку на шлюпках и плотках, а вскоре начали строительство причальных сооружений.⁶³⁸

Быстро наладили сообщение с Турцией и Болгарией, отсюда и с Англией. Первым грузом, отправляемым в обратном направлении, стали в основном раненые и больные. Их скон-

центрировали в одном большом строении, которое стало первым стационарным госпиталем союзников в Крыму.

Его заполнили быстро. Только в сентябре и только в одном батальоне Колдстримской гвардии было 76 случаев болезни. В том числе 7 с диагнозом холера и 24 – диарея. Остальные в своем большинстве получили лихорадку. 28 больных были вылечены в своих подразделениях, 35 отправлены кораблями в Турцию и Болгарию, 12 – в госпиталь в Балаклаве.⁶³⁹ Отдадим должно союзникам: практика госпитальных судов себя полностью оправдала. Совершая на протяжении всей войны регулярные 300-мильные рейсы в Скутари и обратно в Балаклаву, они спасли жизни многим английским военным.⁶⁴⁰

С первыми кораблями, совершившими рейсы в обратную сторону и вернувшимися назад, в войска стала поступать информация из Англии. Из прессы офицеры и солдаты узнали, что они отныне – гордость Отечества, и весь его народ ждет не дожидаясь, когда они окончательно снесут голову обнаглевшему русскому медведю. Узнали и о невероятной патриотической истерии, охватившей общество после получения вести о победе на Альме. Особенно усердствовали патриотки. Они сравнили первый успех армии с победой англичан в сражении у Ватерлоо. В тот период высокая мода

⁶³⁶ Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С. 133.

⁶³⁷ Siege of Sebastopol. An account of the artillery operations conducted by the Royal Artillery and Royal Naval Brigade before Sebastopol in 1854 and 1855. Compiled by W.E.M. Reilly, C.B. London. 1859. P.2.

⁶³⁸ Balaklava and the Sevastopol inquiry by commander W.Gordon, R.N. (HMS Sansapareil) (<http://allworldwars.com>).

⁶³⁹ Wyatt, John. History of the First Battalion Coldstream Guards during the eastern campaign : from February, 1854 to June 1856. London. 1858. P.26–27.

⁶⁴⁰ Shepherd, Jhon. The Crimean Doctors: A History of the British Medical Services in the Crimean War, Том 1, Liverpool University Press, 1991. P.156.

обогатилась новым оттенком синего – «ватерлоо». Теперь в палитре красок, порожденных войной, появился еще один новый цвет – «альма», особый оттенок коричневого, ближе к вишневому. Это было начало «модной» части Крымской войны, которая сама по себе интересна, и, хотя не составляет часть военной истории, как науки, заслуживает своего внимания.⁶⁴¹

С захватом этого приморского городка, равно как и входом французов в Камышовую бухту, война вступила в новую фазу – позиционную: «...отсутствие противодействия на море и пассивная оборона на суше позволили союзному командованию развернуть свою базу на Крымском полуострове».⁶⁴²

Адмирал Сидней Дакрес. В 1854 г. офицер линейного корабля «Санспарейл».

ПРОДОЛЖЕНИЕ «РАНЦЕВОЙ» ЭПОПЕИ

В Балаклаве «забота» английского медицинского ведомства о своих солдатах сыграла с ними очередную злую шутку. Действительно, говоря словами классика русского политического юмора: «хотели как лучше, получилось как всегда». Все события, которые происходили с британскими солдатами в Крыму, имели одну малоприятную деталь – у них до сих пор не было ранцев. Действительно, облик английского солдата начального периода Крымской кампании будет соответствовать истине только тогда, когда на нем будет отсутствовать привычный ранец. Тот самый, над которым смеялись французы, в котором в коробочки, пакетики, свертки аккуратнейшим образом и при жесточайшей регламентации были разложены, закреплены и учтены все мелочи, делавшие жизнь солдата в полевых условиях комфортнее, легче и, самое главное, сытнее. Напомню, что с собой солдат имел лишь сверток, в котором помимо шинели находился запас продуктов. Вероятно, ранцы сохранили лишь некоторые гвардейские полки и горцы, но это только возможно, хотя не факт. Вдоволь намучившись без них на Альме, не получив их на Каче, солдаты стоически вынесли многодневный тяжелейший марш, вплоть до Балаклавы.

Одной из самых распространенных тем жалоб британских солдат в Крымской войне были их слишком тяжелые ранцы. Впервые этот вопрос подняли в Южной Африке в 1848 г., когда существующую модель признали слишком громоздкой. В учебном лагере Чобхем провели сравнительное опробование нескольких моделей, в том числе из Австрии и Пруссии. Последний признали лучшим: у него была мягкая спинка, прилегающая к спине солдата и потому более удобная. Тем не менее ничего не было сделано и в Крым солдат уходил с тем же рюкзаком изготовленным предприятием Дж. Троттера в Лондоне образца 1822 г. или 1846 г.

Кроме рюкзака пехотинцу приходилось нести ружье, снаряжение, сумку с 60 патронами, шинель. В походном варианте добавлялись котелки, крепления для пала-

⁶⁴¹ Myerly S. *British Military Spectacle. From the Napoleonic Wars to the Crimea.* Cambridge, MA and London, 1996. P. 149–150.

⁶⁴² Доценко В. А., Доценко А. А., Миронов В. Ф. *Военно-морская стратегия России.* М., 2005 г. С. 100–101.

Адмирал Фредерик Джордж Бедфорд. В 1854 г. мичман парохода «Самсон». В Королевский военно-морской флот вступил в 1853 г. возрасте 14 лет. Возможно, самый юный участник Крымской кампании.

ток, чайники, которые неслись солдатами по очереди. Сверх всего перечисленного каждый нес трехдневный запас продуктов. Было подсчитано, что в гвардии нагрузка была больше чем у линейной пехоты: 80 и 56 фунтов соответственно.

Французы имели гораздо более удобный ранец, изготавливаемый из коровьей шкуры. В нем был специальный отсек для дополнительных боеприпасов с удобным доступом к ним. Сам по себе пустой ранец весил 4 фунта 6 унций. Общий вес походного снаряжения французского пехотинца был примерно 75 фунтов. Но лучшая эргономика снаряжения, лучшая физическая и маршевая подготовка давали ему преимущество над британскими коллегами.

Надежды получить свое кровное внезапно затонули. Первым не выдержал Эванс, потребовавший от Эйри, как от главного квартирмейстера армии, решения проблемы, которая, усугубляясь с каждым днем, могла иметь самые неожиданные последствия. Если вопросы питания еще как-то удавалось решать, то вопрос смены белья оставался открытым. Помощнику Эйри, полковнику Говарду, Эванс, чьи батальоны расположились вокруг Балаклавы, сказал

все, что о нем, его начальнике и его ведомстве думает. А думал он о нем плохо, по причине полного равнодушия к солдатам армии Ее Величества.

По его словам солдаты постепенно теряли уверенность, не имея ни сменной одежды, ни сменных рубаш, ни даже элементарных средств личной гигиены, что создавало угрозу не столько комфорту, сколько здоровью. За почти три недели рубашки на солдатах были не то, чтобы грязными, они просто разваливались и уже превратились в лохмотья, едва державшиеся на их плечах.⁶⁴³ Принимая первых раненых в Турции и Болгарии, врачи удивлялись тому нищенскому вонючему рублищу, которое было их одеждой.

Благодаря Эвансу о рюкзаках вспомнили и пообещали, что каждый военный транспорт зайдет в гавань Балаклавы, где выгрузит ранцы пехоты, бывшей на его борту во время перехода морем в Крым. Казалось бы, проблема, благодаря тому, что один единственный генерал вспомнил о своих солдатах, решена. Но не тут то было. Морьякам, тем более не военным, было, мягко говоря, наплевать, что у них там армия на борту оставила. Там, где еще были на борту сержантские жены, ранцы кое-как удавалось отстоять от набегов «морских волков». Но таких было не много. Более того, некоторые транспорты после высадки уже успели «сбежать» в Константинополь, а то и в Марсель и обратно. Но даже те, кто добрался до Балаклавы, не сразу смогли стать под разгрузку.

⁶⁴³ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.482–483.

Офицерам было проще. Гвардейский полковник Уилсон каждый день гонял одного из своих слуг в Балаклаву, где тот «караулил» транспорт, доставивший их в Крым, чтобы забрать с него вещи своего босса.

Рядовым и сержантам было труднее. Целыми ранцы достались единицам. Большинство обнаружили их основательно выпотрошенными, а некоторые не нашли совсем.⁶⁴⁴ Оказалось, что, загрузив имущество на корабли, получить его назад стало проблемой. Капитан Алан из 41-го полка с целой командой солдат метался по Балаклаве, пытаясь хоть что-то из полкового имущества вернуть по назначению. Наивысшим счастьем для офицера было попасть на борт «Лондона», где сжалившиеся над оборванным и голодным армейским капитаном моряки накормили его и дали пару рубах, показавшихся Алану божественной роскошью. К его радости, удалось получить палатки и кое-какое иное имущество, прикупив попутно на зарождавшемся уже в городе рынке револьвер умершего офицера 55-го полка.⁶⁴⁵

СОЮЗНИКИ: ОТНЫНЕ ПОРОЗНЬ

До того, как была взята Балаклава, союзные армии разделились. Произошло это восточнее Севастополя, во время стоянки на западном склоне Мекензиевых гор, в месте, которое французские солдаты называли «Лагерем Жажды».

Они пришли туда поздней ночью, после изнурительного марша «под ружьем». Утром, едва проснувшись, французы поспешили удовлетворить одну из первых своих надобностей — попить кофе. Вскоре они поняли, что сказка с райскими дворцами, богатыми дворцами и обильно наполненными садами закончилась. Недавно находившиеся там русские все съели, а источники воды привели в негодность. Те, что с трудом удалось найти, были столь маловодными, что с трудом удавалось хотя бы минимально обеспечить тысячи солдат. О приготовлении пищи даже не шло речи.⁶⁴⁶ Солдаты смогли лишь немного отдохнуть.⁶⁴⁷

Что поделаешь, в данном случае речь идет не о варварстве диких славянских винов, а лишь о тактике «жертвой ради победы», к которой русская армия прибегла еще до Альмы. В стратегических целях уничтожались запасы сена, предавались огню населенные пункты. Колодцы тоже не были исключением.

Варень, полный оптимизма все предшествующие дни, кажется, начал его терять: «В течение всего этого долгого дня мы были лишены питьевой воды и питались только одними галетами. ... Повсюду колодцы были отравлены сброшенными туда трупами, но мой денщик сумел обнаружить источник чистой воды, и вскоре он уже будил меня с чашкой чая в руке. „Старики“ прозвали этот бивуак „лагерем Жажды“».⁶⁴⁸

15(27) сентября французы возобновили движение, направившись сначала к Байдарской долине, затем к мысу Херсонес. Трудно сказать, чем вызвано столь странное движение, заставившее сделать «крюк» по Крыму. Вероятно, что они просто

⁶⁴⁴ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.482–483

⁶⁴⁵ My early soldiering days by major-general William Allan (http://www.archerfamily.org.uk/bio/allan_w_mesd.html).

⁶⁴⁶ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.50–51.

⁶⁴⁷ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.51.

⁶⁴⁸ Ernest Varaigne. Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimée. Temoignage. Nice. 1992. Перевод Г. Беднарника (<http://d13632.t24.tavrida.net.ua/article.php?id=873>).

Ноэль Стивен Фокс Дигби.
В 1854 г. гардемарин на линейном
корабле «Британия».

продолжали движение в ранее заданном направлении, стараясь нагнать отступающих русских. В этом сыграла роль и временная потеря управления французским контингентом, когда Сент-Арно был при смерти, Мартенпре не решался взять командование на себя, а Канробер все еще был только командиром дивизии, хотя никто не сомневался — он станет преемником командующего. Его 1-я дивизия перешла в авангард, уступив роль тылового прикрытия 3-й. В голову колонны переместился 2-й полк зуавов.⁶⁴⁹ 25 сентября, чувствуя приближение смерти, Сент-Арно вызвал Канробера и передал ему командование войсками. В последнем приказе он попрощался с армией: «Ваш командующий, побежденный коварной болезнью, вынужден отказаться от тяжелого бремени командования...».⁶⁵⁰ Канробер передал командование 1-й дивизией бригадному генералу Вино.

Неприятным сюрпризом для французов стало отмеченное офицерами падение дисциплины. Герен отчасти относит это на то, что главные «разбойники» — стрелки и зуавы, перестали бояться гнева своего маршала, на-

ходящегося при смерти. Когда 25 сентября они дочиста разграбили и разгромили, а потом подожгли богатое имение (Герен называет его имение Бибикова), то все что мог сделать Сент-Арно, лишь грустно констатировать в своем дневнике: «...это неправильно».⁶⁵¹

По другой версии, которая более всего имеет право на жизнь, виновниками запутанного движения стали англичане. Привыкшие к их постоянным опозданиям, французы с удивлением обнаружили, проснувшись ранним утром 26 сентября, что «заклятых» союзников уже нет. Затемно, «против своего обыкновения», они снялись с бивака и исчезли в неизвестном направлении, немало удивив соратников по коалиции. Обнаружились британцы лишь в Чернореченской долине, где остановились на биваках. Вскоре тайное стало явным: англичане традиционно пытались «надуть» союзников, спеша единолично занять Балаклаву с ее удобным портом и глубокой бухтой, став в ней единоличными хозяевами.⁶⁵² Британцы так стремились опередить своих союзников, что многие из солдат не выдерживали марша по безводной равнине. Главный врач французской армии Скрив писал, как, идя по следам англичан, французы то тут то там обнаруживали под кустами лежащих без сознания солдат со-

⁶⁴⁹ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.51.

⁶⁵⁰ Ernest Varaigne. Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimée. Temoignage. Nice. 1992. Перевод Г. Беднарчика (<http://d13632.t24.tavrida.net.ua/article.php?id=873>).

⁶⁵¹ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P.269–273.

⁶⁵² Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.51.

южного контингента, некоторые из которых, истощенные приступами холеры, находились при смерти. Их подбирали, грузили в санитарные повозки и позднее передали в свои части.⁶⁵³

Французам не оставалось ничего другого, как менять направление, устремляясь на запад, к Камышовой и Казачьей, уже разведанным с моря (рядом с ними уже стояли французские корабли⁶⁵⁴) широким бухтам, укрытым от ветра и с легким входом. Это был трудный путь, тем более, что часть его (до Чернореченской долины) пришлось идти по следам английской армии. Мало того, что вокруг был колючий кустарник, обломки военного снаряжения, разбитые повозки и экипажи, брошенные русскими, так еще и британцы сделали все, чтобы замедлить скорость движения шедших в авангарде пеших егерей майора Монтодона. Все тропинки были «...загромождены арбами, мулами, быками, которыми наши превосходные друзья завладели и которых они заставили идти в своем арьергарде».⁶⁵⁵

На старом месте остался конвой маршала. С 27 числа Сент-Арно уже не мог самостоятельно передвигаться. С каждым часом ему становилось все хуже, любое беспокойство могло повлечь смерть. Единственным выходом могла стать немедленная эвакуация маршала из Крыма.

Впрочем, Монтодон не сильно жалел о занятии британцами Балаклавы, искренне считая, что англичане «сами себя наказали»: «Они были сильно наказаны за этот дурной по отношению к нам поступок; они сильно расстроились и имели ряд трудностей в этом порту, куда их корабли входили с трудом, где отсутствовали пристани для разгрузки снаряжения, меду тем, как нам повезло найти в Камыше удобную точку сосредоточения для нашего флота».⁶⁵⁶

Французы получили прекрасное место базирования, где «...самые крупные торговые или государственные суда могут приблизиться к суше и без затруднений доставить на своем борту любой материал. Этот порт оказал нам грандиозные услуги».⁶⁵⁷

Каждая из бухт была больше Балаклавской, а условия их базирования несравнимо лучше.⁶⁵⁸

Лейтенант Альфред Маркхем.
В 1854 г. гардемарин на линейном
корабле «Агамемнон».

⁶⁵³ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P.274–278.

⁶⁵⁴ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н.В., Софинова П.Г. М., 1947 г. С.274.

⁶⁵⁵ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова/Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.51.

⁶⁵⁶ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова/Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.51.

⁶⁵⁷ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова/Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.52.

⁶⁵⁸ Balaklava and the Sevastopol inquiry by commander W.Gordon, R.N. (HMS Sansapareil) (<http://allworldwars.com>).

СЕНТ-АРНО: ПОСЛЕДНИЕ ДНИ И СМЕРТЬ

27 сентября маршал Сент-Арно по категорическому настоянию медиков покинул армию. К этому дню его состояние стало критическим. Бригадный генерал Лурмель писал родным: «Маршал был в кризисе вчера и хотя сегодня он немного бодрее, его врач уже не надеется на улучшение. ...Каждый из нас сожалеет об этом. Это положение жестоко, тем более сразу после одного триумфа и незадолго до нового. Что касается меня, того, кто особенно его любил, то переношу это слишком болезненно...».⁶⁵⁹

Было принято решение об эвакуации командующего из Крыма. Символично, что к месту погрузки на «Бертолет» маршала везли в экипаже, доставшемся французам от Меншикова. Последним из армейских офицеров, кому удалось проститься с Сент-Арно, стал полковник Клер.⁶⁶⁰

Вскоре войска узнали, что обожаемый ими командир скончался по пути домой 29 сентября в 4 часа вечера в присутствии своего духовника аббата Парабера.

Свидетелем прибытия тела маршала в Константинополь стал рядовой Московского пехотного полка Таторский, взятый в плен на Альме: «Увидал с французских кораблей пальбу пушечную и с-под дворца выезжающую лодку большого размера, матросов человек до двадцати гребцов; на гребцах белые манишки, на шляпах черные ленты, впереди на носу стоит балдахин алого цвета; я спросил: что это такое?, но провожатый мне сержант, знавший немного по-русски, сказал, что это повезли главнокомандующего ихнего Сантуарно».⁶⁶¹

«ГАВАНЬ ПРОВИДЕНИЯ»: ФРАНЦУЗЫ В КАМЫШОВОЙ БУХТЕ

28 сентября Канробер получил сообщение от Раглана, что русская армия вновь занимает высоты у р. Черной, и возрастает опасность нападения.

30 сентября Канробер вывел войска в район Камышовой и Стрелецкой бухт, где уже стояли корабли Гамелена и часть транспортов. Общим числом 21 единица они вошли туда в 4.30 утра. Есть упоминание еще о 6 шаландах, использовавшихся захватчиками, вероятно, конфискованных ими в Евпатории для своих нужд. В 6.30 моряки начали выгрузку имущества, положив начало французской военной базы в Крыму. Подгонять никого не требовалось: понимая, что приближается сезон штормов, войска стремились максимально обеспечить себя запасами продовольствия и боеприпасами.⁶⁶²

Войска были настолько рады видеть флот, море, воду, что за Стрелецкой и Камышовой бухтами надолго закрепилось прозвище — «Гавань провидения».⁶⁶³ Для англичан и французов, понимавших, что если они не найдут для флотов хороших гаваней, то с наступлением времени штормов, они могут потерять контроль над морем, приобретение Балаклавы, Камышовой и Казачьей бухт означало возможность сосре-

⁶⁵⁹ Albert Du Casse. *Precis historique des operations militaires en Orient de mars 1854 a septembre 1855*. E. Dentu. Paris. 1856. P. 134.

⁶⁶⁰ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С. 52.

⁶⁶¹ Васильева Д. К. Военный корреспондент Н. П. Сокальский и его севастопольские герои//Историческое наследие Крыма. № 6–7. Симферополь, 2004 г. С. 102.

⁶⁶² Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 226.

⁶⁶³ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С. 54.

доточиться на осадных действиях. Как писал кептен Слейд, «...каждый захватчик, уповая на свою звезду, будь то Вильгельм Завоеватель, Генрих V, Кортес или Наполеон в Египте, рассматривал своей первой задачей обеспечение безопасного базирования флота».⁶⁶⁴

Единственным недостатком была необходимость поддерживать сообщение с берегом на шлюпках. Правда, французские транспорты, будучи меньшего водоизмещения, чем английские, могли подходить к нему на достаточно близкое расстояние.

У союзников хватило разума не обострять проблему, чья бухта лучше, и с самого начала было решено держать в Балаклаве — один французский корабль, а в Камышовой, соответственно, английский.⁶⁶⁵

Радость приобретения постоянного места носила и чисто приземленный характер — войска устали от «подножного» корма, хоть и разнообразного, но не способного компенсировать физиологические затраты тяжелых маршей. А на борту только одного «Монтебелло», например, находились, кроме прочего, 200 000 суточных рационов.

Главный инженер Джозеф Чарчер.
В 1854 г. инженер на пароходе «Спит-файр».

⁶⁶⁴ Slade, Adolphus. Turkey and the Crimean war; a narrative of historical events. Smith, Elder and co. London. 1867. P.307–308.

⁶⁶⁵ Kelly, Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P.152–153.

НАЧАЛО ОСАДЫ

«День, в который началась постройка неприятелем батарей, был днем радости для нас: явилась снова надежда отстоять Севастополь».⁶⁶⁶

Генерал-лейтенант Пестич.

30 сентября союзники окончательно завершили охват южной части Севастополя. Начался траншейно-батарейный период войны, растянувшийся почти на долгий год.

Центр событий переместился под Севастополь. Евпатория уже не имела того значения, как в начале кампании, тем более, что с приближением осенних и зимних штормов сообщение с ней становилось затруднительным. Но она еще нужна союзникам. Оставаясь постоянной нерешенной проблемой в тылу русской армии, вынуждая Меншикова держать против нее войска блокирующего отряда.

Французы, как и англичане, понимали, что теперь успех будет зависеть не только от того, как справится со своим делом армия, но и от того, насколько эффективными будут действия флота, в первую очередь по организации снабжения экспедиционных сил в Крыму. Военная история Франции имела прекрасные примеры взаимодействия сухопутных сил с флотом в Египте, Сан-Доминго, Греции, Алжире и совсем недавно на Балтике у Бомарзунда. Но в Крыму масштабы другие. Требовалась точность, чтобы доставлять вовремя самые необходимые грузы с баз, удаленных на многие сотни километров, нужно было выдерживать очень точный график перевозок, зависящий от капризов погоды, вида груза. Нужно было срочно перебрасывать в Крым огромное количество артиллерийских запасов, без которых взятие Севастополя было невозможным. И это только самая малая часть работ, ложившихся на плечи моряков, многие из которых не были военными.⁶⁶⁷

⁶⁶⁶ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С.3.

⁶⁶⁷ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levraut & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.71–72.

ОСАДНЫЙ КОРПУС ФРАНЦУЗОВ

По договоренности между союзными командующими и в соответствии с расположением баз,⁶⁶⁸ англичане брали на себя правый фланг осады, французы, соответственно, левый.

Французы разделили свои полевые войска на осадный корпус и корпус прикрытия. В осадный включили две дивизии: 3-ю и 4-ю⁶⁶⁹ общим числом 61 батальон.⁶⁷⁰ Кроме пехоты в состав осадного корпуса вошли 2 резервные батареи, большая часть артиллерии и инженерных подразделений. Лагерь этих сил расположился перед 4-м, 5-м, 6-м и 7-м бастионами Севастополя на удалении 2,5–3 версты от окраин города. Левый фланг (4-я дивизия) примыкал к Стрелецкой бухте, правый (3-я дивизия) — упирался в Сарандинакину балку. Инженерный парк располагался за центром 3-й дивизии. За правым флангом — артиллерия. Общее командование войсками осадного корпуса принял командир 4-й дивизии, дивизионный генерал Форэ.⁶⁷¹

Так как основная борьба с русскими батареями возлагалась на плечи артиллерии, а осадный парк был ничтожно мал по сравнению с предстоящими планами, на берег свезли 30 корабельных орудий. Примерно 1000 моряков пошли на батареи, командование которыми доверили только морским офицерам, они же обеспечивали защиту вновь возводимых батарей.⁶⁷² 500 из их числа назначались к орудиям, 500 — для обслуживания инженерных работ и обеспечения батарей.⁶⁷³

Общее руководство принял опытный морской артиллерист капитан Риго де Женольи с флагманского «Виль де Пари». Кроме него в состав Морского отряда назначались 50 офицеров с кораблей. Это было лишь «прелюдией» действий французского флота в Крыму на сухопутном фронте.⁶⁷⁴

Огромная территория постепенно обживалась, превращаясь из малолюдной местности в пестрый военный гарнизон со своей жизнью и своими проблемами. Хотя условия полевой жизни оставались спартанскими, некоторые умудрялись и здесь найти маленькие радости. 2-й полк зуавов расположился у дома, позже названного «домом зуавов».⁶⁷⁵

⁶⁶⁸ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.53.

⁶⁶⁹ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levraut & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.81.

⁶⁷⁰ Андрианов И. Инкерманский бой и оборона Севастополя (статья третья)//Военный сборник. №4. СПб., 1903 г. С.49.

⁶⁷¹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.182.

⁶⁷² Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С.47.

⁶⁷³ Cesar Lecat Bazancourt. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol: Chroniques de la guerre d'Orient. Amyot, 1856. P.300–304.

⁶⁷⁴ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P.299.

⁶⁷⁵ Дом зуавов — хутор Уптона на 4-м км. Балаклавской дороги. Принадлежал Джону (Ивану Ивановичу) Уптому, английскому военному инженеру на русской службе, автору проектов многих зданий и Графской пристани в Севастополе (Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.240–241). Некоторые авторы (В.И. Васильчиков, Е.Р. Корженевский) пишут, что после того как Англия объявила войну России, Джон Уптон отказался сражаться против своей родины и покинул Севастополь. Но его потомки жили здесь по крайней мере до начала XX в. На старом городском кладбище сохранилась могила внука Джона Уптона, умершего в 1904 г. (http://vpalace.narod.ru/st/abc/u/uptona_hutor.html). В воспоминаниях американца МакКормика есть упоминание о его встрече с «приятнейшими интеллигентными мистером и миссис Уптоном в Балаклаве» (McCormick, Richard Cunningham, A visit to the camp before Sevastopol. New York. 1855. P.70–71).

Полковник с радостью обнаружил, что управляющий сносно говорит по-французски, но это не единственная радость: подвалы дома заполняли полные бочки прекрасного крымского вина, способные скрасить тяготы войны для самого несправедливого пессимиста. Однако минусов было тоже немало, учитывая, что культ вина «... исповедуют солдаты всех народов мира».⁶⁷⁶

Выставили усиленный караул во главе с капитаном Бланше – беспокоила повышенная активность солдат в волнении бродивших вокруг дома и с вождением поглядывающих в сторону подвала. Вскоре все утихомирились и лишь часовые, которые провели ночь фактически на бочках с вином, долго впоследствии вспоминали тот «кошмар пьяницы», который им пришлось пережить. Утром Клер, как и обещал, выдал каждому из солдат стаканчик вина, поразившего их сильным ароматом розы.

С кораблей сняли запасы провизии, наладили сносное полевое питание. Появились привычные маркитантки. Одна из них, маркитантка 2-го полка зуавов Дюмон заплатила жизнью за поездку за продовольствием в Варну. Подхватив там холерную палочку, она сумела доставить продукты в Крым, но вскоре умерла, став первой женщиной союзного контингента, похороненной в земле полуострова.⁶⁷⁷

В остановившейся армии женщины кроме позитива в виде ухода за больными, помощью в приготовлении пищи и стирками белья, принесли и долю негативных явлений, усугубив и без того проблемные стороны армии. Журналисты отмечали, что с появлением торговых участились случаи пьянства.⁶⁷⁸ Хотя, думаю, не столько в женщинах дело. Армия начинала уставать от войны, которая еще только начиналась. Нужна была маленькая победоносная операция, и с этим решили сильно не затягивать.

ОБСЕРВАЦИОННЫЙ КОРПУС ФРАНЦУЗОВ

Говоря об обустройстве союзниками осадных позиций под Севастополем, мы не можем не сказать и об устройстве ими так называемой циркумвалационной линии.⁶⁷⁹

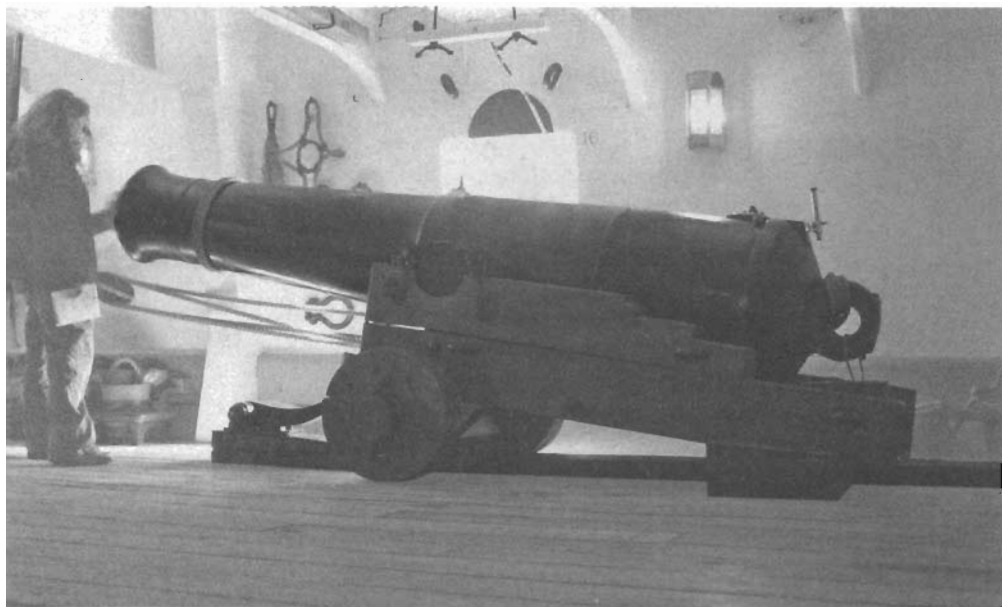
Если говорить проще и ничего не усложнять, то это замкнутая внешняя линия укреплений вокруг осажденной крепости, строившаяся осаждавшими войсками для отражения неприятеля, который подходил извне на помощь осажденным. Она устраивается в случае, когда осаждающему угрожают неприятельские войска, идущие на помощь к осажденным. Обойтись без нее союзники не могли, фланговый марш русской армии так закрутил ситуацию, что каждая из сторон находилась в двух ролях: англо-французы наступали на Севастополь и отражали давление русской армии с востока и северо-востока. Русские отбивались от неприятелей в крепости, но в тоже время все время угрожали им от Бахчисарая. На циркумвалационной линии противостоящие армии имели позиции одновременно удобные и для обороны (естественный водораздел реки Черной, Федюхины высоты, Сапун-гора и др.), и для наступления (юго-западные склоны Мекензиевых гор).

⁶⁷⁶ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.53.

⁶⁷⁷ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.54.

⁶⁷⁸ Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С.230.

⁶⁷⁹ От лат. *circumvallō* – обношу валом.

Английское 68-фунтовое орудие – одно из основных, примененных при бомбардировании Севастополя 5(17) октября 1854 г.

Линию, отвечающие за ее устройство французы, не стали делать сплошной. Это не от легкомыслия, а от того, что осаждающий крепость, как правило, располагает достаточными сведениями о противнике, и ему достаточно линии отдельных позиций, к которым всегда смогут подтянуться, в случае необходимости, войска. Это, кстати, англичане, французы и, затем, сардинцы, успевали делать всегда. С разной, конечно, эффективностью.⁶⁸⁰

Начертание линии в течение войны изменялось, но ее направление по Сапун-горе до Балаклавских высот оставалось постоянным. В первых числах октября союзники устраивают «малые форты» на возвышенностях, разделяющих Чернореченскую и Балаклавскую долины. Их занимают турецкие батальоны.

Циркумвалационную линию заняли войска обсервационного корпуса французов, который составили 1-я и 2-я дивизии, с приданными двумя конными резервными батареями.⁶⁸¹ Общая численность – 13 тыс. чел.⁶⁸²

Правый фланг дивизий упирался в балаклавскую седловину, левый – «...в точку под названием Телеграфная, протягиваясь по водоразделу, возвышающемуся над долинами».⁶⁸³

Местность отличалась сильной пересеченностью и была продуваемой всеми ветрами. Впрочем, и первое и последнее оказалось на пользу французам. Первое по-

⁶⁸⁰ Мазюкевич М. О блокаде крепостей//Военный сборник. №8. СПб., 1883 г. С.265.

⁶⁸¹ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levraut & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.81.

⁶⁸² Андрианов И. Инкерманский бой и оборона Севастополя (статья третья)//Военный сборник. №4. СПб., 1903 г. С.49.

⁶⁸³ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.53.

звояло легко удерживать территорию, второе – выметало все, прежде всего болезнетворные бактерии.

Назначение этих дивизий состояло в прикрытии осадных войск от русских атак со стороны Балаклавской равнины и долины Черной речки, а также, в случае необходимости, оказания помощи английским и турецким войскам.

Четыре батальона и все турецкие войска разместили неподалёку от берега для выполнения работ по приему грузов, наблюдения за побережьем и подступами к немц прикрытия базы снабжения.⁶⁸⁴

Всю полевую артиллерию выделили под единое командование подполковнику Бурману. В его подчинение вошли: 1-я батарея 1-го полка; 3-я батарея 1-го полка; 4-я батарея 2-го полка; 12-я батарея 3-го полка; 12-я батарея 4-го полка; 6-я батарея 5-го полка; 1-я батарея 8-го полка; 11-я рота 6-го полка; 12-я рота 6-го полка.⁶⁸⁵

Войскам был придан полевой парк (подполковник Мазур): 5-я рабочая рота и 4 резервные батареи, которые разбили лагерь рядом со штаб-квартирой французского контингента и лагерем инженерных войск. Полковник Лебеф, бывший до этого начальником штаба артиллерии, был назначен командующим артиллерией осадного корпуса с подчинением генералу Форе, но с отчетностью перед командующим артиллерией армии. Командующим инженерными подразделениями осадного корпуса назначили полковника Трипи.⁶⁸⁶

Так как у Канробера вызвали опасение все больше и больше активные действия русской кавалерии почти у самой обсервационной линии, для противодействия им в Крым прибыли два полка кавалерии: 1-й полк конных егерей и 4-й гусарский полк. Готовилась отправиться в Крым 5-я пехотная дивизия дивизионного генерала Леваляна в составе двух бригад (Кусто и Ла Мотт-Руж).⁶⁸⁷

Командование обсервационным корпусом поручили Боске. Его дивизия 27 сентября несколькими батальонами совершила разведку Севастополя, пройдя по Воронцовской дороге и остановившись в точке, с которой хорошо виден Малахов курган и его башня, здания, сооружения крепости, порт. Боске нужно было определить линию соприкосновения с главными силами русских: без этого невозможно было наметить линию батарей. Поразили французов массы рабочих, «...яростно роющих землю для создания новых оборонительных сооружений...».⁶⁸⁸

Из крепости заметили выдвижение союзных войск, но, убедившись на следующий день, что намерения атаковать Севастополь у них нет, успокоились.⁶⁸⁹ Когда союзники вновь обозначили движение 29 сентября, на это уже совсем не реагировали.

Инженерные и артиллерийские руководители Бизо и Тьерри вместе с Боске обсидили интенсивные работы русских, отметили их невероятную скорость и большое число привлеченных людей, но не отчаялись и вернулись в лагерь с уверенностью.

⁶⁸⁴ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.81.

⁶⁸⁵ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.82.

⁶⁸⁶ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.82.

⁶⁸⁷ Leon Guerin , Histoire de la demiere guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P.299–300.

⁶⁸⁸ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.51.

⁶⁸⁹ Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С.295.

Кают-компания мичманов на английском линейном корабле. Рисунок середины XIX в.

что от силы восьми дней хватит, чтобы эту оборону сокрушить. Планирование осадных работ Канробер поручил Бизо.⁶⁹⁰

Увы, господа французы были слишком образованы, чтобы принять в расчет «...огромную работоспособность славянской расы и особенно не могли предвидеть творческую гениальность генерала Тотлебена, который за несколько дней превратил в настоящую цитадель город, почти полностью беззащитный со стороны суши».⁶⁹¹

ТУРЕЦКИЕ ВОЙСКА

О турках обычно не говорят ничего, в лучшем случае очень мало. Надеюсь, читатель с первой части нашего исследования сумел убедиться, что мы эту в корне неправильную ситуацию пытаемся развернуть в сторону исторической правды. А потому для нас турки — полноценный участник кампании и серьезный противник, хорошо проявивший себя как в осаде, так и в нескольких полевых сражениях.

8 турецких батальонов вошли в подчинение Боске, составив общий резерв французского контингента с задачей действовать по обстоятельствам.⁶⁹² Хотя вначале

⁶⁹⁰ Cesar Lecat Bazancourt. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol: Chroniques de la guerre d'Orient. Amyot, 1856. P.300–304.

⁶⁹¹ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.52.

⁶⁹² Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.182.

кампании у османских солдат было более менее сносное снабжение (турки грузились с трехнедельным запасом провизии, сухарями и рисом), теперь возникли неподвижные перебои. Поскольку собственное командование прислало им только немного марсельских сухарей, солдаты быстро начали голодать. После Альмы и до 10 октября включительно им выдавали по паре сухарей на человека. Туркам пришлось подбирать в английском лагере объедки, пока британцы не взяли на себя их снабжение (кофе, сахар, рис, сухари). А так как англичане вообще не любили чем-нибудь с кем-то делиться, то сразу возник миф о турках, как попрошайках, крохоборах и просто нищих, одетых в военную форму.

Задачу османским солдатам определили быстро. Союзные начальники правильно определили, что слабым местом циркумвалационной линии является участок перед Кадыкоем и в районе Трактирного моста на Черной речке. Перед Кадыкоем быстро обустроили позиции, для защиты которых выделили турецкие войска. Артиллерию составили орудия турецкого осадного парка, привезенные французами из Константинополя и переданные туркам англичанами 4 пушки и две гаубицы: всего 24 единицы.⁶⁹³

На всякий случай для усиления прикрытия Балаклавы союзники выделили по бригаде от каждого контингента.⁶⁹⁴

МОРСКАЯ БРИГАДА — ПЕРВЫЙ ПРИЗНАК ЗАТЯНУВШЕЙСЯ ВОЙНЫ

Одно из распространенных заблуждений исследователей связано с местом флота в Крымской кампании. Часто считают, что вся его роль свелась к неудаче бомбардировки Севастополя 5(17) октября и сомнительной успешности действий в Азовском море. На деле все гораздо масштабнее: уже в первые дни английское командование приняло решение о формировании Морской бригады. Многие британские историки считают, что именно Морская бригада своими действиями спасла честь Королевского флота во время Восточной войны.⁶⁹⁵

Название «бригада» не подразумевало о наличии принятой, как в армии, жесткой штатной структуры, а лишь свидетельствовало о ее «сухопутных» задачах. Задачи эти тоже не были похожи на «сухопутные». Солдатам и матросам не нужно было со штыком наперевес и истерическим криком в глотке бегать в гибельные атаки на русские траншеи. Но от этого их роль не становилась меньшей, скорее наоборот. Бригада предназначалась для ведения осадных действий в полном объеме: от инженерных работ и строительства батарей, до доставки на них боеприпасов и дежурства в траншеях.

С одной стороны этим компенсировалась недостаточная численность хорошо подготовленных инженерных подразделений, с другой — значительно усиливалась артиллерийская группировка.

Это было временное формирование, которое английский флот образовывал, как правило, в тех случаях, когда действия на берегу предполагались затяжными, и тре-

⁶⁹³ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.83–84.

⁶⁹⁴ Андрианов И. Инкерманский бой и оборона Севастополя (статья третья)//Военный сборник. №4. СПб., 1903 г. С.48–49.

⁶⁹⁵ Нечитайлов М., Дуда В. Османская армия в Восточной войне (1853–1856 гг.)//Military Крым. Симферополь. Специальный выпуск №3. 2012 г. (Jeffery, Walter. A century of our sea story. London. 1900. P.108–109).

бывалось не только тесное взаимодействие флота с сухопутными войсками, но и помощь армии личным составом. Благодаря этому пехота и полевая артиллерия, по мере возможности, не отрывались на второстепенные задачи. Особенно необходимой была Морская бригада для защиты главной базы на неприятельском берегу — в нашем случае Балаклавы.⁶⁹⁶

Каждый линейный корабль должен был выделить не менее 200 человек (в реальности получалось не более 140–150). Корабли меньших классов выделяли личный состав пропорционально наличному экипажу.⁶⁹⁷ В первую очередь на берег отправлялись почти все морские пехотинцы (за исключением минимального числа для несения службы на кораблях). Лучшие (именно лучшие) артиллеристы⁶⁹⁸ (это скоро «икнется» при атаке Севастополя с моря и суши) и, по необходимости, представители других специальностей с кораблей Королевского военно-морского флота. Предполагалось, что благодаря наличию «своих» офицеров, каждый «корабельный» отряд будет действовать как единое подразделение, но уже вскоре потери и болезни нарушили эти планы, людей стали перемешивать.

Корабли обеспечивали часть орудий для вооружения батарей, которые возводились Морской бригадой. Как правило, это были лучшие специалисты (командиры британских кораблей не страдали болезнью избавления от недисциплинированных матросов, путем отправки их на сухопутный фронт, хотя бы потому, что некоторые корабельные офицеры сами сходили с ними на берег). Лишних туда не брали, каждый занимался той работой, по причине знания которой его и направляли в Морскую бригаду. Недаром на Королевском флоте их прозвище было “handymen”, что можно перевести и как «умельцы», и как «мастера на все руки».⁶⁹⁹ Заслужили они его за искусство при строительстве батарей. Сами англичане считают, что моряки на берегу принесли больше пользы, чем флот в море.⁷⁰⁰

По приказу адмирала Дандаса (приказ отдавал именно он, так как бригаду формировал Королевский флот) командование Морской бригадой поручалось капитану Стивену Лушингтону («Альбион»). Его ближайшим помощником стал капитан Вильям Пиль («Даймонд»), чьим адъютантом был мичман Эвелин Вуд, будущий фельдмаршал, один из самых молодых офицеров Королевского флота во время Крымской войны. Да и остальные офицеры были, по сути и возрасту, дети: Чарльз Огаст Хейворд (16 лет), Артур Эдвард Дюпуи (16 лет), Френсис Оммени (16 лет), Вильям Кеннеди (16 лет), Эдвард Дениел (15 лет, хотя еще в 1852 г. участвовал в войне в Бир-

Полковник Юлиус Огаст Роберт Райнс, в 1854 г. — капитан 95-го полка.

⁶⁹⁶ Leopold George Heath. Letters from the Black Sea During the Crimean War, 1854–1855. London. 1897. P.69–70.

⁶⁹⁷ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя//ФлотаМастер. №1. М., 2003 г. С.4.

⁶⁹⁸ В том числе два артиллерийских офицера.

⁶⁹⁹ Steward, William Augustus. War medals and their history. London. 1915. P.313–314.

⁷⁰⁰ The Royal Navy. London. 1907. P.229–230.

ме, закончил кампанию в Крыму с Крестом Виктории, потом успешно дезертировал и официально был высшей военной награды лишен), Джордж Вильям Мур (16 лет).⁷⁰¹

Корабли же обеспечивали Морскую бригаду продуктами, палатками, материалами, боеприпасами и вооружением.⁷⁰²

В общей сложности в состав бригады вошли 2400 моряков, 2000 морских пехотинцев (часто эту часть Морской бригады называют Бригадой морской пехоты, что не корректно, так как они находились под единым командованием), 60 других специалистов (в первую очередь плотники) и 65 офицеров.⁷⁰³ Недостатка в добровольцах не было, для многих моряков было радостью сменить рутину корабельной службы на более или менее разнообразную работу на берегу.

Главный лагерь Морской бригады был расположен около Воронцовской дороги, примерно в 2 мили от Севастопольской бухты. Вскоре он стал предметом зависти армейских коллег, особенно из Легкой дивизии, чьи пикеты находились неподалеку. Умение моряков и на суше обустроить свой быт по-корабельному комфортно было признано всеми, особенно армейскими солдатами, ютившимися по ночам в траншеях, укрываясь от непогоды тонким одеялом. Как следствие, по данным Медицинского департамента английской армии в морской бригаде среди моряков за всю кампанию не было зафиксированных случаев обморожения и лишь 4 незначительных случая цинги. В то же время среди их коллег, морских пехотинцев, за год осады было лишь 11 убитых, но 212 чел. умерли от болезней и почти все переболели цингой.

Нолан писал, что моряки вели себя на берегу так же, как привыкли делать это на корабле. Каждый вечер они собирались в кучки, курили, ужинали свининой, пили свой традиционный грог, и все это заканчивалось исполнением матросских песен, звуки которых доносились даже до Севастополя. Палатки скорее напоминали небольшие дачные домики, украшенные зеленью: полевыми цветами и листьями винограда. Почти они имели свои имена: от шуточных «Трафальгарские ягнята» или «Голубки с Беллерофона» до угрожающе-грозного «Мечь за Синоп».⁷⁰⁴

Немного уменьшилась холера — сказывалась хорошая продуваемость местности морским ветром. Воздушные массы не застаивались, воды было достаточно. В то же время это не могло продолжаться долго, надежды на ее полное исчезновение оказались напрасными. Медицинская часть, особенно в английской армии, за недели в Крыму не стала лучше, а лишь усугубила свое плачевное состояние. Раглан устраивал разносы начальникам за валяющихся без всякого присмотра на голой земле больных в Балаклаве, за отсутствие палаток, за недостаток врачей...⁷⁰⁵ Помогало мало. Вскоре вновь на борт транспортов стали подниматься больные, а в госпиталях Турции и Болгарии их количество вскоре превысило число раненых, и этот арифметический показатель держался с дьявольской упорностью почти до конца кампании.

Тому причин было много. В тылу, особенно в Балаклаве, и на кораблях, царило полное пренебрежение санитарно-гигиеническими нормами, всякая профилактика кишечных заболеваний отсутствовала. В войсках и на флоте предавались мечтам о скором завершении уже порядком поднадоевшей всем войны. Тыловые организации не думали, что этот быстро изгаженный ими же городишко надолго ста-

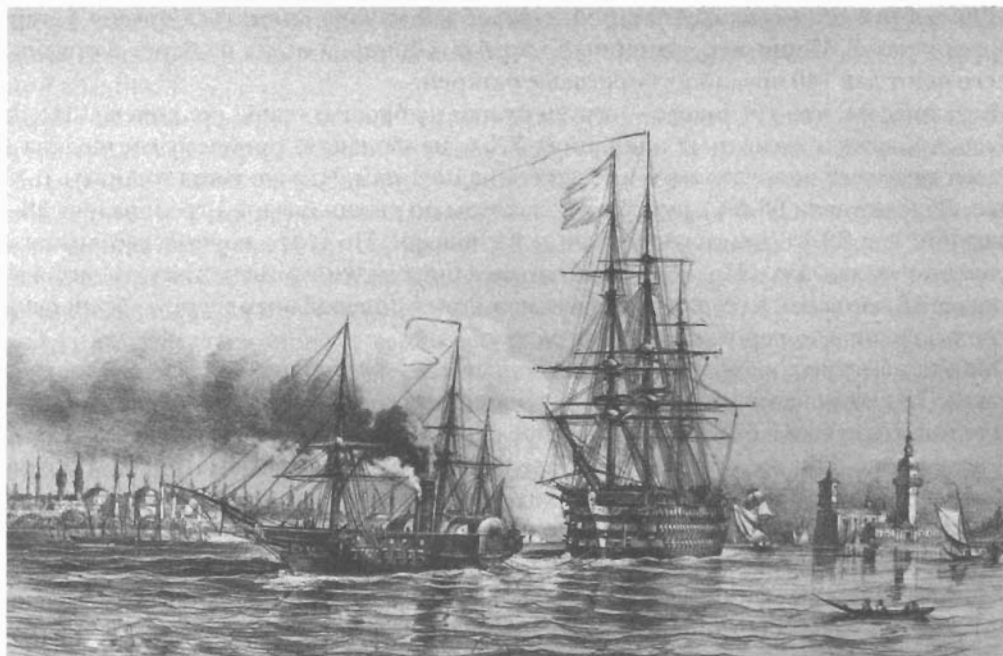
⁷⁰¹ Muir Tom. Medals and Decorations to Teenage of the Naval Brigade//The War Correspondent. Vol.20. #3. October 2002. P.28–31.

⁷⁰² Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P.435.

⁷⁰³ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P.435.

⁷⁰⁴ George Rose Emerson. Sebastopol: the story of its fall. G. Routledge. London. 1855. P.84–85; John Barham. The Naval Brigade (http://www.suite101.com/article.cfm/crimean_war/111070).

⁷⁰⁵ Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С.228–229.

Турецкий (египетский) линейный корабль «Махмудие». Худ. Лебретон. Вторая пол. XIX в.

нет для них домом и игнорировали любой порядок, в том числе чистоту. Все было отдано на откуп случая и вскоре везение отвернется от англичан.

Моряков спасало, что корабельные врачи снабжали их все время достаточным количеством хинина и других медикаментов, позволявших первое время страховать личный состав от болезней. Остальная масса войск лечилась исключительно ромом и опиумом.⁷⁰⁶ Кроме того, почти все операции на кораблях делались при использовании хлороформа, уменьшая число умерших от ран.

ДОСТАВКА ОРУДИЙ НА БАТАРЕИ

Понятно, что войска высадились в Крыму не для прозябания в лагерях, и потому вскоре начались напряженные рабочие будни. Главными задачами бригады стали: доставка орудий, боеприпасов, постройка батарей и орудийных платформ. Это было подходящее дело для моряков, отличавшихся энтузиазмом, стремившихся сделать себе репутацию хороших вояк, в том числе на суше. Флоту редко предоставлялась возможность проявить себя на земле, и под Севастополем английские моряки решили не упускать такую возможность. В этом они были похожи на своих русских коллег. Хотя им досталась очень тяжелая работа, делали они ее всегда с энтузиазмом, без малейших признаков уныния

⁷⁰⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.

Для вооружения осадных батарей, с кораблей начали сниматься орудия батарей верхних палуб. Например, линейный корабль «Лондон» отдал на берег 6 орудий.⁷⁰⁷ Всего флот дал 140 орудий на береговые батареи.

Казалось бы, что тут такого — сгрузи пушки на берег и ставь, где хочешь. Но, как известно, даже в десантных операциях XX в. наибольшую проблему составляла доставка тяжелого вооружения и имущества на позиции. Что же тогда говорить о XIX веке. Для доставки 68-фт. орудий от Балаклавы до линии батарей требовалось 30–40 лошадей, для 32-фт. немного меньше — 24 лошади. Но и это количество армия откровенно «зажимала». Но, если быть справедливыми, то армия не так уж и виновата. Лошадей было мало, а те, что имелись в наличии в полевой артиллерии «беспощадно использовались, невероятно страдая в службе».⁷⁰⁸

Моряки быстро сообразили и, не растерявшись, «родили на свет» специальные повозки с 18-дюймовыми колесами, получившие название «грузовики». Теперь можно было тащить пушки и без лошадей. Вскоре окрестности Балаклавы увидели незабываемое зрелище. Каждое орудие было облеплено двумя десятками матросов. На самой пушке сидел самый талантливый из них, отличавшийся каким-либо музыкальным дарованием и игравший на каком-либо музыкальном инструменте (флейта, скрипка и проч.). Каждый рывок сопровождался новым куплетом, припев подхватывался, и орудие метр за метром двигалось на самые крутые подъемы, изумляя сухопутных солдат и офицеров.⁷⁰⁹

Все признавали, что суровая морская служба делала моряков более физически крепкими, нежели их армейские товарищи. Эвелин Вуд вспоминал: «Наверное, никогда еще 1200 человек не работали с таким усердием. Завтракали мы ежедневно в 5 часов, работу начинали в 5.30. За исключением одного часа в полдень работали до 6 часов вечера. Нужно было пройти к тому месту, которое должно было стать правым флангом атаки, восемь миль... Отряд не мог перетащить пушки, весом 4,56 тонны на это расстояние за одну смену».

В связи с этим кептен Лушингтон разделил силы на две смены: группу капитана Морсама (от Балаклавы до места встречи) и группу капитана Пиля (от места встречи до огневых позиций).⁷¹⁰

РАЗВЕДКА СЕВАСТОПОЛЯ

Все говорило о том, что союзники начали действовать академически. Алгоритм их действий был прост и полностью соответствовал бытовавшей теории осад и штурмов укрепленных позиций: «Когда какая-либо армия оперирует на неприятельской территории, и главнокомандующий решает начать осаду крепости — тот час же приступают к ее обложению. Выбор первых войск, предназначенных для этой цели, зависит от их боевой организации. Затем образуют немедленно специальный осадный корпус, к которому присоединяют артиллерийский и инженерный штабы. Полевая

⁷⁰⁷ Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. — 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbenyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>).

⁷⁰⁸ Siege of Sebastopol. An account of the artillery operations conducted by the Royal Artillery and Royal Naval Brigade before Sebastopol in 1854 and 1855. Compiled by W.E.M. Reilly, C.B. London. 1859. P.3.

⁷⁰⁹ Kelly, Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P.166–167.

⁷¹⁰ John Barham. The Naval Brigade (http://www.suite101.com/article.cfm/crimean_war/111070).

армия должна быть, как можно менее ослаблена, но все же может быть будет необходимо взять у нее часть линейных войск, чтобы присоединить к осадному корпусу целой армии».⁷¹¹

Одной из главных задач первой ближней рекогносцировки Севастополя было назначение так называемого главного ориентира, то есть самой заметной точки неприятельской оборонительной линии, от которой идет отсчет дистанций, направлений, необходимых как для стрельбы артиллерии, так и ведения инженерных работ. По предложению генерала Бизо такой точкой выбрали Мачтовый бастион. Так союзники назвали 4-й бастион. Выбор Бизо основывался не только на том, что бастион хорошо выделялся на местности и имел четко видимый флагшток, по наличию которого и получил название у союзников. Не менее важным было и то, что его было отчетливо видно в разное время суток, позволяя удобно производить расчеты.⁷¹²

Разведка закончилась гибелью инженерного капитана Шмитца, «инициативного, умного офицера»,⁷¹³ убитого метким выстрелом русского стрелка с одной из ближайших позиций. Пуля пробила молодому офицеру бедро, его пытались донести до медицинского пункта, но он вскоре умер от большой потери крови на руках своего брата, капитана артиллерии.⁷¹⁴

Обычно его считают первым французским офицером, погибшим под Севастополем, но также можно считать его первой жертвой снайперской войны, которая уже совсем скоро развернется во всей своей силе, изматывая противников постоянным напряжением и не проходящим ощущением витающей где-то рядом смерти. Англичане вслед за французами попытались приблизиться к крепости. Русские, «простив» разведку французам, с англичанами решили не церемониться. Едва солдаты шедшего в первой линии 95-го полка оказались в досягаемости огня крепостной артиллерии, над ними начали пролетать снаряды с ближайшей русской батареи. Британцы рассыпались по окрестным садам мускатного винограда и настолько увлеклись его поглощением, что, кажется, забыли про войну. Командирам стоило немалых трудностей собрать их. Когда это удалось, гнев генерал-лейтенанта Эванса был столь велик, что последовал приказ применить к нарушителям телесные наказания.⁷¹⁵

Но «сходили» под крепость не зря. В плен англичанам попали несколько русских солдат, тоже, вероятно, отбившихся от своих, таких же любителей мускатного аромата. Их доставили к Бургойну, где оперативно допросили. Выяснили, что принадлежат они к 16-й и 17-й пехотным дивизиям, от своих отстали во время проведенной русскими рекогносцировки в районе Мекензиевых гор, а армия Меншикова сосредотачивается примерно в 3 милях и имеет намерение предотвратить нападение неприятеля на Севастополь с севера.⁷¹⁶

О «карательных» экспедициях по местным садам, это не красного слова ради и не из-за желания преподнести русского солдата, как потенциального мародера только и желающего сдаться в плен и рассказать все. Солдат почти всегда одинаков и при первой же возможности попытается исполнить три основных мужских инстинкта: поесть, выпить и поспать. Война едва начиналась, и к бдительности они приучатся

⁷¹¹ Селецкий. Заметки о крепостной войне//Военный сборник. №6. СПб., 1886 г. С.249.

⁷¹² Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P.299–303.

⁷¹³ Cesar Lecat Bazancourt. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol: Chroniques de la guerre d'Orient. Amyot, 1856. P.305–309.

⁷¹⁴ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P.299–303.

⁷¹⁵ Harold Carmichael Wylly. The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea (Vol. 1). S. Sonnenschein. London. 1899. P.21.

⁷¹⁶ Stephen M. Harris. British military intelligence in the Crimean War, 1854–1856. Routledge, London. 1999. P.50.

совсем скоро. Пока же: «...с наступлением ночи, сообразно приказанию, я расставил цепь на берегу речки. Среди мрака в двух шагах не было видно человека. Какое то непонятное шелканье, сопровождаемое частым звяканьем оружия в различных направлениях, сильно тревожило меня всю ночь. Я попеременно переходил с одного места на другое, думая открыть осторожное приближение неприятеля, но всегда возвращался с неудачей и в полном неведении причины продолжавшего беспокоить меня шума. К утру загадка разрешилась весьма естественным образом. Груды миндальной и ореховой скорлупы под деревьями объяснили все. Мои солдаты просто лакомились на досуге, отрывая плоды штыками с деревьев и производя звяканье, не давшее мне покоя всю ночь. В оправдание же нарушения своей служебной обязанности, они привели тот факт, что в Москве только дворяне и купцы кушают орехи и миндаль, да и то за деньги, как же солдату отказать себе в даровом угощении? После столь наивно-откровенного ответа, мне не хватило духу сделать более строгое взыскание, и я ограничился одним замечанием, чтобы впредь этого не было».⁷¹⁷

Это как раз 16-я пехотная дивизия. А вот из «опыта» 17-й дивизии. Это, правда, из воспоминаний предателя Ходасевича, но даже если он и прав хотя бы на половину от сказанного, становится грустно: «Солдаты были чрезвычайно рады представившемуся отдыху, и ежедневно навевывались в близлежащие деревни. Эти деревни они значительно разграбили, так что было неудивительно, что татары бежали при нашем приближении, оставляя значительную часть имущества грабителям. Было странно наблюдать людей, которые, в своем неумном желании заполучить хоть что-нибудь, приносили в лагерь абсолютно бесполезные и обременительные вещи, безо всякой надежды увезти их с собой. Дама, проживавшая в своем имении неподалеку..., была вынуждена завести охрану, дабы защититься от оскорблений и разграбления своего имущества людьми, которые защищали ее страну и ее веру...».⁷¹⁸

Не думаю, что десяток мужиков с парой охотничьих ружьишек смогли бы отбиться от сотни-другой солдат, и Ходасевич тут явно перегибает, но что отрицать нельзя — грабежи шли повальные.

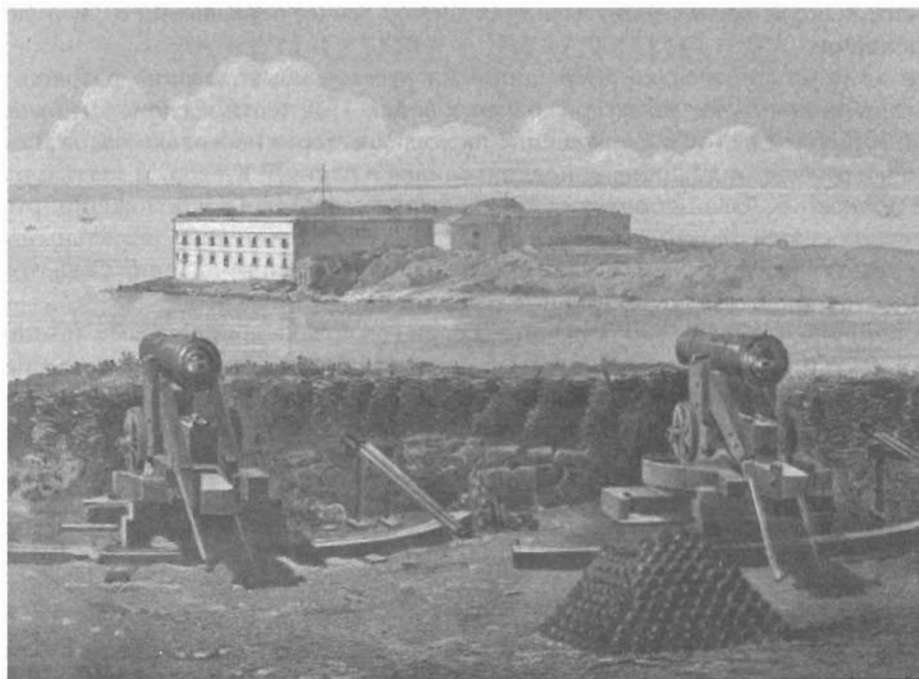
Грабежи и дисциплина — понятия несовместимые, особенно если ими занимаются как раз в то время, когда в английском лагере допрашивают пленных. Обидно, что в первом приведенном нами случае это жестоко пострадавший на Альме Владимирский пехотный полк, вдоволь испытывший на себе силу неприятельского огня.

Но от чего мы так нервничаем? На первый взгляд все совершенно безобидно: подумаешь, полакомились солдатiki. Но давайте вернемся в реальность. А она такова: вокруг война, и враг совсем рядом. Слава Богу, что попался такой же беспечный. И дело происходит даже не на биваке, а при выполнении боевой задачи — в цепи охранения, смысл которой тишина. Ну, а о маниакальной способности русского солдата во все времена использовать оружие для чего угодно, не слишком задумываясь о его сохранности, исправности и состоянии, уже даже не говорю.

Ходасевич, кстати, одним из первых обратил внимание, что с началом военных действий всякий спрос с солдата за дисциплину обращается если не в демократию, то очень сильно ослабляется: «Скорей всего, безграничная распушенность русской армии объясняется тем, что офицеры опасались обуздывать людей в полевых услови-

⁷¹⁷ Розин А. Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)//Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 205.

⁷¹⁸ Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой// Military Крым. №17. Симферополь. 2010 г. С. 48–52.

Константиновская батарея. Вид с батарей Южной стороны. Сер. XIX в.

ях... Дисциплина в русской армии довольно сурова, и иной раз доходит до зверства; но в походе наступает послабление всем наказаниям, как будто офицеры озабочены лишь тем, как снискать доверие подчиненных подобным образом».⁷¹⁹

Не будем спешить обвинять будущего дезертира в клевете на армию, давшую ему должность, звание и образование. В прискорбном списке офицеров, погибших в Крымскую кампанию, есть свой процент, нам точно неизвестный, получивших пулю в спину. Бывает...

Союзники тоже не блистают бдительностью. Традиция брать в плен офицеров разных чинов и должностей, начатая русскими на Булганаке, продолжалась. 20 сентября (2 октября) унтер-офицером Гусарского Его Императорского Величества Николая Максимилиановича полка Баженовым во время разведки взят в плен французский капитан Дампьер,⁷²⁰ «храбрый и восхитительный офицер, адъютант штаба генерала Боске».⁷²¹

Француз с несколькими беззаботными компаньонами решил посетить базу в Камыше для пополнения личных продуктовых запасов. В ночном тумане кавалькада напоролась на русские аванпосты, и ужинать им пришлось уже в русском плену. Один

⁷¹⁹ Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой// Military Крым. №17. Симферополь. 2010 г. С.48–52.

⁷²⁰ Воспоминания о Севастопольской обороне Георгия Чаплинского//Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С.74.

⁷²¹ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.53.

из немногих, кому удалось скрыться, стал доктор Масну, поведавший о случившихся приключениях.

Капитан спустя несколько дней попросил русское командование разрешить забрать свои личные вещи из лагеря союзных войск. Под честное слово ему было разрешено вернуться в свое расположение на лошади. Через несколько часов Дампьер вернулся к русским и до конца войны находился в плену.⁷²² К слову и взятый на Булганак полковник Лагонди получил предложение остаться в расположении русских под честное слово, однако отказался связывать себя какими-либо моральными обязательствами в канун, как ему казалось, неминуемого скорого падения Севастополя, предпочтя отправиться во внутренние губернии России.⁷²³

Это, конечно, отраднo, что попавшие в плен солдаты и офицеры всех армий и национальностей не подвергались массово издевательствам, избиениям и грабежам, но это еще не дает основания именовать Крымскую войну рыцарской, джентльменской или какой то еще. Союзники часто предпочитали не размениваться на мелкие хуторские грабежи, отдавая приоритет целым городам. Как, например, Ялте...

⁷²² Мещерский А. В. записки о размене пленных войны 1854–1856 в Одессе // Русский архив. № 3. М., 1899 г. С. 474.

⁷²³ Сатин. Из записок Черноморского офицера // Русский вестник. Том 103. № 1. СПб., С. 98.

КРЕПОСТЬ ГОТОВИТСЯ К БОЮ: УКРЕПЛЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ

*«Дайте мне много хороших пушек,
тогда мне и бруствера не надо».*⁷²⁴

Э. И. Тотлебен, генерал-адъютант, вы-
дающийся русский фортификатор.

Когда союзники вышли к городу, то были поражены. Вместо беззащитного Севастополя, перед ними предстала растущая на глазах оборонительная линия. Выдвинувшаяся на разведку 2-я дивизия Боске выдвинулась в район Малахова кургана и принесла оттуда совсем неутешительные сведения. Майор Монтодон был впечатлен, увидев «...форты, казармы, огромный порт с кораблями, находившимися в нем, с мачтами затонувших кораблей при входе на рейд».⁷²⁵

При этом русские настолько заняты инженерными работами, что, кажется, совсем не замечают неприятеля — по французам не произведено ни единого выстрела. Зато насколько видит человеческий глаз ясно видны «...массы рабочих, расположенных вокруг города и яростно роющих землю для создания новых оборонительных сооружений, для укрепления старых и образования различного рода препятствий».⁷²⁶

Перед лицом неприятеля скорость строительства была выше всяких похвал. Союзники были неприятно удивлены, как «...круглый форт направо почти скрылся за огромными земляными насыпями, которые русские возвели прошлой ночью и сегодня».⁷²⁷

К тому же союзники осознают, что отныне перед ними не тот солдат, который уходил «унося ноги и зализывая раны» от Альмы. Любой, кто хоть раз, пусть даже на учениях, проводил несколько дней в окопах, понимает, что психологически в них солдат чувствует себя увереннее. Тут и безопаснее, тут и комфортнее, уютнее, сытнее, теплее. Появилась устойчивость. По сути дела войну пришлось начинать заново.

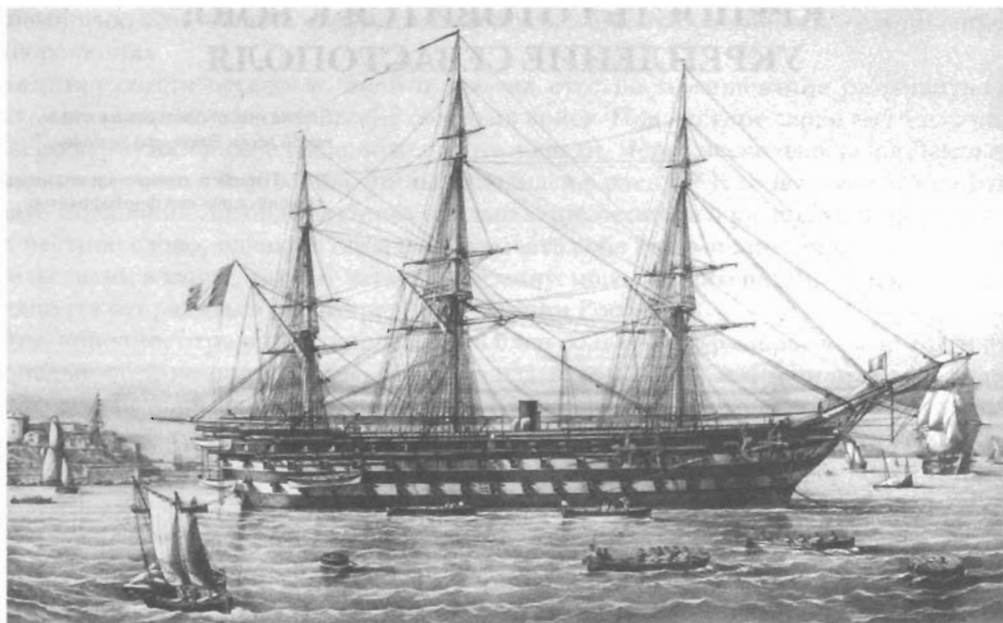
Опередив союзников с началом фортификационных работ, русские одним этим заставили их действовать по спланированному ими сценарию. Все предельно про-

⁷²⁴ К-в. Л.Л. Французские крепости (отрывки из писем)//Военный сборник. №10. СПб., 1884 г. С.253.

⁷²⁵ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.51.

⁷²⁶ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.51.

⁷²⁷ Материалы по истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1872 г. С.229.

Французский линейный корабль «Жан Барт». Худ. Лебретон. Вторая пол. XIX в.

сто. В крепостной войне каждая уже возведенная батарея или форт обороняющегося заставляет атакующего ставить свои батареи против него.⁷²⁸ Хуже было бы, если союзники первыми начали ставить свои батареи. В этом случае русским пришлось действовать уже по их сценарию, и у Севастополя не было в этом случае никаких шансов на успешную длительную оборону.

Отныне среди орудий убийства артиллерия однозначно становилась лидером. Военная теория первой половины XIX в. основываясь на расчетах расхода боеприпасов в крупнейших сражениях, пришла к выводу, что для того, чтобы вывести из строя одного человека, требовалось количество свинца, равное его весу.⁷²⁹ Севастополь этот стереотип ломал. Теперь, чтобы убить или ранить неприятеля, его нужно было или «выковыривать» из грунта, или этим же грунтом заваливать: то есть такая задача, которая была под силу исключительно артиллерии.

Вместе с событиями русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), атаками укреплений франко-прусской войны (1870–1871 гг.), атаками укреплений Дюппеля,⁷³⁰ оборона Севастополя, едва успев начаться, уже становилась первым примером целесообраз-

⁷²⁸ Плюцинский А. Из области вопросов тактики крепостной войны//Военный сборник. №9. СПб., 1884 г. С.35.

⁷²⁹ В сражении при Лейпциге (1814 г.) французы выпустили 179000 артиллерийских снарядов и 12000000 ружейных патронов. Потери союзников около 45000 чел. При Бауцене французы выпустили 3000000 патронов. Потери союзников – около 8000 чел. В войну Дании и Пруссии на одного убитого приходилось 68,5 фунтов свинца. (Влияние нарезного оружия на современное состояние тактики (продолжение)///Военный сборник. №4. СПб., 1861 г. С.302.).

⁷³⁰ Дюппель – деревня в Шлезвиге (в Пруссии), на полуострове Зундевит. К востоку от нее была устроена датчанами укрепленная линия, прикрывавшие переправу на остров Альзен. В шлезвиг-голландскую войну 1848–1849 гг. немцы два раза безуспешно пытались овладеть этими укреплениями; 18 (6) апреля 1864 г. в ходе прусско-датской войны они были взяты пруссаками под начальством принца Фридриха-Карла. Датчане отступили на Альзен, потеряв более 5000 человек; пруссаки овладели 119 орудиями и большими запасами, причем у них вышло из строя около 1200 человек.

ной самостоятельной обороны. Именно так она подавалась в курсе крепостной войны военной академии Пруссии.⁷³¹

Существует мнение, что Тотлебен, разрабатывая систему фортификации Севастополя, руководствовался принципами Теляковского. Рекомендую не забивать голову подобной ерундой. Тотлебен в эти дни и в последующие месяцы действовал чаще всего не по какой-то до него, и не им разработанной системе, а, скорее всего, вопреки. Да и вообще, знаете ли, когда враг у ворот, гениальность не в мышлении в тишине кабинета, а в четкости, скорости и безошибочности действий. Иногда судьбу сражения может решить коряво отрытый окоп, но вовремя и в нужном месте. Так оно и было под Севастополем, притом не только в начале, но и все время его обороны.

Тотлебен принял самое рациональное решение, единственно возможное в данной ситуации. Оставляя на прежнем уровне сильные позиции, укрепить слабые. В исходных у него были три минуса: недостаток времени, нехватка инструмента и почти отсутствие заранее обустроенных защитных сооружений, приспособленных для обороны крепости со стороны суши.

Но были и существенные плюсы: рельеф, огромные запасы и самое главное большое количество артиллерии вместе с людьми, которых можно было использовать как прислугу.

Одним из гениальных, без преувеличения, решений стало не вписывание естественного рельефа в систему укреплений, а вписывание системы укреплений в уже имевшийся естественный рельеф. То есть то, что в иных условиях нужно было разрабатывать кирками, ломami и лопатами, за рабочих делала сама природа. Кроме того, понимая, что крымский грунт сам по себе уже не приспособлен к разработке, позиции вписали в его геологию. Делалось это очень просто. Если раньше намеченная позиция строго трассировалась и, не принимая во внимание категорию грунта, возводилась исключительно по плану, то здесь все было наоборот. Снимался верхний слой мягкого грунта, и определялись те места, которые можно было разрабатывать с наименьшими усилиями. По ним и проходили траншеи, в них и устраивались батареи.⁷³²

Второй правильный ход, сделанный Тотлебеном, был в точной последовательности строительства укреплений. Так как работы велись в постоянном ожидании штурма, то каждая позиция сначала готовилась к защите от огня стрелкового оружия, потом полевой артиллерии и только потом получала профиль, защищающий от огня осадной артиллерии. Орудия ставились на позиции при первой возможности.⁷³³

Тотлебен применил простой и надежный способ построения обороны. Еще со времен Наполеона I Бонапарта аксиомой военного искусства было то, что, по его же словам, «крепости побеждаются артиллерией, а пехота только помогает ей».⁷³⁴ Соответственно со всей очевидностью стало ясно, что именно артиллерия союзников станет тем тараном, которые должен будет пробить брешь в обороне Севастопольской крепости.

По решению Тотлебена ни одна из вновь возводимых неприятельских батарей не могла остаться без воздействия со стороны крепости. Именно так: против батареи — батарея, но на более выгодной позиции, против окопа — окоп, но с более удобным

⁷³¹ Новый учебный план Прусской военной академии//Военный сборник. №3. СПб., 1889 г. С.31–60.

⁷³² Маслов А.Н. История крепостной войны (выпуск первый). Севастополь (1854–1855 г.), Бельфор (1870–1871 г.). СПб., 1900 г. С.45.

⁷³³ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.167.

⁷³⁴ Крепости и современная артиллерия//Военный сборник. №10. СПб., 1874 г. С.295.

сектором огня. Нужно — окапываем их, укрепляем, получая линию фортов. Нужно — ломаем линию и смело выносим силы вперед, вправо, влево, создаем то, что теперь именуют промежуточные позиции, нужно — выбиваем неприятеля с того, что он уже создал.⁷³⁵

Теория заслуженно приписывает Тотлебену первенство в отказе от сплошной оборонительной линии, а деление на самостоятельные («...все внимание должно быть обращено на доставку фортам сильнейшей самостоятельной обороны»⁷³⁶), взаимодействующие, взаимосообщающиеся очаги обороны: «...Причиной этому было то обстоятельство, что Севастополь, как крепость, отличался слабыми преградами, но в то же время имел огромные артиллерийские запасы, поэтому у обороны весь центр тяжести борьбы перешел на артиллерию, чего не бывало в предшествовавших осадах крепостей, где крепостные верки обычно имели сильные долговременные преграды, но зато ограниченное по числу и снабжению вооружение».⁷³⁷

Тотлебен не стал концентрировать артиллерию на и без того сильных позициях. Он усилил в первую очередь слабые места, которые не успевал оборудовать в инженерном отношении. Таким образом, орудия компенсировали недостаток шанцевого инструмента: «На этих слабых куртинах ... Тотлебен развернул главные артиллерийские позиции обороны; это было первым толчком к идее „выноса крепостной артиллерии из фортов на промежутки“, идее, которой воспользовались затем и иностранные государства, и которая стала основной в обороне крепости».⁷³⁸

Промежуточные позиции заполнялись не второстепенными, слабыми артиллерийскими системами, а сильными, что быстро отвало осаждавших от соблазна бить по промежуткам между главными укреплениями: «...несравненно выгоднее поставить орудия большого калибра не в фортах, а на промежутках, по обе стороны фортов, под покровительством последних. Неприятель, развлеченный действием промежуточных батарей, будет с меньшей вероятностью действовать по фортам и не имеет возможности сосредоточить на них свои выстрелы».⁷³⁹

Военные историки справедливо обращают внимание на краеугольный камень замысла Тотлебена, позволивший севастопольской обороне держаться год, успешно отражая все попытки ее разрушить. Это идеальное соответствие протяженности оборонительной линии к возможностям гарнизона крепости ее оборонять. Поясню. Для удержания Севастополя, нужно было выбрать вблизи от города позицию с небольшим протяжением по фронту и вооружить выбранные места сильной артиллерией, соединив все это траншеями, прикрытыми ружейным огнем, устроить батареи для обстрела закрытых пространств.⁷⁴⁰

Это сложно. Так как можно выбрать места для десятков, сотен батарей, но когда окажется, что их нечем вооружить и защитить они будут или слабы, или бесполезны. Лучше кратно меньшее их количество, но идеально расположенное и соответственно вооруженное. Недостаток вооружения Тотлебен компенсировал принципом взаимоподдержки батарей, часто упоминаемым в исторической литературе.⁷⁴¹

⁷³⁵ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости//Военный сборник (статья вторая)// Военный сборник. №12. СПб., 1881 г. С.267.

⁷³⁶ Яковлев В.В. История крепостей. М., 2000 г. С.154–156.

⁷³⁷ Яковлев В.В. История крепостей. М., 2000 г. С.154–156.

⁷³⁸ Яковлев В.В. История крепостей. М., 2000 г. С.154–156.

⁷³⁹ Яковлев В.В. История крепостей. М., 2000 г. С.154–156.

⁷⁴⁰ Крепости и современная артиллерия//Военный сборник. №10. СПб., 1874 г. С.299.

⁷⁴¹ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.456.

Чтобы сделать укрепления устойчивыми не только к артиллерийским обстрелам, но и к атакам пехоты, особенно со стороны флангов, он без малейшего сомнения загибал их, часто смыкая горжи (что потом ему, правда, ставили в вину, но мы об этом, по крайней мере, в этой книге, говорить не будем), придавая характер круговой обороны:⁷⁴² «...упорное сопротивление укрепленной позиции зависит от удержания главных ее пунктов, или лучше сказать, от удержания в своей власти до последней крайности сомкнутых укреплений или фортов».⁷⁴³

Подтверждение сказанного с избытком можно найти в материалах американского военного наблюдателя в Крыму майора Делафилда, ставшего свидетелем британских проблем под Севастополем. Например, всем известно, что Севастополь, как военная база был заполнен складами, а те, это мы тоже знаем, в достатке содержали тонны самого разнообразного имущества. Без этих запасов оборона крепости была невозможной. Таким образом, если строить оборону по линии старых оборонительных сооружений, то уже скоро склады оказались бы разгромленными. Потому Тотлебен решил в оборонительную систему положить линии удаленных позиций, но насыщенных артиллерией. Недаром, уже после войны многие европейские города-крепости бросились возводить новые, удаленные от старых, оборонительные линии.⁷⁴⁴

Описанный русский способ защиты строился скорее по принципу Карно,⁷⁴⁵ нежели Вобана (хотя, это еще одно поле для дискуссий). Предпринятое давало возможности:

- контрвалационная и циркумвалационные линии принимали очень большое протяжение и устроить их по всей линии было очень сложно (это использовали русские, пытаясь нанести удары по союзникам в 1854–1855 гг.).
- атакующий будет принужден располагать свои батареи на слишком большом расстоянии, чтобы рассчитывать на успех бомбардирований.
- часть гарнизона, незанятую на батареях, можно будет держать в безопасном месте,

крепость обеспечит возможность хранения достаточного количества припасов.⁷⁴⁶

Севастополь 1854 г. не был явлением исключительным. До него блистательными примерами активной обороны были действия Массены у Генуи (1800 г.), Бусмара в Данциге (1807 г.), Гнейзенау в Кольберге (1807 г.), Раппа в Данциге (1813 г.), Даву в Гамбурге (1813–1814 гг.), Карно в Антверпене (1814 г.). После Севастополя: Верден (1870 г.), Бельфор (1870–1871 гг.).⁷⁴⁷ И таких примеров множество вплоть до того же Севастополя в 1941–1942 гг. Их объединяет одно: недостаточную силу оборонительной линии, компенсировали мощью артиллерийского огня, его концентрацией, массированием и взаимодействием.

⁷⁴² Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 20.

⁷⁴³ Яковлев В. В. История крепостей. М., 2000 г. С. 154–156.

⁷⁴⁴ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 19.

⁷⁴⁵ Карно, Лазар Никола (Carnot, Lazare Nicola) (1753–1823 гг.), военный и государственный деятель Франции. Учился в школе инженеров в Мезоне, где его учителем был известный математик Г. Монж. Там он получил премию Дижонской академии и эксперта по фортификации маркиза Вобана и стал капитан-инженером. Опубликовал большое количество работ по научным и военным вопросам, крупнейшая из них – «Об обороне крепостей» (De la defense de places fortes, т. 1–3, 1810) – стала основополагающим трудом по фортификации.

⁷⁴⁶ Мазюкевич М. О блокаде крепостей // Военный сборник. № 7. СПб., 1883 г. С. 109.

⁷⁴⁷ Орлов. Об операциях с целью воспрепятствования и замедления блокады и осады крепости // Военный сборник (статья вторая) // Военный сборник. № 12. СПб., 1881 г. С. 276.

Активные инженерные работы по укреплению города с юга, начавшиеся 15(27) сентября 1854 г., к 27 сентября (9 октября) были в основном завершены: все батареи получили вооружение, «...траншеи получили надлежащие размеры, засеки положены, фугасы заряжены; на все окружающие высоты, выгодные для расположения осадных батарей, сосредоточен более или менее сильный огонь».⁷⁴⁸ Полевые артиллерийские орудия заменили в большинстве своем более мощными морскими.⁷⁴⁹

Сам Меншиков не так уж далеко от Севастополя. Штаб 6-го корпуса находился в деревне Черкез-Кермен в четырех верстах от Мекензиевых гор. Бородинский егерский полк занимал Чоргунь и по долинам «распространялся» до деревни Шули. Московский пехотный и Бутырский пехотный полки занимали Менкензиевы горы почти по их гребню по обе стороны дороги из Бахчисарая в Балаклаву. Тарутинский егерский полк находился в двух верстах за московцами. Там же стояла артиллерия 17-й дивизии.

Войска постепенно устраивались и уже к середине октября жили в достаточно удобных землянках, что позволял плотный грунт и наличие крупного леса. Бутырцы обустроились лучше других — вскоре у них появились каменные бараки из местных материалов.

Дивизия прикрывала своими полками выход на Бахчисарай и частично контролировала Байдарскую долину.⁷⁵⁰

Одни из самых «злостных» противников союзных войск — стрелки 6-го стрелкового батальона, рассыпались вдоль берега Черной речки от ее впадения в Севастопольскую бухту и с 25 сентября его 3-я и 4-я роты уже вели непрерывные ежедневные перестрелки с неприятелем. 1-я и 2-я роты расположились у главной квартиры армии. С 3(15) октября командиром батальона стал майор Аминов.⁷⁵¹

Вскоре в Крым потянулись представители царя и военного министра. В Севастополе и окрестностях стало явно светлее от золотого блеска эполет: «...к нам приехали несколько флигель-адъютантов».⁷⁵²

В столице очень желали быть в курсе всего, что происходит в Крыму и при этом получать информацию не от Меншикова и его штаба, продемонстрировавших желание в некоторых случаях скрывать суть и смысл состояния дел. Первым в сентябре появился императорский флигель-адъютант Альбединский, в Крыму долго не задержавшийся. В октябре по личной просьбе в Севастополь прибыл начальник штаба резервных армейских корпусов полковник А. Е. Попов.

Очень интересно, что направляя Попова в Крым, Николай I помимо иных поручений предписал контроль за тем, что в случае оставления Севастополя. Корнилов «...не оставит в нем камня на камне».⁷⁵³

Попов прибыл в штаб Крымской армии на Бельбеке. Вместе с ним князю представился князь Радзивил, еще один ставленник императора. Меншиков, понявший смысл пребывания в Крыму указанных господ, с ними особенно не церемонился, приняв «...не только сухо, но и невежливо».⁷⁵⁴

⁷⁴⁸ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 181.

⁷⁴⁹ Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 296.

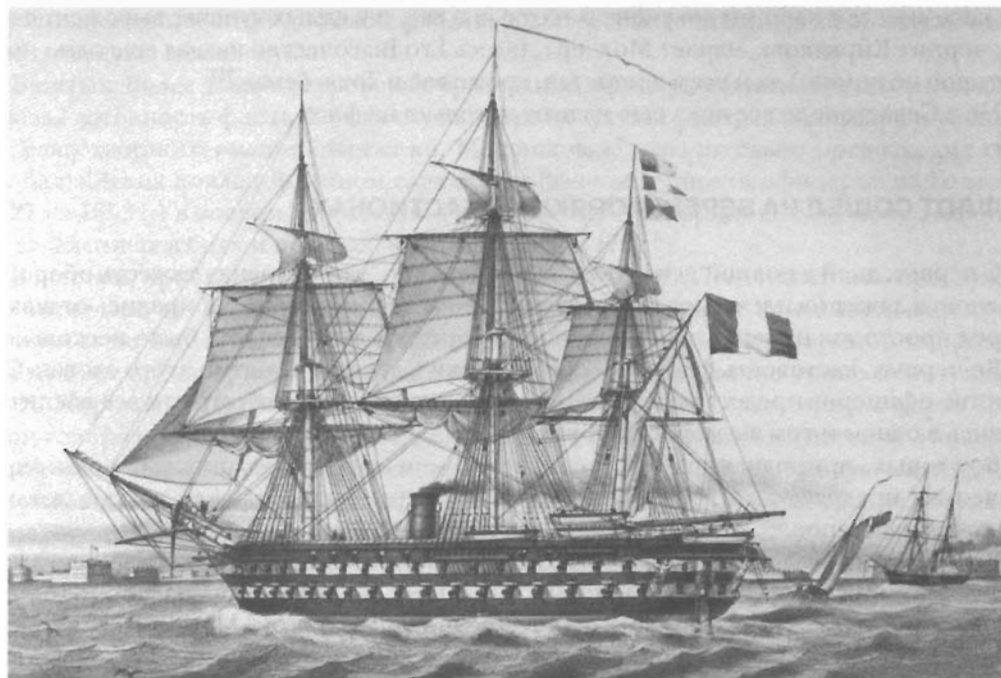
⁷⁵⁰ Воспоминания о Восточной войне 1853–1856. доктора А. А. Генрици // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 93.

⁷⁵¹ Краткая история 16-го стрелкового Императора Александра III полка. Одесса., 1904 г. С. 7.

⁷⁵² Александр Петрович Хрущов. Выдержки из его писем 1853–1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С. 439.

⁷⁵³ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 305–307.

⁷⁵⁴ Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. Том 65. СПб., 1890 г. С. 663.

Французский линейный корабль «Аустерлиц». Худ. Лебретон. Вторая пол. XIX в.

На следующий день он заявил Попову: «Так как вы мне не нужны, то я назначаю вас к князю П. Д. Горчакову». Горчаков тоже сильно не церемонился и «фазан» был назначен в подчинение к его начальнику штаба (Исакову), который был меньше его в чине. Это было обидно, так как Попов отправлялся в Крым для исполнения должности «начальника штаба военных сухопутных и морских сил, находящихся в Крыму». Когда же он стал требовать от Меншикова конкретной задачи, то главнокомандующий просто поручил ему «обозреть местность и расположение, как наших, так, по возможности, и неприятельских войск». По словам самого Попова, князь очень опасался покушения союзников со стороны устья Качи и Бельбека.⁷⁵⁵ Думаю, что князь больше боялся, что Попов слишком активно будет совать свой столичный нос в его местные дела, а задание не более чем удаление его подальше от штаба — к тому времени, ни о какой «диверсии» с этого направления говорить было уже нельзя, союзники окончательно увязли под Севастополем.

Когда Попов изъездил все что можно, и доложил о выполнении задачи, князь решил отправить его еще дальше от себя — в Севастополь.⁷⁵⁶ Произошло это за день до начала атаки союзников на Севастополь с суши и с моря — 4 октября 1854 г.

В дальнейшем, уже после бомбардирования, главнокомандующий вернул Попова откуда его прислали — в Санкт-Петербург на всякий случай с лучшими рекомендациями. Последнее больше всего удивило Николая I: «...Странный человек князь Меншиков, сказал его высочество, когда я окончил рассказ мой, — еще сегодня получен

⁷⁵⁵ Записки Александра Ефимовича Попова. 1854 — 1856 гг. // Русская старина. № 6. СПб., 1881 г. С. 212—213.

⁷⁵⁶ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 307.

от него вместе с вашими документами отзыв о вас, и в самых лучших выражениях, а то: чернит Кирьякова, мараает Моллера, (здесь Его Высочество назвал еще одно имя, которое не помню) да и всем достается, кроме вас и Тотлебена».⁷⁵⁷

Но в Севастополе все пока еще надеются только на флот...

ФЛОТ СОШЕЛ НА БЕРЕГ: МОРЯКИ НА БАСТИОНАХ

С первых дней с полной ясностью стало очевидно, что основная тяжесть обороны крепости ляжет на плечи моряков. Причин, по которым они не собирались отдавать город просто так и становились основной оборонительной силой, было несколько.

Во-первых, кастовость флотской организации в лучшем понятии этого слова: «Общество офицеров представляло совершенно однородность потому, что все воспитывались в одном и том же морском корпусе».⁷⁵⁸

Во-вторых, природная наследственность и меньшая привязанность к аристократическим предрассудкам, так как морские офицеры были большей частью детьми морских офицеров.⁷⁵⁹

В-третьих, гораздо большая спайка офицеров и нижних чинов, вызванная самой природой морской службы. Сплоченности офицеров флота благоволило и то, что почти все они были выпускниками одного учебного заведения – Морского корпуса:⁷⁶⁰ «Однородность общества офицеров по своему составу, образованию и воспитанию и по неуловимым особенностям однокашничества, конечно, давала много залогов для развития настоящего товарищества, результатом чего должна была явиться, при умелом направлении начальника, сплоченность и образование одной общей, твердой своей внутренней спайкой, семьи».⁷⁶¹

В-четвертых, более высокая, чем в армии, развитость нижних чинов флота. Хотя матросами флот пополнялся при помощи рекрутских наборов на общих основаниях с сухопутной армией, в состав его также вступали на правах матросов и прочие лица, перечисленные в отделе комплектования нижними чинами нашей армии. До 1853 г. рекруты во флот назначались без определенного порядка; с этого же года порядок комплектования матросами был несколько изменен в выгодную для флота сторону. По положению 1853 г., флот начал комплектоваться рекрутами лишь из нескольких назначенных для этого губерний, жители которых занимались преимущественно судостроением и рыболовством.⁷⁶²

Сметливость и сообразительность матросов особенно пригодилась при доставке орудий на батареи. Делалось это, как правило, сразу же, как только появлялась возможность вооружения возведенной позиции – днем или ночью. Орудия, снятые с кораблей, концентрировались на трех пристанях: Екатерининской, Павловской или Госпитальной. Оттуда их приходилось вместе со станками тащить на батареи с помощью крепостных передков «...по крутым подъемам в гору, на высоту до 300 футов».

⁷⁵⁷ Записки Александра Ефимовича Попова. 1854 – 1856 гг. // Русская старина. № 6. СПб., 1881 г. С. 212–213.

⁷⁵⁸ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем (статья семнадцатая) // Военный сборник. №10. СПб., 1896 г. С. 289.

⁷⁵⁹ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем (статья семнадцатая) // Военный сборник. №10. СПб., 1896 г. С. 289.

⁷⁶⁰ Золотарев В. А. Козлов И. А. Три столетия Российского флота. Том 2. XIX – нач. XX вв. СПб., 2004 г. С. 258.

⁷⁶¹ Гершельман С. Нравственный элемент под Севастополем (статья семнадцатая) // Военный сборник. №10. СПб., 1896 г. С. 289.

⁷⁶² Золотарев В. А. Козлов И. А. Три столетия Российского флота. Том 2. XIX – нач. XX вв. СПб., 2004 г. С. 256.

При выполнении этой тяжелой работы «...матросы отличились необыкновенной сметливостью и ловкостью».⁷⁶³

В-пятых, более высокий уровень образования офицеров флота, отсюда и большая боевая готовность флота. В этом случае Черноморский флот, «...благодаря удалению от благотворного вмешательства кн. Меншикова»⁷⁶⁴ значительно превосходил своих балтийских коллег. В данном случае большая численность офицеров на Балтике (2275 в 1853 г.) в боевом отношении была обратно пропорционально меньшему числу закаленных в боях и походах черноморских (1479).⁷⁶⁵

В-шестых, привязанность чинов флота к Севастополю. Действительно, прослужив по несколько лет на кораблях, многие обзаводились в городе семьями, домишками, детьми и не имели никакого желания отдавать их без боя какому-либо неприятелю. В тоже время присутствует один из парадоксов, достаточно точно отмеченный Н. И. Пироговым. В своем письме к доктору Зейдлицу из Севастополя в марте 1855 г. он говорит, что дурные предсказания о судьбе Севастополя слышатся от «поляков и моряков». При этом если первое легко объяснимо, то второе объясняется тем, что многие из моряков «...как собственники и домовладельцы в Севастополе боятся за свое имущество и желают быть утешенными...».⁷⁶⁶

Благодаря «севастопольской прописке», на бастионы кроме самих моряков приходили и их семьи, косвенно помогавшие работам: где принесут воды, где приготовят перекусить, постирают и проч. Вторжение неприятеля рассматривалось моряками как личный вызов. И вызов этот моряки приняли.

В-седьмых, настоящий, а не показной, заслуженный в морских кампаниях, авторитет большинства флотских начальников.

В-восьмых, сохраненная моряками морская организация. Это было не сложно, но важно, то, что моряки, используя преимущественно в качестве оружейной прислуги, но и в большинстве своем остались при своих же экипажах и своих же орудиях. На бастионы они перенесли и свои привычные порядки,⁷⁶⁷ что касается ведения огня, особенно в начальный период, не всегда правильные, но с приобретением опыта войны на суше очень даже оказавшиеся полезными.

Много значила постоянная готовность моряков к бою — их естественное состояние и в дни мира, и, тем более, в дни войны. Нельзя даже сравнивать боевую ценность моряка и армейского солдата. Если последний, уйдя от барина, по сути продолжал оставаться таким же крепостным, только одетым в солдатскую шинель, то первый был явлением особенным. И дело даже не в том, что многие из матросов были людьми вольными. Это были профессионалы войны технической, конечно, применительно к реалиям времени. По системе обучения, принятой Корниловым и апробированной им на «Двенадцати Апостолах» бывшему крестьянину, взятому «от сохи» в кратчайшее время давалось тройственное образование: солдата, артиллериста и моряка.⁷⁶⁸

⁷⁶³ Маслов А. Н. История крепостной войны (выпуск первый). Севастополь (1854–1855 г.). Бельфор (1870–1871 г.). СПб., 1900 г. С. 45.

⁷⁶⁴ Белавенц П. И. Нужен ли нам флот и значение его в истории России. СПб., 1910 г. С. 194.

⁷⁶⁵ Гребенщикова Г. А. Вспоминая П. С. Нахимова (к 200-летию со дня рождения) // Гангут. № 32. СПб., 2002 г. С. 10.

⁷⁶⁶ Николай Иванович Пирогов в Севастополе // Русская старина, Том. XLVII СПб., 1885 г. С. 301.

⁷⁶⁷ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 2.

⁷⁶⁸ Лихачев И. Несколько слов о Владимире Алексеевиче Корнилове // Морской сборник. Том XXII. № 6. СПб., 1856 г. С. 274.

Кстати, даже в качестве пехотных солдат моряки действовали вполне успешно, чему доказательством их участие в сражении на Альме.

Зайончковский, основываясь на нескольких свидетельствах современников, отмечает гораздо высокий профессионализм моряков, достигаемый результатами продуманного процесса обучения, «...которое было направлено исключительно в сторону боевых требований без каких-либо увлечений мирного времени; в воспитании стремились развить в офицерах и матросах чувство человеческого достоинства, сознательное выполнение долга, необходимую самостоятельность, отнюдь не попуская суровой дисциплины того времени».⁷⁶⁹

Интересно, даже англичанин Бургойн способность моряков действовать в различных видах боя относит к одной из сильных сторон Севастопольской крепости, наряду с большими запасами, крупным калибром артиллерии и наличием кораблей в бухте.⁷⁷⁰

Флот не только обеспечил батареи личным составом, но и вооружил их. Это была еще одна сильная часть обороны, позволившая перенести организованность моряков на сухопутные батареи. Вся оборонительная линия за исключением 6-го бастиона была вооружена морскими орудиями и, что не менее важно, в течение всей обороны централизованно снабжалась морским ведомством. А потому вся корабельная обстановка и существующие порядки на кораблях без всякого изменения перешли с кораблей на оборонительную линию. Так, например, прислужкой при орудиях были матросы, действовавшие по правилам, принятым на флоте. Лейтенанты бывшие батарейными командирами на своих кораблях, командовали артиллерией на берегу: «Установка артиллерии со всеми принадлежностями целиком перенесена была с корабельных палуб на береговые платформы».⁷⁷¹

Что касается оценки моряками своих армейских коллег. «Морской сборник» в 1859 г. прямо написал о них в полемической статье, что «...офицеры, со своей стороны, не видят никакой материальной, существенной выгоды, соединенной для них с образованием».⁷⁷²

Но и армейское дополнение к морякам было существенным и, ругая армию, не будем отрицать, что качественно оно не слишком им уступало. В первую очередь чины армейской артиллерии. От пехоты и кавалерии их отличали образование офицеров, образованность нижних чинов, общение начальников с подчиненными, бывшее «...более благообразным и носившее характер товарищества».⁷⁷³ Все это притягивало в артиллерию лучших, ставя ее почти на один уровень с флотом.

Морские подразделения быстро и без излишней суеты начали занимать места на оборонительной линии. Как правило, первоначально назначалось место сбора для экипажа, откуда командиры вели личный состав на заранее определенную батарею.

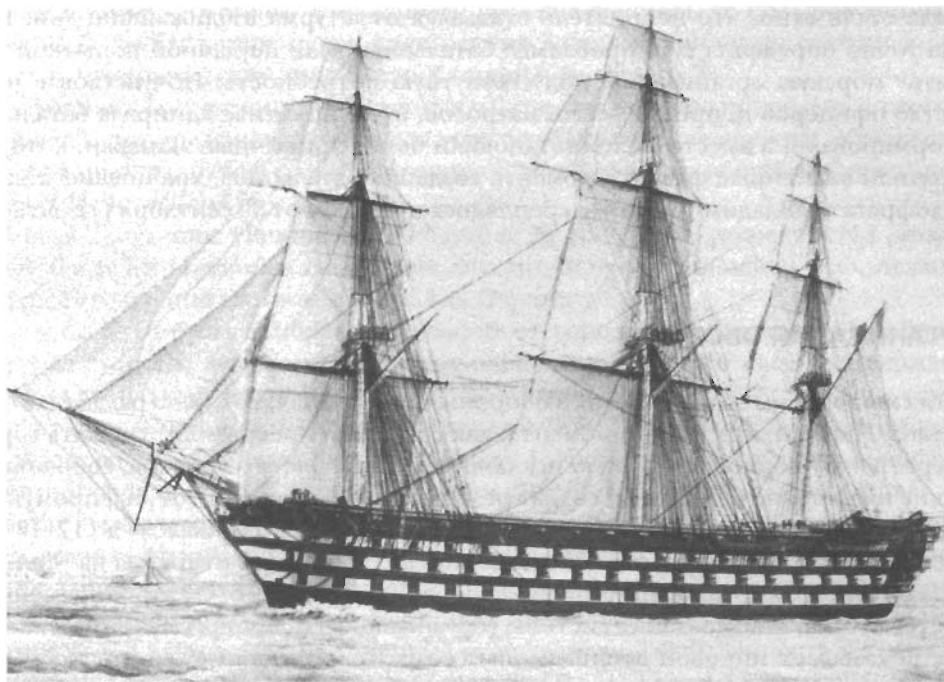
⁷⁶⁹ Зайончковский А.М. Восточная война 1853–1856. Том 1. СПб., 2002 г. С.576.

⁷⁷⁰ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P. 199.

⁷⁷¹ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С.2.

⁷⁷² Аполев М. Несколько мыслей об армейских пехотных офицерах//Морской сборник. №4. СПб., 1859 г. С.50.

⁷⁷³ Длусская Н.Н. Записки Н.Г.Залесова//Русская старина. Том 114. СПб., 1903 г. С.50.

Французский линейный корабль «Валми». Вторая пол. XIX в.

Капитан-лейтенант Реймерс с 34-м батальоном⁷⁷⁴ (командир капитан 1-го ранга Варницкий⁷⁷⁵) собрал своих людей у Грибка.⁷⁷⁶

Прежде всего нужно было в кратчайшие сроки провести реорганизацию оказавшихся на берегу морских сил. В противном случае невозможно было ни организовать фортификационные работы, ни составить управляемую оборонительную систему.

Как мы помним, первыми «сухопутными» формированиями флота, предназначенными для действий на сухопутных участках обороны Севастопольской крепости были морские батальоны, те самые, которые приняли участие в сражении на Альме.

На 13(25) сентября 1854 г. в сформированных из личного состава флота батальонах насчитывалось: 19 штаб-офицеров, 199 обер-офицеров, 10 юнкеров, 15 кондукторов, 648 унтер-офицеров, 219 музыкантов, 8841 матрос, 25 нестроевых чинов.⁷⁷⁷

⁷⁷⁴ Реймерс упорно именует свой батальон 39-м. На самом деле команда «Уриила», старшим помощником где служил Реймерс, входила в состав 34-го экипажа и, соответственно, в состав 34-го батальона.

⁷⁷⁵ Капитан 1-го ранга Варницкий был ранен через две недели (Воспоминания командира 4-го бастиона капитана 1-го ранга Реймерса (бывшего капитан-лейтенанта) о 8-месячной бытности его в Севастополе во время его бомбардирования// Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С.27).

⁷⁷⁶ Воспоминания командира 4-го бастиона капитана 1-го ранга Реймерса (бывшего капитан-лейтенанта) о 8-месячной бытности его в Севастополе во время его бомбардирования// Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С.27.

⁷⁷⁷ Комаров А. Черноморский флот в период Крымской войны. Малоизвестные вопросы организации флота//ФлотаМастер. №1. М., 2000 г. С.6.

Когда стало ясно, что неприятель отказался от штурма в ближайшие дни, Корнилов точно определил суть проблемы: батальоны были неудачной попыткой «подогнать» морскую организацию под сухопутную потребность. Почувствовав недовольство офицеров и, прежде всего, матросов, по инициативе адмирала батальоны расформировали, а вместо них восстановили более привычные экипажи, которым возвратили знаменные флаги, с момента создания батальонов, хранившиеся на пароходофрегате «Владимир», что закреплялось приказом от 30 сентября (12 октября) 1854 г.⁷⁷⁸

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБОРОНЫ

Когда мы говорим об организации обороны Севастополя, то нужно разделить ее на два этапа. Первый, это до того момента, как союзники прекратили угрожать городу с севера. В этот период все лежало исключительно на плечах моряков, собранных в морские и флотские батальоны, солдат резервных батальонов. Этот «экспромтный» гарнизон больше видимостью, нежели реальной силой «продержался» до 17–18 (29–30) сентября, когда, завершив фланговый маневр, Меншиков отправил на усиление города 16-ю пехотную дивизию генерал-майора Жабокрицкого. От этого времени начинается второй этап создания системы (организации) обороны Севастополя.

Как показывает мировой военный опыт создать продуманную систему обороны можно. Но она ничего не будет стоить без четкой организации управления. Понимали это и в Севастополе и потому еще до начала обороны точно расписали: кому что строить, защищать или прикрывать.

Рельеф Севастополя и окрестностей был скорее на пользу русским, чем союзникам. Пересекающие его балки (Килен-балка, длиной почти 4 версты; Лабораторная балка, почти 4 версты; Сарандинакина балка; Хомутова балка; Ушакова балка; Делегардиева балка; Карантинная балка; Загородная балка и Кладбищенская балка) и овраги (Городской овраг, Доковый овраг и др.) естественным образом формировали оборонительные районы. Каждый со своей ключевой высотой, которые можно было удобно связать в единую систему позиций, а со временем продвигать выносные позиции. В тоже время атакующему приходилось вести не осадные работы против одной единой позиции, а как бы готовить штурм нескольких крепостей одновременно, каждая из которых была сильной сама по себе, а вместе — почти неприступными. В результате сильного пересечения местности при принятом союзниками способе атаки не было никакой системы, «...отдельные подступы не связывались между собой и не способны были отражать предпринимаемые обороной вылазки. По этой причине атаки редко оканчивались успешно...».⁷⁷⁹

Протяженность оборонительной линии составила почти 8 километров. Ее разделили на дистанции (отделения). Нумерация дистанций шла с запада на восток, от моря вглубь Северной бухты. Нумерация бастионов — в обратном порядке. Нумерация редутов и батарей в порядке очередности их возведения, или по именам своих строителей, или по именам своих командиров. Всеми бастионами Севастополя на

⁷⁷⁸ Комаров А. Черноморский флот в период Крымской войны. Малоизвестные вопросы организации флота//ФлотоМастер. №1. М., 2000 г. С.7.

⁷⁷⁹ Яковлев В.В. История крепостей. М., 2000 г. С.70–71.

протяжении всей обороны командовали морские офицеры.⁷⁸⁰ Большой тайны в системе не было. От дезертиров и пленных уже в первые дни осады союзникам стала известна нумерация севастопольских батарей и бастионов.⁷⁸¹

Информация о дистанциях, бастионах и батареях, которая приведена ниже, очень обзорная и предназначена только для того, чтобы понять ее систему. Желаящим узнать ее в деталях, лучше всего обратиться к энциклопедии обороны Севастополя — книге Э. И. Тотлебена.⁷⁸²

Первая дистанция. Начиналась от батареи № 10 (у моря) до редута № 1 и включала 5-й, 6-й и 7-й бастионы. Начальник дистанции — генерал-майор А. О. Асланович (позднее его сменил капитан 1 ранга А. А. Зарин).

Батарея № 10 была наиболее удаленной от города и подвергалась наибольшей угрозе со стороны неприятеля, что уже очень скоро получит свое подтверждение. История этой батареи началась задолго до Крымской войны. Летом 1850 г. генерал-инспектор по инженерной части, посетивший Севастополь, составил подробный отчет о поездке, одобренный лично Николаем I. Император считал, что 10-я батарея надежно перекрывает вход на севастопольский рейд и подходы к нему. Однако недовольство вызывало состояние защиты горжевой (тыльной) части в случае возможной атаки десанта противника. В результате было предписано исполнить ряд конкретных указаний. Прежде всего, 10-я батарея должна была быть укреплена углублением рва, увеличением высоты брустверов. При этом надлежало обеспечить фланговый обстрел рва. В этом документе впервые устанавливались численность и постоянное размещение на укреплениях войск, для защиты от вражеского десанта. На 8-й и 10-й батареях должно находиться два батальона.

К началу Крымской кампании батарея входила в первую дистанцию оборонительных укреплений и играла важную роль в защите Севастопольской крепости с моря, имея на вооружении порядка шестидесяти орудий. Из них: 2 — трехпудовые пушки обр. 1838 г.; 29 — тридцатишестифунтовых пушек; 12 — однопудовых единорогов; 6 — пятипудовых мортир. Прислуга батареи состояла из 277 человек, в основном артиллеристов Севастопольского артиллерийского гарнизона. Командиром батареи, на долю которой выпали одни из самых серьезных испытаний первого бомбардирования, был капитан 2-го ранга А. Н. Андреев, будущий адмирал, а вскоре один из самых славных героев обороны Севастополя.

Для ее прикрытия заложили люнет, затем развитый в редут № 1, вскоре получивший имя своего командира лейтенанта М. П. Шварца, будущего контр-адмирала, будущего губернатора Кронштадта (1885 г.). Саму батарею укрепили палисадом и капонирами. Сам редут № 1 был полностью вооружен и укреплен. Между ним и бастионом № 4 «для ограждения пространства» устроили три завала.⁷⁸³

Земляные укрепления 5-го бастиона носили временный характер, а внутренним опорным пунктом служила каменная оборонительная казарма.

6-й бастион, был закончен к 1 сентября 1854 г. Внутри бастиона находилась каменная оборонительная казарма, а впереди, по краю Загородной балки, стояло несколько батарей, огнем своих орудий действовавших по осадным работам французов. Ка-

⁷⁸⁰ Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг. Симферополь, 2005 г. С. 4.

⁷⁸¹ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P. 68–69.

⁷⁸² Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г.

⁷⁸³ Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 300–301.

менная оборонительная стена соединяла 6-й бастион с сухопутным фасом 7-го бастиона — последнего в линии оборонительных сооружений. Это был единственный из бастионов крепости не имевший на вооружении морских орудий.⁷⁸⁴

В Городском овраге, на всем протяжении между редутом Шварца и 4-м бастионом, построены батареи на 14 орудий и траншеи.

1-е отделение: береговая батарея № 10 — две роты 6-го Литовского батальона; Александровская батарея — полроты 6-го Литовского батальона; Береговая батарея № 8 — полроты 6-го Литовского батальона; 7-й бастион — 6-й Белостокский батальон; между 6-м и 7-м бастионами — 6-й Виленский батальон; 6-й бастион — 6-й Брестский батальон; между 5-м и 6-м бастионами — 5-й Брестский батальон; 5-й бастион — 5-й Белостокский батальон; Редут № 1 (редут Шварца) — полроты 6-го Литовского батальона; Резерв 1-го отделения (за бараками 5-го бастиона) — Минский полк, 33-й экипаж и дивизион артиллерии 13-й артиллерийской бригады.

Вторая дистанция. Начиналась от редута Шварца до оконечности Южной бухты и включала 4-й бастион с примыкающими к нему укреплениями. Первым начальником назначили вице-адмирала Ф. М. Новосильского. Когда полковник Ден в очередной раз приехал в Севастополь, то скептически отнесся к тому, что увидел на месте будущего сильного бастиона: «... не что иное, как незначительное земляное укрепление в виде люнета; его соединили с флешью, получившею впоследствии название 3-го бастиона, траншеей. Но траншею эту углублять было очень трудно по случаю каменистой почвы...».⁷⁸⁵

На этот раз Ден был прав, хотя и ядовито припомнил, что, якобы, еще в 1850 г. его отец убеждал Николая I укрепить Севастополь с южной стороны. Самодержец отшутился от надоеданий нудного старика: «...Против кого ты это желаешь так укреплять Севастополь? Против татар? Они покорны, а в случае чего — и сделанного достаточно».⁷⁸⁶

24 сентября позиции были осмотрены Корниловым и его штабом: «...вид Севастопольских укреплений не представлял ничего утешительного, зато оживление и необыкновенное усердие воск, работавших в то время на всех пунктах нашей оборонительной линии не могли не утешать и не радовать русского сердца».⁷⁸⁷

Русское сердце Владимира Ивановича Дена гораздо более утешилось бы, если бы ему удалось понять замысел русских командиров, по которому совершенно не требовалось для защиты южной стороны крепости возводить высокие крепостные стены.

С 13(25) по 17(29) сентября были усилены профили 6-го и левого фаса 4-го бастионов, впереди правого фланга 5-го бастиона заложена фланкирующая постройка (люнет Белкина).

2-е отделение: между редутом № 1 (редут Шварца) и 4-м бастионом — 29-й экипаж; 4-й бастион — 2-й Черноморский батальон; Бульвар — 34-й экипаж; Резерв 2-го отделения (за каменным погребом) — 3-й Тарутинский батальон, (за бараками 4-го бастиона) — 32-й экипаж, 37-й экипаж. Главный резерв Городской стороны (на Театральной площади) — 1-й, 2-й и 4-й Тарутинские батальоны, 6-й Волынский батальон, 6-й Мин-

⁷⁸⁴ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 8.

⁷⁸⁵ Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. Том 65. СПб., 1890 г. С. 661.

⁷⁸⁶ Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. Том 65. СПб., 1890 г. С. 661.

⁷⁸⁷ Записки Владимира Ивановича Дена // Русская старина. Том 65. СПб., 1890 г. С. 662–663.

ский батальон, (на Николаевской площади) – легкие батареи № 4 14-й и 17-й артиллерийских бригад.

Третья дистанция. Начиналась от оконечности Южной бухты. Она включала 3-й бастион с прилегающими укреплениями от Пересыпи до Доковой балки (оврага). Начальником назначили контр-адмирала А. И. Панфилова, прокомандовавшего ей на протяжении почти всей обороны. Всю осаду напротив него находились позиции англичан.

Четвертая дистанция. Начиналась от Докового оврага до Большой (Северной) бухты, в том числе 1-й, 2-й бастионы и укрепления Малахова кургана. Начальником назначили командир контр-адмирала В. И. Истомина (после его гибели – капитан 1 ранга Н. Ф. Юрковский, затем – капитан 1 ранга Ф. С. Керн).

1, 2, 3-й бастионы и Малахов курган располагались на Корабельной стороне, а 4, 5, 6 и 7-й – на подступах к центральной части города.

1-й бастион. К моменту высадки союзников в Крыму бастион №1 так и не был построен. В место него возвели небольшую батарею, своего номера она не имела и в документах именовалась как «батарея на месте 1 бастиона».⁷⁸⁸

2-й бастион находился на небольшой возвышенности на краю Килен-балки. Вначале он не имел номера. На генеральном плане города Севастополя с указанием укреплений 1840 г. под №2 числилось укрепление на Малаховом кургане. В начале сентября 1854 г. на месте будущего бастиона стояла батарея (6 орудий). Вскоре батарею усилили до 20 пушек. Вокруг укрепления выдолбили ров. Его проводили в камне и в связи с трудностями работ на контрэскарпе возвели каменную стенку для прикрытия от неприятельских выстрелов. Командовал бастионом капитан-лейтенант 36-го флотского экипажа А. В. Ершов.⁷⁸⁹

3-й бастион. В истории обороны Севастополя этому укреплению суждено было стать настоящим проклятием для британцев, угробивших под его батареями сотни своих соотечественников в двух бессмысленных кровопролитных штурмах, но так и не взявших его боем. Бастион находился на Бомборской высоте, между Доковой и Лабораторной балками, и представлял собой земляное укрепление, усиленное примыкавшими к нему батареями. Позади бастиона позднее построили вторую оборонительную линию, которая шла от морского госпиталя к одной из тыловых батарей.

В траншее, примыкающей к бастиону с левой стороны, 26 сентября (8 октября) заложили батарею №21 (Яновского) на 5 орудий. Одно орудие предназначалось для фланкирующего огня против рва 3-го бастиона, одно – для фланкирования Малахова кургана, а три для обстрела покатости впереди левого фаса бастиона «...очень удобной для движения штурмовых колонн».⁷⁹⁰

4-й бастион. Одно из первых укреплений Севастополя, ставшее самым важным укреплением на Городской стороне. Располагался на Бульварной высоте, откуда открывался прекрасный обзор на Южную бухту и Корабельную сторону. Для усиления огня против Зеленой горы 26 сентября (8 октября) на площадке позади 4-го бастиона была заложена батарея №20 (Шихматова) на 2 орудия.⁷⁹¹

⁷⁸⁸ Шавшин В. Г. Бастионы Севастополя. Севастополь, 2000 г. (<http://militera.lib.ru>).

⁷⁸⁹ Шавшин В. Г. Бастионы Севастополя. Севастополь, 2000 г. (<http://militera.lib.ru>).

⁷⁹⁰ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.181; Шавшин В. Г. Бастионы Севастополя. Севастополь, 2000 г. (<http://militera.lib.ru>).

⁷⁹¹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.181; Шавшин В. Г. Бастионы Севастополя. Севастополь, 2000 г. (<http://militera.lib.ru>).

5-й бастион находился на территории сквера, прилегающего к нынешнему Кладбищу коммунаров. Основным оборонительным сооружением была каменная казарма с закругленным фасадом с 5 орудиями внутри и 6 орудиями — на верхнем ярусе. К казарме примыкали земляные укрепления, рядом стояли редут №1 лейтенанта Шварца и люнет Белкина. До 5 (17) октября перед рвом и по бокам укреплений насыпали земляные валы. Правый фас пятого бастиона укрепили, построив люнет №7, которым стал командовать лейтенант Белкин.⁷⁹²

6-й бастион был почти полностью построен к началу осады. На нем стояла оборонительная казарма. Чтобы усилить бастион, по распоряжению Корнилова с Михайловской батареи доставили шесть бомбических орудий.

Впереди бастиона находился ров глубиной в 6 футов. 15 крепостных орудий, установленных на поворотных платформах, обстреливали Рудольфову гору и прилегающую местность. От шестого бастиона вправо отходила каменная оборонительная стена, часть которой сохранилась до наших дней. Его задачей было прикрывать город с запада. Внутри бастиона находилась каменная оборонительная казарма, а впереди, по краю Загородной балки, стояло несколько батарей, огнем своих орудий срывавших осадные работы французов. Каменная оборонительная стена соединяла 6-й бастион с сухопутным фасом 7-го — последнего в линии оборонительных сооружений. Бастионом командовал капитан-лейтенант 36-го флотского экипажа Гусаков.⁷⁹³

7-й бастион находился в районе Центрального и крепостного рынков в Крепостном переулке, на берегу моря над Александровской бухтой. К началу обороны был почти закончен (командир — капитан-лейтенант Н. Л. Щеглов). Был предназначен для отражения нападений как с суши, так и с моря. Справа к нему примыкала батарея №8, орудия которой стояли от Хрустального мыса до Артиллерийской бухты (командир — капитан 2 ранга К. С. Реунов). В общей сложности здесь имелись 62 орудия, в том числе десять пятипудовых мортир.⁷⁹⁴

Малахов курган. Это естественное сооружение, воздвигнутое природой, казалось, ей же и было предназначено для защиты города. Дело даже не в его доминировании, но и в удобстве превращения в оборонительное сооружение. Как отметил поручик Орда, «...Малахов курган, значительно (около 20 сажен) превышающий всю окружающую его местность, представлял на своей вершине довольно значительную площадку около 180 саж. длины и от 50 до 110 саж. ширины».⁷⁹⁵

И русские и союзники прекрасно понимали, что Малахов курган станет ключевой позицией оборонительной линии Севастопольской крепости. Малахов курган, доминирующая над Севастополем высота: «...В зимний день, когда деревья не покрыты листвою, с него открывается прекрасная панорама города и бухты, а в 1854 г., когда застройка Севастополя была несоизмерима с нынешней, курган был открыт со всех сторон. Имея на нем мощную батарею, можно обстреливать практически весь город».⁷⁹⁶

Еще до начала кампании в Крыму начались работы по возведению на нем оборонительной башни, проект которой разработал капитан корпуса морских инженеров Ф. А. Старченко и он же руководил её возведением. По проекту это был 2-х ярусный

⁷⁹² Шавшин В. Г. Бастионы Севастополя. Севастополь, 2000 г. (<http://militera.lib.ru>).

⁷⁹³ Шавшин В. Г. Бастионы Севастополя. Севастополь, 2000 г. (<http://militera.lib.ru>).

⁷⁹⁴ Шавшин В. Г. Бастионы Севастополя. Севастополь, 2000 г. (<http://militera.lib.ru>).

⁷⁹⁵ Орда А. Несколько слов о системе обороны Севастополя, по поводу статьи: «Заметки о Крымской войне» // Военный сборник. № 8. СПб., 1859 г. С. 348.

⁷⁹⁶ Бержицкий Д. Оборонительная башня Малахова кургана // Military Крым. Специальный выпуск № 3. Симферополь, 2011 г. С. 38.

донжон, насчитывающий 52 бойницы для ведения ружейной стрельбы. На крыше 2-го яруса располагалась 5-ти мортирная батарея. В центре башни, на нижнем ярусе находился пороховой погреб. Для скрытного покидания башни предусматривался потайной ход.

10 июня 1854 г. исполняющий обязанности военного губернатора Севастополя вице-адмирал М. Н. Станюкович докладывал А. С. Меншикову об окончании строительства. Башню включили в систему оборонительных сооружений бастиона Малахова кургана. Под руководством первого командира подполковника И. Арцыбашева солдаты с южной стороны насыпали гласис, который прикрыл нижний ярус, верхний же, на крыше которого установили 5 мортир, оставался открытым, и, как следствие, видимым издали.⁷⁹⁷

---

⁷⁹⁷ Бержицкий Д. Оборонительная башня Малахова кургана // Military Крым. Специальный выпуск № 3. Симферополь, 2011 г. С. 38.

ПЕРВЫЕ БАТАРЕИ: СОЮЗНИКИ

«Лично я считаю, что нам придется остаться здесь на зиму».

Генерал-майор Эйри – лорду Хардинджу.

ВОЕННЫЕ СОВЕТЫ

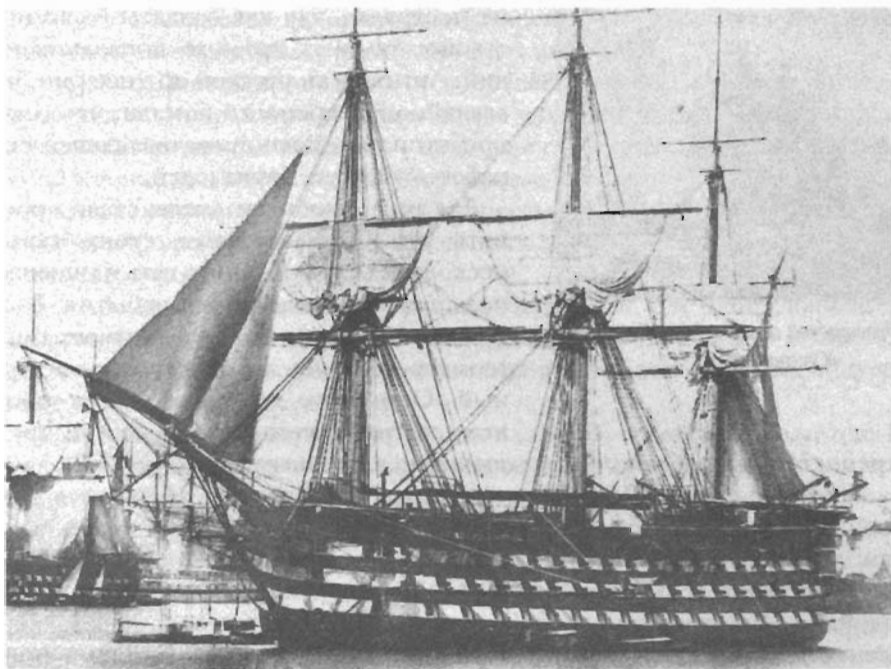
7 октября 1854 г. спустя 12 дней после того, как союзники обосновались на Южной стороне, Раглан собрал расширенный военный совет. Докладывал как всегда Бургойн. На удивление собравшихся, его предложения, ранее принимавшиеся безоговорочно, были признаны абсурдными, и всю ночь пришлось потратить на создание хотя бы видимости единого плана действий. Но и это не дало результата – участники разошлись, оставшись каждый при своем мнении.⁷⁹⁸ Единственное, на чем союзники сошлись единогласно, что пока они тратили время на маневрирование, русские усердно занимались укреплением города.

8 октября собрались вновь. На этот раз главным докладчиком был главный инженер французской армии Бизо. Он определил ключевую позицию и уязвимое место русской оборонительной линии – 4-й бастион. Бизо предложил фланги атаки отдать французам, а англичанам сосредоточиться на действиях против 3-го бастиона. При этом английская дальнобойная артиллерия должна была поставить батареи на большем удалении от Севастополя, чем остальная осадная артиллерия союзников. Это делалось с целью постоянного ведения разрушительного обстрела с большого расстояния, оставаясь недосягаемыми для русского ответного огня и не давая защитникам крепости спокойно работать над усилением обороны. Как считают англичане, Бизо совершил ошибку, сразу не определив главной целью атаки Малахов курган, в результате чего русские сумели укрепить его, затянув кампанию на почти целый год.⁷⁹⁹

В ночь с 9 на 10 октября французы и англичане начали работы по закладке первой параллели. Первые на расстоянии 950 м., вторые примерно 1100 м. от русских позиций. Для максимальной интенсивности работы она велась дневными и ночными сменами с вечера до 6 утра. Каждая смена делилась на меньшие, по три часа, после

⁷⁹⁸ Woods, Nicholas Augustus. The past campaign: a sketch of the war in the East, from the departure of Lord Raglan to the capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P.2.

⁷⁹⁹ Woods, Nicholas Augustus. The past campaign: a sketch of the war in the East, from the departure of Lord Raglan to the capture of Sevastopol. Vol. II. London. 1855. P.4–6.

Французский линейный корабль «Монтебелло». Вторая пол. XIX в.

чего рабочие команды заменялись свежими. Пехота по мере возведения занимала новые позиции, подкрепляя осадные линии и стараясь огнем оттеснять русских.⁸⁰⁰

У французов в эту ночь выделялись на работу 1600 человек, которые колоннами скрытно подходили на условленные места, где каждый получал лопату или кирку. Тут же людей разбивали на две половины по 800 человек, и каждая со своим инженерным офицером выходила на заранее размеченный участок. Здесь они разбивались на две смены по 400 чел. и начинали работу. К утру траншея была готова достаточно, чтобы закрыть работающих от выстрелов.⁸⁰¹

Как утверждает Вейгельт, русские не заметили начала работ «...по причине темноты ночи, и потому что сильный северо-восточный ветер относил шум от города».⁸⁰²

Грунт оказался неожиданно плотным и каменистым, расчеты показали, что в планируемые ранее 36 часов уложиться не получится. Поэтому решили закончить работы по батареям к 16 октября, и именно по этой причине день 17 октября был назначен, как начало первого сражения за Севастополь.⁸⁰³

Но уже днем 10 октября русские батареи весь день обстреливали возвышенность перед Легкой Дивизией, перепахивая её во всех направлениях. К счастью, никто

⁸⁰⁰ Селецкий. Заметки о крепостной войне//Военный сборник. №6. СПб., 1886 г. С.249.

⁸⁰¹ Cesar Lecat Bazancourt. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol: Chroniques de la guerre d'Orient. Amyot, 1856. P.305–309.

⁸⁰² Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С.50.

⁸⁰³ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С.50.

Французский линейный корабль
«Юпитер». 1837 г.

не пострадал, так как солдаты были прикрыты высотами от прямого попадания их орудий. Активность русской артиллерии была не случайной, в крепости поняли, что союзники приступили к главной составляющей осадных работ — закладке параллелей.

Для того, чтобы читателю стало просто понимать, что это такое, думаю, стоит буквально в нескольких словах пояснить суть наметившегося под стенами Севастополя события. В фортификации понятие параллель имеет смысл не геометрический, а действительно-наступательный. Они были составной частью принципа

атак долговременных сооружений, проще говоря, крепостей, разработанных выдающимися военными инженерами задолго до Крымской войны, еще в XIV–XVII вв.: де Вилля, Вобана и др. Назывался этот комплекс действий атака (кстати, этот термин применялся и в Севастополе, вспомним англичан: левая и правая атаки). По принятым правилам атакующий действовал в следующей последовательности:⁸⁰⁴

1. Подойдя с достаточными силами к крепости («обложив ее»), нападающий под прикрытием установленных батарей и определившись с направлением и фронтами атаки, начинает закладывать первую параллель (все осадные работы производятся преимущественно ночью). Параллель — это траншея, параллельная сторонам осаждаемого многоугольника (откуда и название). Назначение параллели — прикрывать головы апрошей в сфере действительного ружейного огня обороны. Они устраивались при постепенной атаке крепости для обеспечения осадных работ атакующего и представляли собой пехотные стрелковые позиции. Параллель, отрывавшаяся первой и являвшаяся базой для наступающей пехоты, называлась первой параллелью; отрывалась от крепости на расстоянии 1–1,5 км. Грунт выбрасывается в сторону неприятеля и подпирается с обеих сторон рва при помощи туров, образуя род парапета для защиты от огня из крепости.

2. Хитрость этого дела состоит в том, что в первой параллели устанавливаются рикошетные батареи для ведения продольного огня вдоль линий атакуемых позиций. Эти батареи ведут огонь таким образом, чтобы перебрасывать снаряды прямо через парапет укреплений и вдоль фасов на всем их протяжении, беря их во фланг и поражая орудия и людей. Подобные же батареи устанавливаются для продольного обстрела отдельных участков прикрытого пути, а мортирные и гаубичные батареи — для забрасывания бомбами внутренних частей бастионов и рavelинов. Все эти батареи находятся под прикрытием земляных парапетов.⁸⁰⁵

3. В то же время впереди, в двух или более местах, атакующий начинает рыть зигзагообразные траншеи по направлению к крепости.

4. Как только появляются признаки ослабления огня, со стороны обороняющегося, закладывается вторая параллель, на расстоянии приблизительно 300 м. от укреплений.

⁸⁰⁴ Энгельс Ф. Фортификация (<http://lugovoy-k.narod.ru/marx/14/065.htm>).

⁸⁰⁵ Крепости и современная артиллерия//Военный сборник. №10. СПб., 1874 г. С.295.

5. Здесь устанавливаются демонтирные батареи. Они служат для того, чтобы совершенно уничтожить артиллерию и разрушить амбразуры.

6. От второй параллели проводятся по направлению к городу новые зигзаги; в 200 м. сооружается полупараллель, образуя новые ответвления зигзагов, вооруженные мортирными батареями, и, наконец, у подошвы гласиса сооружается третья параллель. В ней устанавливаются тяжелые мортирные батареи.

7. Оттуда, если к этому времени орудия крепости почти совершенно ослаблены, начинают вести апроши в виде различных кривых и ломаных линий, чтобы укрыться от рикошетного огня.

8. Затем в исходящем плацдарме устраивают ложемент, или окоп с парапетом, для продольного обстрела рва огнем пехоты. Если противник активен и смел в своих вылазках, то появляется необходимость в четвертой параллели, соединяющей все исходящие плацдармы вдоль гласиса.

9. Только после этого образуются проходы, и начинается штурм. По методу Вобана (а мы в данном случае описали его атаку) крепость имеет возможность держаться не более 37 дней.

НАЧАЛО ФОРТИФИКАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

После того, как русские и союзные войска обозначили свои намерения, и те, и другие начали активно зарываться в землю, стремясь поставить как можно больше батарей, понимая, что теперь успех кампании прямо пропорционален количеству кубометров переработанного грунта. Русские особо союзникам не досаждали, ограничиваясь редкими перестрелками: «...из города стреляют иногда по их работам и пароходам, которые близко подходят».⁸⁰⁶

Меншиков успокаивается и вновь становится уверенным, докладывая М. Д. Горчакову: «...со времени отъезда графа Орлова-Денисова ничего не случилось, о чем бы нужно было вас известить. Взаимное положение одинаково: неприятель забавляется рытьем траншей, по-видимому, с целью обороняться, а не осаждать, так как это не апроши. Намеревается ли он бомбардировать нас или повести правильную осаду, но, во всяком случае, неприятель действует медленно, что однако не устраняет намерение со временем овладеть Севастополем».⁸⁰⁷

К князю вернулась едва не потерянная после поражения на Альме энергия: «Старик князь неутомим и беспрестанно бывает на коне».⁸⁰⁸

Успокоился не только Меншиков, но и войска. Когда над линией неприятельских войск замелькали первые фонтаны земли, выброшенной лопатами, русские скорее обрадовались, чем расстроились.⁸⁰⁹ Настроение в войсках сразу заметно поднялось,

⁸⁰⁶ Александр Петрович Хрущов. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С.439.

⁸⁰⁷ Оборона Севастополя. Письма князя А.С. Меншикова к кн. М.Д. Горчакову. 1853–1855//Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С.307–308. ф

⁸⁰⁸ Александр Петрович Хрущов. Выдержки из его писем 1853–1859 гг.//Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С.439.

⁸⁰⁹ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С.3.

Французский линейный корабль «Алжир». После переоборудования в плавучую казарму. 1904 г.

возникла надежда, что пока союзники будут строить батареи, подойдут свежие части и уже англичане вместе с французами превратятся в обороняющихся.⁸¹⁰

Началась своеобразная соревновательная гонка между ними и русскими артиллеристами и саперами, кто скорее поставит пушки, кто надежнее возведет закрытия, кто глубже и длиннее откроет апроши.

Одна из русских бомб точно накрыла группу работавших в траншее французских моряков: 24 из них были убиты или тяжело ранены. Неприятель был настолько деморализован точностью попадания, что в этот день никто больше не рискнул появляться на позициях. По приказу Канробера с этого дня в передовых траншеях развернули позиции лучшие стрелки легкой пехоты, вооруженные нарезными ружьями с большой дальностью стрельбы. Им было приказано держать под постоянным прицелом все амбразуры русских батарей, стараясь лишить артиллеристов вести точную стрельбу.⁸¹¹

Отныне противники старались не только опередить друг друга, но и всячески мешали работам ружейным огнем.⁸¹² Русские солдаты также получили приказ стрелять во все видимое, без разницы, на каком расстоянии и с любой позиции.⁸¹³ Едва замечалось начало новой батареи, тот час же за ее строителями начиналась охота. В траншеях под Севастополем начала рождаться снайперская война, вскоре принявшая характер явления, называемого в наше время «снайперским террором».

Ходасевич: «4-го октября полкам, составляющим гарнизон Севастополя, было приказано выслать застрельщиков за линию укреплений, дабы предупредить приближение вражеских апрошей. Солдаты нашего полка заняли территорию перед 4-м бастионом и балку между 4-м и 5-м бастионами. Стрелки располагались в ямах, меж скал, везде, где было хоть какое-то укрытие».⁸¹⁴

Вскоре, между противниками, установилось что-то вроде взаимопонимания. Не в смысле, любви и симпатии, а в наличии своеобразной корпоративной связи. И проявлялось оно специфически. Если они и стремились всадить своему визави пулю между глаз, то делали это с подчеркиванием своей профессиональности и с уважением профессионализма противника.

«Один из наших солдат, Иван Григорьев, лежа за камнем, выстрелил во французского солдата, лежащего перед ним, и лишь частично скрытого, и промахнулся; тот в ответ помахал кепи, и немедленно выстрелил в Григорьева, который в свою очередь

⁸¹⁰ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С.432.

⁸¹¹ Leon Guérin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P.309–310.

⁸¹² Воспоминания командира 4-го бастиона капитана 1-го ранга Реймерса (бывшего капитан-лейтенанта) о 8-месячной бытности его в Севастополе во время его бомбардирования// Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С.28.

⁸¹³ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С.432.

⁸¹⁴ Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой// Military Крым. №17. Симферополь. 2010 г. С.48–52.

приподнял голову в знак того, что невредим. Было занятно наблюдать с бастионов за двумя линиями застрельщиков, отмеченными маленькими облаками белого дыма; в то время как они лежали и вели перестрелку; практически ежедневно случалось нечто забавное».⁸¹⁵

ФРАНЦУЗЫ

Их энтузиазм все еще оставался большим, чем у англичан. Последние по привычке все делали не спеша и в глубине души надеялись, что скоро этот спектакль закончится, а над Севастополем поднимется белый флаг.

Одну из первых траншей французы заложили под покровом ночи у хутора Рудольфа примерно в 960 м. от 5-го бастиона. Ее длина составила ок. 420 м. Закладка была спланирована, как полнокровная военная операция. 1060 солдат привлекались к земляным работам, на прикрытие бросили все роты 2-го полка зуавов. Русские на работы не отреагировали и попыток сорвать их не предпринимали.⁸¹⁶ Клер и Монтодон объясняют это плохой погодой и ночными условиями,⁸¹⁷ на деле, думаю, противодействие пока не входило в планы русских. Для них важнее было строить свои батареи.

Французы, как солдаты, так и офицеры большую часть времени проводили в траншеях. В первое время условия их жизни не сильно отличались от быта солдат, с которыми командиры Наполеона III привыкли делить все горести и маленькие радости походной жизни. Англичан удивляло, что у них не было даже денщиков, а отрыв солдата от боевой работы считался дурным тоном, а если и требовался, то офицер должен был оплатить использование труда нижнего чина в личных целях из собственного кармана.⁸¹⁸ Деятельность французской армии напоминала хорошо организованный муравейник. Примерно так Монтодон описывает происходящее: «Ежедневно вооруженные отряды отправляются охранять выгрузку снаряжения, эскортировать повозки, нагруженные припасами, фургоны, артиллерийские и инженерные подводы; кроме того, солдаты без ранцев переносят на своих спинах мешки с землей и даже порою – снаряды».⁸¹⁹

Эти дни стали взлетом недолгой военной карьеры Канробера, как главнокомандующего. Французский солдат традиционно оценивал своих командиров не по способности управлять маневрированием войск, а по их способности внушать подчиненным веру в победу. Именно это качество плюс забота о личном составе, высоко поставили Канробера (а позднее и Мак-Магона) в мнении собственных войск.

Солдаты «...с восторгом и гордостью рассказывали, что, когда в Крыму нужно было исполнить что-либо трудное, он лично спрашивал их: „беретесь ли вы это сделать?“. Отрицательного ответа не случалось, и Канробер тем более был обеспечен в успехе, что все солдаты, зная цель, действовали с полным согласием и одушевле-

⁸¹⁵ Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой// Military Крым. №17. Симферополь. 2010 г. С.48–52.

⁸¹⁶ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.56.

⁸¹⁷ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.54.

⁸¹⁸ Л. Д-ер. Французские офицеры (письма из Парижа)//Военный сборник. №7. СПб., 1859 г. С.135.

⁸¹⁹ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.53.

Русские пехотинцы. Рисунки с натуры. Севастополь. 1855 г.

нием. В обещании успеха, которое они давали сами себе и генералу, заключалась сила нравственная».⁸²⁰

Для Канробера было жизненно важно убедить солдат в правильности того, чем они занимаются, что было не просто: «Эта война мало походила на ту, что зуавы вели в Африке. Вместо того, чтобы идти в атаку на видимого неприятеля на широком поле боя, где рассудок мог прийти на помощь отваге, они принуждены были продвигаться пядь за пядью по труднодоступной, скалистой местности, сжиматься клубком в воронке в течение двадцати четырех часов, чтобы защищать рабочих или начатое строительство, и сражаться чаще киркой, нежели ружьем. Эта новая борьба, в которой невидимый противник уничтожал их огнем, а потом использовал ночную тьму для нападения на рабочих и на сторожей траншей, часто оцепеневших от холода, не сломила дух зуавов. Они постоянно оживляли свои тяжкие труды какими-то вольными историями или шутками, сдобренными тем галльским остроумием, которое во все времена помогало французскому

солдату и заставляло его храбро переживать самые трудные моменты. Сколько раз, когда роты приходили из траншей с аппетитом, обостренным двенадцатичасовой работой или двадцатичетырехчасовым сидением в охранении, в минуту, когда солдат собирался приступить к радостной трапезе возле бивачного костра, заранее смакуя запах тюрлютина, сколько раз приходил приказ вернуться, чтобы отразить атаку или помочь рабочим, находящимся в опасности! Тогда, конечно, зуав ворчал, почти как охотничий пес, у которого хозяин забирает кость. На самом деле, было скверно оставлять радости лагеря и снова заниматься „кротовой войной“ на пустой желудок. Но несколько одобряющих слов и добрых шуток командиров вновь придавали живость лицу и настроению зуава. Он повиновался почти с радостью».⁸²¹

Свободного времени почти нет, отдыхать приходится мало. Огромная нагрузка ложится на плечи зуавов, которые «...используются без минутного отдыха, одни – на земляных работах, в разведках, другие – в засадах, на сторожевых заставах, на передовых постах».⁸²²

Русские периодически обстреливают из орудий французские батареи, но особого успеха не имеют, незначительные разрушения быстро восстанавливаются.⁸²³ Да и не сильно стремятся к этому: понимая, что главная война еще впереди, они проводят пристрелку неприятельских позиций.

В связи с тем, что русские позиции оснащались сильной и дальнобойной артиллерией, было принято решение начать закладку позиций в 600 м. от исходящего угла

⁸²⁰ Веселитский С. Военные заметки (пер. с французского)//Военный сборник. №3. СПб., 1861. С.139.

⁸²¹ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С.56–57.

⁸²² Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.53.

⁸²³ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.54.

ближайшего русского укрепления и усилить осадный парк артиллерией большого калибра, которую мог пока дать только флот. Ни одна русская батарея, ни одно орудие, пусть даже одиночное не могло остаться без воздействия.

С кораблей отправили на берег 20 тяжелых 30-фт. пушек и 10 25-фт. бомбовых пушек. Проект осадных позиций составили генералы Бизо и Тири. По нему намечалось возвести на возвышенном плато перед фронтом 4-го и 6-го бастионов на расстоянии 950 м. от 5-го бастиона ретраншемент с фронтом 300 м., состоящий из двух плоских бастионов соединенных куртиной, вооруженный 5 батареями и связанный этими траншеями с английскими позициями. Эти пять батарей были:⁸²⁴

№ батареи	Вооружение	Расположение	Удаленность от русских позиций
№1	7 30-фт. пушек, 2 25-фт. бомбовые пушки	Демонтирная, на левом фасе западного бастиона	1450 м. от 6-го бастиона
№2	8 30-фт. пушек, 4 25-фт. бомбовые пушки	Демонтирная, на правом фасе западного бастиона	900 м. от 5-го бастиона
№3	4 50-фт. мортиры, 2 25-фт. бомбовые пушки	Мортирная, на куртине	950 м. от 5-го бастиона
№4	6 24-фт. пушек, 2 25-фт. мортиры	Демонтирная, на левом фасе восточного бастиона	900 м. от 5-го бастиона
№5	6 24-фт. пушек, 2 16-фт. пушки, 4 25-фт. гаубицы	Демонтирная, на правом фасе восточного бастиона	1 100 м. от 4-го бастиона (гаубицы для обстрела его тыла)
Всего: 47	29 пушек, 6 бомбовых пушек, 4 гаубицы, 8 мортир большого калибра.		

Батареи №1 и №2 устраивали и формировали моряки, №3, №4 и №5 – сухопутные артиллеристы.⁸²⁵

В соответствии с теорией атаки крепостей были установлены батареи двух типов: демонтирные и мортирные (некоторые имели смешанный тип). Задачей первых было демонтирование,⁸²⁶ то есть такой вид, который имел цель сбить артиллерию противника и максимально разрушить ее батареи. Вторые предназначались для навесного огня.

К назначенному времени французы установили выше уровня поверхности за укрытием из туров демонтирные батареи №№1, 2, 4 и 5. Мортирная батарея №3 была устроена в углублении.

⁸²⁴ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854–1856). Tome I. Veuve Berger Levraut & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.86–87; Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С.48–49.

⁸²⁵ Leon Guerin , Histoire de la demiere guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858.P.307–308.

⁸²⁶ От франц. *demonter* – разобрать.

По предложению адмирала Брюа к югу от Карантинной бухты на вершине холма (725 саж. от русских позиций) с 12 октября начали строить батарею №6 для действия из орудий «тяжелейшего» калибра по 6-му бастиону и поддержке флоту. Ее предполагалось оснастить 4 50-фт. пушками (для действий против 6-го бастиона) и 6 25-фт. пушками. К 17 числу ее соорудить не успели, хотя для работ выделялись не менее 250 матросов, но 1 50-фт. и 5 25-фт. пушек разместить все-таки смогли.

Союзники не стремились обустроить сплошную линию, концентрируя силы на самых важных участках, что обуславливалось, в том числе, новыми технологиями, вытолкнувшими в мир более совершенные образцы как стрелкового, так и артиллерийского оружия. Через 10 лет в США во время Гражданской войны это станет нормой, а с 1870 г. — основным принципом ведения осадных действий.⁸²⁷

Хотя огонь с русских позиций и не наносил больших потерь (с 9 по 17 октября во французской артиллерии было 4 убитых и 12 раненых), но мешал союзникам. Особенно он ощущался с правого фаса 4-го бастиона. Потому при постройке батареи №5, решили возле батареи №5 заложить справа от нее еще две для действий по 4-му бастиону.⁸²⁸ Обе батареи делались углубленными. Работы по ним были начаты вечером 16 октября, а уже утром 17 октября — закончены. В событиях 17 октября они не участвовали, так как к началу их не успели вооружить.

№ батареи	Вооружение	Расположение	Удаленность от русских позиций
№7	6 16-фт. пушек, 2 25-фт. гаубицы.	Демонтируемая, против правого фаса 4-го бастиона.	442 саж. от 4-го бастиона
№8	2 50-фт. мортиры, 4 25-фт. гаубицы.	Мортирная, против правого фаса 4-го бастиона.	457 саж. от 4-го бастиона
Всего:	6 16-фт. пушек, 6 25-фт. гаубицы, 2 50-фт. мортиры.		

АНГЛИЧАНЕ

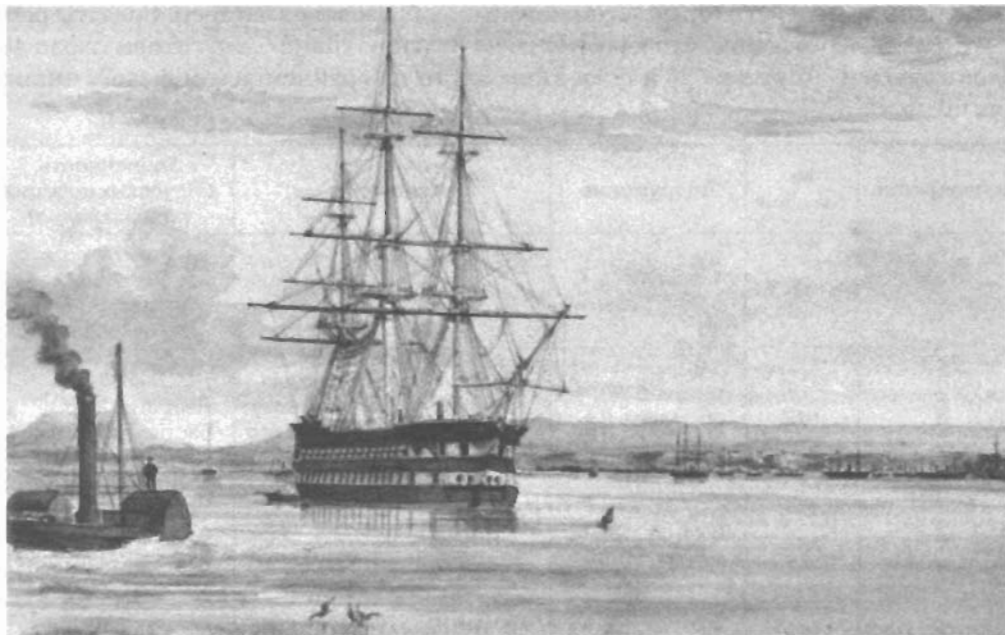
Для обеспечения осадных позиций решили устроить две базы снабжения — правогофланговый и левофланговый парки осадного поезда. Неподалеку от Балаклавы (в полумиле от нее) оборудовали промежуточный парк. Солдат и офицеров пропорционально распределили по этим паркам.⁸²⁹

Помимо солдат в осадные парки были приданы рабочие, ездовые и другие специалисты. Оборудование и снабжение возводимых батарей были необычайно тяжелым и затратным делом. Орудия приходилось доставлять из баз в Балаклаве и Камышах лошадьми (это в основном удавалось французам, использовавшим запряжки по 12–18

⁸²⁷ Мазюкевич М. О блокаде крепостей (продолжение)//Военный сборник. №9. СПб., 1883 г. С.261.

⁸²⁸ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С.51.

⁸²⁹ Siege of Sebastopol. An account of the artillery operations conducted by the Royal Artillery and Royal Naval Brigade before Sebastopol in 1854 and 1855. Compiled by W.E.M. Reilly, C.B. London. 1859. P.2–3.

Английский линейный корабль «Венджинс» возле Альмы. Сентябрь 1854 г. Похоже, что слева художник изобразил и буксир «Циркассия». Английский рисунок. Вторая пол. XIX в.

лошадей) и помещать на свои места с помощью специальных подъемных механизмов. Удивительно, но при этом не было ни единого несчастного случая.⁸³⁰

Основная нагрузка на доставку орудий легла на Морскую бригаду. Моряки «взвалили» на себя роль лошадей, нехватка которых была критической, недавно полученных из Турции им не дали — выносливые животные использовались для доставки боеприпасов в холщовых мешках. Грузы на позиции поступали по единственной дороге, шедшей из Балаклавы. За Кадыкоем она разделялась еще на три, которые шли к самим позициям. Почти половина пути шла на подъем и только потом плавно опускалась вниз. На счастье англичан погода стояла сухой и путь долгое время был сносно проходим.⁸³¹

27 сентября (9 октября) русскими наблюдателями была зафиксирована работа по возведению батарей: над правым берегом Лабораторной балки за подъемом Воронцовской дороги в 1200 саж. от 3-го бастиона и слева от Килен-балки на горе у хутора Микрюкова в 1050 саж. от Малахова кургана. Удивило их непривычно большое удаление от оборонительных линий, принятое русскими вначале как защиту от внезапных нападений крепостного гарнизона.⁸³²

В течение следующей ночи рабочий отряд из 400 солдат из Легкой и 2-й Дивизий под командой капитана Гордона, Королевского инженерного корпуса, занимались

⁸³⁰ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С.52.

⁸³¹ Siege of Sebastopol. An account of the artillery operations conducted by the Royal Artillery and Royal Naval Brigade before Sebastopol in 1854 and 1855. Compiled by W.E.M. Reilly, C.B. London. 1859. P.3–4.

⁸³² Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.180–181.

постройкой траншей, которые затем можно преобразовать в батареи. Солдаты работали с таким энтузиазмом, что к утру 12-го на Зеленом холме были готовы около 400 ярдов траншей. 1 октября 28-й полк занял место на крайнем левом фланге английских позиций.

Направление	№ батареи	Вооружение	Назначение	Удаленность от русских позиций (при закладке)
Левая атака «Батареи Зеленого холма»	№1	4 8-дм. пушки, 8 24-фт. пушки.	Демонтирная батарея	Напротив 3-го бастиона (562 саж.) и против Малахова кургана (942 саж.).
	№2	3 8-дм. пушки. 5 24-фт. пушки, 2 Ланкастерских орудия.	Демонтирная батарея для действий по 3-му бастиону и анфиладному огню по его левому фасу.	Напротив 3-го бастиона (562 саж.).
	№3	6 24-фт. пушек, 2 8-дм. пушки.	Демонтирная батарея для действий по 3-му бастиону и по Малахову кургану.	Напротив 3-го бастиона (562 саж.) и против Малахова кургана (942 саж.).
	№4	5 24-фт. пушки, 1 8-дм. пушки.	Демонтирная батарея для действий по 4-му бастиону.	Напротив 4-го бастиона (772 саж.).
	№5	5 10 дм. мортир.	Мортирная батарея для действий по 3-му бастиону	Напротив 3-го бастиона (678 саж.).
Правая атака: «Батарея Гордона» (21-пушечная батарея)	№1	2 10-дм. мортиры	Мортирная батарея для действий по Малахову кургану и примыкающим куртинам.	Напротив Малахова кургана.
	№2	2 24-фт. пушки, 2 8-дм. пушки.	Демонтирная батарея для действий по Малахову кургану.	Напротив Малахова (702 саж.).
	№3	6 8-дм. пушек.	Демонтирная батарея для действий по Малахову кургану.	Напротив Малахова кургана.
	№4	7 32-фт. пушек.	Демонтирная батарея для действий по Малахову кургану и по 3-му бастиону.	В 586 саженях от 3-го бастиона.
	№5	4 24-фт. пушки.	Демонтирная батарея для действий по 3-му бастиону.	В 562 саженях от 3-го бастиона.
	№6	3 10-дм. мортиры.	Мортирная батарея для действий по 3-му бастиону.	В 643 саженях от 3-го бастиона.
Всего:		57 пушек и 10 мортир большого калибра.		

Английский линейный корабль «Венджинс» в бою 5(17) октября 1854 г. Английский рисунок. Вторая пол. XIX в.

Кроме этих шести батарей к середине октября 1854 г. англичане построили еще две не номерные батареи.⁸³³ Отныне суммарный вес залпа их батарей равнялся 91 пуду (против наших примерно 58 пудов).⁸³⁴

Название батареи	вооружение	Расположение	Удаленность от русских позиций
Левая Ланкастерская батарея	1 Ланкастерское орудие	На краю Лабораторной балки	Для обстреливания Лабораторной балки.
Правая Ланкастерская батарея.	1 Ланкастерское орудие, 4 68-фт. пушки.	На краю Килен-балки и напротив Малахова кургана	Для обстреливания Малахова кургана.

Правая Ланкастерская батарея находилась в 1600 м. от Малахова кургана и вскоре получила от русских название «пятиглазой» (по количеству орудийных амбразур). Эти батареи возводились силами Морской бригады, для которой работа по их возведению стала тяжелым испытанием. Мы знаем, с каким энтузиазмом моряки выполняли осадные работы. Парадоксально, но мало того, что наиболее трудно достигаемые позиции достались именно им, так и самые тяжелые орудия тоже стояли на их вооружении. О так называемых Ланкастерских орудиях говорят много. Некоторые считают их едва ли не самым грозным оружием неприятеля, установленным на осадных батареях. Если с точки зрения технологии и технического новшества они были прогрессом, то количество «детских болезней» свойственных любому шагу вперед было чувствительным, и по сути свело на нет весь эффект от их применения.

Сущность изобретения устройства канала ланкастерского огнестрельного оружия была в сглаживании углов контура сечения канала с двумя широкими винтовыми нарезками (как в «литтихском» штуцере). Каналы артиллерийских орудий по системе Ланкастера обрабатывались на, специально им для этого сконструированном, стан-

⁸³³ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С.49.

⁸³⁴ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С.8.

Английский линейный корабль «Альбион». Худ. Лебретон. Вторая пол. XIX в.

ке. Пушки Ланкастера были сняты на береговые батареи с кораблей "Beagle", "Retribution" и "Diamond". В частности, если верить сообщению о награждении Крестом Виктории лейтенанта Хьюитта (Hewett), опубликованному "The London Gazette" 24 февраля 1857 г., два стоявших на вооружении левой и правой Ланкастерских батарей были сняты с парового корабля "Beagle".⁸³⁵ Калибр их был примерно 8 дюймов. Снаряды конического типа имели взрыватели ударного действия. Именно попадание такого снаряда в русскую батарею №10 причинило первые потери в период оборони-

тельных действий у Севастополя, когда, по воспоминаниям Бабенчикова, английские «...пароходики-ползуны, при содействии четырех больших пароходов, сделали несколько удачных выстрелов из ланкастерских пушек, по батарее № 10».⁸³⁶

Единственным позитивом была большая дальность стрельбы: «...наши снаряды, в большинстве случаев, не долетали до них, а брошенные с пароходиков-ползунов не только перелетали через передовые батареи, но падали иногда даже в городе».⁸³⁷

Но 17 сентября снаряды сработали хорошо: «...одна из продолговатых бомб попала в ров позади батареи и разорвалась в нем; другая, ударившись в край дула орудия и скользя по нему, попала трубкой в верхнюю оковку левой станины лафета и также разорвалась на мелкие осколки. Осколками этими, из числа орудийной прислуги, стоявшей на своих местах, согласно строевого устава, убит канонир 3-й роты Петр Клярфельд и ранен опасно в голову канонир Шайкин, умерший потом в госпитале. Это были первые жертвы севастопольского боя».⁸³⁸

При очевидных плюсах (большая дальность стрельбы, высокая точность и проч.), пушки Ланкастера (в том числе, по мнению тщательно изучившего их устройство и применение в Крыму майора Делафилда из США) имели множество недостатков и к концу Крымской кампании почти все вышли из строя.⁸³⁹

Герен весьма низко оценивает роль Ланкастерских орудий. Он даже считает, что они нанесли больше вреда, учитывая, что доставка одного орудия на позицию стоила жизни десятка лошадей, чем пользы.⁸⁴⁰

С 2 октября началась подготовка к бомбардировке. По воспоминаниям мичмана Вуда работа стала более напряженной. Теперь подъем был в 4.30 утра и почти без отдыха личный состав трудился до 19.30. Назначенные в ночные смены отдыхали с 2 до 20 часов, после чего работали до рассвета.

Погода больше не баловала теплом. Ночи становились все холоднее, утро было характерно обильной влагой, а солнце грело лица союзных солдат лишь несколько часов в середине дня. Правда моряки избегали массовой заболеваемости, вероятно

⁸³⁵ The London Gazette. Issue 21971. 24 February 1857 (<http://www.london-gazette.co.uk/issues/21971/pages/652>).

⁸³⁶ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 360.

⁸³⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 360.

⁸³⁸ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 360–361.

⁸³⁹ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 9–10.

⁸⁴⁰ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 307–308.

благодаря большим дозам хинина и большому количеству винограда, обильно произраставшего у Кадыкоя.⁸⁴¹

Маленькие радости у морских артиллеристов англичан выпадали изредка во время ночных дежурств. После первых же вылазок русских жизнь осаждавших стала проходить под постоянной угрозой. Чаще всего пехотинцы, работавшие в траншеях, едва получив сигнал о нападении, стремились поскорее убраться с места работ, унося оружие и драгоценный шанцевый инструмент, понимая, что долго русские в захваченных окопах не задержатся и уйдут, прихватив все, что им достанется, поломав все, что не смогут унести.

Хитрые моряки, улучив момент, когда пехота получила ложный сигнал о нападении (как бы они его не сами «организовали»), традиционно удалась, пробралась в траншею и полакомившись только что приготовленным и доставленным ужином, уничтожила все найденные запасы рома. Вернувшиеся солдаты, надеясь после всей этой бестолковой ночной беготни выпить и закусить, с удивлением обнаружила в траншеях множество тел. Правда, принадлежали они не русским, а мертвецы пьяным чинам Морской бригады.⁸⁴²

Опасаясь повторных ночных атак русских, англичане вынуждены увеличить количество людей выделяемых на ночные работы в траншеи. Кроме работающих шанцевым инструментом, приходится выделять несколько рот в передовое прикрытие. На ночь в траншеи стали размещать стрелков из одного из батальонов Стрелковой бригады.

Подполковник Лайсонс, посетив позиции одной из рот, назначенных от 23-го Королевского Уэльского фузилерного полка с удивлением обнаружил, что русские в городе не подавлены, ведут себя оживленно. Это притом, что еще несколько дней назад он, считая их деморализованными после Альмы, утверждал, что один гвардейский сержант стоит целой русской дивизии, а Севастополь не продержится и двух недель.⁸⁴³ Ничего, через несколько дней, у него будет возможность убедиться в обратном, да и под Севастополем ему придется задержаться надолго.

Хотя британцы и работали не торопясь, природная склонность к организации давала свои плоды — их позиции с каждым днем становились угрожающе сильными.⁸⁴⁴ Русские «...явственно различали землю, выбрасываемую из окопов на брустверы, и многие были просто изумлены количеством земли, выбрасываемой лопатами, и говорили, что противники копают траншеи какими-то машинами».⁸⁴⁵

В отличие от французов, за все эти дни англичане не производят ни одного выстрела из орудий. Это делается специально — противник не должен знать: где и сколько орудий против него установлено, и где устраивать контрбатареи.⁸⁴⁶

К 16 октября батареи были не только возведены, но и обеспечены боезапасом из расчета 500 выстрелов на орудие.

⁸⁴¹ John Barham. The Naval Brigade (http://www.suite101.com/article.cfm/crimean_war/111070).

⁸⁴² John Barham. The Naval Brigade (http://www.suite101.com/article.cfm/crimean_war/111070).

⁸⁴³ Daniel Lysons, The Crimean war from first to last, London. 1895. P. 110–116.

⁸⁴⁴ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 432.

⁸⁴⁵ Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой// Military Крым. №17. Симферополь. 2010 г. С. 48–52.

⁸⁴⁶ Money. A. Sevastopol: our tent in the Crimea and wanderings in Sevastopol. Richard Bentley. London. 1856. P. 42.

БЫТ, СНАБЖЕНИЕ, КЛИМАТ

После того, как союзные войска, заняв позиции между Балаклавой и Севастополем, основательно расположились на удобной местности, они немедленно начали обустроить свои биваки. В первое время отступили болезни, благодаря использованию продуваемых возвышенностей. Не было особой нужды в медицинских принадлежностях, хотя это в основном касалось французов, снабженных госпитальными местами на 17 500 пациентов.

Войска располагались в шалашах и палатках. Первые врывались в землю на глубину более аршина и имели ширину до 1½, длину до 3, высоту до 1 сажени. Стены выше земли плелись в виде плетня и обмазывались глиной. Крышу устраивали из древесных сучьев и земли.⁸⁴⁷

Основную массу составляли конусообразные «палатки-колокола» — стандартное имущество британской армии. Они имели 9 футов высоты и примерно 12 в диаметре по основанию и удерживались деревянным центральным шестом. Некоторым офицерам удалось разжиться так называемыми «палатками путешественника». Эти были несколько ниже, меньше по внутреннему объему, но более устойчивыми, особенно учитывая постоянно усиливающиеся осенние ветры.⁸⁴⁸ Пока они напоминают о себе иногда идущими дождями, но даже в этом случае после Болгарии Крым казался благоденственным местом.⁸⁴⁹

В палатках вскоре возник свой мир. Свой быт, свои прелести и проблемы. С трудом налаживалась гигиена. В конце сентября многие даже английские офицеры все еще не имели элементарного: полотенец, мыла, расчесок, зубных щеток, помазков, бритв и проч. Правда два последних предмета не сильно беспокоят солдат и офицеров: армия постепенно обзаводится густыми бородами и даже щеголяет ими. Купаться приходится в море, стирать одежду удается с трудом, а чаще всего не удается совсем. о кипячении даже нет разговора.

Что касается буйной поросли на лицах английских солдат и офицеров, то уже вскоре бакенбардная и бородная лихорадка переметнутся из Крыма в Англию, и безумие охватит всю страну. В Лондоне «...природные англичане, желая похвастаться храбростью, говорят, что если захотят, то отпустят усы и бороды. Отважнейшие из врачей начали шептаться пациентам, страдающим простудой горла, или зубной болью, что усы, предохранительное средство от простуды зубов, борода — от простуды не только зубов, но и горла. Некоторые природные британцы уже несколько дней не брились... Приказчики в магазинах, писцы в конторах отвергли употребление бритв...».⁸⁵⁰

Дальше — по нарастающей. В знак солидарности с воюющими в Крыму англичане стали массово отказываться от излюбленных шляп и переходить на ставшие невероятно популярными на полуострове среди офицеров, благополучно избавившихся вслед за нижними чинами от киверов, фуражки: «А английская круглая шляпа, эта неизбежная, необходимая черная шляпа, столь неизбежная, что Пакстон был на замечании у всего Лондона не как главный архитектор, а как человек, носивший летом белую шляпу — где нынче господство ее? ... Развращение нравов достигло того, что нынче каждый дерзает выбирать шляпу по своему собственному вкусу, и некоторые

⁸⁴⁷ Затлер Ф. О госпиталях в военное время. СПб., 1861 г. С.43–44.

⁸⁴⁸ Money. A. Sevastopol: our tent in the Crimea and wanderings in Sevastopol. Richard Bentley. London. 1856. P.31.

⁸⁴⁹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.131.

⁸⁵⁰ Новости науки, искусства, промышленности и литературы//Отечественные записки. Том 12. СПб., 1855 г. С.67–68.

осмеливаются даже появляться в фуражках!». ⁸⁵¹ Знала бы английская мода, что ее ждет впереди!

Британский журналист сообщал в редакцию своей газеты из Крыма: «...тому, кто знал английских солдат прежде, достаточно простого взгляда на них, чтобы убедиться, каким лишениям они подвергались. Внешний вид их говорит сам за себя. Все они похудели и ходят как больные. За исключением гардероба генералов и некоторых штаб-офицеров, пользующихся наибольшим значением, во всей армии не найдется и дюжины чистых рубашек. Один офицер рассказывал мне, что он целую неделю уже не мыл рук; что уже касается до того, чтобы мыть лицо, то о такой роскоши нечего и думать». ⁸⁵²

Правда у старших офицеров и генералов условия значительно лучше: у них есть даже ванны и, как пишет современник, он видел даже нескольких из них в чистых белых рубахах, правда, не накрахмаленных. ⁸⁵³

Есть и позитивные стороны осадной жизни. Улучшается питание, в войска начинают поступать консервы в герметически закрытых банках с разнообразным ассортиментом: «Телятина с горохом», «Вареная говядина», «Баранина с фасолью» и др. Ричардс пишет домой: «В день мы получаем 1 фунт галет, ¼ фунта свинины или 1 фунт свежего мяса и ¾ бутылки рома. Не много для того, чтобы прожить, может быть, скажете вы. Но мы добавляем к этому капусту, турнепс, домашнюю птицу, тыкву, арбузы и прекрасный виноград. Здоровье солдат значительно улучшилось. Иногда даже едятся полакомиться медом из ульев». ⁸⁵⁴

Появляются экзотические добавки к меню (правда, в основном, офицерскому): консервированное молоко, шоколад. Уже можно, приняв хавшись, уловить тонкий запах турецкого табака. Вскоре в дополнение к традиционным трубкам появляются сигареты.

Это еще одна из многих легенд Крымской войны и я думаю, читателям будет интересно ее узнать. Слово «сигарета» французского происхождения, оно означает «маленькая сигара». Сигареты обязаны своим происхождением американским индейцам, которые первыми стали заворачивать табак в солому, тростник и кукурузные листья. Но современная практика их курения возникла в Испании и странах Средиземноморья в начале XIX в., а массово распространилась во время Крымской войны в 1854–1856 гг. Британские солдаты переняли привычку к курению сигарет у русских и турецких солдат, которые чтобы покурить на привале, марше, в траншеях или в пикетах, стали заворачивать табак в бумажные гильзы от пороха либо обрывки газет. Вскоре в Англии было налажено их массовое производство. Первая сигаретная фабрика в Европе была построена в Лондоне. ⁸⁵⁵

Конечно, это изобилие происходило не из военных рационов. Вечно крутившиеся возле военных администраций торговцы быстро смекнули о возможности нажиться на войне и, используя корабли, сумели наладить отличное снабжение армии и флота в Крыму, продавая все, что можно, по таким ценам, которые в Англии никому не могли даже в голову прийти. А так как офицерам платили хорошо, деньги тратить было больше некуда, то за ветчину охотно платили 2 фунта 17 шиллингов, по 3 шиллинга

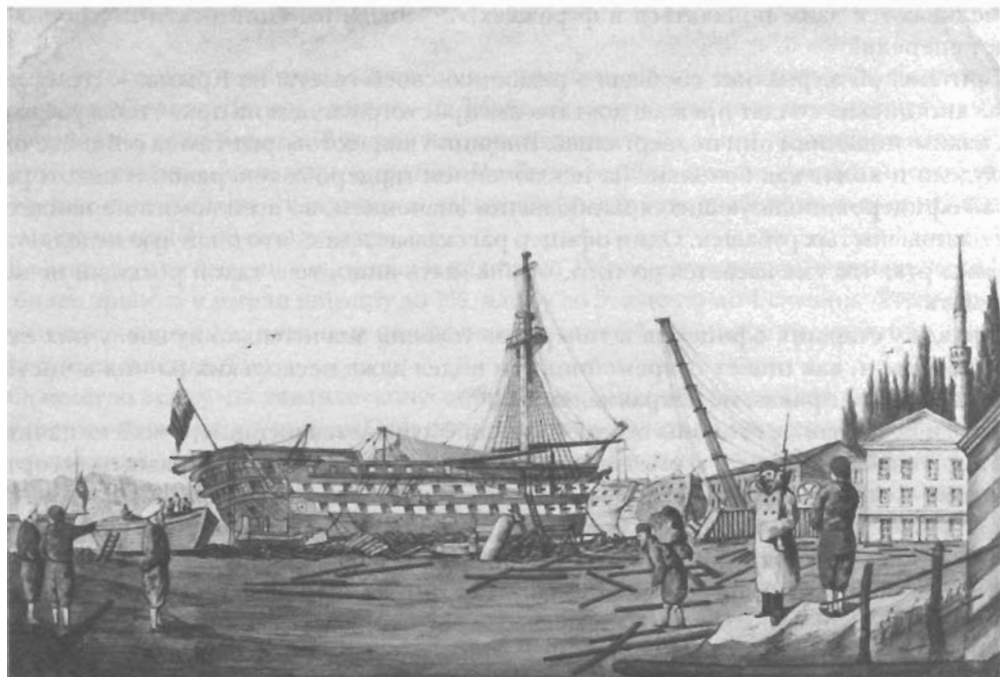
⁸⁵¹ Новости науки, искусства, промышленности и литературы // Отечественные записки. Том 12. СПб., 1855 г. С. 68.

⁸⁵² Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С. 237.

⁸⁵³ Money, A. Sevastopol: our tent in the Crimea and wanderings in Sevastopol. Richard Bentley. London. 1856. P. 36–38.

⁸⁵⁴ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С. 131–132.

⁸⁵⁵ <http://zdorovja.com.ua/content/view/202/173/>

Английский линейный корабль «Альбион» на ремонте после боя 5(17) октября 1854 г. Вторая пол. XIX в.

за фунт соли, по 5 шиллингов за фунт мыла, по 1 шиллингу 3 пенса за свечи, 1 шиллинг за хлеб, 10 шиллингов за бутылку шерри и 1 шиллинг за унцию табака.⁸⁵⁶

В лагере царит почти покой, который иногда нарушают прилетающие с русских батарей снаряды, но к этому вскоре привыкают тоже. Больше раздражают англичан доносящиеся из турецкого лагеря «...звуки труб, далекие от гармонии, которые можно было назвать музыкой лишь при наличии достаточного воображения».⁸⁵⁷

Каждое утро офицеры поднимаются, завтракают и отправляются на свои участки. Самым нелюбимым делом становится служба на пикетах, но она хотя бы не такая монотонная и позволяет видеть русских, активно укрепляющих крепость. Это настаивает британцев. Уже никто не верит в бред польских дезертиров, что русские дезорганизованы, что Меншиков после Альмы впал в панику, что победу англичане могут одерживать отныне одними штыками. Их поражает вид постоянно тренирующихся защитников Севастополя, а то, что они сделали за несколько недель, демонстрирует их готовность упорно драться за город и крепость.⁸⁵⁸

Вскоре ранняя осень с ее влажной погодой и низкими температурами начала сказываться, и число больных в обеих армиях стало тревожно возрастать. В октябре пришлось дополнительно открыть госпитали в Константинополе. У французов там

⁸⁵⁶ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.132.

⁸⁵⁷ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.132.

⁸⁵⁸ Money. A. Sevastopol: our tent in the Crimea and wanderings in Sevastopol. Richard Bentley. London. 1856. P.43.

уже был один — «Долма Бакши», но до конца месяца потребовались еще два: в Рамис-Чифлике (на 1200 чел.) и недалеко от Перы (на 400 чел.).⁸⁵⁹

Хлынувшие в Крым чиновники Военного комиссариата, вместо того, чтобы наладить более или менее сложившееся снабжение войск, в несколько недель развалили его. Лейтенант Ричардс уже не восхищается, скорее он возмущен: «Этот чертов Комиссариат превратил несколько оставленных жителями домов в склады, как они их называют. Если вы хотите там что-нибудь получить, то встречаете на складе тылового офицера Джонса, Смита или Робинсона, курящего сигару (которая наверняка предназначалась для армии и которую он, конечно, украл), и он вам заявляет, что, к сожалению, искомое имущество находится где-то на складе, но у него сейчас нет времени на поиски».⁸⁶⁰

Рай превращался в ад. Зловоние доходило до расположения войск, вода у берега становилась похожей на мутную жижу. Становилось с каждым днем холоднее и солдаты практически перестали снимать верхнюю одежду. Былой блеск исчез. Один из офицеров писал домой: «...мой мундир превратился в лохмотья, обувь изнасилась, но мы все выглядим одинаково».⁸⁶¹

ПЕРВЫЕ ВЫЛАЗКИ

Любой, кто занимается изучением Крымской войны, часто встречается с этим словом — вылазка. Объяснить его не трудно, ибо смысл в самом названии: выход части войск из осажденного укрепления для нападения на осаждающего неприятеля.⁸⁶²

Задачей вылазок является, прежде всего, замедление осадных работ. Чтобы крепость держалась, нужно было, как можно дольше держать неприятеля на расстоянии, ибо «...к несчастью для крепости и ее гарнизона, каждый шаг, приближающий атакующего к центру крепости, сопровождается новыми, благоприятными для него факторами».⁸⁶³

В Севастополе этого добивались днем огнем артиллерии, ночью — атаками на закладываемые траншеи, когда «...высылаемые из города малые отряды и охотники тревожили противника в траншеях».⁸⁶⁴

В этом «тревожили» еще один коварный смысл подобных акций — изматывание неприятеля, принуждение его к постоянному страху. Ни у кого не было желания увидеть внезапно падающих на голову русских матросов или солдат, пришедших не с самыми лучшими намерениями и уж, конечно, совсем не в гости. Тем более, что блеск холодной стали может стать последним, увиденным в этой жизни. Шанс сдаться в плен — минимальный, можно просто не успеть. Пленных сильно не стремились брать. Штабс-капитан А. Акулевич: «...Неподражаемо храбры наши охотники — с терпением ожидали вылазки, брать пленных не любили...».

Лекарство тут одно — бдительность. В результате требовалось все больше и больше людей выделять для охранения, таким образом, сокращалось время отдыха, личный состав уставал и приходил в уныние. Пример тому слова французского лейтенанта

⁸⁵⁹ Затлер Ф. О госпиталях в военное время. СПб., 1861 г. С. 44.

⁸⁶⁰ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С. 133–134.

⁸⁶¹ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С. 134.

⁸⁶² Из «Толкового словаря» Ушакова (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/772066>).

⁸⁶³ Мейснер Е. Опыт боевой оценки крепостей (окончание)//Военный сборник. №3. СПб., 1891 г. С. 46.

⁸⁶⁴ Обзор военных действий 1854–1855 гг.//Отечественные записки. Том 12. СПб., 1855 г. С. 86.

Варэня, описывающие состояние офицера в эти дни: «Октябрь оказался очень тяжелым месяцем; 9 дней подряд я провел без отдыха; каждый раз после смены караула в траншеях я заступал на дежурство по осуществлению инженерных работ».⁸⁶⁵

Похожее говорит Монтодон: «...на передовых постах, в засадах происходят частые стычки с русскими; последние себя показывают неустраслимыми и весьма агрессивными...».⁸⁶⁶

Едва союзники начали осадные работы, русские немедленно ответили внезапными нападениями на работавших по ночам саперов и пехотинцев. Задача облегчалась тем, что, как правило, те шли в траншеи безоружными, только с шанцевым инструментом.⁸⁶⁷ Прикрывавшие их подразделения в первые дни были не особенно бдительными, и потому акции русских, проводившиеся под прикрытием темноты, часто имели успех. Сами англичане в первое время понимали, что слабое внимание в ночное время, было настолько повсеместным, что только «...благодаря providению мы не попали в плен».⁸⁶⁸

Это была тоже классика позиционной борьбы за укрепленные позиции. Парадокс ее состоял в том, что обороняющиеся и атакующие иногда менялись ролями. В борьбе за передовые позиции нужно было драться за каждый метр, драться постоянно, мешая противнику, уничтожая его работы, отесняя дальше от свои передовых линий.⁸⁶⁹

Действуя таким образом, и понимая, что таким путем осадные работы не остановить, русские стремились их максимально замедлить. Захватывался шанцевый инструмент, что нельзя было унести — уничтожалось. Качественные английские кирки и лопаты впоследствии очень даже пригодились для защитников Севастополя, так как «...на работах при каменистом грунте, наш шанцевый инструмент, столь красивый на инспекторских смотрах, оказался мало пригодным». Вот и «... только и можно было работать инструментом, добытым от неприятеля».⁸⁷⁰ Розин в грустном констатировании удручающего состояния отечественного шанцевого инструмента не одинок. Парадный лоск имел приоритетный смысл в ущерб качеству, но на пользу всепоглотившей коррупции: «Весь полковой инструмент русских содержится на складах дабы предъявить, когда потребует, но никак не для использования по назначению: ежегодно его подкрашивают, а в карманах полковника оседает определенная сумма на починку и обновление. Когда же дело доходит до использования, он уже бесполезен. В моей роте солдаты разбили весь инструмент после трех дней работ, вследствие чего мы были обязаны достать другой инструмент, получше».⁸⁷¹

Если позволяло время, сооруженное уничтожалось, мешки, туры и прочие предметы инженерного имущества приводились в негодность. Так, во время рейда с 4-го бастиона 27 сентября (8 октября) были сожжены доставшиеся ранее неприятелю лес-

⁸⁶⁵ Ernest Varaigne. *Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimée. Temoignage.* Nice. 1992. Перевод Г. Беднарчика (<http://d13632.t24.tavrida.net.ua/article.php?id=873>).

⁸⁶⁶ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 53.

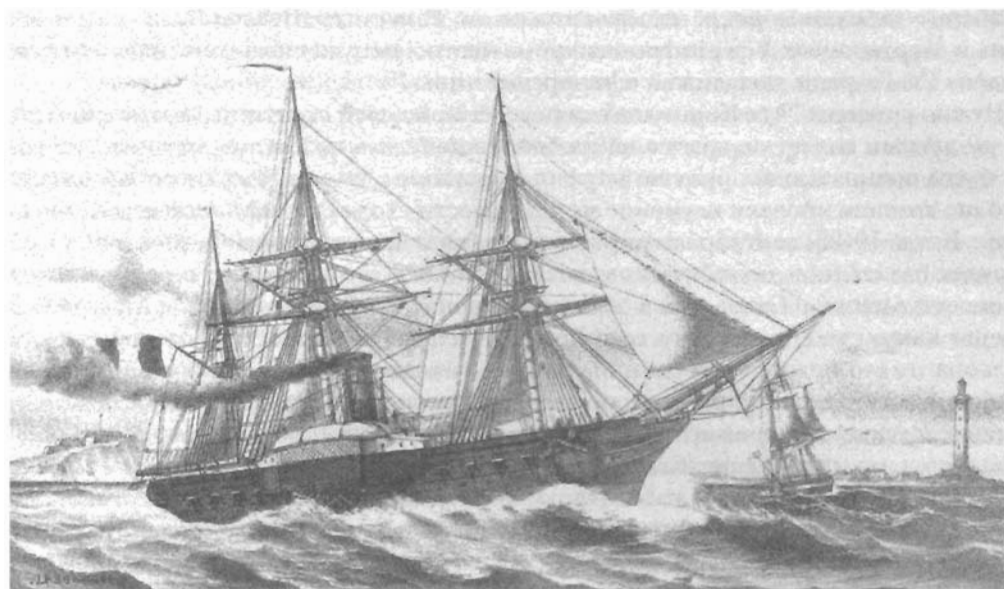
⁸⁶⁷ Harold Carmichael Wylly. *The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea (Vol. 1).* S. Sonnenschein. London. 1899. P. 21–22.

⁸⁶⁸ Harold Carmichael Wylly. *The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea (Vol. 1).* S. Sonnenschein. London. 1899. P. 21–22.

⁸⁶⁹ Селецкий. Заметки о крепостной войне // Военный сборник. № 6. СПб., 1886 г. С. 249.

⁸⁷⁰ Розин А. *Очерки из Крымской войны (дневник очевидца)* // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 281.

⁸⁷¹ Ходасевич Р. *Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3.* Пер. с англ. Е. Савельевой // Military Крым. № 17. Симферополь. 2010 г. С. 48–52.

Французский паровой фрегат «Декарт». Худ. Лебретон. Вторая пол. XIX в.

ные склады у Балаклавской дороги, запасы которых могли быть использованы для строительства осадных батарей. Небольшая группа охотников скрытно проникла к складам, подожгла их и без потерь вернулась к своим позициям.⁸⁷²

Ну и обязательно личные вещи английских солдат и офицеров, а также продукты и прочие мелкие радости траншейной жизни. Вскоре в Севастополе возник целый рынок трофеев, каждый из которых имел свою цену. Заезжие чиновники охотно брали все, даже осколки бомб, которые можно было предъявить «дамам сердца» в столице и окрестностях, как доказательство своего, якобы, нахождения под огнем. Но все это еще впереди. Пока военные комиссионеры обдeldывают свои темные делишки вдали от Севастополя, но уже к концу года обнаглеют настолько, что будут воровать едва ли не под артиллерийским огнем.

Вскоре все специалисты в вопросах крепостной фортификации дружно признают, что одной из главных особенностей любой крепостной войны является превалирование ночных действий.⁸⁷³ Пока же к этой истине противоборствующие стороны только приходят.

Одними из апологетов этой ночной войны стали прибывшие в сентябре в Крым пластуны 2-го и 8-го Черноморских батальонов, те самые, которые прошли через Симферополь «без штанов», вгоняя в краску местных барышень. Не теряя ни единого дня (точнее, ночи) даром они занялись своим любимым и привычным делом. Многие из них настолько преуспели в нем, что умудрились сделать вполне приличную военную карьеру. К примеру, Макар Евгеньевич Шульга, «самый предприимчивый и неутомимый ватажок пластунских артелей, ознакомившийся со всеми закоулками неприятельских позиций короче, быть может, чем со своим станичным юртом». Его

⁸⁷² Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 181.

⁸⁷³ Случевский К. О крепостной войне (окончание)// Военный сборник. № 8. СПб., 1889 г. С. 76.

особенно уважали моряки, называя атаманом. Под стать Шульге были казаки Головань и Мартыненко. Вся эта троица кроме честно заслуженных ими знаков отличия ордена Св. Георгия, получила и офицерские чины.⁸⁷⁴

Нужно признать, что Корнилов с определенной долей скептицизма относившийся к сухопутным коллегам, сразу оценил боевую ценность пластунов, которые, не только были полностью вооружены нарезным оружием, но и, прикрыв собой батареи, вполне компенсировали неумение моряков вести столь специфические действия на суше. Когда 10(22) сентября адмирал встречал казаков, то поинтересовался: «Нет ли в рядах батальонов таких казаков, которые в 1828 г. участвовали в осаде и взятии крепости Анапы?». Оказалось в обеих батальонах таких, которые под Анапой были «перва наша», то есть первого года службы, только два человека. Зато знамя 8-го батальона имело надпись «за отличие при взятии Анапы». Корнилов приблизился к знамени, внимательно прочитал надпись, после чего произнес перед батальонами: «главнокомандующий помнит молодецкую службу черноморских полков под Анапою и надеется, что прибывшие батальоны, их преемники, с таким же отличием сослужат службу здесь, при севастопольском гарнизоне».⁸⁷⁵ Хотя адмирал говорил от имени командующего, казаки оценили этот жест внимания по достоинству: отныне авторитет морского начальства у пластунов был непререкаемым.

Вскоре эта война была доведена до совершенства, если можно называть совершенством способы убийства людей. В коротких схватках часто не было пощады и потому застигнутые врасплох неприятели предпочитали бегство сомнительной перспективе оказаться лицом к лицу с разгоряченными русскими солдатами или матросами, озабоченными единственной целью — уничтожить, разрушить, захватить. Но у нас еще будет время поговорить об этих действиях, пока они лишь начинают проводиться и не играют сколько-нибудь существенной роли.

Вылазки начались сразу же, как достаточно точно удалось определить линию неприятельских позиций. Силы, которые применялись для участия в вылазке, насчитывали от нескольких десятков человек до роты, в скором времени уже батальон и даже более.

Одна из первых состоялась в ночь с 25 на 26 сентября. Участвовали в ней исключительно добровольцы. Специальность каждого определялась задачей, которая ставилась перед отрядом. В эту ночь предпочтение отдавалось штуцерным стрелкам. Задача была как раз для них: выбить неприятельских стрелков, мешавших инженерным работам русских. Из Московского пехотного полка таковых отобрали 20 человек, поступивших под командование лейтенанта 44-го флотского экипажа П.Ф. Гусакова 2-го. Всего в деле участвовало 80 матросов 3-го десантного батальона, 35 саперов и 20 москвичей и добровольцы из других подразделений. Общее число 155 человек.⁸⁷⁶

Судя по всему, предполагалось выдвижение к неприятельской линии работ у хутора Рудольфа. Там ожидали встречи с французскими стрелками, засевшими за разрушенной оградой хутора у сожженного до этого 29-м экипажем дома, теми самыми, которых надеялись огнем прогнать оттуда. Вначале ничего не предвещало беды. Вышли за час до полуночи. Шли через кладбище, стараясь выйти в тыл французам.

⁸⁷⁴ Есаул. Черноморцы-пластуны в Севастополе//Военный сборник. Том LXLV. СПб., 1874 г. С.9.

⁸⁷⁵ Есаул. Черноморцы-пластуны в Севастополе//Военный сборник. Том LXLV. СПб., 1874 г. С.12.

⁸⁷⁶ Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948 г. С.230.

Казалось, задача будет не сложной и выполнимой. Но все оказалось сложнее. Похоже, что русских там ждали (это мы узнаем немного погодя), и внезапно достигнуть не удалось. Кроме стрелков в эту ночь у хутора на позиции находились и большие силы пехоты (полтора батальона 39-го линейного полка),⁸⁷⁷ скрытые высотой от разрушенного дома до Сарандинакиной балки. Завязав перестрелку, и начав нести потери (убит мичман 30-го экипажа Иванов, ранен 1 матрос), Гусаков дал команду на отход к своим позициям.

По одной версии (московской), потеряв ночью в суматохе боя ориентировку, русские сбились с направления отступления, и вышли к 5-му бастиону, где о вылазке ничего не знали и, приняв отходивших соотечественников за атакующих французов, от души угостили их картечным огнем. К счастью, больших потерь удалось избежать, но трех москвичей пришлось отправлять к медикам.⁸⁷⁸

По другой версии (морской), пули, предназначенные москвичам, стали долетать до 5-го бастиона, где на всякий случай сделали то, что и требовалось в случае атаки с фронта пехотой: местность перед позицией «прочесали» четырьмя картечными выстрелами. С точки зрения точности огня артиллерии, то по своим она всегда стреляла ничуть не хуже, чем по чужим (вспомним Булганакский «дружественный огонь» по гусарам Халецкого). Был убит 1 матрос, ранен сам Гусаков и еще 5 нижних чинов.⁸⁷⁹

Спасли ситуацию прикрывшие отходивших моряков и солдат казаки 2-го Черноморского батальона. Быстро устроившись за заранее приготовленными на батарее мешками с песком, они своим метким огнем «утихомирили» неприятельских стрелков.⁸⁸⁰

Только услышав сигнал, поданный горном отряда вылазки, на 5-м бастионе прекратили огонь.

Французы хорошо запомнили эту ночь. Она даже вошла в историю 39-го линейного полка, как успешные действия по отражению нападения больших сил русских.⁸⁸¹ Одним из участников этой стычки стал лейтенант Варэнь: «7-го октября в шесть часов вечера колонна русских приблизилась к нам с целью разведки наших позиций и хода инженерных работ. Моя рота стрелков прикрывала полк, расположенный в 150-ти метрах позади нас; дав указания, Полковник уверил меня в том, что в случае атаки он не оставит нас без поддержки. Надвигалась темная ночь; мои люди притаились за остатками разрушенных стен из сухого камня. Я настойчиво советовал не открывать огня до сигнала, который должна была подать группа стрелков, расположенная в центре рядом со мной. Заметив противника на расстоянии около 80-ти метров, несколько стрелков справа, несмотря на мои указания, открыли огонь. Русские перед тем, как отойти, ответили мощным залпом, ранив двух моих людей. Если бы все в точности следовало моим указаниям, мы бы подпустили противника поближе, и наш залп уничтожил бы многих русских. ...В связи с темнотой эта стычка не имела продолжения».⁸⁸²

⁸⁷⁷ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.259.

⁸⁷⁸ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С.432.

⁸⁷⁹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.259.

⁸⁸⁰ Есаул. Черноморцы-пластуны в Севастополе//Военный сборник. Том LXLV. СПб., 1874 г. С.13.

⁸⁸¹ Historique sommaire du 39e regiment d'Infanterie. Rouen. 1901. P.55.

⁸⁸² Ernest Varaigne. Memoires d'un vieux chasseur. Campagne de Crimée. Temoignage. Nice. 1992. Перевод Г. Беднарчика (<http://d13632.t24.tavrida.net.ua/article.php?id=873>).

Новый успех послужил поводом к новым награждениям. Нужно сказать, что для француза награда была громадным стимулом, побуждающим его сражаться и терпеть всевозможные лишения, сопряженные с военными буднями. Всемирно известной была еще со времен Бонапарта «...укоренившаяся во французском военном сословии жажда к славе и отличиям всякого рода».⁸⁸³

Варэнь, хотя и не считал этот бой событием, а «единственным положительным результатом стычки явился отход противника на прежние позиции», был представлен к награде, которую получил шесть месяцев спустя, в виде турецкого ордена Меджидие. Сержант Жибер, прибывший на войну добровольцем, будучи уже кавалером ордена Почетного Легиона за события июльской революции 1848 г., получил звание младшего лейтенанта.

Похоже, вылазка была обречена на провал, еще не начавшись. Вероятно, наблюдатели во французских окопах еще засветло заметили концентрацию русских и ждали дальнейшего развития событий. Судя по всему, вылазку ни с кем из начальства не согласовывали. Тотлебен назвал ее не иначе, как «несчастьем».⁸⁸⁴ Корнилов, узнав о случившемся, примчался немедленно на место и устроил разнос с последующими кадровыми решениями – начальником артиллерии 1-го отделения стал капитан-лейтенант Тироль – «один из лучших флотских офицеров».⁸⁸⁵ Но в условиях оборонительной войны кадровые вопросы зачастую решаются не так, как в мирное время. Тироль не долго занимал столь высокую должность: уже 9 октября он был убит пулей в почти такой же ситуации.

Не имея еще опыта ночных действий против неприятеля, русские умудрялись повторять одну и ту же ошибку по несколько раз. Едва отпели павших при первой вылазке (7 октября), точно туда же, точно с такой же целью операцию повторяют через сутки.

Отряд майора Эйсмонта (6-й резервный батальон Виленского егерского полка, 3-й десантный батальон, взвод сапер при дивизионе артиллерии) попытался вновь выбить французских стрелков из района хутора Рудольфа. В результате русские сами попали под удар неприятельской пехоты и вынуждены были отойти к 7-му бастиону. По приказу Канробера, быстро понявшего неспособность русских начальников к импровизации и склонных к «долблению» в одну точку, были сосредоточены большие силы: 5-й батальон пеших егерей, 2-й батальон 39-го полка линейной пехоты и 2-й батальон 22-го полка легкой пехоты.⁸⁸⁶ Заняв позиции скрытно, французы уже вскоре увидели надвигающиеся на них массы русской пехоты и встретили их ураганным огнем.

Кроме Тироля были убиты 6 и ранены 21 нижний чин. Новым начальником артиллерии 1-го отделения стал капитан-лейтенант Гувениус.⁸⁸⁷ У французов 1 солдат был убит и 6 ранено.⁸⁸⁸

Это послужило хорошим уроком на будущее. Отмечая в своем приказе этот случай, Корнилов подчеркивал необходимость согласованных действий отдельных на-

⁸⁸³ Глиноецкий Н. Военное обозрение // Военный сборник. №3. СПб., 1859 г. С. 291.

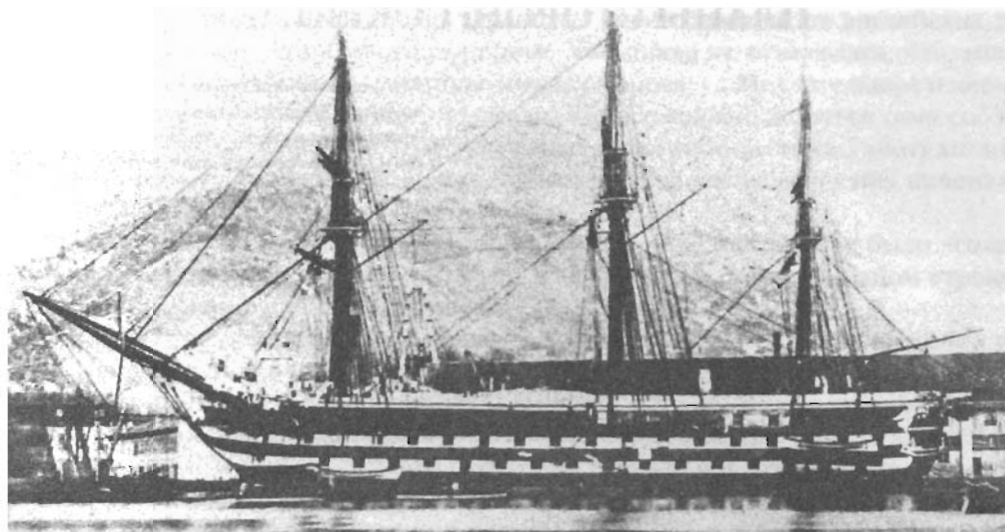
⁸⁸⁴ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 180.

⁸⁸⁵ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

⁸⁸⁶ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 304–306.

⁸⁸⁷ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 181.

⁸⁸⁸ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 304–306.

Французский линейный корабль «Шарлемань». Вторая пол. XIX в.

чальников и требовал взаимного осведомления о намечаемых действиях частей.⁸⁸⁹ Теперь к вылазкам стали готовиться тщательнее, в том числе согласовывая их с соседними батареями.

Вылазки вскоре стали непрерывными. Не проходило ночи, чтобы хоть где-нибудь русские не врываются в неприятельские траншеи. Даже во время первого бомбардирования города они не оставляли союзников в покое, как, к примеру, солдаты Тарутинского егерского полка, ходившие 6 октября на вылазку под командованием лейтенанта Новикова. На всех охотников было выдано два Знака отличия.⁸⁹⁰

Для неприятеля эти ночные налеты скоро становятся настоящим кошмаром. Более того, в полном соответствии с тем, что «у страха глаза велики», французам и англичанам постоянно кажутся огромные массы русских, атакующих их по ночам. Там где в дело идет несколько сот добровольцев, приписывают тысячи. Более того, с первых чисел октября русские уже не созерцают безучастно за саперными работами в дневное время, едва замечается активность союзных солдат в траншеях, как их «прочесывают» сильным огнем артиллерии.⁸⁹¹ Англичане констатируют: «...Русские батареи не дают покоя ни днем, ни ночью...».⁸⁹²

Для русских это не развлечение и не охота за одиночками. Этим они «убивают двух зайцев»: во-первых, замедляют работы, во-вторых, постоянно пристреливаются по неприятельским линиям, что уже скоро им очень пригодится.

⁸⁸⁹ Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М., 1948 г. С.230.

⁸⁹⁰ Рышков. Очерки из истории 67-го пехотного Тарутинского Великого Герцога Ольденбургского полка. СПб., 1896 г. С.48-49.

⁸⁹¹ Guerre D'Orient. Siege de Sebastopol. Historique du service de l'artillerie (1854-1856). Tome I. Veuve Berger Levrault & fils. Paris. Strasbourg., 1859. P.81-85.

⁸⁹² Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск III. СПб., 1872 г. С.239.

ПЛАНЫ СТОРОН: СОЮЗНИКИ

«15 октября адмиралитет союзников собрался на борту „Могадора“, принятые решения поддерживались всеми сторонами и были согласованы с командованием сухопутными силами».

Из рапорта адмирала Гамелена
18 октября 1854 г.

Бомбардировка 5(17) октября 1854 г. — знаковое событие обороны Севастополя, ставшее тем психологическим рубежом, после которого к русским вернулась эмоциональная уверенность в своих силах, вера в возможность побеждать врага, пошатнувшаяся после Альминского сражения.⁸⁹³

Для англичан оно сравнимо с днем национального позора, учитывая, что случилось на фоне общественно-информационной истерии, вызванной действиями Королевского флота на Балтике и, казалось, успешно начавшейся кампании в Черном море. От Непира и Дандаса требовали выместить российской флот, опозорить российский флаг и сделать оба региона вотчиной британской торговли.⁸⁹⁴

5(17) октября 1854 г. произошло уникальное для своего времени наземно-морское сражение, в котором обе стороны стремились победить, действуя одновременно и согласованно на суше (русские оборонительные, союзные осадные позиции) и на море (союзная объединенная эскадра, русские пароходы и береговые батареи).

Впервые о бомбардировании Севастополя было сказано в письме Раглана адмирала Дандасу 1(13) октября 1854 г.⁸⁹⁵, когда союзные главнокомандующие потребовали помощи флота против береговых батарей крепости, предполагая этим отвлечь внимание русских от сухопутной линии в момент «...предприятия решительных действий».⁸⁹⁶

⁸⁹³ Наумова Ю. А. Ранение, болезнь и смерть в повседневности русских войск в Крымскую войну // Русский сборник: исследования по истории России. Том VII. М., 2009 г. С. 375.

⁸⁹⁴ Koel H. Williams. The Life and Letters of Admiral Sir Charles Napier, K.C.B. London. 1917. P. 360–361; Edward Hungerford D. Elers Napier. The life and correspondence of Admiral Sir Charles Napier. Hurst and Blackett. London. 1862. P. 215–307.

⁸⁹⁵ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir. Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. London. 1898. P. 235.

⁸⁹⁶ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля) // Морской сборник. Том XXII. № 7. СПб., 1856 г. С. 242.

Разумеется, готовя бомбардировку, французы вновь ожидали от английских союзников какого-либо неприятного сюрприза. Уже никто не сомневался, что, как и при Альме, под Севастополем британцы опоздают снова: «...Медлительные и неподготовленные англичане как бы предполагали, что все должно делаться само собой, и у них, особенно в начале войны, отсутствовала какая-либо система. Работу английского генерального штаба можно прямо назвать жалкой, настолько у них ничего не было предусмотрено».⁸⁹⁷

Хотя англичан это, кажется, совсем не волновало. Для них важнее было «сохранить лицо» перед Англией, тем более, что предстояло сражаться в одном строю с непримиримыми противниками на морях – французами.

Но политика политикой, а штурмовать предстояло не заштатный береговой город, будущую столицу очередной колонии, а одну из сильнейших военно-морских крепостей мира. После Крымской войны Бургойн, тот самый, кто вынудил своими планами союзников воздержаться от атаки Севастополя с севера, попытался сформулировать сильные и слабые стороны береговых батарей и флота в их противостоянии. Уж очень не хотелось ему пожизненно пребывать в роли ответственного за все, вскоре случившееся. По его мнению, в пользу батарей было обращено следующее:⁸⁹⁸

- возможность береговой артиллерии использовать различные типы снарядов, наиболее разрушительные при воздействии на конструкцию кораблей и их команды (каленые ядра и проч.). В тоже время корабли ограничены в выборе типа снарядов, так как огонь на разрушение батарей и выведение из строя орудий часто был мало эффективен против личного состава.

- снаряды береговых батарей имеют возможность поражать корабли не только при прямых попаданиях, но и на ricochetтах от водной поверхности. Ricochetты от стен фортификационных сооружений вряд ли будут иметь повторное действие.

- батареи, как правило, имеют небольшой уровень возвышения над поверхностью, а если и возвышаются, то орудия и прислуга укрыты за толстой каменной кладкой. Корабли же, наоборот, иногда даже значительно возвышаются над уровнем поверхности моря, а личный состав укрыт лишь деревянными бортами.

- батареи имеют заранее просчитанные сектора огня, огонь в которые ведет расчетное число орудий. У корабля гораздо меньше возможностей маневрировать огнем своей артиллерии во время сражения.

В свою очередь флот имел свои преимущества:

- возможность сосредоточения значительного числа орудий на одной цели. В этом случае максимальная эффективность достигалась на дистанциях не более 500–600 м. На такой дистанции линейный корабль одним бортовым залпом при точном прицеле мог сокрушить береговую батарею.

- корабли, особенно паровые, имели возможность постоянного маневра, и изменения направления огня.

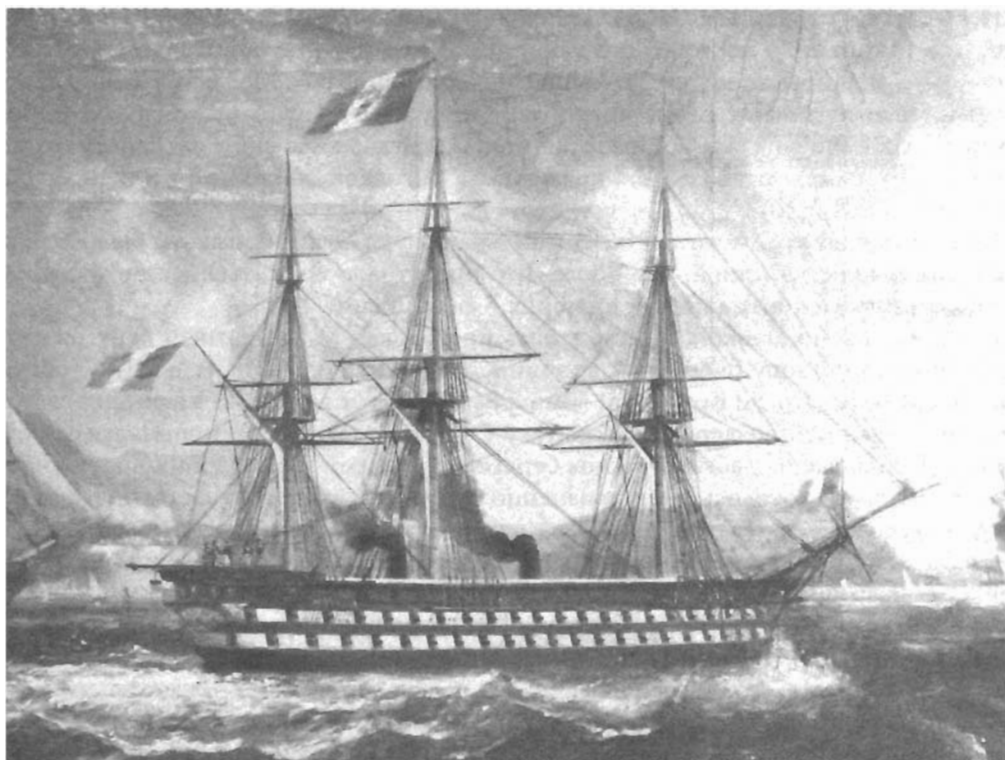
Дальше генерал наплел кучу глупостей про негуманность обстрелов городов, убийств мирного населения.⁸⁹⁹ Но после Одессы в это верить что-то расхотелось.

Бургойн не был первооткрывателем. И англичане, и французы имели в активе несколько случаев успешных действий своих флотов в аналогичных или похожих ситуациях. Но дело в том, что, признавая действительно удачные примеры опера-

⁸⁹⁷ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г. С.518–526.

⁸⁹⁸ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P. 161–164.

⁸⁹⁹ Burgoyne, John Fox, Sir, bart. The military opinions of General Sir John Fox Burgoyne. London. 1859. P. 165.

Французский линейный корабль «Наполеон». 1852 г.

ций флота против береговых батарей, не будем забывать, что все это были действия против «третьестепенных государств, или государств, не обладающих военной опытностью».⁹⁰⁰

Много времени на планирование не отводили – союзники явно торопились быстрее покончить с этими русскими, которым, к удивлению неприятеля, почему-то не хотелось поднимать белый флаг и, взяв символические ключи, спешить к Раглану и Канроберу с просьбой о приобщении России к списку очередных территорий, стремящихся к общеевропейским ценностям.

2(14) октября проводится рекогносцировка,⁹⁰¹ после которой Гамелен доложил свои соображения Канроберу и командирам пехотных дивизий. Тогда же командиры и офицеры кораблей союзного флота были оповещены о предстоящей атаке Севастополя с моря и суши.⁹⁰² Как говорит одна из книг по истории Королевского флота:

⁹⁰⁰ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля)// Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С.244.

⁹⁰¹ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д.В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С.54.

⁹⁰² Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. – 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbennyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>).

за неимением противника на море, союзники решили использовать силу боевых кораблей для атаки неприятеля на берегу.⁹⁰³

Стало ясно, что Севастополь союзники «приговорили» к бомбардировке. Это такое обывательское название грядущего кровопролития. Ближе к военной терминологии оно звучит примерно так: комбинированная атака с моря и суши. Синоп показал, что пришло время «...лебединой песни гладкой морской артиллерии».⁹⁰⁴ Правда, эта песня за три месяца до описываемых событий неплохо была исполнена союзниками во время экспедиции на Аландские острова в Балтийском море. Взятие и последующее разрушение в июле-августе 1854 г. крепости Бомарзунд вдохновило англо-французское командование на повторение этого действия уже в Черном море.

Операция планировалась 3(15) октября на французском фрегате «Могодор», над которым Гамелен временно поднял свой адмиральский флаг. Участвовали все адмиралы, в том числе турецкий Ахмед-паша.

Вначале обсудили противника. Береговые батареи Севастополя сочетали все условия, необходимые для защиты крепости: на возвышенностях — земляные батареи с барбетами, у горизонта воды — казематированные каменные постройки, орудия были разного типа, позволяя вести огонь разного вида по всей линии атакующих флотов. Союзным морякам не приходилось иметь дело с столь грозным противником. Тем более, отмечает Гривель, батареи были укомплектованы «...артиллеристами, знающими свое дело и мужественными».⁹⁰⁵

Флот должен был поражать береговые батареи единственным видом огня — прицельными выстрелами. Два других вида — атака навесными выстрелами и сочетание навесных и прицельных выстрелов не планировались, хотя были эффективными при атаке Свеаборга, где обстрел велся с расстояния 2200 м.⁹⁰⁶ Таким образом, бомбардирование Севастополя «...представляет нам первый пример употребления прицельных выстрелов».⁹⁰⁷

В отличие от предыдущих совещаний, здесь английский инженер был не единственным, к чьему мнению прислушивались. Роль «серого кардинала» досталась малоизвестному артиллерийскому полковнику Вильяму Бреретону. Его место и роль трудно обозначить одним словом. Несомненно, опытный артиллерист (участник кампаний против Наполеона в Испании, сражавшийся при Ватерлоо, где был тяжело ранен), пожилой человек (родился в 1789 г.), специализировавшийся на применении ракетного оружия, он не был официальным участником кампании в Крыму. Но по британским понятиям его статус был не так уж мал — он являлся родственником адмирала Дандаса и его гостем на борту флагманского линейного корабля «Британия», всячески консультируя последнего по разным вопросам. Кловс утверждает, что именно Бреретон рекомендовал Дандасу сосредоточить все усилия на батареях, прикрывающих вход в Севастопольскую бухту. По его предложению акция была названа

⁹⁰³ The Royal Navy. London. 1907. P.229–230.

⁹⁰⁴ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.// ФлотоМастер. №1. М., 1999 г. С.12.

⁹⁰⁵ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля)// Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С.244.

⁹⁰⁶ Douglas, Howard, Sir. A treatise on naval gunnery. J. Murray, London. 1860. P.373–375.

⁹⁰⁷ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля)// Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С.242.

морской атакой.⁹⁰⁸ Бургойна же из планирования операции исключили полностью — всем стало ясно, что исключительно благодаря его «хитросплетениям» Британская армия и Королевский флот вместо того, чтобы праздновать победу в поверженном Севастополе, вынуждены перерабатывать кубометры твердого грунта на тяжелых траншейных работах.

В основу операции лег план, предложенный Лайонсом, которого Дандас лично рекомендовал союзному командованию не только для разработки плана, но и для командования английским флотом в сражении, с самыми широкими полномочиями. Биографы адмирала отмечают готовность, с которой флот взялся за дело. Морьякам надоело участие в роли военных транспортов и идею достижения победы с помощью корабельной артиллерии приняли с одобрением.⁹⁰⁹

Сразу проявился разный взгляд на проблему. Гамелен считал, что решающую роль флот сыграть не сможет. Дандас, глядя на свои почти на треть уменьшившиеся корабельные команды, в душе поддерживал французского коллегу,⁹¹⁰ но о возможности прорыва все-таки думал. Лайонс, которому надоела пассивность французского флота и собственного начальника горел, желанием дать настоящее сражение в стиле Нельсона.

Союзники готовили комбинированную атаку с моря и суши, в которой успех на одном участке, обеспечивал возможность действий на другом. Проще говоря: если корабли разгромят русские береговые батареи у входа в бухту, будем атаковать с суши. План достаточно простой, но требующий точного согласования. Основными этапами были:

1. Выдвижение назначенных для атаки пехотных частей на исходные позиции для атаки.

2. Открытие огня осадной артиллерией союзных войск и ведение ее непрерывно до полного подавления русской артиллерии. Приоритетными целями становились:

Для пушек:

- фортификационные сооружения, которые по данным наблюдений и информации, полученной от перебежчиков и пленных, еще не доведены до полной мощности и, следовательно, уязвимы;

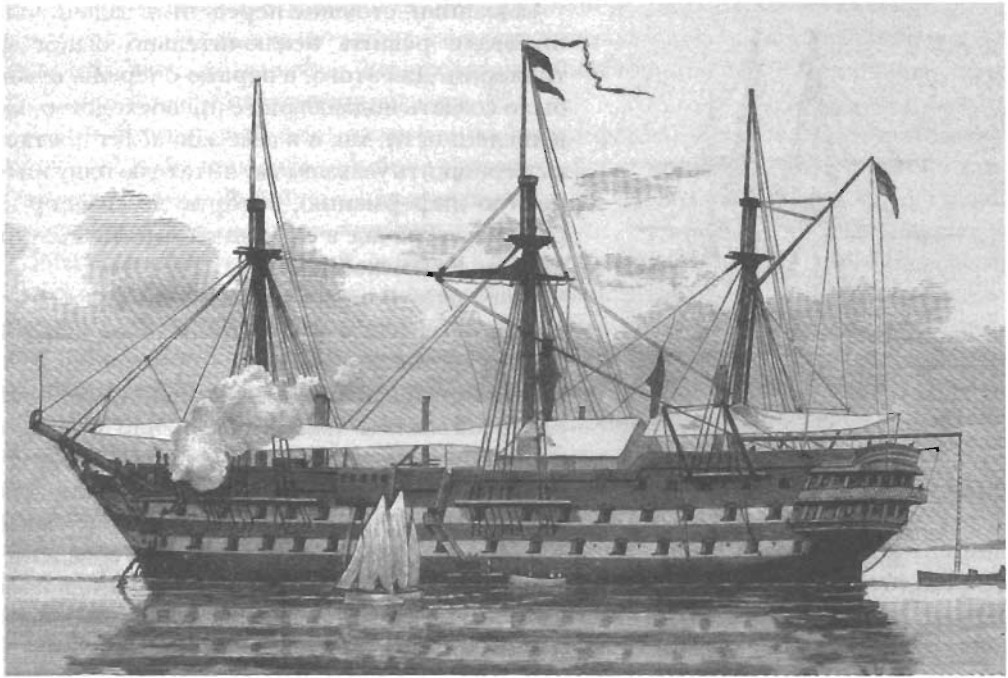
- артиллерия, установленная на батареях. Без подавления артиллерии не было смысла говорить об успехе действий на сухопутном фронте. Для союзников стало неприятной неожиданностью, что пока они подтягивали боезапас и устраивали осадные позиции «проклятые русские» тоже не теряли время даром. Ежедневные рекогносцировки, проводимые инженерными и артиллерийскими офицерами, убедили союзное командование, что «...крепость лучше и сильнее снабжена артиллерией, нежели как сначала предполагали. Прорезанные в большом числе амбразуры были найдены не только все уставленные орудиями, но выстрелы, сделанные неприятелем, вскоре удостоверили, что калибр их состоял из 24–68-фт. пушек и карронад. и 8-ф. — 1-пудовых единорогов и мортир, так что предстояло выдержать бой с артиллерией не только очень многочисленной, но и крупного калибра».⁹¹¹

⁹⁰⁸ Clowes, W. Laird, Markham, Clements R., Mahan, A. T., Wilson, Herbert Wrigley, Roosevelt, Theodore, Laughton, Leonard George Carr. The royal navy: a history from the earliest times to the present. Vol.6. S. Low, Marston and co., limited, London. 1901. P.437–438.

⁹⁰⁹ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir. Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. London. 1898. P.235–236.

⁹¹⁰ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P.437.

⁹¹¹ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С.47.

Английский линейный корабль «Лондон». Худ. Лебретон. Вторая пол. XIX в.

Для мортир:

- пехотные резервы, которые, как предполагалось, подтянутся к батареям на случай штурма;
- блиндажи и прочие сооружения, в которых может укрываться личный состав батарей, а также склады с запасами пороха и снарядов.

Для ракет, показавших свою эффективность при атаке Одессы:⁹¹²

- все объекты, попадание в которые может вызывать пожары с соответствующими для русских последствиями (уничтожение запасов, деморализация и проч.).

Предполагалось, что сухопутные батареи будут в течение 24 часов вести огонь средним темпом 80 выстрелов в час. При необходимости он мог быть увеличен по приказанию частных начальников, сообразуясь с местной обстановкой.

Прицеливание рекомендовалось производить несколько выше брустверов русских батарей, чтобы в случае перелетов накрывать резервы.⁹¹³

3. Атака соединенными силами английского, французского и турецкого флотов береговых батарей Севастопольской крепости. Уничтожение или подавление массированным огнем сначала батарей № 10 и Константиновской, а затем Александровской, то есть тех, которые закрывали вход в Севастопольскую бухту.⁹¹⁴

⁹¹² Ракеты вряд ли были столь же эффективными при действиях против береговых батарей, как это было при действиях против портовых сооружений в Одессе. А вот навесной огонь орудий был бы как раз к месту.

⁹¹³ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С.52.

⁹¹⁴ Brown D.K. Shells at Sebastopol// Warship. Vol. 3. Naval Institute Press. London. 1989. P.75–79.

Английский пароход «Нигер».
Вторая пол. XIX в.

Союзники, стоящие перед ними задачи, планировали решить исключительно огнем артиллерии. Для этого, в первую очередь, нужно было создать подавляющее превосходство, как в численности, так и в весе залпа. Тут постараюсь сообщить уважаемому читателю одну интересную информацию, которую до сих пор ни разу не встречал в исторической литературе по теме Крымской войны.

За словом бомбардировка, или как бы его еще не называли, стоит не бесцельное забрасывание ядрами окрестностей Севастополя. Если флот займется этим, то его командиров можно смело объявлять изменниками или в лучшем для них случае военными преступниками. И вину им будет вменен подрыв экономики страны, путем бесцельного уничтожения огромных запасов снарядов и пороха. Так уж заведено в артиллерии, что каждый снаряд имеет свою задачу, даже если стрельба ведется по площадям и залпами.

Не может флот рано утром стать перед крепостью и до вечера вести огонь. У корабля боезапас ограничен. Пополнить его тяжело, а в наших условиях невозможно. Представьте себе на минуту, что союзные корабли расстреляли все, что у них было. А транспорты из Англии и Франции еще только в пути. А русские утопили только старые корабли. И если те, которые не старые, и не только парусные выйдут из Севастопольской бухты, то будет просто соревнование — кто первым добежит до Босфора или кого последним русские сожгут еще в Черном море.

Гамелен сообщил Дандасу: «...корабли не смогут стрелять слишком долго. Если же им придется прекратить огонь раньше, чем закончится артиллерийская подготовка наступления, противник может решить, что одержал верх над кораблями французов».⁹¹⁵

Поясню: на борту французского фрегата «Могадор» за бутылкой хорошего французского вина адмиралы сказали сухопутным коллегам, что во время боя (а если быть совсем точным — за время операции) смогут сделать только 70 (семьдесят) выстрелов на орудие (для убедительности новости уточню: в первоисточнике написано — «на ствол»). Потом они еще усугубили сказанное: эти 70 выстрелов они не собираются делать, а ограничатся использованием 50% запаса. И очень попросили армейских соратников, чтобы те очень точно определили, когда им нужна будет помощь флота.⁹¹⁶

Недаром английский военно-морской историк Кловс говорит, что адмиралы, особенно Гамелен, не сильно верили в свою решающую роль, считая делом флота только содействие сухопутным батареям,⁹¹⁷ стараясь не подставлять деревянные борта

⁹¹⁵ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С. 141.

⁹¹⁶ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir. Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. London. 1898. P.236–239.

⁹¹⁷ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P.437–438.

своих кораблей огню закрытых камнем орудий береговых батарей.⁹¹⁸ Они понимали, что виток развития военно-морского искусства заканчивался после Синопского сражения, когда «...фактически было доказано убийственное действие гранатного огня (разрывных ядер) на деревянные суда».⁹¹⁹

Каким будет новый этап развития военного флота, для многих тайной не было (бронирование, пар, дальнобойное артиллерийское вооружение и проч.), но так как к началу Крымской войны с нововведениями не успели, до их появления союзным адмиралам хотелось дойти живыми.

Дандасу план со стрельбой «в упор» с одного места вообще не понравился. Армейским командующим пришлось долго уговаривать закапризничавшего адмирала, который «...с большим удовольствием сразился бы с флотом неприятеля, но сомневался в способностях деревянных кораблей бороться с каменными стенами фортов и предлагал ограничить участие кораблей обстрелом входа в гавань».⁹²⁰

Бреретон так описал позицию английского военно-морского командующего: «Нежелательно проведение морского обстрела фортов по обе стороны входа в гавань. Эти сооружения построены из больших блоков камня, с установленными в них крупнокалиберными орудиями в казематах, часть орудий находится в барбетах. Более того, рядом с ними располагаются меньшие укрепления. Если будет предпринята бомбардировка с моря, то ответным огнем может быть уничтожено или повреждено большинство наших кораблей. В гавани располагается сильный и боеспособный флот. В случае потери кораблей наша армия может остаться без подвоза продовольствия, так как русский флот будет уничтожать транспорты, подвозящие продукты для сухопутных сил. Кроме того, Дандас принимал во внимание потерю практически трети личного состава флота и амуниции из-за отправки их на берег».⁹²¹

Хотя Лайонс и считал Дандаса трусом, страхи и опасения последнего оправдывают многие исследователи, в том числе американцы.⁹²² Английские военные историки считают, что он руководствовался соображениями логики и дальновидности, в отличие от Гамелена, принесшего логику в жертву «...подчинению генеральной линии стремления к славе».⁹²³ Француз принципиально не собирался придерживаться единой линии с «потомками великого Нельсона»: «Адмирал Гамелен возможно и разделял мнение своего коллеги, но, видя ситуацию, в которой находится армия, решил, что флот должен пренебречь всеми правилами и облегчить задачу наземных сил, чем только возможно. Адмирал также придерживался мнения, что избрав подобную тактику, он встретит понимание у своих офицеров и матросов... Флот, не имевший еще возможности принять участие в столь важных боевых действиях, был воодушевлен возможностью участвовать в ключевых для всей войны событиях. Вход в Севастопольскую гавань был непроходим, тем самым возможности кораблей ограничивались бомбардировкой приморских объектов, что само по себе не имело решающего значения, но могло послужить отвлекающим маневром. Противник был бы вынужден оставить людей при орудиях, обращенных в сторону моря, тем самым уменьшая

⁹¹⁸ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер. №2. М., 1999 г. С.13.

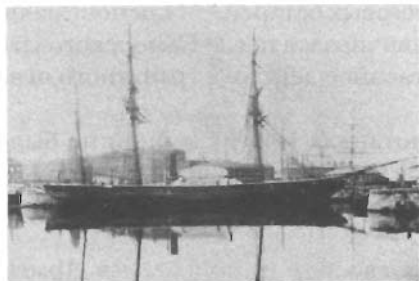
⁹¹⁹ Добротворский Л. Ф. Уроки морской войны. Кронштадт, 1907 г. С. 1.

⁹²⁰ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 5.

⁹²¹ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 5.

⁹²² Halleck, H. Wager. Elements of military art and science or, Course of instruction in strategy, fortification, tactics of battles, &c., embracing the duties of staff, infantry, cavalry, artillery, and engineers. New York. 1862. P. 417–418.

⁹²³ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 5.

Английский пароход «Спайтфул».
Вторая пол. XIX в.

количество артиллеристов, обстреливающих сухопутные войска».⁹²⁴

Что касается Гамелена, то у него в штабе был свой Лайонс — адмирал Брюа, горевший желанием силами флота выиграть войну.

Каждая сторона сохраняла свое мнение о ведении боя. Англичане предполагали маневрирование кораблями и отрядами, французы однозначно решили стрелять с якорей. Мотивировали просто: более 1300 моряков на берегу, много больных,⁹²⁵ управляться сдвигающимся кораблем оставшимся будет тяжело.⁹²⁶

Упрекать французов не за что. Все понимали, что не только управляться во время боя, но и дойти до Севастопольской бухты от Качи или из Камышей парусные корабли смогут, но о сложном маневрировании и говорить нечего. Потому решили применить испытанный способ — каждому линейному парусному кораблю, дать паровой буксировщик. Буксирование производить не в прямом понимании этого слова: корабль-буксирный трос-корабль, а соединить их как бы в одно целое, борт о борт: французы помнили об опыте атаки Танжера де Жуанвилем в 1844 г., когда постоянно рвавшиеся тросы ставили буксируемых под опасность стать легкой добычей береговых батарей.⁹²⁷ В этом случае буксировщик будет защищен от неприятельских выстрелов и сможет обеспечивать постоянную возможность маневра линейному кораблю.

Разделили зоны обстрела. Французам досталась южная сторона (Александровская батарея и батарея №10), англичанам — северная (Константиновская батарея, батарея Волохова и Карташевского).⁹²⁸

Сегодня мы понимаем, насколько важно было для союзников создать не просто подавляющее — глобальное превосходство. Особой сложности высчитать соотношение сил нет, тем более, что это уже многократно предпринималось военными историками. Для примера возьмем данные «Русской береговой артиллерии»: «Соотношение сил флота и береговых батарей было таково. Корабли правого фланга противника имели 746 орудий одного борта, которые стреляли преимущественно по батарее № 10 и частично по Александровской батарее. Франко-турецкой эскадре противостояли 33 орудия батареи № 10, 17 орудий Александровской батареи и 23 орудия закруженной части Константиновской батареи. Всего 73 орудия. Следовательно, на этом участке противник имел более чем десятикратное превосходство в артиллерии.

Давайте сразу условимся: все эти цифры не более чем статистика. На деле и с той и с другой стороны числа были несколько иными. Не все орудия могли стрелять одновременно, каждое из них предназначалось для ведения огня в своем секторе, и потому часто в бою было задействовано меньше половины из них. В тоже время и название, например, 120-пушечный линейный корабль, не означает, что на его борту сто-

⁹²⁴ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя//ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С.5.

⁹²⁵ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя//ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С.5.

⁹²⁶ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P.438.

⁹²⁷ Douglas, Howard, Sir. A treatise on naval gunnery. J. Murray, London. 1860. P.348—349; Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля)//Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С.244.

⁹²⁸ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя//ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С.6

ят точно 120 пушек. Это скорее означает его класс, категорию. А реально его артиллерия могла быть и меньше и даже немного больше.

Пять английских кораблей, из числа находившихся на левом фланге, в строю одной кильватерной колонны располагались к западу от Константиновской батареи и вели по ней огонь из 259 орудий с начальной дистанции 1400 метров. Батарея могла отвечать только 18 орудиями, а батарея № 10 и Александровская — 36. Таким образом, англичане имели здесь почти пятикратный перевес, при этом батарея № 10 и Александровская стреляли в заведомо невыгодных условиях: с большой дистанции (1900 метров).

Четыре других английских корабля, вооруженные 169 орудиями одного борта, находились северо-западнее Константиновской батареи и обстреливали ее с дистанции 1000 метров, а сами подвергались обстрелу из 15 орудий Александровской, Константиновской и № 10 батарей. Здесь противник имел одиннадцатикратное превосходство, не говоря уже о том, что батареи № 10 и Александровская действовали с больших дистанций...

Таким образом, флот противника действовал по пяти внешним батареям из 1244 орудий, а русские вели ответный огонь только из 152 орудий, часть которых стреляла почти с предельных дистанций». ⁹²⁹

Орудийная палуба английского линейного корабля «Беллерофон». Вторая пол. XIX в.

ПЛАН АТАКИ С МОРЯ: АНГЛИЧАНЕ

Окончательный план, выданный штабом Раглана к 4(16) октября ⁹³⁰ был гениально прост:

1. Огонь откроется по всей линии 17 октября примерно в 6.30 утра всеми силами английской и французской артиллерии при поддержке объединенного флота. Сигналом будут три последовательных выстрела с одной из центральных французских батарей.

2. Не задействованные в обстреле войска находятся в полной готовности в своих местах расположения. Солдаты без ранцев, без шинелей. Полевая артиллерия имеет лошадей запряженными в упряжки. Каждая приданная дивизиям рота саперов выделяет отряд из 20 человек с офицером имеющих с собой лопаты, кирки, ломы, мешки для песка, топоры и лестницы.

3. Все войска выводятся из траншей в безопасные места, за исключением стрелков назначенных для обстрела русских батарей. Оставлять или убирать рабочие подразделения из траншей — принимают решение начальники инженеров дивизий, которым они подчинены.

⁹²⁹ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С.103—104.

⁹³⁰ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir. Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854—56. London. 1898. P.236—239.

4. Если потребуется выдвижение батарей полевой артиллерии начальник артиллерии каждой дивизии лично доводит это командирам батарей и указывает направление движения.

5. Кавалерия генерал-лейтенанта Лукана, Шотландская бригада Кемпбела и турецкие войска находятся в резерве, обеспечивая защиту Балаклавы.

6. Командующий английскими войсками лорд Раглан находится впереди 3-й дивизии Инглленда.⁹³¹

В этом виде план был получен адмиралом Дандасом, находившемся с большей частью флота у Качи, выбранной местом сбора, и куда 3(15) числа перешел отряд из Балаклавы во главе с «Агамемноном», который привел Лайонс.

4(16) сентября Дандас собрал на борту флагманской «Британии» командиров кораблей и довел до них задачу на предстоящее сражение.⁹³² Каждый линейный корабль получал своего буксировщика из числа паровых фрегатов или корветов.⁹³³

Корабль атакующей группы.	Корабль-буксировщик.	Изменения
HMS "Agamemnon"	Своим ходом	
HMS "Sanspareil"	Своим ходом.	
HMS "Albion"	HMS "Firebrand"	
HMS "Queen"	HMS "Vesuvius"	
HMS "Britannia"	HMS "Furious"	
HMS "Trafalgar"	HMS "Retribution"	
HMS "London"	HMS "Niger"	
HMS "Vengeance"	HMS "Highflyer"	
HMS "Rodney"	HMS "Spiteful"	
HMS "Bellerophon"	HMS "Vulcan"	HMS "Ciclop"
HMS "Arethusa"	HMS "Triton"	

Это были почти все наличные силы, которые можно было привлечь к участию в атаке. Расширение контролируемой союзниками акватории, при одновременном расширении сухопутного театра военных действий, вынуждало их распылять не только армию, но и флот. 2(14) октября по приказу Дандаса для прикрытия Евпатории от возможного нападения русских с суши туда ушли «Леандер» кептена Джорджа Кинга, «Файербенд» (вернулся), «Везувий» (вернулся) и еще несколько кораблей. Конечно, собрать их вместе было можно, но уже требовало определенных организационных усилий.

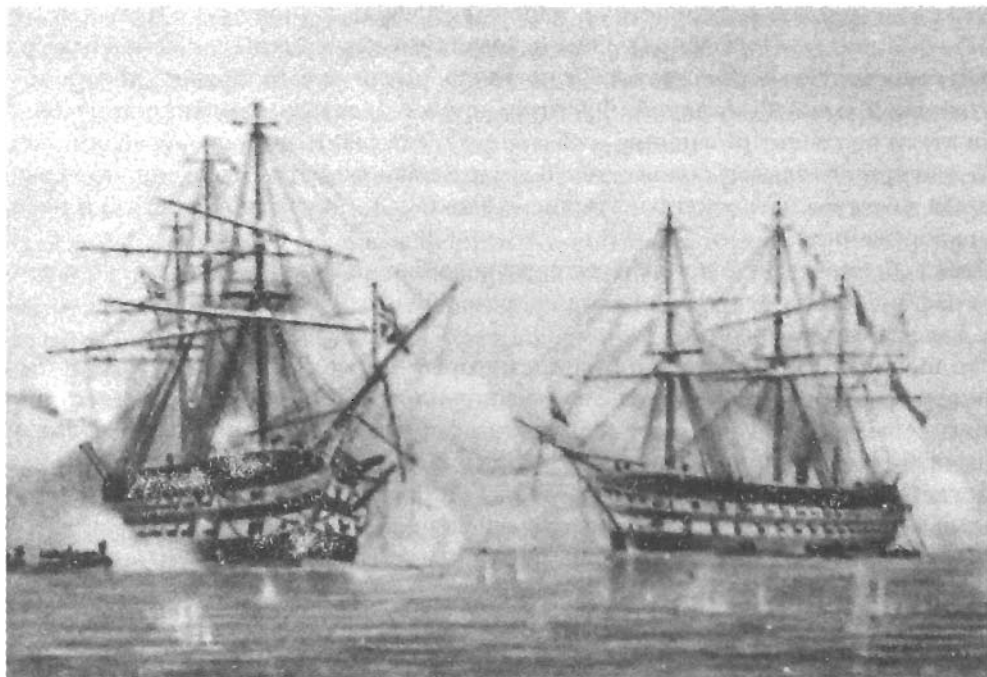
Почетная миссия разнести батареи на Северной стороне возлагалась на три атакующих отряда, которые должны были в установленное время «...последовательно занять свои позиции, насколько возможно в соответствии с намеченными планом».⁹³⁴ Командование ими делили между собой Дандас и Лайонс.

⁹³¹ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P.495.

⁹³² Brown D.K. Shells at Sebastopol// Warship. Vol. 3. Naval Institute Press. London. 1989. P.75–79.

⁹³³ Eardley-Wilmot, Sydney Marow, Sir. Life of Vice-Admiral Edmund, lord Lyons. With an account of naval operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. London. 1898. P.243.

⁹³⁴ <http://www.pcdavis.nl/Russia2.htm>

Английские линейные корабли «Агамемнон» и «Санспарейл» в бою 5(17) октября 1854 г. Вторая пол. XIX в.

Главный объект атаки — Константиновская батарея. «Альбион», «Лондон», «Аре-туза» — для действий в тыл батарее. Первые два получили задачу подавить батарею Волохова и Карташевского, которые серьезными противниками не предполагались. Надеялись быстро вывести их из строя, что стало одной из самых дорогостоящих ошибок английских адмиралов в сражении 5(17) октября 1854 г.

Самый коварный замысел имел «Лондон». Во время частых разведывательных рейдов англичане заметили слабое место в архитектуре Константиновской батареи и теперь не преминули этим воспользоваться. Выстрелами через мыс, севернее ее, можно было достать ее внутреннюю часть, наиболее уязвимую.

Второй (центральный) отряд: «Родней», «Агамемнон», «Санспарейл» — для действий в открытый фланг и частично в тыл Константиновской батареи. Это был атакующий отряд, в который входили два паровых линейных корабля («Агамемнон» и «Санспарейл») — основная ударная сила английской эскадры, способная самостоятельно маневрировать.⁹³⁵ Третий (южный) отряд: «Британия», «Трафальгар», «Венджинс», «Куинн», «Беллерофон» — для действий во фланг Константиновской батареи. Он должен был вести огонь, держась ближе к границе пологой отмели, выходящей в акваторию западнее батареи.

Все три отряда держались так, чтобы не попадать под огонь всех орудий батареи, тем минимизируя опасность для себя, что очень хорошо видно на прилагаемой схеме.

⁹³⁵ Seymour, Edward Hobart, Sir. My naval career and travels. London. 1911. P.23–24.

Отряд поддержки – скоростные паровые корабли («Самсон», «Трибюн», «Террибль», «Линкс», «Спитфайр»). Они назначались для прикрытия основных сил и могли самостоятельно выбирать себе позицию, но при этом сохранять контроль над обстановкой и своей эскадрой. Фрегатам предоставлялась возможность выбирать цели атаки по своему разумению и обстановке, оказывать помощь кораблям, попавшим в затруднительное положение. В случае возможности отряд мог произвести прорыв в бухту: в него входили лучшие «ходоки» с минимальной осадкой и небольшим вооружением.

Отряд обеспечения. В него входили два корабля: маленькая «Циркассия» и солидный «Сфинкс». На последний погрузили резервный запас, первый должен был работать как разметчик позиций.⁹³⁶

Это был небольшой паровой буксир, который привел в Крым его хозяин Болл, принявший добровольное участие в кампании в звании лейтенанта. Буксир суетился вокруг «Агамемнона», при необходимости помогал ему маневрировать, делал промеры глубин и прочие военно-морские действия в интересах Лайонса и его отряда.⁹³⁷

После подавления батарей неприятельский флот мог предпринять попытку ворваться на внутренний рейд и, пользуясь численным превосходством в артиллерии, подавить отдельные русские береговые батареи, после чего открыть огонь по оборонительным сооружениям Севастополя с тыла, чем содействовать успеху штурма города с суши.⁹³⁸

Естественный в этом случае вопрос возникает сам собой: если союзники знали, что вход в Севастопольскую бухту закрыт, как могли планировать прорыв. Ответ тут не настолько сложен, что бы сильно мучить мозги, придумывая фантастические версии, вроде наличия на кораблях специально обученных ныряльщиков и прочей ерунды.

Давайте вспомним, что пароходы Черноморского флота неоднократно буквально перед лицом союзников совершали выходы из бухты на внешний рейд, да и вообще, хоть эпизодическое, но все-таки сообщение с «внешним миром» через море поддерживалось. Более чем вероятно, что проходы эти были примерно известны: невозможно скрыть их при нахождении бухты под постоянным и пристальным наблюдением, да и побочной информации было достаточно: пленные, перебежчики, опрос местных жителей.

Проход через эти «окна» в случае подавления означенных трех батарей становится вполне реальным. Конечно, не «Агамемнон» или «Санспарейл» с их многопалубными батареями. Первыми – пароходы со сравнительно малочисленной артиллерией, но зато более маневренные. Ведь тот же быстроходный фрегат «Террибль» с осадкой при полном грузе 3,33 м.⁹³⁹ вполне сможет найти лазейку перед Константиновской батареей, а там глядишь и кто-то покрупнее и посильнее на буксире протолкнется. А еще есть у англичан быстроходный и с малой осадкой «Бигль», который в бою не участвует, но находится в готовности, и строился специально для действий в районах с относительно малыми глубинами.

⁹³⁶ Andrew D. Lambert. The Crimean War: British Grand Strategy Against Russia, 1853–6. Ashgate Publishing, Ltd., 2011. P.160; Kingston W.H.G. Our Sailors. London. 1906. P.97–98.

⁹³⁷ Seymour, Edward Hobart, Sir. My naval career and travels. London. 1911. P.25.

⁹³⁸ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С.103.

⁹³⁹ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. СПб., 2003 г. С.35.

В общем, план был единогласно принят, но в деталях возникли внутренние противоречия. Как известно, исторически английские адмиралы отличались строптивостью и желанием подчиняться только Богу и Королеве. Если хоть один из них считал, что существуют только два плана — его и неправильный, то трудности начинались на этапе планирования. Севастополь не стал исключением.

Командующий английским флотом Дандас считал, «...что англо-французским кораблям следует предпринять маневр строго к северу от Севастополя и подвергнуть обстрелу только батареи северных фортов русской крепости».⁹⁴⁰

Лайонс придерживался другой точки зрения, считая, что флот оказал бы большую пользу штурмующим войскам, ведя огонь в глубину Севастопольской бухты, последовательно обстреливая все береговые батареи и корабли Черноморского флота, стоявшие там на якорях.⁹⁴¹

Таким образом, мнения старших британских морских офицеров разделились. Суждение Лайонса имело в своей основе личный опыт военного разведчика. Задолго до начала Крымской войны, в 1829 г. он посетил Севастополь с целью сбора максимально полной информации об укреплениях города. 6 ноября 1829 г. капитан 2 ранга Н. П. Римский-Корсаков докладывал Николаю I: «Командир английского фрегата «Блонд» капитан Лайонс... объехал на шлюпке все берега здешней бухты, начиная от северо-западного мыса до Аккермана, а оттуда по южному берегу до Карантинной бухты; он везде ехал вплоть подле берега и все осмотрел самым подробным образом. Шлюпку фрегата сопровождал адмиральский катер, на котором был лейтенант Лутковский, а вместе с капитаном Лайонсом на шлюпке сидело 2 гардемарина, из коих один лет 20, а другой имел лет за 40, и, судя по тому особенному уважению, которое оказывал ему капитан Лайонс, должно было заключать, что под гардемаринским мундиром скрывался чиновник гораздо высший капитана...».⁹⁴²

В 1841 г. с той же задачей в Севастополь прибыл обер-сервайер британского Адмиралтейства Уильям Саймондс. Кораблестроитель составил подробное описание порта, включавшее точное расположение береговых батарей, причальных сооружений в гавани, подходящие места для якорных стоянок и координаты маяка. Адмирал Лазарев вспоминал о визите: «...пришлось, показав ему все, что есть у нас в Николаеве, отправиться с ним в Севастополь, там он увидел наш флот и посещал почти все военные суда и, кажется, сверх ожидания своего, нашел все в гораздо большем и лучшем размере, нежели он полагал найти, молчал, закусывая губы».⁹⁴³

А закусывать губы было от чего. Саймондс, для которого становилось очевидным, что ему не столько флот показывают, сколько намекают — кто в Черном море отныне хозяин, писал: «Большой форт, выстроенный из белого камня, с тремя рядами артиллерийских орудий, расположен на левой, или северной стороне у входа в бухту. С правой стороны, на протяжении всего входа в бухту, имеется еще один такой форт. Я насчитал 70 орудий только на одном ряду, а форт имеет три таких ряда. Возводятся и

⁹⁴⁰ Третьяков А. Бомбардировка Севастополя с моря англо-французским флотом 5 (17) октября 1854 г. // *Military Крым*. № 7. Симферополь, 2007 г. С. 74–79.

⁹⁴¹ Третьяков А. Бомбардировка Севастополя с моря англо-французским флотом 5 (17) октября 1854 г. // *Military Крым*. № 7. Симферополь, 2007 г. С. 74–79.

⁹⁴² М. П. Лазарев: *Документы*. М., 1955 г. С. 192; Третьяков А. Бомбардировка Севастополя с моря англо-французским флотом 5 (17) октября 1854 г. // *Military Крым*. № 7. Симферополь, 2007 г.

⁹⁴³ Гребенщикова Г. А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. СПб., 2003 г. С. 28.

Атака русскими английской траншеи. Английский рисунок. Сер. XIX в.

строятся другие укрепления, но в то же время я должен признать, что сама каменная кладка довольно непрочно и не смогла выстоять против сильных ударов...».⁹⁴⁴

Успешно выполнив порученную ему миссию, он, вернувшись в Англию, предоставил прекрасный оперативный материал (количество батарей, их вооружение, координаты, пристани, подходящие места якорных стоянок, размеры гавани и т.д.) для разработки военной операции против главной базы русского Черноморского флота — Севастополя.⁹⁴⁵

С целью получения свежих разведывательных данных 6 января 1854 г. у входа в Большую бухту Севастополя появился английский пароход «Ретрибьюшн». Его командир Джеймс Драммонд, руководствуясь соответствующими инструкциями, умышленно затягивал процедуру передачи депеш «командующему морскими силами в Крыму» от «главнокомандующего» вице-адмирала Дандаса по поводу входа англо-французской эскадры в Черное море. Триестская газета писала, что «в то время, как пароходофрегат «Ретрибьюшн» стоял на якоре перед Севастополем, прибыв туда под предлогом депеш, все находившиеся на палубе занимались съемкой планов укреплений этого порта. Русские не забыли этого урока».⁹⁴⁶

Но это все, как говорится, «дела минувших дней». Для получения наисвежайшей информации буквально за сутки до начала атаки англичане провели рискованную разведывательную акцию. Несколько шлюпок под командованием Вильяма Мейнпрайса («Британия»), Корнелиуса Ноддела («Лондон»), Чарльза Форбса («Самсон»)

⁹⁴⁴ Гребенщикова Г.А. 120-пушечный корабль «Двенадцать Апостолов». СПб., 2003 г. С. 75; Третьяков А. Бомбардировка Севастополя с моря англо-французским флотом 5 (17) октября 1854 г. // Military Крым. №7. Симферополь, 2007 г.

⁹⁴⁵ Гребенщикова Г.А. Черноморский флот перед Крымской войной 1853–1856 годов. СПб., 2003 г. С.28.

⁹⁴⁶ Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955 г. С. 218.

с обмотанными тряпками веслами подошли к берегу в районе русских береговых батарей, где произвели промеры глубин, осмотр фортов, привезя ценную информацию для своего командования.⁹⁴⁷

Обратим внимание, все офицеры – штурманы и именно им нужно детально знать гидрографию бухты и прибрежных вод. Возможно, тогда и определили слабые места в тылу Константиновской батареи, куда направили свои выстрелы английские линейные корабли. Вероятно, что ими был подтвержден имевшийся проход между линией заграждения и Константиновской батареей. Провели промеры глубин севернее батареи.⁹⁴⁸ Обнаруженные там отмели определили, как представляющие опасность.⁹⁴⁹

Но вскоре стала очевидной еще одна, упомянутая неоднократно, напасть, которая ставила под сомнение, что эскадра вообще дойдет до Севастополя – уменьшившиеся команды.⁹⁵⁰ Часть людей ушли на батареи, но была еще одна беда, ставшая неожиданным союзником русских в этот день – холера. Оставшихся на ногах матросов не хватало для управления орудиями и парусами.

И тогда для замещения ушедших на берег в составе Морской бригады на корабли Королевского флота были приняты в качестве добровольцев чины армии, особенно из тех частей, в службе которых в текущий момент особенно не нуждались. Известный нам штабной чин Легкой бригады Уолкер, надеясь «откусить» свой кусок славы, пристроился на «Беллерофон».⁹⁵¹

Это не просто порыв молодого кавалериста, не сумевшего стать героем на суше и решившего стать им в море. К началу Крымской войны Королевский военно-морской флот стал заложником ситуации, которую спровоцировали сорок лет мира. Резкое увеличение численности флота привело к невероятной нехватке не только матросов (их-то еще можно по портовым кабакам наскрести), но и офицеров. Последних Адмиралтейство зазывало на службу откуда угодно. Сами английские моряки считали эту меру двойственной. С одной стороны это были люди опытные, но с другой долгое время вне службы отучило их от военных порядков.⁹⁵² Матросов брали с коммерческих судов, артиллеристов из армии. Появилось огромное количество юнг. Забегая вперед, отмечу, что в день бомбардирования в списках погибших и раненых на кораблях Королевского военно-морского флота едва ли не треть были мальчишки от 15 до 17 лет. Все это снижало боеспособность кораблей.⁹⁵³

Корабли тщательно приготвили к бою. Были сняты верхние части мачт и рангоута, что в немалой степени помогло англичанам, особенно в первой стадии боя, когда русские артиллеристы не смогли точно определить дистанцию до целей. Над палубами натянули специальную сетку, чтобы уберечь команды от травм, получаемых в результате падения деталей рангоута. Все, что могло быть легко разрушено, укрывалось, все, что могло вызывать возгорание, удалялось, все, что могло быть сорвано с места – укреплялось.

⁹⁴⁷ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P. 439.

⁹⁴⁸ Алабин П. В. На Дунае и в Севастополе 1854–1855 // Русская старина. Том 50. СПб., 1886 г. С. 891.

⁹⁴⁹ Seymour, Edward Hobart, Sir. My naval career and travels. London. 1911. P. 25.

⁹⁵⁰ Материалы по истории Крымской войны и обороне Севастополя. Под редакцией Н. Дубровина. Выпуск V. СПб., 1874 г. С. 160.

⁹⁵¹ Beauchamp Walker. P. Sir, General. K.C.B. Days of a soldier's life. London. 1894. P. 124–125.

⁹⁵² Fremantle, Edmund Robert. The navy as I have known it, 1849–1899. London. 1904. P. 122–123.

⁹⁵³ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотаМастер. №2. М., 1999 г. С. 2–3.

Английская корабельная артиллерия, примененная во время первой бомбардировки Севастополя 5(17) октября 1854 г.

Тип орудия	Калибр мм	Длин. Ствола м	Масса Ствола кг	Масса ядра кг	Масса гранаты ⁹⁵⁵ кг	Масса порох. заряда кг	Использование
68-фунт.	206	3,05	4830	30,8	22,5	7,3	Использовалось на открытых платформах линейных кораблей и колесных пароходов.
56-фунт.	195	3,05	4420	25,4		6,4	Использовалось в качестве поворотного орудия на парусных кораблях, колесных пароходах.
32-фунт.	163	2,9	2850	14,3	10,2	4,5	Основное орудие на нижних (иногда на средних) палубах линейных кораблей, фрегатов и больших корветов.
32-фунт.	162	2,7	2540	14,3	10,2	3,6	Основное орудие на верхних (иногда на средних) палубах линейных кораблей, корветах и широко применялось на колесных пароходах.
32-фунт.	161	2,6	2300	14,3	10,2	3,2	На открытых палубах линейных кораблей и больших фрегатов.
32-фунт.	161	2,4	2140	14,3	10,2	2,7	Верхние, закрытые батареи линейных кораблей.
32-фунт.	160	1,8	1270	14,3	10,2	1,8	На открытых палубах большинства фрегатов, корветов и колесных паровых шлюпов.

РЕШЕНИЕ: ФРАНЦУЗЫ

Похоже, что непонятная решительность англичан насторожила французов, давно понявших, что за камнем береговых батарей их будут ждать не дилетанты, а профессионалы. Остаток дня Гамелен провел в раздумьях и совещаниях, а почти в полночь нанес неожиданный визит Дандасу.

Бреретон вспоминал: «Ближе к полуночи того же 16 октября Гамелен нанес визит Дандасу. Последний был немало удивлен заявлением французского командующего, что по распоряжению генерала Канробера он меняет план предстоящего сражения. По новому плану его корабли должны будут выстроиться в линию, встать на

⁹⁵⁴ Хотя граната указана в таблице, по данным исследователей на практике никогда не применялась.

якорь напротив батарей и начать обстрел. Гамелен предложил Дандасу выстроить свою эскадру аналогично. Английский адмирал высказал недовольство подобными изменениями, но Гамелен, безоговорочно подчинявшийся решениям главнокомандующего, заявил, что будет выполнять приказ даже без взаимодействия с британским флотом».⁹⁵⁵

Так что же предложил Гамелен Дандасу? Все просто. Французский адмирал убеждал отказаться от любого, пусть самого элементарного маневрирования. Даже делить эскадру на отряды, по их мнению, не было нужды. Французы посчитали, что будет вполне достаточно выйти перед батареями, образовать линию, в условленное время одновременно «выгрузить» на русских лимитированный боезапас и убраться в свои бухты. Этим они ставили англичан в совершенно идиотское положение, вынуждая менять все ранее спланированное.⁹⁵⁶

Дандас, вообще считавший, что французы никогда не умели маневрировать на море, отличаясь малоподвижностью со времен, когда их бил великий Нельсон, решил действовать по своему плану, понимая зависимость французских адмиралов от главнокомандующего, да и менять что-то было уже поздно.⁹⁵⁷

Единственное, с чем он согласился — в связи с лимитом боеприпасов отказаться от раннего начала обстрела и открыть огонь по готовности, примерно к полудню.⁹⁵⁸

Когда визиты закончились, французский штаб издал приказ № 374 «Об атаке на форты и батареи Севастополя», подписанный адмиралом Буа-Вильомезом, определявший план действий флота, стоявшего в Камышовой бухте, в грядущей акции.

1. Атаку произвести колонной из 14 линейных кораблей на дистанции 8 кабельтовых (в шахматном порядке, чтобы расстояние и глубина строя обеспечивали возможность каждому возможность маневрирования и выхода из огня при тяжелых повреждениях⁹⁵⁹).

Севернее в продолжение линии будут действовать два турецких корабля. Большие корабли становятся на якорь в местах обозначенных буями.⁹⁶⁰ Первый корабль бросает якорь в 7 кабельтовых от батареи на Карантинном мысе, остальные занимают места последовательно.

2. Порядок кораблей в первой линии будет следующим: №1. «Шарлемань»; №2. «Монтелло»; №3. «Фридланд»; №4 «Виль де Пари»; №5 «Валми»; №6 «Генри IV»; №7 «Наполеон».

Корабли второй линии займут позиции между кораблями первой линии: «Алжир» (№8) между №№1 и 2; «Жан Барт» (№9) между №№2 и 3; «Маренго» (№10) между №№ 3 и 4; «Виль де Марсель» (№11) между №№4 и 5; «Сюффрен» (№12) между №№5 и 6; «Байард» (№13) между №№6 и 7; «Юпитер» (№14) между №7 и «Махмудие». Замыкает — второй корабль турецкого флота («Шериф»).

3. Фрегат «Помон» замыкает вторую линию перед «Юпитером».

4. Все корабли, назначенные для буксировки, занимают места со стороны противоположной противнику в следующем порядке: «Фридланд» — «Вобан»; «Виль де Пари» — «Могадор» («Примоге»); «Валми» — «Декарт»; «Генри IV» — «Канада»; «Алжир» — «Магеллан» («Евменид»); «Маренго» — «Лабрадор»; «Виль де Марсель» —

⁹⁵⁵ Соломонов Б., Соломонов П., *Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 5.*

⁹⁵⁶ *Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 308.*

⁹⁵⁷ Clowes, Laird Wm. *The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P. 438.*

⁹⁵⁸ Seymour, Edward Hobart, Sir. *My naval career and travels. London. 1911. P. 23.*

⁹⁵⁹ *Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 389.*

⁹⁶⁰ Разметчик — «Плутон».

«Панама»; «Сюффрен» – «Альбатрос»; «Байярд» – «Улла»; «Юпитер» – «Кристоф-Коломб».

Корветы «Плутон» и «Тисифон» находятся вне досягаемости пушек в готовности заменить поврежденные буксировщики.

Три корабля («Дофин», «Моет», «Мегаре») находятся возле корветов в готовности действовать в соответствии с приказами. Турецкие корабли – севернее головы колонны.

Основная цель – Александровская и №10 батареи. Передовой отряд, кроме того, оказывал поддержку британцам, действуя во фронт Константиновской батареи.

Французская корабельная артиллерия, примененная во время первой бомбардировки Севастополя 5(17) октября 1854 г.

Тип орудия	Калибр мм	Длин. ствола м	Масса Ствола кг	Масса ядра кг	Масса гранаты кг	Масса порох. заряда кг	Использование
50-фунт.	194	3,2	4270–4630	24,5–25,1	–	8,0	В небольшом количестве на линейных кораблях и фрегатах.
30-фунт. №1	165	2,8	2990	14,7–15,1	–	4,5	Нижние палубы линейных кораблей и основное вооружение больших фрегатов.
30-фунт. №2	165	2,55	2490	14,7–15,1	–	3,6	Средние батареи трехпалубных и верхние батареи двухпалубных кораблей. Основное вооружение фрегатов.
30-фунт. №3	165	2,3	1800	14,7–15,1	–	3,0	Верхние батареи трехпалубных кораблей. Открытые батареи фрегатов и главное вооружение корветов.
30-фунт. №4	165	2,2	1520	14,7–15,1	–	2,5	Открытые палубы линейных кораблей и большинства фрегатов.

ПЛАН АТАКИ С МОРЯ: ТУРКИ

Чтобы удовлетворить желания и мнения всех сторон, решили в центр боевого порядка, ближе к французам, поставить два турецких корабля.⁹⁶¹ Что касается турок, то я настоятельно не рекомендую читателю формировать свое мнение о них по кадрам из старого фильма «Адмирал Нахимов», где они показаны бестолковой толпой орущих и беспорядочно бегающих паникеров. История сохранила воспоминания П. И. Панафидина о турецком флоте. И хотя они относятся к началу XIX в., думаю, что спустя 40 лет Османский флот не стал много хуже: «Турецкий флот наружностью очень красив: корабли все — постройки известного Лебрюня; хорошо ходят, вооружение порядочное, а управление кораблей, к удивлению, довольно хорошо... Турки дерутся если не искусно, то упрямо; корабль нами взятый, имел убитыми и ранеными до 500 человек, весь оснащенный и чрезвычайно тек, но не сдался в бою, а уже во время погони...».⁹⁶²

Специальных задач в сражении туркам не ставили. Два их корабля («Mahmudiye» и «Tesrifye»)⁹⁶³ должны были занять позиции для стрельбы в интервале между английскими и французскими отрядами, ближе к последним.⁹⁶⁴ Для них целью была Александровская батарея. Флагманским шел «Махмудие» под командованием адмирала Ахмет-паши. Оба корабля были из состава египетской эскадры адмирала Гассан-паши и имели на борту почти 1000 человек команды.⁹⁶⁵

НА СУХОПУТНОМ ФРОНТЕ

В отличие от действий на море, на сухопутном фронте больших проблем с планированием не было. Каждая осадная батарея в зависимости от вооружения и нахождения имела давно обозначенную цель, которую должна была разрушить. Главное, что требовалось от сухопутных артиллеристов — обрушить на головы русских такое количество металла, которое гарантированно отобьет у последних всякое желание сражаться.

Но, всё учтя и спланировав, союзники попали в западню, которую сами себе устроили: они были слишком уверены в мощи своей артиллерии и слабости укреплений Севастополя. Нечто подобное произойдет с англичанами 72 года спустя — во время I-й мировой войны при подготовке наступления на Сомме в 1916 г. Тогда, как и сейчас в Крыму они самоуверенно решили, что шквал артиллерийского огня, если не уничтожит, то деморализует противника полностью. После чего пехоте достанется самая легкая роль — пойти и «зачистить» неприятельские траншеи, добывая еще сопротивлявшихся и забирая в плен тех, кто предпочел жизнь. Самоуверенность оказалась наказуемой...

⁹⁶¹ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P. 439.

⁹⁶² Лебедев А. А. Трафальгар и Афон. Размышления об итогах развития искусства проведения регулярных сражений парусных флотов // Гангут. №60. СПб., 2010 г. С. 41.

⁹⁶³ В разных источниках их название пишется по-разному ("Mahmudieh", "Sherif"), что, видимо, связано английской или французской транскрипцией. Мы в данном случае привели взятую из турецкого источника — книги Жандана Бадема (Badem Candan. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Brill. Laiden. Boston. 2010. P. 270).

⁹⁶⁴ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 6.

⁹⁶⁵ Badem Candan. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Brill. Laiden. Boston. 2010. P. 270.

Слева: капитан 1 ранга Н.А. Бирилев. В 1854 г. – лейтенант, командир отрядов охотников в многочисленных вылазках с 3-го бастиона, где он командовал аванпостами. Далее: его жена Мария Федоровна (в девичестве Тютчева) и ее мать, вторая жена Ф.И. Тютчева Эрнестина Федоровна. Фотография Г.И. Денъера, Петербург, 1868 г.

Тщательно планируя бомбардировку, союзники, в первую очередь французы, упустили главное – ни одна из батарей не координировала свои действия с соседями, не говоря уже о едином плане обстрела. Его просто не было. Каждый командир батареи должен был самостоятельно вести обстрел назначенной ему цели, совершенно не сообразуясь с положением дел вообще.⁹⁶⁶

Англичане к делу подошли серьезнее. Организация огня в Морской бригаде и у Королевской артиллерии строилась по расписаниям. Моряки имели на орудие от 36 до 28 человек, что позволило разделить их по вахтам. Соотношение работа/отдых у них была 40/56 часов на человека за 4 дня. У сухопутных коллег дело обстояло хуже. Они имели от 6 до 9 человек на орудие и меньше возможность поддерживать непрерывный огонь. Их соотношение работа/отдых равнялось 60/36 часов на человека.⁹⁶⁷

Частью операции, завершающей артиллерийскую канонаду, была атака с суши. У французов штурмовые части возглавлял командир 3-й дивизии дивизионный генерал принц Наполеон. Его войска делились на несколько штурмовых колонн, имевших свое направление атаки.

Первая (главная) колонна состояла из 700 человек. В том числе: 400 зуавов 2-го полка и 300 человек собранных из элитных рот линейных полков дивизии. Командир: полковник Клер. Весь назначенный личный состав состоял исключительно из добровольцев, хотя просились многие. В качестве стимула принцем Наполеоном были обещаны каждому, кто ворвется в город, если не крест ордена Почетного Легиона, то, по крайней мере, Военная медаль.⁹⁶⁸

Штурмовые колонны перед самым началом обстрела должны были покинуть лагерь и сконцентрироваться недалеко от батарей, прикрывшись складками местности. Все войска осадного и обсервационного корпусов в полном снаряжении и при оружии находились в ожидании сигнала атаки русских позиций.⁹⁶⁹

⁹⁶⁶ John Barham. The Naval Brigade (http://www.suite101.com/article.cfm/crimean_war/111070).

⁹⁶⁷ John Barham. The Naval Brigade (http://www.suite101.com/article.cfm/crimean_war/111070).

⁹⁶⁸ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5// Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С. 57.

⁹⁶⁹ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова// Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С. 54.

ПЛАНЫ СТОРОН: РУССКИЕ

«...нам видно на расстоянии двух пушечных выстрелов от Севастополя, как они копают землю, и нам не миновать бомбардировки».

Князь А. С. Меншиков — князю М. Д. Горчакову

Гарнизон имел одну задачу — выстоять под жесточайшим огнем, сохранив вновь созданные и бывшие ранее укрепления. Единственное, чего действительно опасался Меншиков — штурм.⁹⁷⁰

То, что союзники со дня на день начнут бомбардировать крепость — русские знали. В конце концов, англичане с французами в Крым не пивом торговать приехали, а то, что артиллерийский обстрел для них давно национальный вид спорта, стало ясно после Одессы. Не сомневаясь в ожиданиях после потери Балаклавы, Меншиков писал князю М. Д. Горчакову: «...нам видно на расстоянии двух пушечных выстрелов от Севастополя, как они копают землю, и нам не миновать бомбардировки».⁹⁷¹

Но князь удивительно спокоен. На его стороне как минимум два преимущества: союзники потеряли время, и вышли туда, где их ждали; мощность оборонительных сооружений крепости много лучше, чем была до этого.

Знал он и еще одно преимущество, вытекающее из практики применения артиллерии в оборонительном сражении: «Батареи обороняющегося, владея почти всегда тем преимуществом, что с самого начала знают дистанции, с успехом противодействуют атакующим орудиям».⁹⁷²

Отсутствие громоздкого плана на этот раз было не слабой, а сильной стороной обороняющихся. Если вспомним Альму, то одной из причин поражения стал крах разработанной сложной, непосильной генеральскому уму, системы управления войсками, созданной князем. Здесь же не было чему разваливаться: каждый командир батареи или иной начальник имел задачу сдерживать того неприятеля, который был прямо перед ним.

⁹⁷⁰ Оборона Севастополя. Письма князя А. С. Меншикова к кн. М. Д. Горчакову 1853–1855//Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С.306.

⁹⁷¹ Оборона Севастополя. Письма князя А. С. Меншикова к кн. М. Д. Горчакову 1853–1855//Русская старина. Том 12. СПб., 1875 г. С.306.

⁹⁷² Библиография. Роль населенных пунктов на войне//Военный сборник. №3. СПб., 1883 г. С.14.

Единственное, что вменялось всем в неперемнную обязанность, это с максимальной скоростью восстанавливать разрушенные укрепления, чтобы ни один из оборонительных участков не был разбит до такой степени, которая позволит легко занять его атакой пехоты, которую отбивать было некому. Пехоты в крепости было мало.

Незадолго до нападения, русские уже получили возможность потренироваться в практической стрельбе, хотя союзные корабли не спешили приближаться к Севастополю. В тех редких случаях, когда батареи (№8, №10, Константиновская, Александровская, Карташевского, Волохова) открывали огонь, его вели на предельной дистанции ок. 2000 м. Но даже в этом случае корабли быстро выходили из-под огня.⁹⁷³

Теперь попалась серьезная добыча. 1 (13) октября австрийский (зафрахтованный) транспорт спешил из Качи в Балаклаву с грузом сена. Капитан шел самоуверенно, приблизившись к Константиновской и Александровской батареям менее чем на 1500 м. Оплешность поняли поздно: вода вскипела от десятков русских снарядов, ложившихся угрожающе близко. Команда, повела себя оригинально: поняв, что русские их все равно потопят, они, бросив судно на произвол судьбы, сели в шлюпки и изо всех сил налегли на весла, «рванув» в сторону Камышовой бухты, где их взяли под защиту солдаты 74-го полка линейной пехоты.⁹⁷⁴

Англичане утверждают, что русские стреляли плохо: из 300–400 насчитанных ими выстрелов, только 4 или 5 снарядов попали в цель. Для спасения транспорта направились дежурившие неподалеку «Бигль» и «Файербенд». Последний, под командованием кептена Стюарта, попытался подойти ближе и взять австрийца на буксир. «Бигль», которым временно командовал Александр Боксер, страховал. Оба корабля тоже получили попадания, но сумели буквально дотолкать транспорт до мыса Херсонес, где их встретил «Самсон» кептена Джонса. Австрийца, оставшегося без экипажа, вытолкнули на мель.⁹⁷⁵

Как бы в отместку, несколько английских пароходов несколько раз обстреляли русские батареи, но по приказу Дандаса, считавшего, что они больше вредят, вызывая ответный огонь, осадным работам, нежели помогают, подобные действия запретили. Как ни странно, случай с австрийцем больше успокоил англичан, чем насторожил.

НАКАНУНЕ

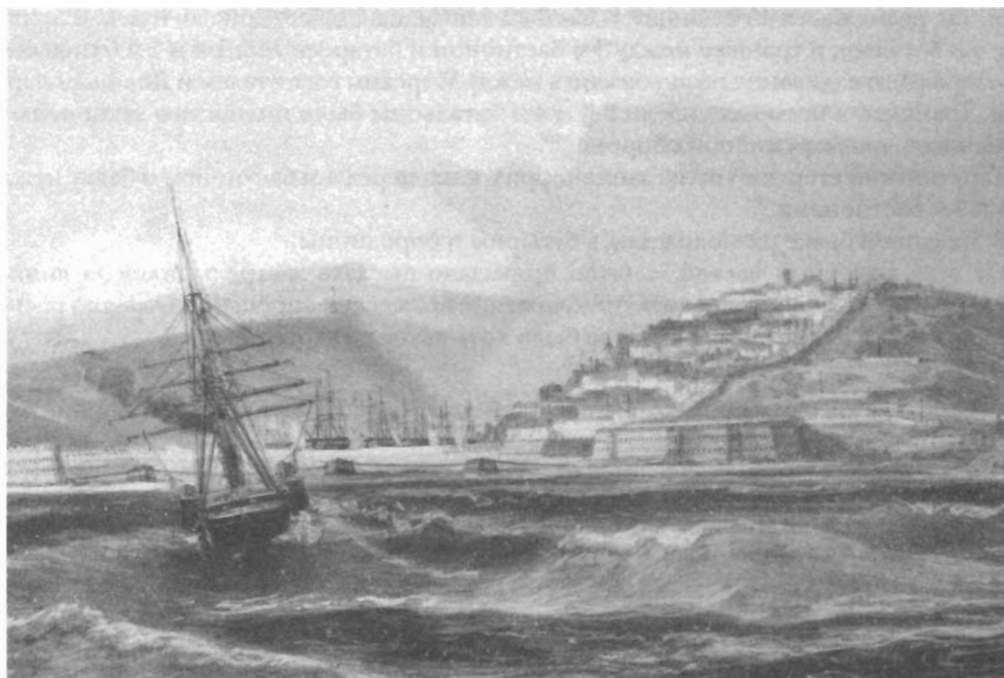
К исходу 4 (16) октября для опытного Корнилова было ясно – завтра союзники будут пытаться огнем артиллерии с суши и с моря разрушить то небольшое, что успели создать. Если им это удастся, возможно, последует штурм. Был срочно созван штаб, на котором присутствовали примерно 10 человек ближайшего окружения адмирала, прошедший почти неформально, за чаем. Ничего удивительного, моряки и на суше продолжали жить традициями корабельной кают-компанияи.

В разгар совещания прибыл полковник Попов, от которого недавно методом «попыла подальше» избавился Меншиков, и который надеялся найти понимание здесь. Он напомнил приказание Николая, чтобы Корнилов берег себя. Адмирал прервал:

⁹⁷³ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С.101–102.

⁹⁷⁴ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P.307–308.

⁹⁷⁵ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P.436; Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер. №2. М., 1999 г. С.13.

У входа в Севастопольскую бухту. Худ. Дюран-Беранж. 1855 г.

«Не время теперь думать о безопасности; если завтра меня где-нибудь не увидят, то, что обо мне подумают?».⁹⁷⁶

К 10 часам все получили свои задачи и разъехались по своим местам. Чтобы снабжение русской артиллерии не давало ей возможности прекратить огонь, адмирал назначил капитан-лейтенанта Попова⁹⁷⁷ ответственным за снабжение боеприпасами батарей. Помощником к нему назначили капитан-лейтенанта Пестича. Место обоим определили у Графской пристани. Было приказано иметь запас на батареях по 150 выстрелов на орудие.⁹⁷⁸

Корнилов понимал, что испытание, которое ждало гарнизон крепости, в первую очередь выпадало на моряков. Поэтому, прощаясь с Поповым, сказал: «Завтра будет жаркий день, англичане употребят все средства, чтобы произвести полный эффект, я опасаюсь за большую потерю от непривычки, впрочем, наши молодцы скоро устроятся: без урока же сделать ничего нельзя, а жаль, многие из нас завтра слягут».⁹⁷⁹

На случай штурма в Севастополь с 1 октября ввели дополнительные силы. Московский пехотный полк: 3-й батальон в траншеях между казармами морской артилле-

⁹⁷⁶ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.292.

⁹⁷⁷ Не царского посланника, а офицера штаба.

⁹⁷⁸ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С.4.

⁹⁷⁹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.292.

рии, где размещался 45-й экипаж и 3-м бастионом; на 3-м бастионе 40-й и 41-й экипажи; 4-й батальон в траншее между 3-м бастионом и батареей №3; 1-й и 2-й батальоны в резерве 3-го отделения располагались между Морским госпиталем и Доковым оврагом. Траншеи, в которых сидели 3-й и 4-й батальоны были полностью закончены и приспособлены к ружейной обороне.⁹⁸⁰

Тарутинский егерский полк: занял территорию перед 4-м бастионом и балку между 4-м и 5-м бастионами.⁹⁸¹

В Ушаковой балке расположились бутырцы и бородинцы.

От всех пехотных частей «...было приказано выслать застрельщиков за линию укреплений, дабы предупредить приближение вражеских апрошей... Стрелки располагались в ямах, меж скал, везде, где было хоть какое-то укрытие».⁹⁸²

---

⁹⁸⁰ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 434.

⁹⁸¹ Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой // Military Крым. №17. Симферополь. 2010 г. С. 48–52.

⁹⁸² Ходасевич Р. Голос из-за стен Севастополя. Рассказ о Крымской кампании и событий осады. Часть 3. Пер. с англ. Е. Савельевой // Military Крым. №17. Симферополь. 2010 г. С. 48–52.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ: НАЧАЛО

*«... день был ужасный; но русским
Бог дал силу и мужество».*⁹⁸³

Генерал-майор К. Р. Семьякин.

МЕТЕОСВОДКА

Итак, 5(17) октября 1854 г. Как и в любой день, назначенный для убийства себе подобных в ходе грандиозного спектакля, который люди именуют сражением, наверное, по воле Всевышнего природа замирает. Типичная крымская осень, когда тепло уже уходит, но холод еще не дошел. Вот-вот задуют сильные штормовые ветры, но пока «... день был абсолютно безветренным».⁹⁸⁴ Это из репортажа Рассела. Кловс: «... полный штиль».⁹⁸⁵ До 10 часов держался легкий туман — это уже Тотлебен.

Полковой священник Альбов писал в этот день жене: «Нынче день особенно жаркий; солнце так и печет, только полчаса тому назад появился довольно прохладный морской ветерок. По здешнему климату можно заметить одно, что, несмотря на теплоту, здешний воздух более опасен для здоровья, нежели северный. Ныне день теплый, даже жаркий, а ночи холодные, с обильной росой».⁹⁸⁶

НАЧАЛО

Как и погода, сами дни 3 и 4 сентября выдались на удивление тихими, но «... 5-е число будет памятно в летописях военной истории, по огромному числу снарядов, выпущенных с обеих сторон».⁹⁸⁷

Момент изготовления союзных батарей к открытию огня не остался не замеченным русскими. Ранним утром пластуны 2-го Черноморского батальона доставили командиру полковнику Головинскому донесение, что в неприятельских траншеях на-

⁹⁸³ Выписки из писем покойного генерала от инфантерии Константина Романовича Семьякина к его покойной супруге // Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том III. СПб., 1873 г. С. 110.

⁹⁸⁴ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. № 1. М., 2003 г. С. 7.

⁹⁸⁵ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P. 442.

⁹⁸⁶ Выдержки из писем полкового священника М. С. Альбова, посланных им жене своей в Крымскую кампанию 1854 – 55 годов (http://fort1854.narod.ru/otets_georgy/3_albov.html).

⁹⁸⁷ Александр Петрович Хрущов. Выдержки из его писем 1853–1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С. 439.

чато интенсивное движение и шум: осадные батареи открыли («прорезали») свои амбразуры.⁹⁸⁸

Все поняли: то, чего так долго ждали — сейчас начнется.

В 6.30 французская батарея №3 выпустила в сторону русских позиций три бомбы с минимальными интервалами — сигнал для общего открытия огня, продолжавшегося с небольшими перерывами три последующих дня:⁹⁸⁹ «Двенадцать часов продолжалась страшная канонада с моря и с сухопутной стороны. Несколько сот орудий гремело без умолку».⁹⁹⁰

В первый день по крепости действовали все орудия французских батарей №№1–5 правой атаки, английских батарей №№1–5 левой атаки и №№1–6 правой атаки, общим числом 144 ед.⁹⁹¹

Этого хватило, чтобы через считанные минуты атмосфера вокруг Севастополя стала напоминать пекло! Монтодона зрелище восхищает и ужасает одновременно: «В течение многих часов перед нами предстает действительно изумительное зрелище: это ужасающий артиллерийский бой, зловещее завывание которого мы слышим на каждой точке линии окружения».⁹⁹²

Один английский пехотный офицер вспоминал, что хотя грохот стоял невообразимый («как во время работы молотов на верфи в Вулидже»), трудиться в этот день пришлось в основном артиллеристам и морякам. Пехотинцы оставались лишь зрителями этого грандиозного представления. Созерцанию мешали лишь ядра и осколки гранат, иногда долетавшие до них.⁹⁹³

Полковая летопись 23-го Королевского Уэльского фузилерного полка: «Утро 17 октября возвестило „самое ужасное артиллерийское сражение, которое весь мир до сего времени еще не видывал“. Союзная артиллерия открыла огонь по русским укреплениям вдоль всей своей линии».⁹⁹⁴ До 9 часов огонь был наиболее сильным.⁹⁹⁵

Интересно, что англичане употребляют термин «артиллерийское сражение», задолго до осени 1914 — зимы 1915 гг., когда оно впервые вошло в оборот применительно к боям на Западном фронте. И если по масштабам событий мы еще можем оспаривать это, то по концентрации войск и плотности артиллерии они близки.

Едва услышав первые выстрелы артиллерии, Меншиков и Панаев поднялись на возвышенность, откуда увидели окутанный густым дымом и пылью Севастополь. Рев

⁹⁸⁸ Есаул. Черноморцы-пластуны в Севастополе // Военный сборник. Том LXLV. СПб., 1874 г. С. 14; Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 199.

⁹⁸⁹ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С. 52; Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 199.

⁹⁹⁰ Ляшук П. Записки Эдуарда Ивановича Тотлебена за время обороны Севастополя 1854–1855 гг. // Military Крым. № 7. Симферополь, 2007 г. С. 18.

⁹⁹¹ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С. 53.

⁹⁹² Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. № 9. Симферополь, 2005 г. С. 54.

⁹⁹³ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol. 3. London. 1857. P. 511.

⁹⁹⁴ Летопись Королевского Уэльского фузилерного полка (1854–1856 гг.). Перевод с англ. С. Ординат // Military Крым. № 19. Симферополь, 2011 г. С. 17–25.

⁹⁹⁵ Чаплинский Г. Воспоминания о Севастопольской обороне // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 75.

орудий быстро перерос в один непрерывный грохот, «...какого до той поры, еще, я думаю, никто из нас не слыхивал».⁹⁹⁶

Издалека город представлял зрелище на грани реальности: «Воздух сгустился, сквозь дым солнце казалось бледным месяцем. Севастополь был опоясан двумя огненными линиями: одну составляли наши укрепления, другая посылала нам смерть».⁹⁹⁷

Не теряя времени, Меншиков направился в город. Даже в относительной безопасности, свита князя удивлялась мощи артиллерийского обстрела. Путь был четко обозначен грядой откатывавшихся ядер, которые ложились «...плотно одно к другому, как булыжники на прибое моря».⁹⁹⁸

К этому времени на батареях уже пробили тревогу. Орудия, назначенные для действия против осадных батарей, немедленно стали отвечать огнем на огонь. Войска подошли к банкетам, в готовности ожидая начала штурма.⁹⁹⁹ Началось смертоносное противостояние, состязание в мастерстве и выдержке.

Русские достойно выдержали первый шквал огня и металла, обрушенный на них французскими и английскими батареями. Приученные быть под выстрелами, морские артиллеристы, среди которых немало было синопских ветеранов, быстро заняли места у орудий и открыли ответный огонь. Его организованность и сила неприятно поразили неприятеля: «...огонь русских был живой и хорошо направлен».¹⁰⁰⁰

Это не удивительно. Морские артиллеристы, готовясь к отражению противника, делали ставку на ошеломление неприятеля сильнейшим ответным огнем. Привычные и приученные к частой стрельбе на море, они не изменили себе и на суше, стараясь в короткое время выпустить большее количество снарядов, концентрируясь на давно определенных целях. В морских сражениях «...атакованный не может оставаться слишком долго в углах обстрела атакующего. Кроме того, прежние опыты указывали, что стрельба из гладкоствольных орудий могла быть действительна только на близких расстояниях. Эти условия и легли в основание принятой на море простой тактики, свойство которой состояло в том, чтобы в наименьшее время выбросить наибольшее число снарядов, а потому все упражнения с артиллерией в мирное время на кораблях имели одну цель, т. е. достигнуть самой скорой стрельбы, чему много способствовали сноровка и ловкость наших матросов, легко обращающихся с тяжелыми для того времени орудиями».¹⁰⁰¹

Этот принцип действовал на батареях в первые часы сражения на береговых батареях и на бастионах сухопутного фронта.¹⁰⁰² Чтобы предотвратить разрывы орудий и дать дыму рассеяться, несколько раз давались команды на замедление темпа огня.¹⁰⁰³

⁹⁹⁶ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XIX. СПб., 1877 г. С. 51.

⁹⁹⁷ Никифоров Н. Н., Туркин П. И., Жеребцов А. А., Галиенко С. Г. Артиллерия. Под общ. ред. Чистякова М. Н. М., 1953 г. С. 67.

⁹⁹⁸ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XIX. СПб., 1877 г. С. 51.

⁹⁹⁹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 199.

¹⁰⁰⁰ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С. 52.

¹⁰⁰¹ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопке и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 3–4.

¹⁰⁰² Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 323.

¹⁰⁰³ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 199.

Можно назвать только одну цифру – отдельные орудия 5 октября сделали по 400 выстрелов. Уже к 10 часам прибыли первые посыльные с батареей правого фланга с требованием пополнения боезапаса. Вскоре с этим же на Графскую прибыли офицеры с левого фланга.¹⁰⁰⁴

Окружающий мир вдруг переменялся. Когда в дело вступили пушки флота и береговых батарей, реальность приобрела размытые очертания. Звук боя стал непрерывным ревом на одной ноте, который, по образному выражению Рассела стал похож на «...грохот локомотива, несущегося на большой скорости, только много сильнее».¹⁰⁰⁵

Вскоре возможность стрелять прицельным огнем стала затрудненной, потом почти невозможной. Артиллеристы вели стрельбу в направлении вспышек неприятельских выстрелов.¹⁰⁰⁶

Что творилось на батареях можно только представить. Но какую бы картину мы не рисовали бы для себя, она не может отразить ад, в минуты разверзшийся на земле. Свидетель писал из Севастополя: «...Застонала земля, задрожали окрестные горы, заклокотало море: вообразите только, что из тысячи орудий с неприятельских кораблей, пароходов, и с сухопутных батарей, а в тоже время и с наших батарей разразился адский огонь, неприятельские корабли и пароходы стреляли в наши батареи залпами, бомбы, каленые ядра, картечи, брандскугели и конгревовы ракеты сыпались градом, ...все это сливалось в страшный и дикий гул, нельзя было различить выстрелов, было слышно одно только дикое и ужасающее клокотание; земля, казалось, шаталась под тяжестью сражающихся».¹⁰⁰⁷

Начала давать знать спешка возведения укреплений. К достоинству Тотлебена он не собиравшись это отрицать, честно описывая события труднейшего для него дня: «...Бруствера наших батарей оказывали слабое сопротивление неприятельским выстрелам. Будучи насыпаны наскоро, из сухой хрящеватой земли, они, не успев улежаться и окрепнуть, легко рассыпались от снарядов. Амбразуры тоже не представляли достаточной прочности: некоторые из них, по неимению хвороста, были одеты земляными мешками, досками или глиной, другие же вовсе не имели одежды. Глиняные одежды, от действий пороховых газов, обвалились большей частью тотчас же после первых выстрелов...».¹⁰⁰⁸

Чтобы не дать обороне ослабнуть, приходилось постоянно восстанавливать разрушения. Матросы, рискуя жизнью, делали это, хотя и понимали, что каждый миг может оказаться для них последним.

Тяжело приходилось армейским частям. После первых выстрелов пехоту подвели к банкетам, где держали сосредоточенно. Хотя они находились в преимущественно закрытых местах, на батареях находились небольшие группы в «первой готовности». А так как сами они ничем не противодействовали противнику, то такое положение отрицательно отражалось на психологическом состоянии солдат.

Так как объем книги не позволяет детально разобрать события этого дня, мы поступим проще – посмотрим на них глазами адмирала Корнилова. Вместе с ним прой-

¹⁰⁰⁴ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С.4.

¹⁰⁰⁵ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя//ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С.7.

¹⁰⁰⁶ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.199.

¹⁰⁰⁷ Севастополь в нынешнем состоянии. Письма из Крыма и Севастополя. М., 1855 г. С.14–16.

¹⁰⁰⁸ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.199–200.

дем по его последнему пути, начавшемуся с тревоги, постепенно перешедшей в уверенность и завершившемуся славой и смертью.

4-Й БАСТИОН

На одной из ключевых позиций Севастополя утро 5 октября началось усиленным обстрелом из стрелкового оружия. Вероятно, французы пытались таким образом не дать русским артиллеристам занять места у орудий, постараться нанести им максимальные потери, стреляя по орудийным амбразурам.

Затем ружейный огонь сменился грохотом пушек. Относительное спокойствие сменилось адом. Вот как описывал происходившее Реймерс: «Картина сделалась ужасная! Послышались всюду стоны и крики раненых, моментально все занесло дымом и мы, думая, что неприятель прямо бросится на штурм, открыли огонь из всех орудий, стреляя, разумеется, неизвестно куда. Но, выбросивши по 25 снарядов с орудия, мы должны были замолчать, потому что снарядов у нас оставалось мало, вследствие чего, в продолжение целого дня, наши орудия и вал представляли верную цель неприятелю и претерпевали много повреждений».¹⁰⁰⁹

Находившийся на бастионе командир 8-го Черноморского батальона полковник Головинский за час до рассвета, приготовив своих людей к ожидаемому нападению, приказал вестовому поставить самовар, надеясь начать утро свежим чаем. Едва вода закипела, как осколок вражеского снаряда на излете превратил агрегат в бесполезный металл.¹⁰¹⁰

Бастион быстро превратился в вулкан. В него летели снаряды с французских и английских батарей, а над ним проносились еще и русские снаряды, выпускаемые с двух соседних батарей, лишь усиливая сходство с буйством природного катаклизма.¹⁰¹¹

В разгар обстрела на батареях бастиона появился Корнилов. С ним были чины штаба, в том числе Попов и Жандр, едва поспевавшие за адмиралом. Последний вспоминал: «Когда мы взошли на банкет левого фаса бастиона, канонада была уже в полном разгаре. Воздух сгустился, сквозь дым солнце казалось бледным месяцем, и Севастополь был опоясан двумя огненными линиями: одну составляли наши укрепления, другая посылала нам смерть».¹⁰¹²

Попов увидел бастион «...в полном действии и на нем не было никаких проявлений разрушения». Корнилов «...беспрерывно рассылал штабных своих с различными приказами, относящимися к материальным нуждам действующих батарей».¹⁰¹³

Не следует искать в действиях адмирала «путешествие за смертью». Корнилов — человек военный. Бомбардировка — первое испытание созданной, в том числе и им, оборонительной системы, экзамен на ее состоятельность. Ему нужно лично убедить

¹⁰⁰⁹ Воспоминания командира 4-го бастиона капитана 1-го ранга Реймерса (бывшего капитан-лейтенанта) о 8-месячной бытности его в Севастополе во время его бомбардирования// Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С.28–29.

¹⁰¹⁰ Есаул. Черноморцы-гластуны в Севастополе//Военный сборник. Том LXLV. СПб., 1874 г. С. 14.

¹⁰¹¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.293.

¹⁰¹² Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.293.

¹⁰¹³ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г./Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С.309.

ся, что все сделано правильно, а если что-то сделано неправильно, тут же принять меры к исправлению. Адмиралу нужно, чтобы его видели матросы и офицеры, для них, привыкших к морской войне, важно присутствие адмирала на бастионе, как и на мостике боевого корабля. Понявший это Корнилов «...под сильным огнем подходил к каждому орудью, толковал комендорам, куда целить, одушевлял каждого человека».¹⁰¹⁴

Тогда же, по словам Реймерса, произошла и славноизвестная история с арестантами, которых бомбардировка застала на батареях. И это тоже не из серии эпоса. Корнилов сделал то, что было нужно: с этого момента личный состав арестантских рот стал полноправными членами обороны крепости. До этого они были расходным материалом.

«...арестанты потребовали Корнилова и выпросили себе свободу, говоря, что настал теперь для них день, в который они могут загладить свои проступки. И действительно, они молодцами выполняли свои обещания; в первый день работы неустрашимыми таскали раненых, приносили снаряды, воду и проч., так что в первый день, как слышно было, выбыло из них до половины. Оставшиеся поступили на батареи, и те, которые находились у меня на бастионе, были все без изъятия отважные и славные ребята, даже некоторые получили впоследствии Георгиевские кресты».¹⁰¹⁵

Разбрасываться эмоциями и преподносить действия арестантов, как образец героизма и решительности, излишне, хотя, действительно, по воспоминаниям участников обороны, в этом им трудно было бы отказать. Во все времена, от ранней истории, вплоть до последних глобальных войн, в период активных боевых действий, наиболее опасные места доверяли или элите или проштрафившимся. И тут Севастополь не исключение. Когда потребовались те, кто может работать под обстрелом, то лучше материал, чем арестанты найти было трудно. Корнилов исправил то, что нужно было сделать по отношению к ним раньше. Не имевшие в годы мира почти никаких шансов получить свободу, они с воодушевлением откликнулись на это с началом обороны крепости.

Корнилов, проезжая по траншеям мимо стоявших в строю москвичей, и видя, что неприятельский огонь не только губителен для стоявших без дела пехотных подразделений, но и давит их морально, дал команду отвести их в тыл и поставить вне выстрелов. По причине слабости и малой высоты брустверов эти подразделения стали нести большие потери.¹⁰¹⁶ Солдат отвели за 1-й флигель лазаретных казарм. В траншеях оставили некоторое число штуцерных стрелков и батальонных адъютантов.¹⁰¹⁷

Когда стали выбывать матросы из числа орудийной прислуги, на их место стали ставить всех, кто находился под руками, в том числе солдат из пехоты. Насколько дорого это ей обошлось, можно судить хотя бы потому, что из 413 чел., отправленных на батареи из Тарутинского егерского полка за время кампании, назад вернулись лишь 188. В том числе в последний день штурма Севастополя 27 августа 1855 г. было убито или ранено 121 чел.¹⁰¹⁸

¹⁰¹⁴ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н.В., Софинова П.Г. М., 1947 г. С.288.

¹⁰¹⁵ Воспоминания командира 4-го бастиона капитана 1-го ранга Реймерса (бывшего капитан-лейтенанта) о 8-месячной бытности его в Севастополе во время его бомбардирования// Сборник рукописей представлен Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами. Том I. СПб., 1872 г. С.29.

¹⁰¹⁶ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.200.

¹⁰¹⁷ Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С.433–434.

¹⁰¹⁸ Рышков. Очерки из истории 67-го пехотного Тарутинского Великого Герцога Ольденбургского полка. СПб., 1896 г. С.62.

Да что там пехота, ее удел сгорать в огне войны, как солома в костре. К пушкам ста- ли даже несколько добровольцев из числа пластунов. одному из них оторвало кисть и при этом «...странным образом вытянуло из руки и смотало жилы». Молодой казак, пытавшийся оказать ему помощь, заморожено застыл, только что и сумев сказать: «Вот ведь как фигурно ломаются у казаков руки». Старый пластун, видя такое его состояние, отправил казака на место другого, которому только что осколком снесло голову, а сам принялся оказывать помощь раненому.¹⁰¹⁹

Насколько тяжелым было психологическое воздействие происходившего, можно судить по последствиям, сказывавшимся на людях, участвовавших в этом безумии, спустя многие годы: «Одно время жил с нами в лагере защитник Севастополя, лейтенант, раненый в голову. По временам мы слушали с глубоким интересом рассказы лейтенанта про кровавые эпизоды защиты крепости, при чем рассказчик не мог говорить спокойно, равнодушно, а волновался и, наконец, плакал...».¹⁰²⁰ Как видите, типичные симптомы запущенной боевой психотравмы в ее современном понимании.

Корнилов прошел по всей линии бастиона вплоть до «Батарей грибка», внимательно осматривая позицию каждого орудия и оценивая происходившее. Затем проделал путь в обратную сторону и встретился с вице-адмиралом Новосильским.¹⁰²¹ Переговарив с ним, спустился в ложину между 4-м и 5-м бастионами, где стояли солдаты Тарутинского егерского полка.

Здесь адмирал искренне полюбовался работой 10-пушечной батареи № 25, которой командовал лейтенант Титов. Это его орудия взорвали пороховой погреб на французской стороне.

Корнилов оставил Попова и, несмотря на возражения последнего, отправился дальше по линии бастионов. Попов рекомендовал адмиралу остаться, считая, что «...все донесения с оборонительной линии... посылаются в дом, им занимаемый, и если какие-либо из них потребуют безотлагательных распоряжений, то отсутствие его может сделаться гибельным, и предложил ему вместо его, осмотреть оборонительную линию Корабельной стороны».¹⁰²²

5-Й БАСТИОН

На 5-м бастионе, куда от тарутинцев поднялся Корнилов, он встретил Нахимова. Павел Степанович «...распоряжался как на корабле».¹⁰²³ В этот день он впервые появился на бастионе в том самом сюртуке с золотыми адмиральскими эполетами, которые хотя и выделяли его от остальных, но, в конце концов, стоили ему жизни. Нахимов был уже зацеплен осколком, но, забрызганный кровью, не собирался покидать бастион и в «...порыве геройского увлечения, сам направлял орудия, открыто становясь в амбразуры».¹⁰²⁴

¹⁰¹⁹ Есаул. Черноморцы-пластуны в Севастополе//Военный сборник. Том LXLV. СПб., 1874 г. С.14–15.

¹⁰²⁰ Наумов П. Воспоминания бывшего штурманского офицера//Русская старина. СПб., 1915 г. С.294.

¹⁰²¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.293.

¹⁰²² Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.//Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С.309.

¹⁰²³ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.293.

¹⁰²⁴ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С.199.

Адмиралы осмотрели бастион, при этом даже поднимались на банкет, стараясь определить действенность вражеского огня. Капитан-лейтенант Ильинский попытался «согнуть» Корнилова оттуда, на что получил разъяснение о месте каждого в бою: «А за чем же вы хотите мешать мне, исполнить свой долг? Мой долг — видеть всех».¹⁰²⁵

Достаточно резкий ответ: видимо Корнилов не прощает Ильинскому «наушничества» главнокомандующему.

Оборонительная казарма бастиона уже через часа непрерывного обстрела была сильно разрушена, парашют уничтожен полностью, 5 орудий, за ним находившиеся, выведены из строя. Нижняя часть в некоторых местах имела сквозные повреждения.

К этому времени на многих орудийных позициях краснели лужи крови. Потери несли, в основном, неудачно поставленные орудия. Из 39 человек батареи, стрелявшей через банк, убито, ранено и контужено было 19.¹⁰²⁶ 33-й экипаж заменял выбывших новыми матросами, но и их хватало не надолго. Одним из первых был вынесен с бастиона раненый в переносицу лейтенант Банков, аттестованный адмиралом Нахимовым, как «...храбрый и дисциплинированный офицер».¹⁰²⁷

Просьбы и пожелания у людей, бывших на границе между жизнью и смертью, были самыми земными: всех мучила жажда. Жандр немедленно отправился в тыл и организовал доставку на все бастионы бочек с водой.¹⁰²⁸

Теперь Корнилову стали очевидны недочеты быстрой фортификации. Их хватало:

1. Незакрепленная турами земля, насыщенная камнем, поражала запреградным действием не хуже картечи. Не металл, а камни — вот те снаряды, которые убили и ранили большинство солдат и матросов орудийной прислуги на батареях в этот день. Вероятно, что и ранение самого Нахимова тоже результат рассечения лица грунтом.

2. Не укрепленные амбразуры быстро разрушались. Мешки и доски служили слабой защитой. Разрушили их даже не неприятельские снаряды, а пороховые газы от собственных выстрелов. Дым от загоравшихся досок в отличие от порохового не рассеивался, постоянно мешая прицеливанию. В дыму и грохоте постоянно казалось, что на штурм пошла неприятельская пехота. Тогда открывали огонь орудия, назначенные для ее отражения, вхолостую покрывая картечными пулями стенки крутостей и рвов, бессмысленно расходуя боеприпасы и лишь внося суматоху в и без того напряженную обстановку.

Для расчистки амбразур под пули высылались матросы, приводя к новым потерям от пуль неприятельских стрелков, непрерывно обстреливавших амбразуры и осколков снарядов.

Доставалось не только бастионам и батареям. Смерть витала над всем городом. Отдельные снаряды, рикошетируя, долетали туда, и так севастопольские обыватели познакомились с разрушительной силой неприятельского огня, вызвавшей панику: «...Разбуженные жители выскакивали из домов, кто в чем был, и в беспорядке устремились к пристаням, где поднялись невообразимая сумятица, давка, крик и рыдания.

¹⁰²⁵ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.293.

¹⁰²⁶ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.294.

¹⁰²⁷ Ляшук П.М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг. Симферополь, 2005 г. С.24–25.

¹⁰²⁸ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С.293.

Торопясь сесть в лодки, многие падали в воду. Растерянные женщины в одном белье выскакивали из домов: кто с чулками в руках, кто с маленькой подушкой, кто волочил за собою платье. Все это бежало, спотыкалось, падало и опять бежало, не зная куда. Вырвавшийся из конюшен скот с ревом носился по городу, давя народ. Собаки с визгом бегали до того, пока не падали от усталости...».¹⁰²⁹

6-Й БАСТИОН

Сюда Корнилов пришел сильно уставшим и долго не задерживался. Ситуация здесь немногим отличалась от положения дел на соседнем, 5-м бастионе: больше всего страдала лицевая стена оборонительной казармы, но в целом укрепления выдержали первый вал артиллерийского огня.

Сбывались пророчества капитана 1 ранга Зарина предупреждавшего, что построенный казнокрадами бастион не мог выдерживать длительный обстрел. Офицер предлагал во время бомбардировки посадить за оборонительной стенкой инженеров-строителей и заставить их там составлять отчет о расходах на ее постройку.

Отдав необходимые распоряжения, адмирал убыл для составления рапорта и короткой передышки в дом Волохова, бывший его квартирой в Севастополе, где написал письмо, которому суждено было стать последними словами адмирала, адресованными к близким. Предчувствуя смерть, Корнилов вызывал на бастион капитан-лейтенанта Христофорова, назначенного курьером в Николаев, отдал ему письмо и свои часы: «Передайте пожалуйста жене, они должны принадлежать старшему сыну; боюсь, чтобы здесь их не разбить».¹⁰³⁰

Из дома адмирал отдал распоряжение о выводе транспортов «Дунай», «Буг» и Сухум-кале» из Южной бухты, где они оказались под обстрелом. Вскоре с Малахова кургана прибыл барон Криденер, передавший просьбу распоряжавшегося там Истомина не приезжать. Здесь же ему доложили, что прибыл главнокомандующий.

МЕНШИКОВ В СЕВАСТОПОЛЕ

Меншиков с первыми выстрелами уже двигался с адъютантами и штабом в Севастополь. Первый, кто встретил князя, был полковник Федоров, командир Бутырско-го пехотного полка. Едва князь остановился, как тяжелое ядро «пробороздило землю перед лошадей светлейшего, обдав нас хрящом твердой земли».¹⁰³¹

Не задерживаясь у бутырцев, Меншиков направился на квартиру к Корнилову. Для главнокомандующего эта была не просто встреча — он хотел увидеть того, кто больше других противился его плану, того, кто рвался в бой на море, а получил грандиозное сражение на суше. У обоих было больше причин ненавидеть друг друга, нежели любить, особенно после совсем недавних событий. Но война все расставила по местам.

¹⁰²⁹ Николаев Е.П. История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807–1907 гг. СПб., 1907 г. С. 195.

¹⁰³⁰ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 294.

¹⁰³¹ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Архадия Александровича Панаева//Русская старина. Т. ХХ. СПб., 1877 г. С.52.

Не думаю, что Меншикову был нужен сухой рапорт Корнилова, ему хотелось убедиться, что отныне адмирал уверует в его правоту, и можно будет смело перепоручать ему весь объем руководства обороной Севастополя. Они оба уже все друг другу доказали: Меншиков, что в минуту опасности, даже потерпев крупное поражение, может собраться и принять единственно правильное решение, лучшее из сотни вариантов возможных. Корнилов, что отныне безоговорочно утвердил право считаться непревзойденным организатором и лидером тысяч вверенных ему офицеров, солдат и матросов только потому, что таковым на самом деле и был.

Адмирал, к 8.30 закончивший объезд батарей и бастионов,¹⁰³² встретил князя и, доложив, что обстрел со стороны французских батарей ослаб, объяснил обстановку, сопроводив до Екатерининской пристани. Командующий, успокоившись, покинул город. Но едва он это сделал, как начался обстрел с моря.¹⁰³³ Свита остановилась, все в волнении приникли к оптике.

Севастополь вновь затянуло дымом: «Гром от непрерывной пальбы был невообразимый. Тучи черного дыма заволакивали все видимое небо, и только изредка можно было уловить глазом темно-красные огни, вырывавшиеся из жерл громадных орудий. Всего удобнее было нам рассмотреть громадный трехдечный корабль, который, став как раз в тылу Константиновской батареи, возле берега, безнаказанно громил ее в хвост. Сначала мы были рады, что корабль, не видя скрытой за мыском мортирной батареи, занял эту позицию, не ожидая гостинцев которые поднесут ему наши пятипудовые мортиры и две коронады. Батарея эта, устроенная на берегу бухты, обращена была жерлами орудий к морю, именно с тем, чтобы через мысок озадачить смельчака на случай покушения. ...Но батарея молчит. Что же она не кончат с этим кораблем? Ждем с нетерпением его гибели, но он цел и невредим. ...Или командир батареи не видит врага или на ней все перебиты?»¹⁰³⁴

Меншиков отправляет верного Панаева на батарею. Добравшись до батареи, последний обнаруживает, что Корнилов, якобы из опасения, чтобы неприятель после Альминской победы не захватил орудия, «...велел опрокинуть их в море», после чего делает свой неутешительный вывод: «Вот почему Константиновская батарея так много пострадала в первый день бомбардировки».¹⁰³⁵

Панаев вновь откровенно врет: на батарее он не был. Иначе увидел бы совсем иную картину и, хотя бы из уважения к ее защитникам, написал, что корабль этот был потерявший временно управление «Родней», который несло на мель, о том, как он еле унес ноги оттуда (англичане скажут, в отличие от Панаева). Что поделаешь, любил меншиковский адъютант свою значимость подчеркнуть. То полки в атаку водил на Альме, то отступление всей армии останавливал, а тут вот с моряками не прошло, не удалось ему английский корабль потопить. Моряки люди склада другого и не подтвердили бы его участие в деле. Скорее всего, он добрался до Северного укрепления и оттуда в безопасности наблюдал за происходившим.

¹⁰³² Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С.309.

¹⁰³³ Александр Петрович Хрущов. Выдержки из его писем 1853–1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С.439.

¹⁰³⁴ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XIX. СПб., 1877 г. С.54.

¹⁰³⁵ Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева // Русская старина. Т. XIX. СПб., 1877 г. С.54.

Бомбардирование Севастополя 5(17) октября 1854 г. В. Тимм. 1855 г.

3-Й БАСТИОН

Корнилов, простившись с князем, вновь отправился на 4-й бастион. Навстречу, пользуясь ослаблением огня со стороны французских батарей, тянулись носилки с ранеными. По пути от театра встретили полковника Попова, с которым адмирал подъехал к двум батареям, находившимся на месте вскоре построенного Язоновского редута.¹⁰³⁶

На 4-м бастионе Попов остался, получив указания на случай возможного штурма, а сам Корнилов спустился к пересыпи Южной бухты, где встретил Тотлебена и коротко с ним обсудил ситуацию. Инженер доложил о действиях артиллерии Корабельной стороны и том, что 3-й бастион находится в критическом положении.¹⁰³⁷ Корнилов немедленно направился туда, хотя Жандр убеждал его возвратиться домой, но получил очередной категорический отказ: «Что скажут обо мне солдаты, если сегодня они меня не увидят?».

Перейдя через пересыпь, адмирал поднялся по крутой тропинке прямо к 3-му бастиону, где его встретили начальник артиллерии 3-го отделения капитан 1-го ранга Ергомышев, командир бастиона капитан 2-го ранга Попандопуло и капитан-лейтенант Наленч-Рачинский, вскоре после того убитый ядром.¹⁰³⁸

3-му бастиону было суждено испытать наиболее горькую чашу первого дня бомбардировки. Самые большие потери, наряду с 4-м бастионом и Малаховым курганом, были

¹⁰³⁶ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 309.

¹⁰³⁷ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 202.

¹⁰³⁸ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

понесены здесь.¹⁰³⁹ Как и всюду первые минуты обстрела показали, что смешанный с камнем грунт, если он не укреплен турами, может быть убийственным для обороняющихся. Не только это стало причиной первых потерь на оборонительных позициях. Наши матросы несли большие потери, но некоторые – по собственной неосторожности. Они то и дело выскакивали из-за бруствера посмотреть на результаты выстрела и тут же попадали под огонь вражеских снайперов, которые были наготове.

Этой же болезнью страдал противник. Война еще не приучила к осторожности. Считалось, что если враг далеко, то и опасность от него минимальная. Многие постоянно высовывались из окопов, чтобы посмотреть на результаты действий артиллерии. Двое таких «любопытных» из 95-го полка капитан Реймс и лейтенант Смит получили осколками снарядов в голову и в тяжелом состоянии завершили свое участие в Крымской войне.¹⁰⁴⁰

Одним из первых защитников погиб сын командира 3-го бастиона лейтенант Попандопуло, командовавший батареей. Еще живого его отнесли с позиции, о чем сообщили отцу. Константин Егорович успел попрощаться с ним, но и сам долго не оставался на бастионе и, получив осколок в лицо, был унесен в тыл. Шесть офицеров, командиров батарей, один за другим были ранены, либо убиты.¹⁰⁴¹

Из 22 орудий в исправности после полудня остались 15 и те с полуразрушенными амбразурами. В три часа дня неприятельская бомба попала в главный пороховой погреб, устроенный в исходящем углу бастиона, который после этого был почти разрушен (так у Пестича). Когда рассеялся дым, уцелевшие увидели страшную картину: вся передняя часть бастиона сброшена в ров и все укрепление обратилось в кучу земли; везде валялись опаленные, обезображенные трупы. Потери были громадными. При взрыве погибло более 100 человек, многие были разорваны на куски. Офицеры почти все выбыли из строя. В их числе капитан 1 ранга Л. А. Ергомышев (тяжелая контузия), капитан-лейтенант Лесли (убит, от тела ничего не осталось).¹⁰⁴² Бастион пришел в окончательное расстройство.¹⁰⁴³

В действие, сверхчеловеческими усилиями оставшихся в живых и сохранивших возможность работать раненых удалось ввести два 24-фунтовых орудия, буквально откопав их. Но и при них оставалось целыми только 5 человек прислуги. Но уже вскоре большую часть выбывших из строя заменили новыми людьми.¹⁰⁴⁴

Батарея Будищева, отвлекая на себя огонь неприятеля, несколько облегчила положение бастиона, давая возможность хоть немного привести его в порядок, отнести раненых и заменить людей у орудий. Вместе с остатками орудий 3-го бастиона

¹⁰³⁹ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 4.

¹⁰⁴⁰ Harold Carmichael Wully. The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea (Vol. 1). S. Sonnenschein. London. 1899. P. 22.

¹⁰⁴¹ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

¹⁰⁴² Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 4.

¹⁰⁴³ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 310.

¹⁰⁴⁴ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 5.

ее артиллеристы продолжали поддерживать учащенный огонь в сторону английских позиций.¹⁰⁴⁵

История безупречно владеет искусством сарказма и это, вскоре первое выигранное русскими сражение во многом своей победе благодарно именно Синопу. Русские пушки, успешно крушившие английские и французские батареи, а в некоторых случаях и борта кораблей союзного флота, еще недавно делали то же самое с турецкими кораблями и береговыми батареями.¹⁰⁴⁶ Таким образом, дух Синопской победы вместе с пороховым дымом витал теперь над Севастопольской бухтой.

Глядя на ураганный огонь, открытый союзными кораблями и батареями 5(17) октября по Севастополю, матросы-участники истребления турецкого флота в 1853 г. говорили своим командирам: «Ваше превосходительство, а ведь это они нам за Синоп оплачивают».¹⁰⁴⁷

В разгар боя закончились запасы пороха — сказался уничтоженный погреб. Хотя в различных местах и были устроены резервные хранилища в железных цистернах зарытых в землю, учащенная стрельба требовала еще и еще.

Срочно сформировали команду добровольцев, которые под обстрелом направились на Госпитальную пристань, где уже стоял баркас, груженный запасами пороха. В помощь им отправили матросов с корабля «Ягудиил», стоявшего в глубине бухты. За возможность продолжать огонь до вечера некоторые из этих храбрых людей заплатили своей жизнью. Из 75 матросов «Ягудиила», отправленных, в том числе, на восполнение людских потерь 3-го бастиона, на следующий день на корабль вернулось только 25.¹⁰⁴⁸ Этот рискованный путь вскоре получил название «Дороги смерти».¹⁰⁴⁹

Результаты многодневных трудов постепенно превращались в прах. Бастион был «...буквально обращен в кучу земли».¹⁰⁵⁰ С темнотой стрельба стихла. На батареях личный состав немедленно приступил к исправлению разрушений, ремонту или замене поврежденных орудий.

БАСТИОН МАЛАХОВА КУРГАНА

Оставив 3-й бастион, Корнилов двинулся в сторону Малахова кургана. По дороге он посетил 38-й флотский экипаж, стоявший за госпиталем. Особенно радостно встретили Корнилова в 44-м экипаже, уже знавшие, что французские батареи уже почти замолкли.¹⁰⁵¹

¹⁰⁴⁵ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 5.

¹⁰⁴⁶ Арбузов В. В. Корабли одеваются в броню // Морской исторический сборник. №1. Л., 1990 г. С. 4.

¹⁰⁴⁷ Данилов С. Великие морские сражения. М., 2011 г. С. 244–245.

¹⁰⁴⁸ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

¹⁰⁴⁹ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 5.

¹⁰⁵⁰ Чаплинский Г. Воспоминания о Севастопольской обороне // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами (репринт). М., 1998 г. С. 77.

¹⁰⁵¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 297.

На Малахов курган адмирал въехал со стороны Корабельной слободки, спешившись у кремальберной батареи.

Основным оборонительным сооружением Малахова кургана была построенная в июне 1854 г. башня. Незадолго до атаки Севастополя башню включили в систему оборонительных сооружений бастиона Малахова кургана Первая бомбардировка города, начатая союзниками 5 октября 1854 г., явилась для башни своеобразным испытанием на прочность, которое она, к сожалению, выдержала с трудом: все установленные открыто орудия оказались сбитыми. Был дважды контужен в спину, но остался в строю, подполковник командир 19-го рабочего экипажа Арцыбашев (умер от контузии 16 декабря 1855 г.).¹⁰⁵²

От полного уничтожения спас предусмотрительно возведенный гласис. Стало очевидно, что башня потеряла свое значение, и в дальнейшем служила в качестве порохового склада, казармы и штаба командующего 4-й дистанцией контр-адмирала В. И. Истомина.

Встретившему Корнилова Истомину было указано на необходимость оборудования в башне перевязочного пункта. Попытку адмирала подняться на верхний этаж Истомин пресек категорически: огнем английской артиллерии он уже был почти снесен, а команды орудий во избежание лишних потерь сведены вниз. Для успешных действий против неприятеля было достаточно остальной, укрытой брустверами, артиллерии.

Некоторое время адмиралы общались между собой, после чего Корнилов высказал намерение отправиться к находившимся в Ушаковой балке пехотинцам: Бутырскому и Бородинским полкам. Ему было видно, что пехота несла напрасные потери. Еще подъезжая к бастиону, Корнилов обратил внимание, что большая часть ранений приходилась солдат в верхнюю часть корпуса и головы. В Бородинском егерском полку капитан Левашов был контужен «в верхние конечности, обожжены оба плеча и получил несколько поверхностных ран», подпоручик Френев ранен в левую губу, контужен в голову и в правый глаз осколком бомбы, С. П. Воронов ранен в голову осколком бомбы.¹⁰⁵³

Жандр говорит, что Корнилов сам шел навстречу своему Ангелу Смерти.¹⁰⁵⁴ Возможно, что это не высокие слова и не просто военный эпос. Адмирал медлил, что-то чувствуя. Он не хотел покидать укрытие, продолжал говорить с Истиминым, но, еще немного замедлился, и, ...не оглядываясь, пошел в сторону кремальберной батареи, где стояла в ожидании своего хозяина гнедая с белой гривой лошадь Корнилова...

Было примерно 12.30. Адмирал еще раз помедлил, произнес «ну теперь пойдём»¹⁰⁵⁵ и сделал несколько шагов.

Жандр: «...адмирал ...не успел дойти трех шагов до бруствера, как ядро раздробило ему левую ногу у самого живота. Несколько офицеров бросились к нему и подняли его на руки... „Отстаивайте же Севастополь!“ сказал он нам. Мы положили его за бруствером между орудиями, и скоро он обеспамятел: ни крика, ни стона его никто не слышал. Когда пришли два медика с перевязочного пункта и принялись за перевязку.

¹⁰⁵² Ляшук П. М. Офицеры Черноморского флота, погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг. Симферополь, 2005 г. С. 21–22.

¹⁰⁵³ Еропкина В. В. М. Еропкин. Участник обороны Севастополя 1954 г. // Русский архив. Том 7. М., 1905 г. С. 474.

¹⁰⁵⁴ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 297.

¹⁰⁵⁵ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 298.

я поспешил в госпиталь за носилками, а оттуда к вице-адмиралу Нахимову и к генерал-лейтенанту Моллеру сообщить им печальную весть. Более я не видел в живых нашего адмирала».¹⁰⁵⁶

К этому времени в 9.15 взлетел на воздух пороховой погреб на французской батарее №4. Он находился в 7 м. за батареей, был хорошо блиндирован и укрыт рельефом. Не смотря на это, русская бомба влетела в его вход. Последствия взрыва 1000–1200 кг. пороха предсказать не трудно: батарея разрушена как минимум наполовину, убиты, ранены и контужены 2 офицера, 53 нижних чина.¹⁰⁵⁷

Но цифры почти ничего не говорят. Гораздо красноречивее описывает тот кошмар, который царил на батарее №4 очевидец, инженер Леон Герен: «...батарея №4 взорвалась, окровавленные и закопченные ключья несчастных летали в воздухе. Капитан Петипа, командир батареи, лейтенанты Берже и Жубер тяжело, но не смертельно, ранены, 8 орудий были разбиты вместе с лафетами, вокруг них лежали трупы и тела раненых...».¹⁰⁵⁸

Спустя несколько минут на батарее №1 от попадания снаряда взорвался зарядный ящик, а сама она повреждена. На ней картина не многим отличалась от хаоса, царившего на батарее №4. Мичману Мишелю, совсем юноше, ядром оторвало обе ноги.¹⁰⁵⁹

Сильно страдала соседняя с 4-й батарея №5. В общей сложности Пестич говорит о трех взрывах у неприятеля на позициях к 10 часам.¹⁰⁶⁰

У французов дела казались совсем плачевными: выведены из строя 2 орудия, 12 лафетов. Все батареи имели серьезные повреждения. Канробер отдал приказ о прекращении огня.¹⁰⁶¹ В 10.30 огонь с французских линий прекратился. Русским понадобилось всего четыре часа, чтобы принудить французских коллег признать свое поражение.

С англичанами пришлось тяжелее. Тщательно устроенные батареи имели хорошую защиту. Британцам удалось ослабить огонь с Малахова кургана, в 15 часов взорвать пороховой погреб на 3-м бастионе, после чего уже русские прекратили огонь.¹⁰⁶²

¹⁰⁵⁶ Вице-адмирал Корнилов. Под ред. Новикова Н. В., Софинова П. Г. М., 1947 г. С. 290.

¹⁰⁵⁷ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С. 53.

¹⁰⁵⁸ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 314–318.

¹⁰⁵⁹ Leon Guerin, Histoire de la dernière guerre de Russie: 1853–56, Tome 1, Paris, 1858. P. 314–318.

¹⁰⁶⁰ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 4.

¹⁰⁶¹ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С. 53.

¹⁰⁶² Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С. 53.

ФЛОТ ПРОТИВ БЕРЕГА

*«Со всей ответственностью заявляю,
что за пятьдесят лет службы на флоте
я никогда не был свидетелем такой
массированной бомбардировки».*

Из рапорта адмирала Данласа генералу лорду Раглану 5(17) октября 1854 г.

Ранним утром один из самых молодых участников сражения 16-летний гардемарин Уильям Кеннеди был разбужен ужасным грохотом артиллерийских залпов, доносившимся со стороны Севастополя. Его линейный корабль «Родней» запускал двигатель и начинал движение. Юноша, никогда не бывший под огнем с детским восхищением наблюдал за тем, как флот выстраивает боевой порядок.¹⁰⁶³ Вскоре вся эскадра пришла в движение.

В любом сражении, не смотря на его трагичность, всегда можно найти нечто выходящее за рамки разворачивающейся драмы, удивляющее своей неординарностью. Бомбардировка не стала исключением. Участников и зрителей поражал не столько величественный вид идущего в бой флагманского «Агамемнона», сколько грозно дымящейся своей закопченной трубой портовой шаланды со сложным названием «Циркассия», которое чаще всего переводят как «Черкесия». Впереди английской эскадры, надрываясь, но, не думая отворачивать, совершенно гражданский человек, ставший офицером флота лишь по случаю войны, лейтенант Болл вел свое безоружное суденышко, размечая позиции линейным кораблям. Корреспондент «Таймс» Рассел писал об этом непризнанном герое дня: «Никогда не видел ничего более впечатляющего, чем „Агамемнон“ и „Санспарейл“, прокладывающие свой путь среди ядер и бомб, и идущий впереди них маленький паровой буксир под командованием м-ра Бола. Эта „скорлупка“, которую, казалось, можно было прострелить из охотничьего ружья, прокладывала путь большим кораблям».¹⁰⁶⁴

Интересной особенностью операции стало использование орудий на поворотных платформах на нескольких кораблях. Эти пушки устанавливались обычно в диаме-

¹⁰⁶³ Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. – 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbenyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>).

¹⁰⁶⁴ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя//ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С.7.

тральной плоскости и могли вести огонь на любой борт. Они были мощнее прочих, и имели большую дальноточность. Одним из первых орудий открывших огонь по Севастополю была 68-фт. пушка на поворотном станке «Агамемнона».¹⁰⁶⁵

Что касается корабельной артиллерии, то, как пишет Кеннеди, «верхние палубы были непривычно пустыми...».¹⁰⁶⁶ Большая часть орудий уже была отправлена на сухопутный фронт.

В северном отряде лидером шел 90-пушечный «Аретуза», за ним 90-пушечный «Лондон» и в замыкании 80-пушечный «Альбион». Командовал отрядом кептен Томас Метью Чарльз Саймондс.¹⁰⁶⁷ В ходе боя к ним присоединился 22-пушечный «Террибль». Все корабли отряда действовали по русским батареям левым бортом.

Пока «Аретуза» и «Альбион» связали боем батареи Волохова и Каргашевского, «Лондон», как и замышлялось, получил возможность почти безнаказанно бить в тыл Константиновской батарее: «Англичане, воспользовавшись недостатками в конструкции батареи, поставили свои корабли в мертвом пространстве и обстреливали форт с короткой дистанции продольным и тыловым огнем».¹⁰⁶⁸

Конечно, расстрел батареи с тыла требовал поистине снайперской точности, учитывая большую дистанцию, но при успехе предприятия мог привести к самым тяжелым для русских последствиям. Тем более, что 45 орудиям «Лондона» не отвечал почти никто. Для его артиллеристов дым был слабой помехой. Зафиксировав направление стрельбы по мысу, находившемуся между ними и батареей, они просто вели огонь по направлению и таким образом все время добивались стабильных попаданий.

Англичане стреляли по Константиновской батарее с дистанции от 450 до 600 сажен. «Лондон» и позднее подключившийся «Санспарейл» — почти в упор: 800 м.¹⁰⁶⁹

Орудия в закружении Константиновской батарее, вместо того, чтобы отвечать английским кораблям, действовавшим по батарее, принуждены были направить огонь по французской эскадре, в расстоянии не менее 900 сажен.¹⁰⁷⁰

Второй (центральный) отряд вел лично Лайонс, державший флаг на 91-пушечном «Агамемноне». Перед флагманом шел 90-пушечный «Родней», за флагманом — 70-пушечный «Санспарейл», в замыкании — 6-пушечный «Самсон» в роли резервного буксировщика и связного корабля.

Линейные корабли сосредотачивали свой огонь по одной цели. Той самой, в тыл которой направлял свои выстрелы «Лондон»: Константиновской батарее. Чтобы представить, что предстояло ей выдержать, обратимся к банальной арифметике.

«Агамемнон» — 41 орудие, «Родней» — 48 орудий, «Санспарейл» — 41 орудие. На фоне этих монстров 3 пушки «Самсона» выглядят издевательством, но и они стреляли по русской батарее.

А теперь о самом «веселом». Всей этой передовой технической мощи Королевского флота противостояли целых 4(!) пушки русской береговой батареи, которые отбивались от центрального отряда англичан и изредка пытались достать северный.

¹⁰⁶⁵ Жак Грене, Алессандро Массижжани. Первые броненосцы (<http://www.almanacwhf.ru/?no=3&art=1>).

¹⁰⁶⁶ Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. — 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbenyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>).

¹⁰⁶⁷ Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P.440.

¹⁰⁶⁸ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

¹⁰⁶⁹ Douglas, Howard, Sir. A treatise on naval gunnery. J. Murray, London. 1860. P.373–375.

¹⁰⁷⁰ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

Вице-адмирал И. Г. Руднев. Во время первого бомбардирования Севастополя 5 (17) октября 1854 г. – капитан-лейтенант, командир пареходофрегата «Херсонес». Фото кон. XIX в.

Наверное, в другой стране при такой ситуации быстро нашли бы белую ткань и еще быстрее подняли ее над укреплением. Но, к несчастью для англичан, у пушек стояли не туземцы, по каким-то непонятным причинам отказавшиеся принять в дар зеркальца и пару бочек «огненной воды», а русские солдаты и матросы, которым было совершенно наплевать, что пушек у них всего-то мало, а в почти миле от них разворачивается краса и гордость Королевского флота.

Они знали, что рядом такие же артиллеристы на батарее Карташевского, чуть дальше – башня Волохова. Значит, помогут, поддержат, выручат, пусть на первой 5, а на второй лишь 10 орудий. Так и случилось, скажу вам, читатели, забегая немного вперед. Но пока еще рано, пока пришел южный отряд, вышедший на позицию с запада.

«Агамемнон» отдал якорь в 14.00 на глубине 4,75 фатом.¹⁰⁷¹ Опасаясь сильного ответного огня, дистанция для артиллерийской дуэли была выбрана большой – от 1500 до почти 2000 м.¹⁰⁷² О точности речи не шло тоже: скорее союзники давили массой выпущенного металла.

Советская «История военно-морского искусства», изданная в 1954 г., утверждает о максимум 10–15% попаданий.¹⁰⁷³

Сражение началось! Чтобы читателю было легче понять происходящее, а оно разворачивалось одновременно на десятках пунктов оборонительной линии и морской акватории, мы попробуем описать действия каждого корабля и каждой береговой батареи отдельно.

HMS “AGAMEMNON”: ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА АДМИРАЛА ЛАЙОНСА

Действия английского флагмана Алабина именует не иначе, как подвиг.¹⁰⁷⁴ За что же такая высокая оценка действий неприятеля, кстати, не характерная для большинства русских авторов?

«Агамемнон» мог действовать по батарее Карташевского и в тыл Константиновской, тогда как его обстреливали орудия батарей № 7, 8 и 10 с расстояния более 2000 м. Вначале все складывалось относительно благополучно.

¹⁰⁷¹ Фатом (англ. fathom) – единица длины в английской системе мер и производных от неё, равная 6 футам.

¹⁰⁷² Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P. 442.

¹⁰⁷³ История военно-морского искусства. Том II. Военно-морское искусство капиталистического общества до эпохи империализма. М., 1954 г. С. 152.

¹⁰⁷⁴ Алабин П. В. На Дунае и в Севастополе 1854–1855//Русская старина. Том 50. СПб., 1886 г. С. 891

Когда от перекрестного обстрела и взрыва зарядных ящиков пострадала Константиновская батарея, Лайонс, уверенный что с ней покончено, оставил линию, обошел эскадру, вышел из вновь затянувшегося пространство дыма на открытое пространство и открыл большим темпом огонь одним бортом по Константиновской, а вторым — по батарее № 10. Самоуверенность флагмана дорого ему стоила. Через несколько минут русские снаряды в невероятном количестве стали крушить оба борта линейного корабля. Несколько раз вспыхивал пожар.¹⁰⁷⁵

Неужели Лайонс решил в одиночку атаковать Севастополь? Вернее всего он и не помышлял об этом, а решил на «странную экскурсию», чтобы уточнить результат взрыва на Константиновской батарее и ее состояние, «...дорого поплатившись за свою любознательность».¹⁰⁷⁶

Но так уж ли бездумно действовал Лайонс, как это иногда пытаются представить? Или просто хотел доказать Дандасу, что тот не прав, вынуждая командиров кораблей осторожничать?

На самом деле он рационален. Убедившись, что батарея жестоко терпит от огня других кораблей и скована боем, он, используя данные промеров глубин в районе берега, полученные им от офицеров, проводивших разведку днем раньше, решил на «прощупывание русской обороны». Подтянув «Санспарейл» на свое место в строю, адмирал рискнул попробовать выйти в батарею и добить ее, одновременно накрыв огнем батареи южного берега и щупать огнем глубину бухты.¹⁰⁷⁷

Так и было. Оказавшись между русскими батареями, «Агамемнон» включил в дело орудия обеих бортов, став, таким образом, единственным кораблем, действовавшим в сражении всеми батареями. Русские батареи, скрытые до этого завесой дыма, оказались видимыми, и англичане сумели добиться нескольких попаданий, правда, без особого успеха.

По другой версии, Лайонс, решив, что Константиновская батарея после взрыва на дворике и повреждения верхней площадки окончательно выведена из строя, направил свой корабль к входу в бухту с тем, чтобы начать прорыв на внутренний рейд, подав тем самым пример остальным кораблям. Но, подвергшись сосредоточенному обстрелу с закругления Константиновской и Александровской батареей и батареей № 8 и 10, получил много попаданий и только бегством спасся от грозившей ему гибели.

Конечно, прорыв в бухту в его планы не входил — это точно стало бы самоубийственной атакой, но опробовать машины линейного корабля в реальном бою — в этом «удовольствии» Лайонс себе отказать не мог. Вот, правда, успех от этого рейда, этаким «психической атаки» оказался сомнительным. Русские накрыли его быстро и, вполне возможно, в союзника всадили «дружественным огнем» несколько снарядов французы («Юпитер») или турки («Махмудие»).

Ко всем неприятностям, машина линейного корабля оказалась слабой, чтобы вытащить его из огня, а вероятнее всего, совсем заглохла. О том, что с «Агамемноном» не все в порядке, первыми узнали на «Роднее». К его командиру прибыла шлюпка с офицером, через которого адмирал просил взять линейный корабль на буксир и вы-

¹⁰⁷⁵ <http://www.pdavis.nl/Markham.php>

¹⁰⁷⁶ Алабин П. В. На Дунае и в Севастополе 1854–1855 // Русская старина. Том 50. СПб., 1886 г. С. 891–892.

¹⁰⁷⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 309.

тащить из огня.¹⁰⁷⁸ Судя по всему «Родней» отправил к флагману своего буксировщика, потому что вскоре оказался сам без управления и только чудом избежал гибели.

Потом подсчитали, что флагманский линейный корабль получил около 250 попаданий, имел несколько пожаров, правда, потушенных, и только чудо спасло его от полного разрушения и гибели.¹⁰⁷⁹ Иногда говорят, что в корабль попала даже ракета, проломившая борт на 6 футов ниже ватерлинии, создав больше паники, чем поврежденных.¹⁰⁸⁰

Скорее всего, англичане если и получили в действительности ракету, то это была одна из своих, предназначенная для города, но нашедшая более «сытную» цель. После боя, по свидетельству его участников, вся верхняя палуба линейного корабля была усыпана щепками от разбитого рангоута и если бы там были расчеты артиллерийских орудий, то убитых и, особенно, раненых было неизмеримо больше.¹⁰⁸¹ Но и на нижних батареях доставалось. Ядра, если пробивали толстые многослойные дубовые борта корабля, как правило, угрозы не представляли. Но вот острые как лезвия щепки по своему эффекту, продолжая убийственную работу снарядов, напоминали картечь, но более жестокую.

HMS "SANS PAREIL"

«Санспарейл», благодаря произведенным заранее промерам мелей, был поставлен ближе всех к берегу.¹⁰⁸² Жертвой его орудий должны были стать 10 орудий, расположенных на левом крыле батареи Карташевского, после чего огонь переносился на Константиновскую батарею. И он постарался: общее количество выпущенных им снарядов историки оценивают почти в 1500. Но и ему не удалось избежать точных попаданий русских артиллеристов. Иногда, как пример доблести английских моряков, приводят пример, когда взрывом бомбы разметало в разные стороны 8 человек, работавших у орудий «Санспарейла», но остальные продолжали заниматься своим делом.¹⁰⁸³

Корабль был вторым по числу убитых и раненых в этот день, потеряв едва ли не 10–15% команды. Даже столь сухопутному офицеру, как командиру 95-го Дербиширского полка майору Чемпиону стало понятно, что на море все идет не так, как следовало бы. Должного эффекта от огня корабельной артиллерии он не видел. Нельзя сказать, что его это огорчало, он просто удивлялся, что стрельбы много, а «форт Константин» стоит нерушимый и еще даже огрызается ответным огнем.¹⁰⁸⁴

¹⁰⁷⁸ Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. – 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbenyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>).

¹⁰⁷⁹ Halleck, H. Wager. Elements of military art and science or, Course of instruction in strategy, fortification, tactics of battles, &c., embracing the duties of staff, infantry, cavalry, artillery, and engineers. New York. 1862. P.417–418; Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 9.

¹⁰⁸⁰ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 9.

¹⁰⁸¹ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 9.

¹⁰⁸² Алабин П. В. На Дунае и в Севастополе 1854–1855 // Русская старина. Том 50. СПб., 1886 г. С. 891. Но не только "Sans Pareil". Так же близко (800 ярдов) был и "London" (Douglas, Howard, Sir. A treatise on naval gunnery. J. Murray, London. 1860. P. 373–375).

¹⁰⁸³ Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 510.

¹⁰⁸⁴ Harold Carmichael Wylly. The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea (Vol. 1). S. Sonnenschein. London. 1899. P. 21–22.

Защитники Севастополя. 1854–1855 гг.

Когда Лайонс повел «Агамемнон» в бессмысленную атаку, «Санспарейл» занял его место. Но так как стрелять было уже нечем, вскоре эту позицию занял ближайший к нему «Беллерофон».¹⁰⁸⁵

Командиру корабля кептену Сиднею Дагресу не простили, что в момент, когда флагман пошел в рейд к линии заграждения бухты, он, занявший по приказу его место, прекратил огонь, давая русским возможность сосредоточиться на «Агамемноне». Вскоре после окончания войны «Санспарейл» стал объектом обсуждения действий в бою 5(17) октября. Злые языки приписали командиру даже отсутствие должной храбрости, утверждая, что уже на 26 минуте Дагрес приказал кораблю выходить из боя. Возможно, это стало следствием того, что, отвечая на вопросы о событиях ноябрьского шторма 1854 г., штурман «Санспарейла» обвинил в ошибках командование, напихивавшее в Балаклавскую бухту корабли столь тесно, что лишили их любой возможности маневрирования.¹⁰⁸⁶

Ситуация изменилась лишь когда Лайонс написал известное письмо, в котором снял все претензии к кораблю и его командиру, отметив их выдающуюся храбрость.

HMS "ARETUSA"

«Аретузе», которую вел в бой кептен Саймондс, начало «доставаться» с первых минут сражения. Для этого линейного корабля, переделанного из фрегата, борьба с батареями фортов оказалась тяжелым испытанием, на грани жизни и смерти. Неосторожно приблизившись к береговой батарее, она получила встряску от близкого

¹⁰⁸⁵ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 9.

¹⁰⁸⁶ Balaclava and the Sevastopol inquiry by commander W. Gordon, R.N. (HMS Sansapareil) (<http://allworldwars.com>).

взрыва боезапаса на ней. Саймондс вспоминал, что к его радости взрыв на Константиновской батарее не привел к получению его кораблем еще больших повреждений.¹⁰⁸⁷

Едва ли не первый снаряд пробил батарейную палубу, разметав расчеты двух орудий. Раненых перенесли на буксировщик. Следующий пробил перегородки трех кают и разорвался рядом с артиллерийским погребом, где в тот момент находился боезапас на 300 выстрелов. Начался пожар. Третий пробил борт на 7 досок выше ватерлинии, четвертый попал в шпангоут по ватерлинии. Вода начала поступать внутрь корпуса, и если бы море было штормовым, неизвестно как бы все для него закончилось. Тем более, что и следующее попадание было почти на уровне ватерлинии.¹⁰⁸⁸ Но на счастье англичан царил штиль.

Хотя «Аретуза» имела меньше попаданий, чем «Агамемнон», последствия от них были разрушительными. Если перевести на нормальный человеческий язык, корабль был ранен, и вскоре от последствия ранений, скончался.

HMS "TRITON": ИМЯ, ОБЯЗЫВАЮЩЕЕ К СЛАВЕ

Именно так называли корабль, носящий имя морского бога, сына Посейдона, английские военные беллетристы.

Этот корабль был буксировщиком «Аретузы» и прикрытый ее высоким бортом почти не страдал от губительного огня русских орудий с башни Волохова и батареи Карташевского, хотя несколько снарядов попали ему в носовую часть. Когда линейный корабль, буксируемый им, оказался в опасности, командир парохода лейтенант Генри Ллойд, командовавший кораблем с 1852 г., приказал эвакуировать к себе на борт раненых матросов и офицеров с линкора и отправил на замену выбывшим из строя своих артиллеристов, которые, практически, ничего не делали, находясь лишь в готовности к открытию огня. Все потери, понесенные его командой в этот день, случились, когда они находились у орудий «Аретузы» или перетаскивали раненых.¹⁰⁸⁹ В числе пострадавших оказался сам командир (остался в строю) и несколько матросов.

HMS "ALBION": САМЫЙ ПОСТРАДАВШИЙ

В сражении кораблем командовал кептен Генри Роджерс, сменивший ушедшего на берег командовать Морской бригадой кептена Лушингтона.

«Альбион» вышел на дистанцию 650 ярдов против батареи Волохова. В 14.20. был открыт огонь. Противник достался серьезный, в чем на корабле вскоре убедились, получив четыре или пять попаданий еще до постановки на шпринг.¹⁰⁹⁰

После этого попадания пошли непрерывной чередой. О действенности огня русских пушек говорит случай, когда одно из удачно выпущенных ядер пробило борт корабля. На этом оно не успокоилось и, пробив пару переборок, влетело в кубрик, где

¹⁰⁸⁷ Douglas, Howard, Sir. A treatise on naval gunnery. J. Murray, London. 1860. P.373–375.

¹⁰⁸⁸ Douglas, Howard, Sir. A treatise on naval gunnery. J. Murray, London. 1860. P.373–375.

¹⁰⁸⁹ Kingston W.H.G. Our Sailors. London. 1906. P.97–98.

¹⁰⁹⁰ Douglas, Howard, Sir. A treatise on naval gunnery. J. Murray, London. 1860. P.373–375.

корабельный хирург доктор Мейсон оказывал первую помощь раненому лейтенанту. Снаряд, разметав все, что попадалось ему на пути, ударил в медицинский стол точно между офицером и врачом, разбросав их в разные стороны. Мейсон получил тяжелое ранение осколком в руку и уже не смог оказывать помощь пострадавшим. Его обязанности в сражении продолжал выполнять помощник корабельного казначея, помогавший врачу по боевому расписанию и который был ранен тем же осколком, что и хирург.

Русская смертоносная «гостья» оказалась не последней. Вскоре еще три бомбы влетели в кубрики. Несколько попаданий пришлось в район ватерлинии, создав угрозу заполнения внутренних помещений корабля забортной водой.¹⁰⁹¹ Два пожара возникли один за другим.¹⁰⁹²

Ответный огонь английских пушек был малоэффективен: русская батарея возвышалась почти на 100 ярдов над уровнем моря и «сбить» ее орудия было трудно.

В результате ожесточенного боя, многократно уступавшие численно русские орудия нанесли настолько серьезные повреждения, что верный буксировщик «Файербенд» (хотя и имел раненого командира, кептена Стюарта) едва дотащил его до Качи.¹⁰⁹³ Выходя из боя, корабль все еще имел на борту несколько мелких пожаров.¹⁰⁹⁴ Можно догадаться, какую радость у русских артиллеристов вызвал вид дымящегося линейного корабля, уносящего ноги и то, не своим ходом, да еще и раньше, чем закончился бой.¹⁰⁹⁵

Повреждения «Альбиона», как и «Аретузы», оказались несовместимыми с возможностью продолжения их службы в составе Королевского военно-морского флота.

HMS «BELLEROPHON»

Кавалерист Уолкер, добровольно оказавшийся на палубе этого линейного корабля в должности адъютанта командира кептена Джорджа Полетта, имел массу возможностей в течение одного дня пожалеть о своем воинственном порыве. В 14 часов они оказались перед объектом атаки — Константиновским фортом. Кептен Полетт четко видел цель — западный фас батареи. Вскоре все было готово к бою. Юный Уолкер предусмотрительно заткнул уши ватой.

Опытный морской командир Полетт точно поставил корабль на место открытия огня. Его позиция позволяла эффективно поражать форт с фланга, одновременно минимизируя результативность ответного огня.

В 14.30 огонь был открыт. Было не видно, насколько точно стреляли корабельные пушки, но уже в ближайшие минуты русские снаряды начали с пугающей точностью разрушать рангоут корабля. Вскоре вспыхнул первый пожар, который удалось погасить за 10 минут.

Затем последовал приказ с флагмана всем кораблям отряда сократить дистанцию и приблизиться к объектам атаки. Едва «Циклоп» вытолкнул «Беллерофон» на 100 м ближе к обстреливаемой им батарее, как русские превратили его верхнюю палубу в

¹⁰⁹¹ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотаМастер. №1. М., 2003 г. С. 9.

¹⁰⁹² Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 24.

¹⁰⁹³ Douglas, Howard, Sir. A treatise on naval gunnery. J. Murray, London. 1860. P. 373–375.

¹⁰⁹⁴ Halleck, H. Wager. Elements of military art and science or, Course of instruction in strategy, fortification, tactics of battles, &c., embracing the duties of staff, infantry, cavalry, artillery, and engineers. New York. 1862. P. 417–418.

¹⁰⁹⁵ Protheroe, Ernest. The British Navy its making and its meaning. London. 1918. P. 453.

Королева Виктория на спуске линейного корабля «Трафальгар». 1841 г.

кучу хлама. Как и для всей английской эскадры, было счастьем, что береговые артиллеристы вели огонь с высоким прицелом, стараясь, по принятым во времена парусного флота правилам, лишить корабль хода, сбив рангоут и уничтожить артиллерию верхней палубы, где ее, как мы знаем, почти не было.¹⁰⁹⁶

«Беллерофон» горел трижды. Было снесено рулевое колесо вместе с рулевым квартирмейстером. Когда Лайонс кинулся в атаку на «Агамемноне», Полетт не колеблясь, пытался поддержать своего начальника и неосмотрительно сделал то, что не стал делать предусмотрительный командир «Санспарейла» — приблизился к Константиновской батарее. Русские пушки остудили его благородный порыв. Буксировочные тросы перебило, и «верный» буксировщик «Циклоп» исчез в клубах дыма. До конца сражения его никто больше не видел. Линейный корабль потерял управление и дрейфовал прямо под выстрелы. Чтобы вытащить его из огня, пришлось подавать сигнал на «Спитфайр», выполнявший в сражении роль «скорой помощи».

Уолкера потряс вид Константиновского форта, который, будучи осыпая снарядами, отвечал англичанам огнем из тех орудий, которые еще могли его вести. После окончания военных действий американский майор Делафилд, обследовавший береговые батареи Севастополя отметил их сильную сторону: прекрасный местный строительный материал. В результате кладка казематов оказалась сильнее корабельных батарей. Американец утверждал, что Нельсон один смог бы справиться с Тулоном, но трем союзным адмиралам (Дандасу, Лайонсу и Непиру) оказались не под силу Севастополь и Кронштадт.¹⁰⁹⁷

В феврале 1855 г. австралийская газета «The Moreton Bay Courier» опубликовала письмо английского офицера, бывшего в сражении 5(17) октября на HMS «Bellerophon»:¹⁰⁹⁸ «Мы получили приказ нашего начальника снять верхние части мачт и убрать с них все паруса. С нами был буксировщик „Циклоп“, шедший у борта. Французы и турки задержали нас на несколько часов, хотя мы были готовы. В час дня мы начали действовать бортовыми орудиями. Французы и турки стали на якорь у южного форта, но они даже наполовину не приблизились до нужной дистанции. Это было великолепное зрелище, когда мы подошли к фортам и открыли огонь. Я смотрел через орудийный порт на форт Оса, когда раздался сильный взрыв и осколки пронеслись в 10 ярдах от нас. Мы бросили якорь в 1200 ярдах от форта Константин. Едва мы начали стрельбу, как адмирал Лайонс прислал своего флаг-лейтенанта к лорду Джорджу с приказом поддержать его атаку против фортов. Мы немедленно

¹⁰⁹⁶ Beauchamp Walker. P. Sir, General. K.C.B. Days of a soldier's life. London. 1894. P.126–127.

¹⁰⁹⁷ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P.136.

¹⁰⁹⁸ The Bellerophon in action// The Moreton Bay Courier. 17.2.1855. (<http://trove.nla.gov.au/ndp/del/article/3709394>).

двинулись вперед и вскоре стали точно против форта Оса, батареи которого находились на вершине холма в 1100 ярдах от нас. Вскоре мы заставили замолчать форт и перенесли огонь на батарею южнее его, которая тоже крепко получила свое. На „Агамемноне“ подняли сигнал: „Молодцы, ‘Беллерофон’!“, но вскоре он отошел от нас. Мы остались одни против нескольких фортов, осыпавших нас градом снарядов. Могу сказать, что было очень жарко.

Вскоре снаряд ударил рядом с орудием на нашей батарее и сразу начался пожар. Мы были вынуждены прекратить стрельбу и заняться его тушением. Из-за дыма никто не заметил, что оборвались тросы буксировщика и стало казаться, что мы дрейфуем кормой на мелководье в сторону форта. Сэр Джордж дал сигнал на «Спитфайр», который вытащил нас. Мы были последним кораблем, вернувшимся из боя в 7 часов.

Два русских снаряда разорвались на верхней палубе. В результате был убит младший Форстер, Вы, не сомневаюсь, помните его. Он стоял у кормы по левому борту, и взрыв произошел рядом с ним. Он стал черным, как уголь. Часть его черепа раскололась, он имел тяжелые раны на лице и умер через 24 часа, находясь в сознании. Мы имели 5 человек убитыми и 16 ранеными... „Альбион“ пострадал гораздо тяжелее и едва уцелел в сражении. Его отправили в Константинополь на доковый ремонт. У них был убит лейтенант, еще три офицера ранены и 10 матросов убиты. Мы были четвертыми из наиболее пострадавших кораблей. „Британия“, „Трафальгар“, „Куинн“, „Террибль“ и „Родней“ едва ли так пострадали. Наши борта пробиты, у нас выведено из строя орудие на нижней палубе, разрушены два орудийных порта, топ-мачта пробита насквозь... Полная потеря английского флота составляет 45 убитых и 256 раненых. Я не знаю точные потери французов. У турок только несколько раненых. Форт Константин серьезно поврежден. Я видел трещины в его стенах. Скорее всего, мы будем атаковать его еще раз, надеюсь, все обойдется без потерь. Бедный Форстер был похоронен во вторник. Я присутствовал на его похоронах...».

В письме речь идет о мичмане Джоне Мейтленде Форстере. Это один из самых юных военнослужащих, погибших в Крымской войне. На момент смерти ему, сыну подполковника и внуку генерал-лейтенанта, было 15 лет.

К 20 часам вечера обгоревший и избитый линейный корабль дошел на свою якорную стоянку у Качи. У корабельного хирурга Томаса М. Костелло было много работы: большая часть раненых имела тяжелые множественные ожоги.

Когда через пару дней Уолкер возвращался в Балаклаву на транспорте «Коломбо», он получил возможность своими глазами увидеть результат атаки с моря на русские береговые батареи. По его образному выражению, Константиновский форт напоминал человеческое лицо, изъеденное оспой.

HMS “TRAFALGAR”

Все считали, что корабль с таким именем самой судьбой обречен на очередную славную победу, но 5(17) октября был не день Королевского военно-морского флота. К началу атаки на Севастополь «Трафальгар» был одним из самых старых участников Крымской войны, некоторые его сверстники давно закончили свою службу и были или выведены из состава флота, или разобраны.

На борту «Трафальгара» был офицер флота мичман Эдвард Херефорд, единственный, оставивший свои акварельные рисунки. Кроме того, ему удалось точно зафиксировать временные отрезки, в которые корабль вел бой против Константиновской

батареи. Огонь им был открыт в 13.10, затем в 13.25 прекращен. Возобновлен в 17.26, но через 13 минут прекращен «...по причине невозможности видеть объект из-за дыма и темноты». Херфорд, что бы никто не подумал, что время огня было всего лишь час, пишет, вероятно, только о своей батарее.

HMS «QUINN»

Кораблю досталось меньше его собратьев, но и на нем дважды возникали пожары.¹⁰⁹⁹ которые, к счастью, команда, руководимая кептенем Митчеллом, успевала быстро ликвидировать.¹¹⁰⁰

На верхней палубе находился морской священник Том Келли. По его словам в корабле было как минимум три серьезных попадания. Первое ранило в ногу корабельного квартирмейстера, которому тут же сделали операцию.

На борту корабля с таким громким названием в сражении участвовал один из чинов, который волею судьбы стал последним из доживших до преклонных лет участников сражения. Он (точнее она) умерла совсем недавно в 2004 г. Последним ветераном Крымской войны была Тимоти, средиземноморская черепаха. Считалось, что Тимоти было примерно 160 лет, так что страна одновременно потеряла и своего старейшего жителя. Капитан Военно-морских сил Великобритании Джон Кортни Эверард подобрал Тимоти на борту португальского капера в 1854 г. До 1892 г. Тимоти служил маскотом (талисманом) на нескольких военных судах, в том числе и на H.M.S. «Quinn».

Впоследствии Тимоти «вышел в отставку» и обосновался в замке Паудерхэм, где его приютил родственник Эверарда, 10-й граф Девон. На животе черепахи был на чертан семейный девиз Девонов: «Куда я попал? Что я наделал?».

После II мировой войны черепаха вернулась в любимый розарий, где ежегодно впадала в спячку. На это время заботливые хозяева вешали ей на шею бирку со словами: «Меня зовут Тимоти. Я очень старый. Пожалуйста, не трогайте меня». Тимоти похоронили на семейном кладбище на территории замка.¹¹⁰¹

В целом «Куинн» отработала сражение в точности с планом, не покидая строй, и без больших проблем вернулась к Каче.

HMS «BRITANNIA»

На этом корабле держал флаг адмирал Дандас. Один из русских снарядов разорвался на мостике недалеко от адмирала, не причинив особого вреда.¹¹⁰²

Командир «Британии» кептен Карлтон достойно выдержал бой, хотя и его кораблю досталось от огня русских батарей. К счастью для англичан основные попадания пришлось в рангоут, но его обломками были ранены несколько офицеров и матросов на верхней палубе.¹¹⁰³

¹⁰⁹⁹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 309.

¹¹⁰⁰ Protheroe, Ernest. The British Navy its making and its meaning. London. 1918. P. 453.

¹¹⁰¹ <http://bustersmyth.ru/565>

¹¹⁰² Nolan, Edward Henry. The illustrated history of the war against Russia. Vol.3. London. 1857. P. 510.

¹¹⁰³ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 309.

Один из офицеров корабля – 21-летний лейтенант Джеймс Воган всю свою жизнь считал участие в этом бою главным событием своей короткой (умер в возрасте 44 лет, сказались последствия ранения в этом сражении) жизни. На надгробии его могилы даже сделана специальная надпись по этому поводу.

Как и «Куинн», «Британия» добросовестно обработала сражение в точности с планом.

ДОБЛЕСТНЫЕ HMS «RODNEY» И СПАСШИЙ ЕГО HMS «ЛИНКС»

Гардемарин Кеннеди подробно описал сражение, которое увидел своими глазами. На «Роднее» командир кептен Рендольф был тяжело болен, но решил не передавать никому командование и руководил действиями команды, находясь в стуле, специально изготовленном для этого случая корабельным плотником. Вместе с ним стояли помощник Дэвид Крейг и еще несколько офицеров. Неподдалеку на баке находился боцман со своей командой.

Первое русское ядро пронеслось через такелаж, пролетело между Рендольфом и Кеннеди, врезавшись в ограждение борта. Поднялась туча из щепок. Когда они осели, командир окликнул офицеров, есть ли среди них пострадавшие. К счастью все оказались целы. Следующее попадание разнесло в куски ялик. Потом последовали попадания в такелаж. Юный Кеннеди успокоился только тогда, когда «Родней» занял позицию и открыл огонь орудиями правого борта.¹¹⁰⁴

К этому времени русские форты закрылись в клубах дыма и английские комендоры вели огонь, ориентируясь на вспышки выстрелов. На «Роднее» было повреждено рулевое управление, корабль, подобно «Беллерофону», понесло под выстрелы Константиновской батареи. Кроме этого на этом корабле был почти полностью уничтожен рангоут, сбиты две мачты.¹¹⁰⁵

«Родней» был на грани гибели. Когда Рендольф отдал флагману свой буксировщик он и не предполагал, что, потеряв ход, сам станет добычей сосредоточивших на нем огонь русских артиллеристов.

Рулевое управление вышло из строя и примерно в 16.30 все почувствовали сильный удар в днище: корабль сел на мель. Особенно досадным было то, что флот, проходивший мимо, и уже выходявший из боя практически оставлял «Родней» на съедение русским. И они не преминули этим воспользоваться.

Беда была не трусости или подлости коллег. Из-за дыма на кораблях эскадры не видели сигналов бедствия, подаваемых с «Роднея».¹¹⁰⁶

По воспоминанию Кеннеди ситуация на борту стала близкой к критической. Попадания в рангоут, в борт, в корму крушили корабль. Чудом удавалось избегать по-

¹¹⁰⁴ Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. – 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbenyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>).

¹¹⁰⁵ Хибберт, Кристофер. Крымская кампания 1854–1855 гг. М., 2004 г. С.142; Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. – 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbenyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>); Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P.442.

¹¹⁰⁶ Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. – 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbenyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>).

ть (из офицеров погиб лишь один – мичман Меден). Спасало, что большинство попаданий пришлось по верхней палубе, где почти не было людей. От каменных ядер дважды возникали пожары, которые удавалось тушить исключительно благодаря дисциплинированности команды: все команды офицеров выполнялись быстро и с удивительной точностью. Но дисциплина и выучка хотя и спасали, не могли повлиять на точность стрельбы русских артиллеристов, для которых «Родней» превращался в желанную добычу.

К чести английского флота именно «Родней» помог ее сохранить. Даже русские отзывались о нем как достойном противнике. Находясь в почти безвыходном положении, будучи на краю гибели, корабль огнем своих батарей в упор бил по стенам Константиновского форта, не давая русским артиллеристам прицельно отвечать. Так как английский флот ушел, русские решили, что нужно утопить хотя бы того, кого забыли – «Родней». Весь огонь теперь сосредоточился на нем. Рангоут был почти полностью уничтожен. Грот-мачта сильно искалечена. Фок-мачта имела такие повреждения, что только чудом не рухнула за борт. Корабль находился под огнем почти два часа.¹¹⁰⁷

Как пишет Кеннеди, все уже попрощались с кораблем и жизнью, если бы не произошло чудо. Командир «Линкса» лейтенант Люс увидел, что его старый друг Рендольф в беде. Люс, просто осматривая строй, заметил отсутствие корабля Рендольфа и бросился назад. Ему стало ясно, кого громят русские пушки: «Родней» продолжал бой в одиночку.

Не взирая на опасность, Люс подвел «Линкс» к «Роднею», принял буксирный трос и стащил с мели. После чего, стараясь держать максимальную скорость, вывел корабль из под выстрелов и к 19.30 с трудом дотащил искалеченный фрегат в Балаклаву.

Когда «Родней» осмотрели, то ужаснулись. В некоторых местах пробоины были столь большими, что казалось, что это одна, но большая. Рангоут уничтожен. По мнению Кеннеди, корабль уцелел только благодаря тому, что русские артиллеристы держали слишком высокий прицел, и большинство попаданий пришлось именно в рангоут и верхнюю палубу.

Потери в экипаже были на удивление незначительными, принимая во внимание ситуацию в которую попал «Родней». За свой подвиг командир «Линкса» лейтенант Джон Проктор Люс был отмечен в приказе.¹¹⁰⁸

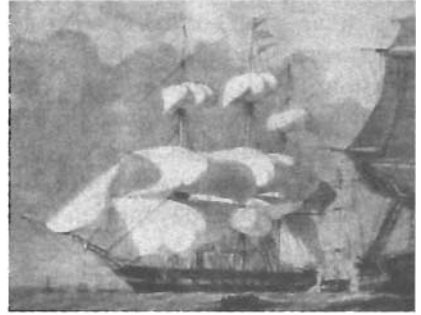
Уже после войны Лайонсу пришлось объясняться перед обществом, как ему удалось бросить на поле сражения один из кораблей своего отряда. Лайонс долго описывал свои маневры, оправдываясь тем, что поручил лидирование в отряде «Санспарейлю», что дважды давал сигнал на отход и в сумерках уже не видел, кто и где, надеясь, что командиры сами выведут корабли из боя. Объяснение у него получилось путанным и, вероятно, если бы на «Роднее» потери были большими, чем они оказались, последовало разбирательство не менее шумное, как после атаки Легкой бригады.

¹¹⁰⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 309.

¹¹⁰⁸ Hurrah for the Life of a Sailor! Vice-admiral Sir William Kennedy, K.C.B. – 1851–1895: includes experiences from the Crimean and 2nd China Wars, and service on the North and South America Stations, amongst others (<http://www.pbenyon.plus.com/Hurrah/Contents.htm#top>).

HMS "LONDON"

В первой части боя корабль успешно вел огонь в тыл Константиновской батареи, куда благополучно прокрался не замеченный увлеченными «разборками» с «Аретузой» и «Альбионом» русскими артиллеристами. Во многом облегчало дело прекрасная работа его буксирщика — 8-пушечного парохода «Нигер», которым командовал капитан Леопольд Хейт, и которому тоже досталось: на борту были убитый и несколько раненых.

Английский пароход «Самсон».

Но все изменилось когда из боя по очереди вышли тяжело поврежденные «Аретуза» и «Альбион». Теперь на батареях Волохова и Карташевского не сильно задумывались над тем, кого крушить следующим. Вскоре в борт «Лондона» врезались два снаряда, выпущенные с этих батарей. За три часа боя экипажу кептена Эдена трижды пришлось тушить возникавшие после попаданий русских снарядов пожары.¹¹⁰⁹ Корабль терял управление и с трудом держал свое место, но мужественно продержался до конца боя.

HMS "VENGEANCE"

Кептен Рассел старался не приближаться к береговым батареям и, хотя корабль вел активный огонь по береговым батареям, ему повезло больше других. В него было лишь несколько попаданий, причинивших незначительные повреждения.¹¹¹⁰

Рассел не стремился лезть без причины под огонь русской артиллерии. В отличие от многих других участников боя, ему уже удалось видеть, что могут сделать русские артиллеристы с неприятельским флотом. В январе 1854 г. «Венджинс» стал первым английским кораблем, посетившим Синоп и увидевшим флот Османской империи, вернее то, что от него осталось. Судя по рисунку лейтенанта Тирона, осталось от него мало.

Чтобы не доставлять русским радости, Рассел добросовестно со своей позиции «выгрузил» по Константиновской батарее отведенный боезапас и гордо покинул поле сражения.

HMS «SAMSON»: БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ

Самый слабый корабль флагманского отряда кептен Тобиас Джонс вел в замыкании линии. Роль его была незначительной, и в первое время все было спокойно. Первые русские снаряды фрегат не беспокоили, и он шел малым ходом, держась за кормой «Санспарейла». Но вскоре эта близость сыграла для него роковую роль: единственное орудие, обстреливавшее с батареи Карташевского линейный ко-

¹¹⁰⁹ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 9.

¹¹¹⁰ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 9.

рабль, начало доставать попаданиями «Самсон». Металл, предназначенный «Сан-спарейлю» стал ломать борта относительно небольшого фрегата. О том, что творилось на его борту, можно узнать из письма неизвестного корабельного гардемарина по имени Тони, написанного своей “darling mother”¹¹¹¹ утром следующего дня. Молодой человек пишет, что до этого дня его корабль уже несколько раз был перед русскими батареями, а также участвовал в сражении на Альме и не имел серьезных проблем. Но, как гардемарин Тони мудро заметил, удача не бывает вечной. В день боя с береговыми батареями Севастопольской крепости эта ветреная дама им явно изменила.

Сначала все шло, как и должно было идти. Эмоции юноши ничуть не отличаются от эмоций других участников событий: суета, шум, команды, движение, предбоевое волнение. В условленном месте пароходы взяли парусники на буксир.

Вскоре после первых выстрелов, поднялся такой грохот, который до этого никому не приходилось слышать ни разу в жизни. Тони отчетливо видел, что по его кораблю ведет огонь батарея из «квадратного форта». Трудно сказать, что он имеет под этим. Если башню Волохова, то она была значительно левее корабля, если батарею Карташевского, которая как раз и была против них, но ее профиль трудно назвать квадратным. Скорее всего, гардемарин уже после сражения пытался сориентироваться по схеме и допустил ошибку. Гораздо интереснее читать его описание происходившего на борту под огнем русской артиллерии. А там было действительно жарко и совсем не до шуток.

Первый снаряд попал в кубрик, где хранилось оружие экипажа, «...в буквальном смысле снося все, ломая перегородки...».

Затем последовало попадание в верхнюю палубу, убившее одного и ранившее двух человек. Удивительно, но Тони не преувеличивает опасность и на удивление точен: его цифры совпадают с официально заявленными.

С разрушениями, но в целом благополучно, «Самсон» по сигналу флагмана вышел из боя.

HMS «TERRIBLE»: БЛУЖДАЮЩИЙ ФОРВАРД АНГЛИЙСКОЙ АТАКИ

Будучи всего лишь фрегатом, «Терибль» единственный из кораблей своего класса, получивший право атаковать Севастополь наравне с линейными кораблями, имевшими в разы большее вооружение. Это было небезосновательно – использовать лучший в своем классе корабль в качестве буксировщика, слишком дорогое удовольствие. Паровая машина мощностью 800 л.с. обеспечивала ему скорость до 13 узлов. В августе 1853 г. «Терибль» на выставке в Дублине дал ход 12,8 узла, что всего на 1–2 узла было меньше хода яхты королевы Виктории. Из 21 орудия 7 были 68-фунтовыми пушками, самыми мощными в корабельной артиллерии того времени, которые дополняли 9 не менее сильных 8-дм. пушек. 300 человек команды были лучшими из лучших моряков Королевского военно-морского флота. Когда мичман Сеймур, будущий адмирал, в 1853 г. вступил на его палубу, его переполняло чувство гордости – еще бы, начать службу на таком боевом корабле! ¹¹¹² Командовал фрегатом кептен Д.Д.Мак

¹¹¹¹ Дорогой маме.

¹¹¹² Seymour, Edward Hobart, Sir. My naval career and travels. London. 1911. P.8.

Клеверти, «один из самых хладнокровных и мужественных, из носивших когда-то британский военно-морской мундир».¹¹¹³

«Терибль» был среди кораблей, уже имевших возможность испытать на себе огонь русских береговых батарей. Один из офицеров, Джон Барнс, оставил об этом запись в своем дневнике: «Это первый раз, когда я оказался под огнем и, хотя мы находимся в зоне действия только одного форта, новость не является приятной».¹¹¹⁴

«Терибль»¹¹¹⁵ одним видом оправдывал свое название. Но не только в имени и виде состояла его опасность для русских батарей. Еще в Балаклаве на корабле, опираясь на опыт изучения русских батарей во время разведывательных выходов, определили, что скрытую опасность для атакующих будут представлять батареи, расположенные высоко над уровнем моря и соответственно имеющий возможность доставать своим огнем английские корабли с большой дистанции. Для борьбы с ним провели усовершенствование орудийных платформ четырех 68-фт. орудий: им увеличили угол возвышения, в результате чего дальность стрельбы превысила 4000 м.¹¹¹⁶ Это примерно соответствовало дальности огня русской артиллерии батареи Волохова и себя оправдало: «Терибль» в разгар боя произвел самый удачный выстрел из всех кораблей союзной эскадры, вызвавший взрыв на Константиновской батарее (из 27 орудий 22 выбыли из строя).¹¹¹⁷ «Авторство» столь удачного попадания, этаким «сладкой пилюли», подсластившей общую неудачу дня, приписывают нескольким кораблям. В нашем случае я ссылаюсь на вездесущего и всезнающего Уильяма Рассела, который по роду профессии должен был знать если не все, то многое.¹¹¹⁸

Гардемарин Сеймур в своих воспоминаниях говорил, что в течение всего сражения не видел почти ничего, находясь у орудий на батарейной палубе, но грохот выстрелов был невероятно сильным. Единственный драматический момент, который ему удалось пережить связан с попаданием русского снаряда, после которого все заволочло дымом.¹¹¹⁹ Судя по всему, его рассказ лег в основу репортажа Рассела: «...внутри форта прогремел один взрыв, что может свидетельствовать о некоторых повреждениях».¹¹²⁰

Правильность «реконструкции» артиллерии подтверждают историки, считающие, что численное превосходство корабельных батарей над береговыми свели к минимуму три вещи: большая дальность стрельбы, задымленность целей и ... малое число 68-фунтовых пушек. Только они показали свою эффективность, но их явно не хватало.¹¹²¹

Действия «Террибля» наглядно показали, что время бортовых батарей линейных кораблей уходит в прошлое, наступает время башенных поворотных артиллерийских систем.

¹¹¹³ Seymour, Edward Hobart, Sir. *My naval career and travels*. London. 1911. P.8–9.

¹¹¹⁴ Journal Kept by George Barnes Aboard HMS Terrible, off Sevastopol Between July 17th and December 6th, 1854 (<http://www.abaa.org/books/283769475.html>).

¹¹¹⁵ Terrible (англ.) – грозный.

¹¹¹⁶ Seymour, Edward Hobart, Sir. *My naval career and travels*. London. 1911. P.23.

¹¹¹⁷ Douglas, Howard, Sir. *A treatise on naval gunnery*. J. Murray, London. 1860. P.373–375.

¹¹¹⁸ Соломонов Б., Соломонов П., *Бомбардировка Севастополя//ФлотоМастер*. №1. М., 2003 г. С.7.

¹¹¹⁹ Seymour, Edward Hobart, Sir. *My naval career and travels*. London. 1911. P.25.

¹¹²⁰ Соломонов Б., Соломонов П., *Бомбардировка Севастополя//ФлотоМастер*. №1. М., 2003 г. С.8.

¹¹²¹ Jack Greene, Alessandro Massignani. *Ironclads at war: the origin and development of the armored warship, 1854–1891*. Da Capo Press, 1998. P.37–38.

HMS "TRIBUN"

Экипажу этого парохода уже удалось почувствовать вкус военной добычи. 12 апреля 1854 г. еще на Балтике им были захвачены два русских транспорта «Александр» и «Феникс». Но одно дело пиратское безобразничание в открытом море, совсем другое смертельная пляска под огнем укрытых каменными стенами русских батарей. В принципе, корабль и повел себя как настоящий пират. Получив в самом начале сражения несколько незначительных попаданий и убедившись, что крепостные береговые батареи это совсем не плохонькие пушчонки какого-то «торгаша», командир «Трибуна» кептен Карнеги решил не подвергать корабль и себя большому риску и ограничился огнем с дальней дистанции, предусмотрительно прикрываясь бортами своих более грозных соратников.

HMS "SPHINX"

Особых успехов, действовавший в отдельном отряде паровых кораблей, «Сфинкс» не достиг. Но чести быть удостоенным упоминания в «Таймс» добился. Судя по ним, корабль вел огонь по Константиновской батарее из 6 носовых и кормовых орудий «с большим успехом». Хотя, скорее это попытка выдать желаемое за действительное. Командир парохода кептен Артур Уилмот, понимая малую значимость своего участия, ограничился тем, что, расстреляв отведенный боезапас, вывел корабль из боя.

ФРАНЦУЗСКАЯ АТАКА

«Франция смотрит на вас!»

Сигнал, поднятый адмиралом Гамеленом на флагманском корабле «Виль де Пари» 5(17) октября 1854 г. перед началом бомбардирования Севастополя.

Французские и турецкие корабли начали покидать Камышовую бухту в 9 часов утра. Новые французские «тактические соображения», нарушившие планы, потребовали большего времени на построение боевых порядков и затянули вступление флота в бой.¹¹²²

Головными шли турецкие линейные корабли, ведомые адмиралом Ахмет-пашой. За ними вели свои отряды Гамелен и Брюа, в кильватерном строю приближаясь к Севастополю, почти как год назад Нахимов к Синопу.¹¹²³ В 11 часов 55 минут Гамелен приказал поднять на «Виль де Пари» сигнал: «Франция смотрит на вас».¹¹²⁴

Выйдя на обозначенную позицию, каждый корабль сначала сбрасывал с кормы верп.¹¹²⁵ Затем, замедляя ход, отдавал носовой якорь, становясь таким образом на шпринг, «не имея надобности в вытягивании его, всегда слишком продолжительном, под ядрами неприятеля».¹¹²⁶

Линия французских кораблей готовилась открыть стрельбу со среднего расстояния 700 саж. Арьергард и центр — по Карантину и его батареям, авангард — по Константиновской батарее и в глубину бухты.

Французы приступили к делу раньше британцев, точно так же они первыми стали получать «гостинцы» с батареями №10 и Александровской. Ядра с 12.30¹¹²⁷ уже в щепу

¹¹²² Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С.308.

¹¹²³ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг.// ФлотоМастер. №2. М., 1999 г. С.13.

¹¹²⁴ The first day of the bombardment and early news of the battle of Balaclava. The French account from The Times, Monday 6 November 1854, p. 7. (<http://www.victorianweb.org/history/crimea/french.html>).

¹¹²⁵ Верп — вспомогательный судовой якорь меньшей массы, чем становой, служащий для снятия судна с мели путём его завоза на шлюпках.

¹¹²⁶ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля)// Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С.245.

¹¹²⁷ The first day of the bombardment and early news of the battle of Balaclava. The French account from The Times, Monday 6 November 1854, p. 7. (<http://www.victorianweb.org/history/crimea/french.html>).

Доска из обшивки борта французского линейного корабля «Наполеон», пробитая русским ядром в бою 5(17) октября 1854 г. Из коллекции Военно-морского музея Франции. Современное фото.

разносили борта кораблей Гамелена, а они все никак не успевали завершить развертывание боевого порядка. Вскоре отряды Гамелена и Брюа перемешались¹¹²⁸

Французской эскадре особенно досаждали навесные выстрелы. Верхние палубы «Виль де Пари», «Монтелло», «Фридланда», «Валми», «Наполеона» и «Генри IV» были «...неоднократно посещаемы некоторыми из многих снарядов, перекрещивающих беспрерывно пространство над судами».¹¹²⁹

Хотя все пространство между атакующими и обороняющимися затянуло густым дымом, затруднявшим, часто исключавшим прицеливание, высокие мачты французских линейных кораблей, возвышались над ним, служа прекрасным ориентиром для прицеливания. Спас-

ло лишь то, что русские артиллерийские офицеры, видимо в суматохе боя, не произвели вычисление правильных углов возвышения и стрельба, хоть и отличная, велась только по направлениям.

В 13 час. 10 мин. по сигналу с флагманского корабля французские и турецкие корабли открыли огонь по батареям № 8, 10, Александровской и Константиновской.

ФЛАГМАН: «VILLE-DE-PARIS»

Флагманский линейный корабль «Париж» стал на якорь в 8 кабельтовых от Александровской батареи. С его палубы наблюдал за разворачивающимся сражением адмирал Гамелен, рядом с которым стоял его начальник штаба адмирал Буа-Вильомез. Гамелен приказал поднять сигнал: «Франция смотрит на вас!». В ответ с палуб кораблей раздались приветственные крики.

Головные корабли еще не завершили перестроение в боевой порядок, как русские батареи окутались дымом, донесся грохот орудийных залпов, а рядом с бортами поднялись фонтаны воды. Первые же ядра стали ложиться угрожающе близко.

Затем начались попадания. «Париж» получил 82 снаряда. В его борту зияли около 50 пробоин (три ниже ватерлинии), имелось более 100 повреждений рангоута (другие цифры – в корпус корабля попала 41 бомба и, видимо, столько же в рангоут¹¹³⁰).

Возникло несколько пожаров, с которыми все труднее удавалось справиться. Одна из бомб взорвалась в командирской каюте.

Грот и бизань-мачты едва держались, Шканцы флагмана были опустошены разрывом бомбы, выбившей большую часть адмиральского штаба.¹¹³¹ Взрывом буквально

¹¹²⁸ Кириллов П. Синоп: победа или поражение. Хроника боевых действий Черноморского флота в Крымской войне 1853–1856 гг. // ФлотоМастер. №2. М., 1999 г. С.13.

¹¹²⁹ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля) // Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С.246.

¹¹³⁰ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С.9.

¹¹³¹ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля) // Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С.246.

разметало группу офицеров и чиновников, сгрудившихся в одном месте. Лейтенант Соммели, адъютант Гамелена, убит, другой офицер штаба — Лабурден — ранен, почти все другие офицеры ранены. Нескольких человек выбросило за борт.

Сам Гамелен лишь чудом избежал смерти.¹¹³² Он был сбит с ног, но не пострадал. Поднявшись, вновь взял в руку подозрительную трубу и как ни в чем не бывало продолжал отдавать команды, управляя сражением.¹¹³³ Вокруг лежали тела убитых и раненых, все было завалено дымящимися обломками. Очень быстро русские снаряды до неузнаваемости изуродовали корму корабля.¹¹³⁴

Около 16 часов был получен приказ выходить из боя.

“NAPOLEON”: РАСПЛАТА ЗА ПАРОВЫЕ МАШИНЫ

Самый совершенный линейный корабль своей эпохи шел третьим в строю франко-турецкого отряда. Пользуясь наличием парового двигателя, он занял позицию, чтобы максимально обезопасить себя от огня из казематов Александровской батареи.¹¹³⁵

Его артиллерия (46 орудий действующего борта) обстреливала Александровскую батарею и батарею №10 на южной стороне входа в Севастопольскую бухту. В ответ «тезка императора Франции» получал выстрелы орудий обеих батарей и часть того, что не доставалось туркам от нескольких действовавших по ним орудий Константиновской батареи. Наличие адмиральского флага действовало на русских, как красная тряпка на разъяренного быка.

То, что корабль был готов к чему угодно, только не к серьезной войне, поняли быстро. Особенно, когда специально назначенные матросы потянули первых, оставивших кровавые следы, стонавших от боли, раненых. Корабль сам по себе не лучшее место для хирургических операций, но если даже минимальные условия работы медиков сведены к нулю, то получившим травму не позавидуешь.

Опыт морских войн к началу Крымской войны свидетельствовал, что сражения на воде ведут к появлению большого числа раненых, ибо основное, что поражает личный состав экипажа это совсем не ядра или пули — это щепки, о чем мы уже, кстати, говорили. Во время боя действует неукоснительное правило: батареи должны быть немедленно очищены от пострадавших. Дело тут даже не в гуманности или человеколюбии, раненые своим присутствием мешают остальным делать свою работу. Чтобы это было сделано быстро, нужен целый комплекс условий: удобные проходы, хорошие средства переноски, наличие специально назначенных носильщиков и достаточное место для расположения раненых. Остальное вторично. Морская медицина середины XIX в. была вполне развита. Иной корабельный хирург мог за 3–4 минуты вполне качественно произвести ампутацию конечности, при этом, не выйдя за рамки принятой 30% смертности, что, принимая во внимание условия, было неплохим результатом.

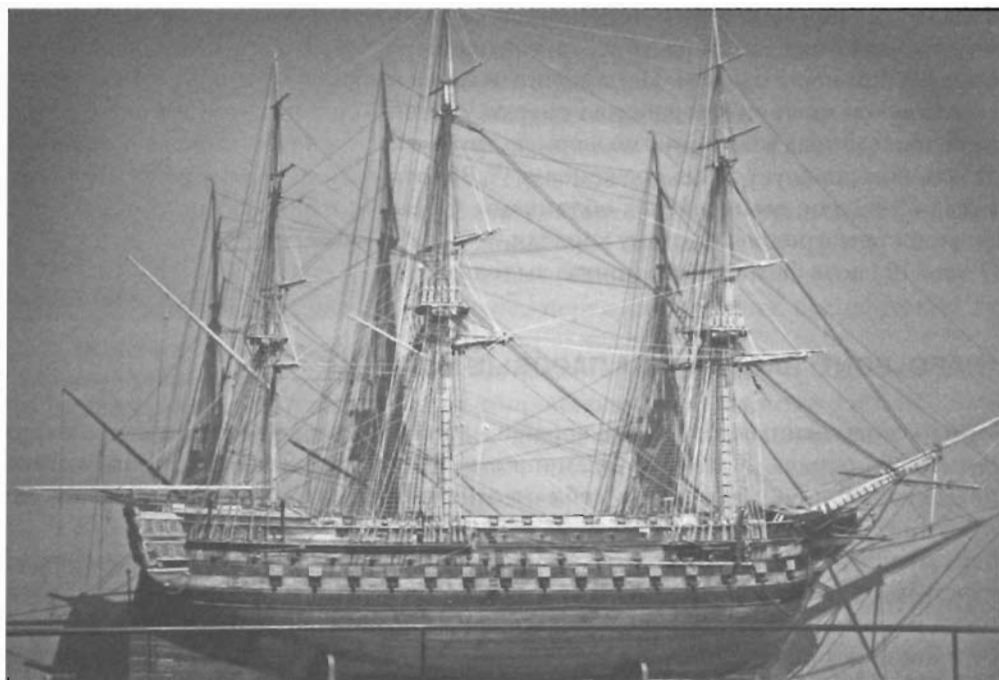
¹¹³² Dr. Felix Maynard. Recollections a Zouave before Sebastopol. Philadelphia. 1856. P.36–38.

¹¹³³ Just-Jean-Etienne Roy. Histoire du siege et de la prise de Sebastopol. Name, 1856. P. 137.

¹¹³⁴ Cesar Lecat Bazancourt. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sebastopol: Chroniques de la guerre d'Orient. Amyot, 1856. P. 330–334.

¹¹³⁵ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 373.

Французский линейный корабль «Сюффрен». Модель XX в.

Если с первыми условиями все обстояло неплохо, то с местом возникли проблемы. Это было характерно почти для всех паровых судов французской эскадры, но «Наполеон» был в самом худшем положении. В жертву мощному двигателю принесли почти полное отсутствие мест для пострадавших. А то, что осталось было рассчитано лишь на 45–50 человек, и добраться к нему было не просто.¹¹³⁶

Самое тяжелое повреждение получили на флагмане около 15 часов, когда ядро пробило корпус корабля на два фута ниже ватерлинии. Вода начала поступать в корпус, создавая проблему экипажу и угрожая паровой машине.¹¹³⁷

Еще через час с креном на борт «Наполеон» стал выходить из боя.

ОБЕЗДВИЖЕННЫЙ “CHARLEMANGE”

Этот корабль, бывший замыкающим боевой линии французского флота, оказался в эпицентре сражения с батареей №10. Задачей его было действие в тыл батареи, отрезая тыл от сообщения не только с городом, но и с остальной батареей, в том числе, хранилищем снаряженных бомб находящимся в 50–100 саж. позади орудий.¹¹³⁸

¹¹³⁶ Положение раненых и уход за ними во время сражения на паровых судах//Морской сборник. Том XX. №2. СПб., 1856 г. С. 99–104.

¹¹³⁷ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля)//Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С. 246.

¹¹³⁸ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 371.

Французам противостояли всего несколько орудий, но они просто «избили» линейный корабль, едва не доведя дело до катастрофы. Было ощущение, что русские стреляли без промаха. Очень скоро снаряды изрешетили его борт. Бомба пробила все палубы корабля и разорвалась в машинном отделении, нанеся значительные повреждения, разрушив большую часть двигателя линейного корабля.¹¹³⁹ На борту возникает пожар, вскоре он был потушен, но сразу возник еще один. Появились раненые, а вскоре и убитые.

Потеряв ход, корабль получает множество новых точных «приветов» с батареи №10. Бой закончился полной победой русских артиллеристов. «Шарлемань», «...имея тяжелые повреждения и значительные потери в личном составе, вскоре покинул район боя. По сути, он позорно бежал. Но отпускать его просто так русские, поймав боевой кураж, уже не хотели.

Когда дым немного рассеялся, корабль со сбитой грот-мачтой и дымящимся корпусом обнаружился в Стрелецкой бухте. После двух выстрелов по нему из 5-пудовой мортиры с батареи № 10 французский корабль покинул это убежище и совсем вышел из боя.

Нужно сказать, что в отличие от англичан, французам тяжелее давалась борьба с пожарами. В результате огонь с кораблей становился менее эффективным, а потом совсем прекратился. Получив серьезные повреждения, французские и турецкие корабли в 18 часов покинули район боя.¹¹⁴⁰

“MONTEBELLO”

На нем держал свой флаг адмирал Брюа. Волею судьбы, корабль стал для адмирала местом первого боя и, через год, местом смерти — он умер на его борту от холеры в 1855 г.

«Монтебелло» выходил из Камышовой бухты, ведя за собой другие корабли своего отряда, перед ним шел «Плутон» размечающий позиции. На первый взгляд в сражении против него был не то чтобы слабый или неравноценный противник. По сути дела его совсем не было. Против этого линейного корабля действовали всего 7 орудий батареи №10.¹¹⁴¹ И укрыты они были не камнем казематов, а лишь брустверами. Казалось, несколько минут, и русские будут стерты в пыль несколькими бортовыми залпами. Каково же было удивление французских моряков, когда борт корабля стал сотрясаться от ударов. Это, одно за другим попаданием, его крушили те самые открытые несколько пушек. Появились убитые и раненые, число которых постепенно угрожающе росло. Казалось, еще немного и «Монтебелло» разделит судьбу «Шарлемани». Все закончилось относительно благополучно: с многочисленными повреждениями линейный корабль вышел из боя.

¹¹³⁹ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля) // Морской сборник. Том XXII. № 7. СПб., 1856 г. С. 246.

¹¹⁴⁰ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 107–108.

¹¹⁴¹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 371.

“VILLE-DE-MARSEILLE”

«Марсель» вел в бой известный человек – адмирал Жан-Пьер де ла Гравье, начальник штаба Брюа. Правда, известен он был больше как ученый, исследователь и картограф, для которого сражение 5(17) октября являлось боевым крещением, и он его успешно выдержал. Гравье четко придерживался своего места в строю и ни на минуту не ослаблял огня. Как и большинство кораблей второй линии, «Марсель» первое время не имел видимых повреждений и потерь в экипаже.

Но вскоре сильный удар сотряс корабль. Разрыв снаряда не нанес существенных повреждений, но большой осколок упал к самым ногам адмирала. Через некоторое время корабль горит, пожар тушат, но новое попадание вновь вызывает пламя.

Гравье видит, как дым поднимается не только над «Марселем»: в разных местах боевого порядка дымятся «Валми», «Париж», «Фридланд», «Шарлемань», «Генри IV», «Наполеон» и делает вывод: «наше положение критическое».¹¹⁴²

ТУРКИ: ХРАБРО, НО ГЛУПО

О том, как вели бой два турецких корабля, свидетельств совсем мало. Скорее, их нет. Один из немногих, кто описал их действия, был находившийся на борту «Куинн» морской священник Том Келли. По его словам, воевали турки храбро, но глупо. Став в довольно опасном месте, подвергаясь огню, хоть и с дальней дистанции, но трех русских батарей (Константиновской, Александровской и №10¹¹⁴³), они красиво (слова Келли) били великолепными частыми бортовыми залпами по Александровской батарее и 7-му бастиону. Правда, результат был не лучшим.¹¹⁴⁴

¹¹⁴² <http://www.lebardeschoufs.com>

¹¹⁴³ Несколько выстрелов по туркам было произведено и с Михайловской батареи.

¹¹⁴⁴ Kelly. Tom. From the fleet in the fifties. A history of the Crimean war. London. 1902. P.142

БЕРЕГ ПРОТИВ ФЛОТА

«...неудача флота была полной».

П. А. Бабенчиков, 5(17) октября
1854 г. юнкер артиллерии на берего-
вой батарее №10.

Теперь попробуем посмотреть на происходившее глазами русских матросов, солдат и офицеров, тех, кто в тяжелейшем противостоянии добыл победу. Противостояние флота и береговых батарей Севастопольской крепости — наиболее интересное событие всех трех дней первой бомбардировки. По мнению участника событий, находившегося во время боя на батарее №10 Бабенчикова, это было соперничество двух сильнейших родов войск того времени — артиллерии и флота. Каждый из их представителей старался показать свой профессионализм и превосходство над неприятелем.

С одной стороны флот со своим взглядом и опытом удачных противостояний с берегом: Копенгаген, Алжир, Сен-Жан-д-Анжели, Сен-Жан д. Акр, Синоп и др.: «Моряк, привыкнув побеждать в борьбе даже стихии, и сознавая чудовищную силу громадного вооружения, сосредоточенного на небольшом пространстве корабля, способного при том к быстрому передвижению, приобретает большую самоуверенность. Он убежден в возможности форсировать рейды и защищенные проходы и атаковать с успехом сильные батареи. Поэтому он обыкновенно горячо отстаивает свое убеждение и старается доказать во что бы то ни стало, что флот может забомбардировать крепость, срыть батареи и прорваться в проходы, не смотря ни на какие средства артиллерии».¹¹⁴⁵

С другой — береговая артиллерия, обладающая опытом успешного отражения атак и признающая неприятельский флот лишь в виде горящих кораблей в зоне досягаемости своих орудий: Линоза (1806 г.), Шельда (1814 г.) и др.: «Артиллерист, обладающий не меньшей энергией, еще более сознает силу своего оружия. Он знает как велико превосходство положения орудия на неподвижной основе батарей, противу положения их на корабле, колеблющемся даже от собственных выстрелов. Он может подробно изучить местность перед батареями, иметь более простора для действий

¹¹⁴⁵ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 313.

и, наконец, может сосредотачивать огонь своих орудий более правильно, спокойно и хладнокровно. Поэтому он еще более самоуверен, нежели моряк...».¹¹⁴⁶

Есть еще деталь, и нужно понять, кому она более выгодна, так как и от нее будет зависеть судьба победы или поражения в бою — это дым. С одной стороны он укрывает от ответного огня, но с другой — не дает вести собственный прицельный. С этой точки зрения он выгоден береговым батареям, которые могли фиксировать место нахождения корабля по верхушкам мачт. Предусмотрительные англичане их сняли (брам-стенги и стеньги) до самых марсов, уменьшив размер мачт на треть.

Но и моряки были не так просты и практиковали в то время ведение огня «по меткам». То есть цель совсем не обязательно было видеть, главное было зафиксировать ее положение при первых выстрелах так называемыми метками и в дальнейшем просто отправлять в ту сторону снаряд за снарядом. Прием требовал высочайшей точности при маневрировании, но при хорошем исполнении давал неплохие результаты.

Имелся еще один надежный ориентир — вспышки выстрелов корабельных орудий. Союзники вели его палубами, в очередности орудий, а потому габариты корабля определялись хорошо, позволяя отвечать гораздо точнее, чем получать в ответ. Судя по Бабенчикову, именно таким образом стреляли русские артиллеристы батареи №10 по французским и турецким кораблям.¹¹⁴⁷

КОНСТАНТИНОВСКАЯ БАТАРЕЯ

Константиновская батарея была заложена в 1836 г. инженер-полковником Фелькерзамом и к 1840 г., в основном, построена и вооружена. Батарея была двухъярусная, в плане в виде подковы, повторяя очертания мыса. Правый фас обращался к морю, левый — к рейду. Прикрытая с фасада высоким бруствером плоская крыша служила для установки орудий и фланкировалась стенами двух высоких квадратных башен-барбетов, от которых во двор вели два пандуса. Длина батареи по переднему фасу была около 188 м. С тыла замыкалась двухъярусной оборонительной казармой и оборонительными стенами. Впереди казармы оборудовали ров с каменным эскарпом. К осени 1853 г. на вооружении батареи были 94 орудия, из них 83 были предназначены для стрельбы по взморью и рейду. Уязвимым местом батареи оставалась ее слабость со стороны моря, которую умело использовали союзники 5(17) сентября 1854 г. Хотя Меншиков, заметив эту проблему, приказал поставить дополнительно 10 бомбовых 3-пудовых пушек, выполнить это не удалось «...по узкости амбразур в казематах и по большой высоте парашота платформы».¹¹⁴⁸

Русские береговые батареи открыли огонь по двигавшимся со стороны Качи союзным кораблям в 13.30, едва только те оказались в зоне досягаемости их орудий. В общей сложности в борьбе с флотом участвовали: Волохова башня, батареи Карташевского, Константиновская, Александровская и №10. Кроме них пытались действовать по кораблям неприятеля батарея №8, 7-й бастион. Несколько выстрелов произвели батареи внутреннего рейда: Михайловская, Николаевская и №4.¹¹⁴⁹

¹¹⁴⁶ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 313–314.

¹¹⁴⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 318–319.

¹¹⁴⁸ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 352.

¹¹⁴⁹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 321–322.

Как фланговая батарея, Константиновская попала под основной удар эскадры союзников.

Расположенная на возвышении батарея представляла хорошую цель для двух групп английских кораблей, обстреливавших ее. Как только неприятельские корабли входили в зону обстрела батареи или соседних с ней батареей Карташевского или Волохова, артиллеристы немедленно производили пристрелку и, добившись попаданий, развивали максимальную скорострельность. Здесь так же, как и на левом фланге, пороховой дым постепенно закрывал корабли, и русские корректировали стрельбу по вспышкам неприятельских залпов или по самим кораблям, если они появлялись в разрывах дыма. Противнику тоже удалось добиться попаданий в Константиновскую батарею. Одна бомба попала во дворик и взорвала там несколько ящиков с боеприпасами, другая – в верхнюю незащищенную платформу. Личный состав, находившийся здесь, был выведен из строя, а орудия оказались поврежденными. Оставшись у единственного уцелевшего орудия, фельдфебель 3-й артиллерийской роты Григорий Брилевич героически продолжал стрельбу, не обращая внимания на летящие кругом ядра и бомбы.¹¹⁵⁰

Бой в районе Константиновской носил такой же характер, как и в районе батареи № 10: вражеские корабли, получив повреждения, или при возникновении пожаров, выходили из боя, устраняли последствия повреждений, а затем снова вступали в бой. Но огонь их становился все менее эффективным, и в 18 час. 11 мин. английские корабли вышли из зоны огня севастопольских береговых батарей, которые до последней возможности вели обстрел противника.¹¹⁵¹

Батарея была явно не по зубам союзникам. Спустя несколько десятков лет после события, это было отмечено Ф. Альтмайером в его «Войне на море»: «В тех случаях, когда укрепления, при сильном артиллерийском вооружении, будут так расположены, что флоту нельзя занять охватывающую позицию и поражать укрепления анфиладным и тыльным огнем (Акра, 1840 г., Константиновская батарея в Севастополе 1854 г. и проч.), победа остается на стороне укреплений, если бы флот даже и превосходил их в числе орудий. Такое заключение основывается на том, что береговые артиллеристы будут иметь перед собой весьма большую площадь поражения, между тем как корабельные орудия нужно будет наводить лишь на дуло орудия противника».¹¹⁵²

В результате титанических усилий само сооружение пострадало слабо. Американский майор Делатилд утверждает, что два относительно серьезно пострадавших каземата были восстановлены в течение суток.¹¹⁵³ Из 5 ядрокалительных печей было разрушено 4. Во дворе батареи были взорваны несколько зарядных ящиков, повреждены 10 амбразур.

¹¹⁵⁰ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С.108.

¹¹⁵¹ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С.108.

¹¹⁵² Библиография. Прибрежная война (из сочинения профессора Альтмайера «Война на море»)//Военный сборник. №5. СПб., 1882г. С. 22.

¹¹⁵³ Delatfield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P.24.

**БАШНЯ ВОЛОХОВА И БАТАРЕЯ КАРТАШЕВСКОГО: ВЕЛИКИЙ ПОЗОР
КОРОЛЕВСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА**

Эти две батареи были построены севернее Константиновской батареи в целях ее защиты с тыла и обстрела морского берега до устья реки Бельбек в январе-апреле 1854 г. Их преимуществом была продуманность расположения, прежде всего возвышенность над уровнем моря, позволявшая обстреливать корабли с больших дистанций, оставаясь самим малоуязвимыми, что и подтвердили описываемые события.

Башня Волохова.

17 марта 1854 г. Корнилов произвел рекогносцировку побережья от Херсонесского маяка до мыса Лукулл. Результаты были неутешительными: оказалось, что неприятельские корабли могут подойти к побережью в тыл Константиновской батарее и держать под обстрелом не только ее, но и флот, находящийся на рейде. А так как два орудия в так называемых «башнях Мартелло» не могли серьезно противостоять этим действиям, было принято решение о срочном строительстве земляной батареи и каменной башни в этом районе. Солдаты полковника артиллерии Карташова быстро возвели земляную батарею на пять орудий, а вот строительство каменного укрепления требовало немалых средств. Корнилов обратился за помощью к оставшему подпоручику Даниилу Волохову, который был подрядчиком у Морского ведомства и слыл весьма состоятельным человеком. Кроме прочего он был другом Корнилова, и не случайно в доме Волохова в период обороны находилась последняя квартира адмирала. 26 сентября 1854 г. из дома контр-адмирала В.И. Истомина он и перебрался к Волохову, на горе возле телеграфа, чтобы быть в центре действий и наблюдений. Там же разместился и его штаб, адъютанты и флаг-офицеры.¹¹⁵⁴

Бывший офицер взялся своими силами и средствами построить башню. 31 марта начали работы, а 21 апреля 1854 г. укрепление было завершено. Мощное фортификационное сооружение в виде квадратной в плане башни имело стороны длиной до 18 и высотой до 9 м, толщина стен и сводов приближалась к двум метрам. На первом этаже были пороховые погреба и 7 бойниц для ружейной обороны, на втором ярусе – ядрокалильная печь и 49 бойниц для ружей. Вход в башню охранялся двумя 18-фунтовыми карронадами, установленными в амбразурах. Против входа соорудили мост с подъемным пролетом, через который можно было войти в башню. Со второго этажа гарнизон укрепления мог попасть по внутренней лестнице на третий ярус открытой обороны; его окружал парапет с бойницами высотой 160 см. На открытой обороне на круглых платформах были установлены восемь 36-фунтовых орудий для стрельбы через банк. Но главным в этом сооружении был вал, который прикрывал укрепление со всех сторон и делал его почти неуязвимым для противника.¹¹⁵⁵ Полностью недостатков, правда, избежать не удалось. Отчасти к таковым можно отнести то, что из 8 орудий, хотя и установленных на вращающихся платформах, только 5 могли стрелять одновременно в одну сторону, не имея разницы: в сторону моря, или в сторону суши.¹¹⁵⁶

Батарея Карташевского, она же батарея №12. Ее предназначением было фланкирование башни Волохова и Константиновской батареи. На вооружении имела три

¹¹⁵⁴ Шавшин В. Г. Корнилов, Герцен и поручик Волохов (<http://d13632.t24.tavrida.net.ua/article.php?id=186>).

¹¹⁵⁵ Скориков Ю. А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С. 144–145.

¹¹⁵⁶ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 352.

1-пудовых единорога и два орудия на флангах (36-фунтовая пушка на левом и ½-пудовый единорог на правом).¹¹⁵⁷

Еще до начала Крымской кампании эти батареи имели реальную возможность опробовать свои пушки, а заодно получить практику стрельбы по союзному флоту. 14 июля 1854 года, когда три неприятельских корабля, преследуя небольшой русский корабль, вошли в зону действия их орудий, артиллеристы быстро открыли по ним меткий огонь и достигли четырех попаданий в головной неприятельский корабль. Противник отказался от дальнейшего преследования и удалился в сторону реки Качи.

29 сентября турецкий корвет вошел в сектор обстрела батарей и быстро за это попался. Под градом ядер турецкая команда оставила лишенный управления и дрейфовавший по ветру корабль. В это время английский военный пароход приблизился к турецкому корвету, чтобы взять его на буксир. Батареи № 8, 10 и Константиновская не замедлили открыть по нему меткий огонь. Английский пароход удалился. Полуразрушенный турецкий корвет был прибит волной к берегу.¹¹⁵⁸

5(17) октября батарея Карташевского была атакована линейным кораблем «Аретуза». Основным противником башни Волохова стал «Альбион». Думаю, что англичане не сильно волновались по поводу этих слабо вооруженных батарей, хотя прекрасно понимали, что само расположение делало невозможным их принуждение к молчанию.¹¹⁵⁹

Обе батареи прекрасно выполнили свою задачу прикрытия Константиновской батареи. За 6 часов каждое орудие сделало по 240–290 выстрелов. Раскалились не только пушки, но и атмосфера: «В одном только белье, сбросив шинели, потому что и без них было жарко, не смотря на октябрьский холод, орудийная прислуга, почти не сходящая с бруствера, усердно работала при орудиях».¹¹⁶⁰

Причину успешного действия по неприятелю объяснить не трудно. Будучи расположенными с превышением по высоте и потому доминирующие над водной поверхностью, эти две батареи постоянно видели цель, и им оставалось лишь точно накрывать ее. А это русские морские артиллеристы всегда умели делать качественно. Потому, хотя и им периодически доставалось, они, в свою очередь удачно поражали верхние палубы английских кораблей, нанося чувствительные потери.¹¹⁶¹

БАТАРЕЯ №10

Летом 1850 г. генерал-инспектор по инженерной части, посетивший Севастополь, составил подробнейший и основательнейший отчет о поездке. Отчетный документ был одобрен лично императором Николаем I. Высокое начальство было довольно тем, что 10-я батарея хорошо обстреливает вход в севастопольский рейд и подходы к нему. Однако недовольство вызывало состояние защиты горжевой части в случае возможной атаки десанта противника. В результате было предписано исполнить

¹¹⁵⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 352.

¹¹⁵⁸ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 103.

¹¹⁵⁹ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля)// Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С. 247.

¹¹⁶⁰ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 389.

¹¹⁶¹ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля)// Морской сборник. Том XXII. №7. СПб., 1856 г. С. 247.

ряд конкретных указаний. Прежде всего, 10-я береговая батарея должна была быть укреплена углублением рва, увеличением высоты эскарпных, контрэскарпных и брустверов. При этом надлежало обеспечить фланговый обстрел рва. К началу войны батарея состояла из двух исходящих закругленных частей, соединенных ломаной куртиной.¹¹⁶²

В указанном документе устанавливались численность и постоянное размещение на укреплениях войск для защиты от вражеского десанта. На 8-й и 10-й батареях должно находиться два батальона, в том числе на 10-й резервный батальон Литовского полка (400 человек) под начальством генерал-майора Пихельштейна. Батарея имела длину по фронту 200 саж. и предназначалась для защиты Карантинной бухты и действия во фланг и тыл неприятельским кораблям, пытающимся прорваться в глубь Севастопольской бухты.¹¹⁶³ По оценке Делафилда батарея была очень удачно вписана в оборонительную систему Севастопольской крепости, взаимодействуя с Александровской и Константиновской батареями.¹¹⁶⁴

К началу Крымской кампании береговая батарея №10 входила в первую дистанцию оборонительных укреплений и продолжала играть важную роль в защите Севастопольской крепости с моря, имея на вооружении порядка 59 орудий. Из них: 2 3-х пудовые пушки образца 1838 г.; 29 36-фт. пушек; 10 1-пудовых длинных единорогов; 9 ½-пудовых единорогов, 5 мортир.¹¹⁶⁵ Прислуга батареи состояла из 277 человек, в основном артиллеристов Севастопольского артиллерийского гарнизона: роты №2 и №3 (до 300 чел.). Артиллерией командовал командир роты №2 подпоручик Л.Г. Зяким, «...молодой, энергичский, преданный своему оружию офицер».¹¹⁶⁶ Командиром батареи был капитан 2-го ранга А.Н. Андреев. Левым флангом батареи командовал лейтенант Папа-Егоров.

Командовал батареей талантливый морской артиллерист А.Н. Андреев. Благодаря его энергии в самые напряженные минуты обстрела огонь не прекращался. Сражение для батареи №10 состояло из двух частей.

Вначале ей пришлось вести борьбу с французской батареей на западной стороне Карантинной бухты, а потом и с кораблями, бой с которыми начался тремя часами ранее основного сражения.

Неприятельская артиллерия в 9 часов утра открыла амбразуры и повела огонь по 6-му бастиону. И вот тут, только прочувствуйте, читатель! Вот, как описывает участник сражения (Бабенчиков) эмоции матросов, составлявших большую часть орудийной прислуги при начале боя. Действительно, поражаешься русскому характеру: «...орудийная прислуга батареи №10, с воплем какой то дикой радости, с какой то лихорадочной живостью, бросилась к орудиям сухопутного фаса».¹¹⁶⁷

Я не сторонник высокопарных слов, но сказанное одним из участников встречи матросов из Севастополя в Москве в 1856 г. «...удаль морская перенесена вами с палуб на батарею», не преувеличение.¹¹⁶⁸

На батарее не хватало прислуги, и у одной из мортир работал во время сражения солдат из одного из резервных пехотных батальонов, до этого стоявший у будки, где

¹¹⁶² Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 323.

¹¹⁶³ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 323.

¹¹⁶⁴ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 38.

¹¹⁶⁵ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 98–99.

¹¹⁶⁶ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 330.

¹¹⁶⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 368.

¹¹⁶⁸ Погодин М. Московские празднества в честь севастопольских моряков // Москвитинян. Том 1. М., 1856 г., С. 63.

поставили ящик с ручными гранатами, на случай штурма с суши. Оказалось, не зря незадолго до войны, солдаты резервных батальонов 13-й пехотной дивизии прошли курс артиллерийского обучения.

В самом начале боя, неприятельская бомба взорвала гранаты, не причинив никакого вреда часовому, который, работая у орудий, одновременно оставался на своем посту, покуда не был сменен. Но при этом в разгар сражения батарея отвечала на каждый неприятельский выстрел двумя-тремя своими.¹¹⁶⁹

Кроме ручных гранат, на батарее № 10 было взорвано два ящика со снаряженными бомбами, стоявшие на валганге¹¹⁷⁰ за орудиями, но, к счастью, эти взрывы не нанесли никакого вреда. Постепенно артиллеристы вполне освоились под огнем. Действия гарнизона стали взвешенными и спокойными: «Все, кто не мог принять прямого участия в стрельбе, следили за действием выстрелов; каждый попавший снаряд производил общий восторг, был приветствуем общими одобрительными восклицаниями, как будто бы этими выстрелами решалась судьба общего боя, вопросы: быть или не быть Севастополю. По недостатку ли опытности, или по общему увлечению, никто не думал, что сегодня, и завтра, и потом почти целый год будет продолжаться этот же самый бой. Впоследствии, когда все, что называется, пристрелялись, мы уже не увлекались так, не горячились, не бросали снаряд за снарядом без счета. Спокойно и медленно мы отвечали едва одним выстрелом на пять неприятельских, и не иначе, как совершенно точно наведя орудие и обусловив все шансы наилучшего действия выстрела. Но такая опытность приобретена нами лишь после нескольких недель боя. В первом же деле увлечение было чрезмерно, страсти находились в полном разгаре. Однако при всем увлечении, несмотря на расстояние — свыше 600 саж. на котором из ½-пудового единорога, даже на практике попадает едва 10%, не смотря на весьма косвенное расположение неприятельской батареи, прикрываемой притом с фланга, как бы башней, круглой печью для выжигания извести, — три орудия из этой батареи не более как через час были уже сбиты. Но одно орудие, ближайшее к печи, и потому наилучше прикрытое со стороны батареи №10, оставалось еще более часа, хотя стреляло только изредка, как бы украдкой, когда огонь нашей батареи, чтобы дать разойтись дыму и посмотреть, где и что делают корабли. Артиллеристы нашей батареи прозвали орудие в шутку „запечным сверчком“, и когда раздавался снова свист вылетающего из него снаряда, говорили: „сверчок-то наш еще посвистывает“, и опять наводили туда три или четыре орудия и забрасывали его снарядами. Но, как только умолкала пальба, сверчок вновь отзывался из-за своей печи и снова вызывал против себя учащенные выстрелы».¹¹⁷¹

Второй этап боя начался после того, как в 12 час. 40 мин. батарея, в зону которой вошел французский линейный корабль «Шарлемань» и другие, открыла по ним огонь,¹¹⁷² а в 13.10.¹¹⁷³ уже неприятель начал ответную стрельбу по батарее №10, которой пришлось принять на себя главную тяжесть боя с французскими кораблями, сосредоточившими на ней огонь своих орудий, «...подавляя множеством ядер».¹¹⁷⁴

¹¹⁶⁹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 368.

¹¹⁷⁰ Валганг — верхняя поверхность вала укреплений, на которой располагается оборонительная позиция. Для прикрытия на ней войск и орудий с внешней стороны.

¹¹⁷¹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 369.

¹¹⁷² Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 104.

¹¹⁷³ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 105–106.

¹¹⁷⁴ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля) // Морской сборник. Том XXXI. № 7. СПб., 1856 г. С. 246.

Как ни странно, русским помогло то, что теоретически должно было мешать. Пороховой дым, которым окутались корабли, поднимался вверх и расплзался по морю. Он был такой, что, говоря словами очевидца: «...на близком расстоянии чело- века рассмотреть было невозможно».¹¹⁷⁵

Артиллеристы противника не могли наблюдать за падением снарядов и корректировать свою стрельбу. Артиллеристы же береговых батарей успели пристреляться, кроме того, корректировать стрельбу им несколько облегчали вспышки выстрелов корабельных орудий. Достигнув попаданий, русские повели огонь с максимальной скорострельностью.¹¹⁷⁶

Батарея с первых минут боя стала наносить тяжелые повреждения французским кораблям. Особенно пригодились две бомбовые пушки, которые еще до начала событий пытались усовершенствовать. Их переставили с обычных лафетов на элевационные станки, названные Бабенчиковым «неуклюжими ящиками», надеясь увеличить таким образом, стрельбу, придав еще и угол возвышения 45 град. «...Дальность получилась удивительная, кажется, верст пять, если не больше, но возможность попасть в цель и, следовательно, употребить с пользой в действительном бою эти орудия, сделалась столь же удивительной, если не вовсе немыслимой».¹¹⁷⁷

Через час положение на батарее усложнилось, брустверы оказались сильно разрушенными и постепенно все меньше укрывали расчеты артиллерийских орудий, увеличивая потери.¹¹⁷⁸

А теперь давайте представим: по батарее вели огонь больше половины линейных кораблей французской эскадры. В том числе «Шарлемань» (45 орудий), «Марсель» (43 орудия), «Монтебелло» (60 орудий), «Алжир» (43 орудия), «Фридланд» (63 орудия), «Маренго» (43 орудия) действовали ТОЛЬКО по батарее №10. Не нужно страдать любовью к математике, чтобы увидеть: количество орудий любого из этих кораблей было больше чем на батарее. А еще «делили» между собой батареи №10 и Александровскую «Наполеон», «Баярд», «Генри IV», «Сюффрен», «Валми», «Жан Барт» и «Виль де Пари».

Правда, русским было не до перечисления этих шумных наименований: «...сколько именно — мы не считали, потому что было некогда, да и ни к чему».¹¹⁷⁹ Но это только первая часть проблемы. Вторая, что большая часть французских кораблей сосредоточила свой огонь на левом выступающем фесе. Таким образом, если и было среди береговых батарей место, где шансы для выживания были минимальными, то оно находилось именно там.

Вдобавок, Лайонс, прорвавшись с флагманским «Агамемноном» почти к линии заграждения, начал поражать северный фланг батареи залпами из 40–45 орудий одного борта.¹¹⁸⁰ На этом фоне сухопутная французская батарея на мысе Херсонес казалась самой незначительной из проблем. Таким образом, уцелеть у батареи №10 шансов было мало. Не побоюсь возвышенных фраз, если и были в этот день герои — это ее артиллеристы в числе первых из них.

¹¹⁷⁵ Рассказ севастопольского матроса в Москве // Московитянин. Том 2. М., 1856 г., С. 144.

¹¹⁷⁶ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 104–106.

¹¹⁷⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 368.

¹¹⁷⁸ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля) // Морской сборник. Том XXII. № 7. СПб., 1856 г. С. 246.

¹¹⁷⁹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 369.

¹¹⁸⁰ Флот при атаке укреплений и бомбардировании прибрежных городов (статья лейтенанта французского флота Гривеля) // Морской сборник. Том XXII. № 7. СПб., 1856 г. С. 246.

Первым попал под огонь «Шарлемань». Его 45 орудиям русские противопоставили целых ...4. орудия левого выдающегося закругленного фаса батареи. В том числе те самые «...с отрезанными до половины средними лафетными брусками с подъемными винтами и их матками».¹¹⁸¹

Линейный корабль начал подходить к берегу, изготавливаясь к стрельбе. Чтобы снизить вероятность попаданий, его несколько раз поворачивали к берегу кормой или носом. На русских эти маневры особого впечатления не производили. Им было просто не до того: «Предвидя бой на близкую дистанцию, нужно было установить под орудия бруски и клинья, заменявшие отрезанный винт. Работа эта отняла у нас столько времени, сколько необходимо было кораблю для приближения на 450–500 саж. от батареи в таком направлении, что против него было можно стрелять с батареи №10 только из трех 1-пуд. Единорогов и одного итуд., предназначенного для обстрела Карантинной бухты».¹¹⁸²

Интересное, конечно, соотношение 45 к 4. Но пока русские суетились у орудий, «Шарлемань» получил подкрепление в виде еще одного линейного монстра – «Марселя» из-за носа которого высывался бушприт буксировщика – парохода «Панамы». Теперь соотношение стало еще «веселее»: 85 к 4.¹¹⁸³ Против «Марселя» (40 или 43 орудия) пушек не было.

Вскоре своим ходом появился 120-пушечный «Монтебелло», начавший продольно простреливать батарею. Против 50–60 орудий одного его борта батарея сумела противопоставить целых 7 пушек левого фаса, действовавших с дистанции 525–550 саж. А потом линейные корабли пошли непрерывной колонной, и считать их перестали. На батарее разразился вулкан, в котором артиллеристы не покидали орудий, продолжая вести непрерывный огонь по неприятелю. Дошло до того, что в какой-то момент из-за снарядов, десятками врезающихся в батарею, выделенные для доставки зарядов и ядер чины не могли пройти к складу снаряженных боеприпасов. Не придумав лучшего, русские прибегли к экспромту, снарядив пушки бывшими под рукой пустотелыми гранатами, в которых вместо порохового заряда был обычный песок. Бабенчиков говорит, что их готовили для использования из этих самых бомбовых пушек с переделанными станками, как ядра для стрельбы на максимальную дистанцию. Ими стали стрелять по «Шарлемани» и... попали. Одно из этих «ядер» французы нашли после боя на палубе линейного корабля, что позволило сделать вывод о критическом положении в крепости с порохом.¹¹⁸⁴

Еще одним свидетельством развитой инженерной мысли русских морских артиллеристов стал «мгновенно придуманный ими ускоренный способ стрельбы, избежав накатывания».

Само по себе накатывание и повторная наводка орудия занимала много времени и значительно снижала темп стрельбы. Артиллеристы, чтобы избежать этой процедуры, «...не подкладывая же гандшпигов; достигали того, что откатившееся орудие само собою, по собственной тяжести, накатывалось на место к брустверу по наклонным рельсам поворотной платформы так скоро, что №1 с банником успевал лишь вскочить на крону бруствера и в ту же секунду начать банить орудие. За ним всходил

¹¹⁸¹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 371.

¹¹⁸² Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 370–371.

¹¹⁸³ Бабенников, добавляет еще и 2 носовые пушки парохода «Панамы», но это, пожалуй, лишнее. (Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 371).

¹¹⁸⁴ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 355.

№2, подававший заряд и снаряд, по досылке которых орудие было уже совершенно готово к выстрелу, потому что оно, находясь на месте, наводилось во время самого заряжания. Через это достигалась возможность делать выстрелы весьма часто, так что в минуту, или даже скорее, успевали делать по выстрелу все четыре орудия, а в 6 часов времени было сделано от 240 до 300 выстрелов каждым из этих орудий». ¹¹⁸⁵

Бой продолжался. Самый «вкусный» кусок пирога доставался флагману, ставшему на якорь в 100–150 саж. от «Монтебелло», «Виль де Пари» и «Жан Барт» расположились перед фронтом батареи и должны были с расстояния 500 саж. действовать на фронт, продольно простреливая левый выступ. В действительности они занимались Александровской батареей.

По «Парижу» действовали 11 пушек (36-фунтовые) со среднего фаса батареи, стрелявшие только ядрами, что было малоэффективно. «Жан Барт» обстреливали 6 орудий среднего фаса и 1 единорог. ¹¹⁸⁶

Бабенчиков описал происходившее: «...Следовало защищать честь оружия, дух войска, честь и славу отечества. Нужны были невероятные усилия... Прислуга для ускорения стрельбы порешила вовсе не прикрываться бруствером. Смутно сознавалось, что при такой громадной силе неприятеля бруствер был ничтожной защитой. Заряжать, прикрываясь им, было бы и бесполезно, и неудобно, и медленно, тогда как была необходимость стрелять как можно скорее, чтобы быстротой стрельбы вознаградить слишком малое число орудий. Сознавалось, что ежели надлежало погибнуть неминуемо, то следовало погибнуть достойно и мужественно, не рассчитывая ни на прикрытие, ни на соразмерность сил, нанося врагу возможно большее поражение в высшей степени ускоренной пальбой из тех немногих орудий, которыми приходилось отбиваться от неприятеля». ¹¹⁸⁷

Правда, подобная «изобретательность» имела целых две оборотные стороны. Первая: номера, постоянно находившиеся на бруствере, подвергались риску быть, с большой долей вероятности, убитыми или ранеными. При этом никакие уговоры начальников не подвергать себя напрасному риску, на разгоряченных боем матросов и солдат уже не действовали.

Вторая: от частых выстрелов к 16 часам орудия, несмотря на частое их смачивание, до того разгорячились, что капитан-лейтенант Андреев был вынужден на некоторое время приостановить стрельбу. Дело в том, что моряки, обученные по правилам морского боя и к этому привычные стреляли не так, как надо, а как от них всегда требовали суровые начальники и беспощадная морская служба.

Французы, жестоко избиваемые батареей №10, допустили ошибку, не позволившую им стереть ее «в пыль»: «Вместо того, чтобы сосредоточить весь огонь по наиболее важному объекту — орудиям береговых батарей, — они рассредоточили его. Орудия крупных калибров (бомбовые пушки), находившиеся на нижних деках (палубах), должны были разрушить подошву земляного бруствера батареи № 10, сбить орудия и лишить орудийную прислугу защиты; орудия среднего дека вели стрельбу непосредственно по орудиям батареи № 10 и, наконец, орудия верхнего дека — по району расположения батареи с целью уничтожить здесь все живое, а также пресечь помощь батарее извне. Однако противник, не зная точного расстояния до батареи № 10 и не пристрелявшись, посылал снаряды из орудий нижнего дека не в бруствер,

¹¹⁸⁵ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 387–388.

¹¹⁸⁶ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 372–373.

¹¹⁸⁷ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 355.

а ниже, в скалистый берег, отражаясь от которого, они поднимали перед батареей фонтаны воды. Орудия средних деков стреляли с большим перелетом (после боя на территории батареи было найдено 2700 ядер и неразорвавшихся бомб и большое количество осколков). Пушки верхнего дека били слишком высоко, их снаряды ложились за батареями, где не было ни орудий, ни личного состава. Лишь отдельные ядра и бомбы падали в расположении батареи».¹¹⁸⁸

Гарнизон крепости увидел, что батарея №10 превратилась в огненный вихрь, и сообщение с ней прервалось: «...неприятельские снаряды, перелетая через нее, рикошетировали на местности и ложились пред 6 и 7 бастионами в таком огромном количестве, что превратили с ней всякое сообщение».¹¹⁸⁹

Не удивительно, что все поняли: батарея №10 больше не существует: «Не имея никаких сведений с этой батареей, можно было подумать, что она уничтожена, что орудия ее, действовавшие через банк, сбиты, а прислуга с прикрытием, состоявшим из двух рот, не имевших безопасного помещения, погибла».¹¹⁹⁰

Даже подумали, что на нее уже вошла французская пехота и срочно выставили два батальона у оборонительной стены между 6-м и 7-м бастионами на случай неприятельской атаки с суши со стороны батареи №10.

Каким же было удивление, когда уже в сумерках с батареи вернулся добровольно отправившийся на нее лейтенант Троицкий и доложил, что батарея не только жива, но продолжает действовать, а понесенные ей потери не столь значительны, как это казалось.¹¹⁹¹

Деятельность батареи № 10, получила высокую оценку руководителей обороны Севастополя. Адмирал Нахимов на следующий день прибыл на батарею и обратился к артиллеристам с такими словами: «Вы защищались как герои, — вами гордится, вам завидует Севастополь. Благодарю вас. Если мы будем действовать таким образом, то непременно победим неприятеля. Благодарю вас, от всей души благодарю вас».¹¹⁹²

Даже до царя дошла весть о славной батарее №10. Вскоре Меншиковым было получено письмо, в котором, между прочего говорилось: «Чисто непонятно Мне, как батарея № 10-го могла уцелеть. Думаю, что командир ее заслужил Георгия 4. Вели собрать при досуге думу и определи кому справедливо дать; прислуге этой батареей дай по 3 рубля на человека, а прочим всем в деле бывшим по 2 р. Да сверх тобой данных крестов нижним чинам. дай еще от Меня по 5-ти на батарею. Бог с вами, да хранит вас Господь и да даст православным победу над врагами. На веки твой искренно доброджелательный».

АЛЕКСАНДРОВСКАЯ БАТАРЕЯ

Ее проект был первым и наиболее сильным, из первых четырех, утвержденных А.В. Суворовым в конце XVIII в. общем плане строительства береговых батарей Севастопольской крепости.¹¹⁹³ Форму ее вписали в очертания длинного узкого мыса, на котором стояла батарея. На оконечности мыса возвели круглую двухэтажную баш-

¹¹⁸⁸ Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С.104–106.

¹¹⁸⁹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С.322.

¹¹⁹⁰ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С.322.

¹¹⁹¹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С.322.

¹¹⁹² Денисов А.П., Перечнев Ю.Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С.107–108.

¹¹⁹³ Скориков Ю.А. Севастопольская крепость. СПб., 1997 г. С.23–24.

ню диаметром более 20 м., своды которой защищала насыпь из грунта. 12 орудий прикрывали рейд и проход в бухту. К башне примыкали одноярусные казематы с открытой платформой для стрельбы через банк. Их орудия защищали подходы к рейду. Основания башни и казематов возвышались над уровнем моря на 6 м, а на отметке 14 м возводилась земляная батарея с двумя фасадами для размещения 18 орудий. Гарнизон укрепления размещался в казарме на территории батареи. Артиллерийская прислуга на батарее была от роты № 4 и полуроты № 5 Севастопольского артиллерийского гарнизона. Командовал батареей командир роты № 4 капитан П. А. Козловский, «...замечательный пунктуальной точностью в исполнении служебных обязанностей и отличной чистотой и порядком, которые он соблюдал на батарее даже во время войны».¹¹⁹⁴

Для фланкирования находившейся на противоположном берегу Константиновской батареи на верхней площадке казематированной части Александровской батареи ½-пудовые единороги были заменены 1-пудовыми и 18-фунтовыми пушками.¹¹⁹⁵

Батарея открыла огонь после того, как вступила в дело соседняя батарея № 10. Одновременно с ней начала стрельбу батарея № 8 с бастионом батареи № 7, но их огонь по сравнению с огнем батареи № 10 из-за дальности расстояния был менее эффективен.¹¹⁹⁶

С этого времени грохот орудийных выстрелов слился, действительно, как у Лермонтова, в «один протяжный вой». Снаряды долетали до Херсонеса, в Балаклаве, казалось бы, достаточно удаленной от места сражения, не осталось ни одного целого стекла в домах.¹¹⁹⁷

На батарее сосредоточила огонь вторая половина французской эскадры: «Париж», «Валми», «Генри IV», «Наполеон», «Юпитер» и два турецких корабля.

Русские, заметив на «Наполеоне» адмиральский флаг, сосредоточили огонь на нем. Хотя это громко сказано, на самом деле против лучшего в мире линейного корабля действовали всего 9 орудий из казематов, которым помогали, правда, 2 орудия с Константиновской и 1 с выступающего правого фаса батареи № 10.¹¹⁹⁸

К 16 часам огонь стал стихать. Союзные эскадры начали покидать поле сражения. Безветрие привело к тому, что пороховой дым плотно закрыл акваторию, лишив не только противников возможности видеть друг друга, но и соседние корабли часто теряли один другого.

Честно говоря, очень хочется касательно ухода союзных эскадр применить словосочетание «бежали бесславно». Но, увы, давайте будем справедливы, флот именно выходил из боя, а не бежал в панике. Хотя определенные проблемы были, особенно у тех, кто получил тяжелые повреждения.

В довершение всем несчастьям, преследовавшим союзников в это день на море, в сумерках дымящийся «Санспарейл» врезался в «Камбрию», спешившую на помощь.

¹¹⁹⁴ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 330.

¹¹⁹⁵ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 352.

¹¹⁹⁶ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 104.

¹¹⁹⁷ Just-Jean-Etienne Roy. Histoire du siege et de la prise de Sebastopol. Name, 1856. P. 138–142.

¹¹⁹⁸ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 373.

ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ ПАРОХОДОВ

В ходе артиллерийского противостояния, начавшегося 5 октября, отдельно стоят действия пароходофрегат «Владимир», «Бессарабия», «Одесса», «Крым». Еще до описываемых событий «Владимир» и «Крым», действовавшие под общим руководством Григория Ивановича Бутакова, с утра до вечера обстреливали вражеские траншеи, причиняя им значительные разрушения, уничтожая орудия, выводя из строя живую силу.¹¹⁹⁹ 27 сентября Корнилов с удовлетворением отметил в письме: «Ночью было заметно движение от 1-го лагеря к Киленбалке, но бомбы „Владимира“ его остановили».¹²⁰⁰

Впервые в истории Российского флота боевым кораблям в качестве основной была поставлена задача — оказывать огневое содействие сухопутному гарнизону осажденной крепости. Специальным приказом начальника штаба флота командиры пароходов обязывались:

- выбрать наиболее удобные места для стоянки кораблей и войти в сношение с начальниками ближайших к их позициям сухопутных войск для лучшего согласования своих действий с береговыми распоряжениями;
- ставить на берегу сигнальные шести для направления огня судовой артиллерии по тем объектам, которые скрыты от них высотами;
- оказывать взаимную поддержку друг другу и быть готовыми переменить свои позиции с изменением обстановки;
- помимо огневой поддержки сухопутному гарнизону, быть в постоянной готовности перебрасывать войсковые резервы с одного берега бухты на другой.

Первоначально позиции противника находились на удалении 20–25 каб. от Севастопольского рейда и корабли Черноморского флота вынуждено бездействовали, так как максимальная дальность стрельбы их орудий не превышала 16–18 каб. Затем были выработаны способы стрельбы по невидимым целям, с использованием наблюдательно-корректировочных постов.¹²⁰¹

Для этого из состава экипажа парохода выделялся артиллерийский унтер-офицер и два матроса под командование офицера, которые, находясь в контакте с командиром батареи или бастиона, подавали специальные сигналы о месте появления войск противника. В темное время суток сигналы подавались специальным сигнальным фонарем. Это уже само по себе нечто новое, едва ли не революционное, которое использовалось позднее в эпоху казнозарядной нарезной артиллерии: огонь кораблей организовывался с выносного командно-наблюдательного пункта и при взаимодействии с берегом. Это как раз то, чего не хватало союзникам на Альме, а сейчас именуется корректированием и управлением огнем артиллерии и стрельбой по заявкам сухопутных войск по заранее разведанным или выявленным в ходе боя целям. В общем, у нас все было как всегда: как только становится трудно, мы становимся лидерами по внедрению военно-технических новшеств.

В системе подготовительных мероприятий особое место отводилось четкой организации взаимодействия пароходов с сухопутными частями гарнизона. Взаимопони-

¹¹⁹⁹ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г. И. Бутаков. М., 1954 г. С. 52–53.

¹²⁰⁰ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии Владимира Алексеевича Корнилова. СПб., 1859 г. С. 294.

¹²⁰¹ Доценко В. А., Доценко А. А., Миронов В. Ф. Военно-морская стратегия России. М., 2005 г. С. 101.

манию способствовало прежде всего то, что артиллерией укреплений командовали морские офицеры.

5(17) октября, с утра, пароходофрегат «Херсонес» (капитан-лейтенант И. Г. Руднев) совместно с «Владимиром» (капитан-лейтенант Г. И. Бутаков) из Килен-бухты обстреливали английские батареи. Действия в этот день пароходофрегатом особо отмечены командованием крепости. Благодаря их огню, оказались скованными батареи противника в районе Малахова кургана, что дало возможность защитникам удержаться на позициях. Это отметили не только русские, но и иностранные исследователи Крымской войны, считавшие, что сравнительно небольшие разрушения на кургане — следствие поддержки артиллерии «Владимира» и «Херсонеса», а английские орудия в своем большинстве пострадали именно от огня этих кораблей.¹²⁰²

О том, с каким напряжением работали команды пароходофрегатом, говорит тот факт, что в течение 5 октября только с «Владимира» было выпущено 186 бомб и 72 ядра из общего числа 600 снарядов, выпущенных четырьмя пароходофрегатами. На следующий день артиллерийским огнем с «Владимира» была повреждена «Пятиглазая батарея», которая, по словам бойких матросов, «...окривела и превратилась в одноглазого „циклопа“».¹²⁰³

ОТМЕНА ШТУРМА

Еще до вступления в дело флота, атака Севастополя с суши была отменена. Между 12 и 13 часами войска, назначенные для штурма, вернулись в лагерь.¹²⁰⁴ Отмена атаки действует на солдат деморализующе: «...после нашей неудачи они становятся встревоженными, не теряя доверия, но одновременно и не надеясь на скорое возвращение успеха».¹²⁰⁵

К вечеру стала затихать артиллерийская перестрелка, продолжавшаяся с английскими батареями. Французы молчали почти с полудня.¹²⁰⁶

Все стороны приступили к подготовке к следующему дню, который обещал быть не менее тяжелым испытанием, нежели прошедший. Для русских нужно было за ночь успеть:

- пополнить боезапас батарей;
- восстановить сильно разрушенный 3-й бастион;
- заменить подбитые или уничтоженные орудия исправными, заменить или отремонтировать подбитые станки и лафеты;
- заменить не оправдавшие себя карронады более сильными орудиями.¹²⁰⁷

¹²⁰² Гюйен Г. Значение морской артиллерии в сражениях последнего времени. Перевод с французского. СПб., 1888 г. С. 358.

¹²⁰³ Лурье А., Маринин А. Адмирал Г. И. Бутаков. М., 1954 г. С. 54–55

¹²⁰⁴ Воспоминания офицера 2-го полка зуавов. Кн. 4,5//Французская армия у стен Севастополя 1854–1856 гг. Дневники, письма, воспоминания. Симферополь, 2003 г. С. 58.

¹²⁰⁵ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова//Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С. 55.

¹²⁰⁶ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 4.

¹²⁰⁷ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 6.

- упрочить пороховые погреба;
- углубить прежние и возвести новые траншеи;
- восстановить разрушенные траверсы;
- подвести снаряды к артиллерийским позициям.¹²⁰⁸

В связи с нехваткой сил, для выполнения всех обозначенных работ, привлекли, как рабочую силу, армейские части с оборонительной линии и главного резерва. После учета расходования снарядов начальником гарнизона было указано всем батареиным командирам проявлять крайнюю бережливость.¹²⁰⁹ За неполный день на сухопутном фронте многие орудия сделали до 400 выстрелов — цифра невиданная, учитывая, что боезапас на орудие составлял на утро 150 выстрелов.¹²¹⁰ Остальные почти 250 приходилось доставлять на себе и под огнем.

Но если штурм отменили — почему не отменили атаку с моря, потерявшую весь свой смысл и ставшую лишь бессмысленной тратой боезапаса и, то страшнее всего, гибели и ранениям сотен людей из числа корабельных экипажей. На этот вопрос не удалось найти ответ ни в одном из известных ныне источников, и, похоже, ответить на него никто не хочет. На мой взгляд, союзников погубила их самоуверенность: может, город и не возьмем, но батареи сотрем в труху. Не получилось. А значит лучше молчать и не будоражить общественное мнение излишними откровениями.

¹²⁰⁸ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 311.

¹²⁰⁹ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 311.

¹²¹⁰ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 4.

ДЕНЬ ВТОРОЙ И ДЕНЬ ТРЕТИЙ

«...Канонада продолжалась безумолку».

Полковник А. П. Хрущёв, командир
Вольнского пехотного полка.

НА РУССКИХ БАТАРЕЯХ

К утру в основном все работы по восстановлению боеспособности оборонительной линии ценой титанических усилий и нечеловеческого мужества были выполнены. В 6 утра английские батареи открыли огонь. Многим участникам событий казалось, что ничего не изменилось, а «...канонада продолжалась безумолку».¹²¹¹

Постепенно люди настолько привыкали постоянному нахождению под огнем, что даже смерть стала казаться не такой пугающе страшной. Капитан-лейтенант Лесли писал: «Престранное наше положение! Каждый день подвергаться бомбардировке и знать, что это ни к чему не поведет. Севастополя им не видать, как своих ушей! Батареи наши так же сильны, как и в первый день, а матросов и офицеров осталось еще довольно, чтобы выдерживать огонь неприятеля еще хоть месяц... Я сильно верую в Провидение и спокойно жду своей участи: если суждено пасть за Отечество, то я умру с честью, и нисколько не сожалею о жизни. Не желаю только одного – чтоб меня ранило, а то не слишком-то приятно будет остаться без руки или без ноги. Какие бывают славные смерти! Например, на нашем бастионе было два случая, что два матроса спали, и осколком от бомбы иххватило так, что они уже больше не просыпались. Лучше этой смерти и желать нечего».¹²¹²

Бомбардировка многому учила, а войска оказывались прилежными учениками, тем более, что мерилом усвоения науки воевать были человеческие жизни. На батареях освоили практику «махальных», то есть тех солдат, которые выставлялись для наблюдения за траекториями полета неприятельских снарядов и предупреждения людей, давая им возможность укрыться от осколков. Этот опыт использовали и потом, например, в кампании 1877–1878 гг.¹²¹³

С введением новых видов оружия не все было просто. В мае 1854 года по запросу командующего Южной армией из петербургского Ракетного заведения в Севасто-

¹²¹¹ Александр Петрович Хрущов. Выдержки из его писем 1853–1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С. 439.

¹²¹² Письма отставного флота капитан-лейтенанта Петра Ивановича Лесли // Сборник рукописей представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. (репринт). М., 1998 г. С. 285–421.

¹²¹³ Давчевич В. Несколько дней на горе Св. Николая (воспоминания об обороне Шипки) // Военный сборник. № 8. СПб., 1878 г. С. 137.

поль было отправлено 600 боевых ракет 2-дюймового калибра. С этой партией ракет отправились поручик Шербачев, фейерверкер и четыре рядовых, «ознакомленных с действием и употреблением боевых ракет». Обоз прибыл в Севастополь к 1 сентября.

Десять ракет были запущены по противнику с 4-го бастиона. Серьезного урона, однако, они не нанесли, в связи с чем, начальство обратило ракетную команду в прислугу крепостных пушек, а ракеты сдали на склад.

Начальник артиллерии 5-го отделения оборонительной линии Севастополя поручик Вроченский позднее писал: «Неповоротливость военного ведомства заставляла употреблять ракеты давнего изготовления, а партия новых ракет пришла поздно и, вероятно, поступила на хранение в артиллерийские склады, чтобы, пролежав там в забвении более или менее долгое время, и затем придя в негодность, служить потом при случае новыми доводами неблагонадежности и неправильности их действия...».

НА БАТАРЕЯХ СОЮЗНИКОВ

Утром 18 октября сражение возобновилось. Продолжать его взялись одни британцы. Во время бомбардировки 17 октября 28-й полк под прикрытием огня артиллерии вел инженерные работы, не прекращая их трое суток. Вечером к артиллерийскому огню присоединяется оживленный огонь английской пехоты: британцы стремятся выбить часть орудийной прислуги, пытающейся исправить разрушенные амбразуры.¹²¹⁴

Французские батареи стыдливо молчали. Саперы и артиллеристы суетливо исправляли ошибки. Им пришлось признать, что оппонируют им не дилетанты, а люди свое дело знающие туго, потому оплошности не прощающие.

В этот день французам удалось завершить и вооружить батареи №№7 и 8. Батарея №3, по сигналу с которой началось сражение, была восстановлена и усилена двумя 50-фт. мортирами.

Выведенные в начале бомбардировки из строя на батареях №4 пять 24-фт. пушек и на батарее №5 три 24-фт. пушки отремонтированы и снова готовы к действию. К 19 октября у французов были готовы вновь вести сражение 61 орудие. В том числе: 30 пушек большого калибра, 9 бомбовых пушек, 6 25-фт. гаубиц, 16 мортир большого калибра. По направлению огня их распределили: против 6-го бастиона — 15, против 5-го — 23, против 4-го — 23 орудия.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Третий день бомбардирования не принес союзникам радости. Русская артиллерия оправдывала высокое мнение о себе, заслуженное десятилетиями сражений на суше и море. Британский подполковник Лайсонс констатировал: «Если бы не их артиллерия, мы бы быстро очистили от них территорию, но в этой сфере они на голову выше».¹²¹⁵

¹²¹⁴ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С. 55.

¹²¹⁵ Трубецкой А. Крымская война (пер. с англ.). М., 2010 г. С. 197.

Не меньше поражала союзников способность русских восстанавливать разрушения. Особенно удивляла жертвенность на батареях – часть работ приходилось вести под огнем союзных пушек. Хотя к этому они скоро привыкнут. Российскому солдату и матросу удавалось то, чего хронически не хватало российскому генералу. Он не только стойчески переносил лишения и трудности позиционной войны, но и стремился переиграть неприятеля, создавая тому невыносимые положения, удивляя своей сметкой, неприхотливостью, способностью к импровизации, часто в большей степени, чем его командиры.

Некоторые разрушения были не только тяжелыми, они были варварскими: под огнем оказались не только укрепления, снаряды попадали в перевязочные пункты и даже в госпитали. Он неприятельских снарядов горел Морской госпиталь.¹²¹⁶

С утра огонь вели все союзные батареи, но к 15 часам французы замолчали. Англичане с прежним упорством поддерживали его до темноты.¹²¹⁷

Неприятной для русских новостью стало начало продвижения французами осадных работ против 4-го бастиона, где пришлось принимать дополнительные меры для усиления обороны.¹²¹⁸ Отныне война окончательно получала облик «кротовой», когда успех решал не только огонь, сколько кирка, лопата и лом.

Самым большим успехом русских и самой большой неудачей союзников в этот день было окончательное и полное приведение в молчание 4-орудийной французской батареи. Той самой, которая досаждала батарею №10 в первый день. Приведа ее в порядок (6 октября она молчала), французы с утра 7 числа решили напомнить о себе, но лучше бы они этого не делали. Русские артиллеристы уже поднаторевшие в стрельбе, двумя 5-пудовыми бомбами одновременно с батареи №10 и 6-го бастиона напомнили французам, что и они «не лаптем щи хлебают». Несколько взрывов на неприятельской батарее заставили ее замолчать. После сражения за столь удачное действие артиллеристов были выданы Георгиевские кресты нижним чинам как батареи №10, так и бастиона №6.¹²¹⁹

Уже после окончания боевых действий в 1856 г. Бабенчиков во время своего посещения французского лагеря в Камышовой бухте встретил своего оппонента с которым перебрасывался снарядами 5 и 7 октября 1854 г. Теперь они перебросились приветствиями и француз, будучи тоже морским артиллеристом, поинтересовался у русского коллеги: где и за что тот заслужил свой орден Св. Георгия.

«...когда я сказал ему, что заслужил крест Св. Георгия на батарее №10, или на Карантинном форте, как называли его французы, на котором находился 11 месяцев, то моряк, заявив, что и он также 11 месяцев находился на батарее, против этого форта, с увлечением, свойственным французу, не находил слов, чтобы выразить мне свое сочувствие. Трудно представить себе прием более задушевный. Он был обрадован, как будто встретил старого друга, с которым провел лучшие дни своей жизни, делил опасности и славу».¹²²⁰

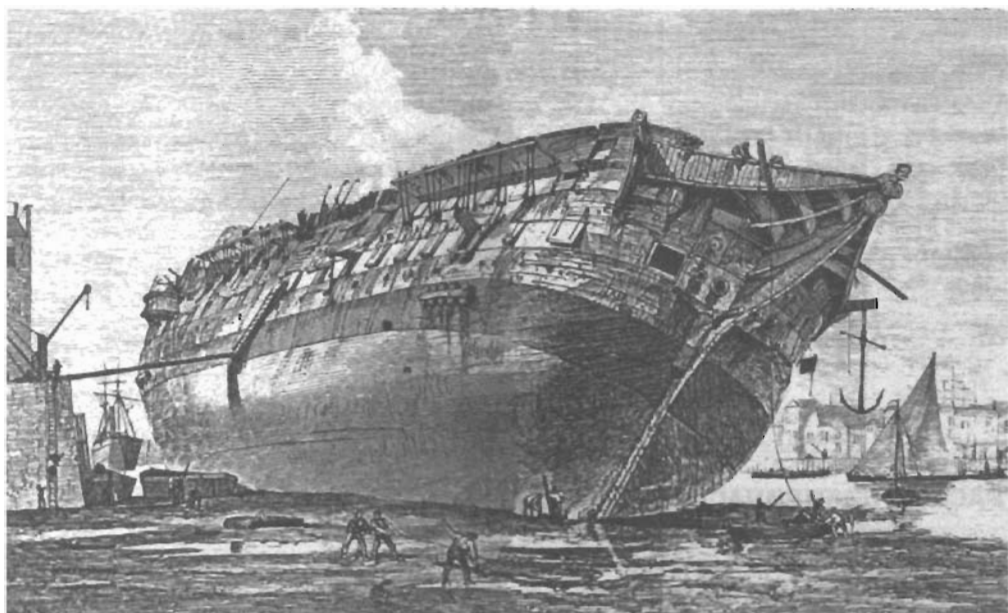
¹²¹⁶ Слово об участии народов в попечении о раненых воинах и несколько воспоминаний из Крымской кампании (Речь, произнесенная 27-го октября 1868 года на годовщине Общества киевских врачей, профессором фон Гюббенетом // Университетские известия. №11. Киев, 1868 г. С. 16.

¹²¹⁷ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 311–312.

¹²¹⁸ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 311–312.

¹²¹⁹ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 369.

¹²²⁰ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 370.

Английский линейный корабль «Куинн» на ремонте после повреждений, полученных в бою 5(17) октября 1854 г.

Тогда же последовало приказание главнокомандующего — перевести больных и раненых из помещений, подверженных неприятельским выстрелам, в более безопасные места; впоследствии же больных стали перевозить на Северную сторону. Весьма большую пользу в гигиеническом отношении принесло распоряжение князя Меншикова — выдавать войскам Севастопольского гарнизона ежедневно по фунту мяса и по две чарки водки. Эта мера имела большое влияние на поддержание бодрости и здоровья наших солдат при тех чрезвычайных трудах, которые они должны были переносить, работая денно и нощно на оборонительной линии.¹²²¹

¹²²¹ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. В 4-х томах. СПб., 1877 г. (<http://www.adjudant.ru>).

ИТОГИ

«...Полная неудача».

Майор 3-го полка зуавов Монтолон,
о событиях 5(17)–7(19) октября 1854 г.

РАСХОД БОЕПРИПАСОВ

В течение первого дня русскими артиллеристами были сделаны около 20000 выстрелов. Тотлебен объясняет это громадное число бессмысленным перерасходом боеприпасов еще не привыкшими к бою на суше морскими артиллеристами, которым часто в дыму виделись приближающиеся штурмовые колонны, и они прочесывали местность интенсивным картечным огнем.¹²²²

За это же время береговая артиллерия Севастополя сделала 16 тысяч выстрелов (по 105 выстрелов на каждое действующее орудие).

Расход пороха русскими батареями был следующим:¹²²³

5(17) октября: 5 тыс. пудов; 6(18) октября: свыше 1,5 тыс. пудов; 7(19) октября: до 2 тыс. пудов.

Союзники стреляли менее интенсивно — 9000 выстрелов. В том числе англичане до 4727, французы — до 4000 выстрелов.¹²²⁴

Корабли противника произвели 50 тысяч выстрелов (по 40 выстрелов на каждое действующее орудие в среднем).¹²²⁵

После такого интенсивного ведения огня, Меншиков стал серьезно опасаться за расход боезапаса крепости. Князь приказал создать особый совет и дать распоряжение о всевозможном сбережении зарядов на батареях и принять меры для немедленной доставки в Севастополь пороха из ближайших складов.

Столь интенсивный бой не мог не привести к потерям в вооружении. Русские потеряли 40 орудий и 60 орудийных станков, большей частью в противостоянии с английскими батареями.¹²²⁶ По данным Тотлебена — 30 орудий «приведены в бездействие».¹²²⁷

¹²²² Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 216.

¹²²³ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 310–311.

¹²²⁴ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 216.

¹²²⁵ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 111.

¹²²⁶ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 7.

¹²²⁷ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 215.

ПОТЕРИ: АНГЛИЧАНЕ

Теперь о грустном, но неизбежном, том самом, о чем приходится говорить в конце каждой части нашего очерка – о потерях. Как сказал французский поэт Поль Валери: «Война – это некая акция, благодаря которой люди, которые не знают друг друга, друг друга убивают ради славы и выгоды людей, которые знают друг друга и друг друга не убивают».

Начнем с кораблей.¹²²⁸

Корабль	Убитые		Раненые	
	офицеры	матросы	офицеры	матросы
HMS "Agamemnon"	–	4	2	24 ¹²²⁹
HMS "Sanspareil"	1 (лейт. Мадден)	10	3	56
HMS "Albion"	1 (лейт. Чейс)	10	3	67
HMS "Queen"	–	1	–	7
HMS "Britannia"	–	–	1	8
HMS "Trafalgar"	–	–	–	2
HMS "London"	–	4	1	17
HMS "Vengeance"	–	–	–	2
HMS "Rodney"	–	–	–	2
HMS "Bellerophon"	–	4	1 ¹²³⁰	14
HMS "Arethusa"	–	4	–	14
HMS "Firebrand"	–	–	1 (кепт. Стюарт)	4
HMS "Samson"	–	1	–	2
HMS "Furious"	–	–	–	4
HMS "Retribution"	–	–	–	2
HMS "Niger"	–	1	–	4
HMS "Terrble"	–	1	–	8
HMS "Spiteful"	–	2	3	5
HMS "Sphinx"	–	–	–	1
HMS "Triton"	–	–	1	4
HMS "Ciclopus"	–	–	–	1
Всего:	2	42	16	250

Морская бригада за 6 дней с начала бомбардировки потеряла 12 человек убитыми и 66 ранеными. Были убиты: капитаны В.Кейкмен, Э.Черчилль (оба с «Даймонда») и лейтенант Д.Грейтед («Британия» – убит в последний день сражения).

¹²²⁸ Sydney Marow Eardley-Wilmot. Life of Vice-Admiral Edmund, Lord Lyons: With an Account of Naval Operations in the Black Sea and Sea of Azoff, 1854–56. Elibron.com, 2000. P. 254; Clowes, Laird Wm. The Royal Navy A History from the Earliest Times to the Present. London. 1901. P.443.

¹²²⁹ Возможно, что еще один из них умер позднее от последствия ранения (<http://www.pdavis.nl/Markham.php>).

¹²³⁰ Умер от ран через два дня мичман Джон Мейтленд Форстер.

На батареях и траншеях англичане почти не имели потерь. В 95-м полку были ранены двое офицеров.¹²³¹ 79-й полк потерял лейтенанта Гранта, но тот умер от болезни, а не от русского снаряда.¹²³² С 17 по 20 октября 28-й полк потерял 1 сержанта и 5 солдат, убитых на траншейных работах.

ПОТЕРИ: ФРАНЦУЗЫ

Согласно рапорту адмирала Гамелена,¹²³³ потери корабельных экипажей французского флота в бою были следующими:

Корабль	убито		ранено	
	офицеры	матросы	офицеры	матросы
“Ville de Paris”	3	2	8	33
“Valmy”	-	4	-	26
“Friedland”	-	11	-	33
“Henri IV”	-	-	-	15
“Suffren”	-	-	-	4
“Montebello”	1	5	-	26
“Charlemagne”	-	2	-	35
“Jean-Bart”	-	1	-	1
“Canada”	-	1	-	5
“Primaugnet”	-	1	-	-

Возможно, с учетом умерших после боя или не вошедших в списки они уточнялись другими источниками, но при этом, сильно не отличаясь от указанных выше: французский флот заявил о 30 убитых и 180 раненых.¹²³⁴

Традиционно ни англичане, ни французы не считают потери своего турецкого союзника, как бы намекая, что те в бою не участвовали. Исправляем эту несправедливость: потери в командах двух турецких (египетских) линейных кораблей – 12 раненых матросов.¹²³⁵

ПОТЕРИ: РУССКИЕ

Полковник Хрущёв, едва отзвучали последние выстрелы, с удивлением констатировал, что, хотя «...повреждения в городе есть, как равно и небольшая потеря, но это ничего не значит».¹²³⁶

¹²³¹ Harold Carmichael Wyly. The 95th (The Derbyshire) Regiment in the Crimea (Vol. 1). S. Sonnenschein. London. 1899. P. 21–22.

¹²³² Historical records of the 79th Queens Own Cameronian Highlanders. Captain A. Mackenzie, Lieutenant and adjutant J.S. Ewart and lieutenant C. Findlay, from the orderly room records. Debonport. 1887. P. 113–114.

¹²³³ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 442.

¹²³⁴ Осада Севастополя 1854–1856 с подробным изложением действий артиллерии. Составлено капитаном прусской службы Вейгельтом по официальным английским и французским источникам. СПб., 1863 г. С. 53–54.

¹²³⁵ Badem Candan. The Ottoman Crimean War (1853–1856). Brill. Leiden. Boston. 2010. P. 270.

¹²³⁶ Александр Петрович Хрущёв. Выдержки из его писем 1853–1859 гг. // Русская старина. Том 75. СПб., 1892 г. С. 439.

С определением точной цифры убитых и раненых за эти три дня – сложно. Обычно за основу берут данные из труда Тотлебена, по которым считают, что русские потери составили 1112 человек на сухопутной линии. В том числе: убиты 384 чел., ранено 688 и контужено – 30 человек. Из этого числа более 50% приходится на 3-е отделение.¹²³⁷ Отдельно учитываются потери на береговых батареях.¹²³⁸

Потери и повреждения береговой артиллерии Севастополя после бомбардировки 5 октября 1854 г.¹²³⁹

Батарея	Потери в личном составе			Подбито орудий
	убитые	Раненые и контуженные	всего	
№10	8	27	35	3
Александровская	3	22	25	3
Волохова башня	–	23	23	–
Карташевского	–	–	–	–
Константиновская	5	50	55	22
Всего	16	122	138	28

Попов дает свои данные по потерям на каждый день бомбардировки:¹²⁴⁰ 5(17) октября: выбыло из строя 1250 чел; 6(18) октября: выбыло из строя 543 чел; 7(19) октября: выбыло из строя 516 чел.

В пехоте потери были относительно небольшими, но чувствительными. Пестич объясняет это запоздавшей командой на выведение батальонов из-под выстрелов.¹²⁴¹

Московский пехотный полк. Основные потери москвичи понесли в первое время, когда обстрел застал их подведенными, в ожидании атаки союзников к банкетам.¹²⁴²

Дата	убитых		раненых		Прочие потери
	офицеры	Нижние чины	офицеры	Нижние чины	
5 октября	–	15	1 (капитан Рыбалов)	75	–
6 октября	–	–	–	11	–
7 октября	–	–	–	–	–

Углицкий егерский полк. В городе не находился, но из числа оставленной там команды охотников 3 человека получили различные ранения.¹²⁴³

¹²³⁷ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 215.

¹²³⁸ Скрицкий Н. В. Русские адмиралы – герои Синопа. М., 2006 г. С. 176.

¹²³⁹ Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 110.

¹²⁴⁰ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 312.

¹²⁴¹ Значение морской артиллерии в обороне Севастополя. Борьба флота с береговыми укреплениями в Севастополе, в Синопе и в Александрии. Сообщение генерал-лейтенанта Пестича, сделанное перед соединенной аудиторией Николаевской инженерной академии и училища в 1883 г. СПб., 1891 г. С. 6.

¹²⁴² Смирнов Я. История 65-го пехотного Московского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1642–1700–1890. Варшава, 1890 г. С. 434–435.

¹²⁴³ Еленев М. Н. Историческая хроника 63-го пехотного Углицкого полка за 200 лет его существования 1708–1908. Варшава, 1908 г. С. 109.

Резервная бригада 13-й пехотной дивизии. В 5-м и 6-м батальонах Белостокского пехотного полка: 55 было убито и 173 ранено. Из офицеров контужен командир 5-й гренадерской роты, капитан И. И. Долгов и командир 18-й мушкетерской роты, поручик Н. В. Ильин.¹²⁴⁴

По дням бомбардировки потери, по госпитальным сведениям, были такими:

17–18 октября: убито 100, ранено 400 чел.

19 октября: убито 49, ранено 168 чел.

20 октября: 50, ранено 197 чел.¹²⁴⁵

---

¹²⁴⁴ Николаев Е. П. История 50-го пехотного Белостокского Его Высочества Герцога Саксен-Альтенбургского полка 1807–1907 гг. СПб., 1907 г. С. 196.

¹²⁴⁵ Затлер Ф. О госпиталях в военное время. СПб., 1861 г. С. 296–297.

ЗНАЧЕНИЕ

«Безуспешное состязание англо-французского флота с приморскими батареями и фортами Севастопольского рейда в достопамятный для нас день 5-го октября 1854 года, служит новым подтверждением того, в какой степени береговая оборона, уступая и числом и калибром орудиям атакующего флота, при одном только искусном действии артиллерии, может иметь перевес над последним».

Генерал-лейтенант Н. В. Болдырев,
профессор Николаевской инженерной академии.

Отраженная бомбардировка стала, без малейшего преувеличения, «бальзамом на раны» для Николая I.

Война только разгоралась, а вместо славных побед русского оружия череда неудач. Совсем недавно, под самым носом, буквально чуть ли не в прямой видимости, союзные войска 4 августа 1854 г. при поддержке флота взяли Бомарзунд, сданный его комендантом генералом Бодиско. Воспитанные в традициях николаевской системы, наследники 1812 года привыкли гордиться военными победами, поэтому поражения в Крыму и сам факт возможного нападения на Петербург потрясли мировоззрение целого поколения:¹²⁴⁶ «Из всех неудач, которые до сих пор мы испытывали на разных театрах войны, ни одна не произвела у нас такого тяжелого впечатления, как потеря Бомарзунда. Как-то особенно казалась прискорбною сдача в плен гарнизона крепости, хотя, в сущности, и не было ничего позорного для чести нашего оружия: войска держались, пока было возможно, и отдали неприятелю одни развалины».¹²⁴⁷

Для русских это была победа, победа трудная, но настоящая, без малейших «натяжек» и преувеличений. У нее были свои «отцы» — моряки и военные инженеры.

Высочайший приказ Николая I от 12 октября 1854 г., гласил: «Государь Император, получив от генерал-адъютанта князя Меншикова донесение о непоколебимом мужестве, примерной стойкости и достохвальном самоотвержении, оказанных всеми морскими и сухопутными войсками, составлявшими гарнизон Севастополя во время бомбардирования этого города Англо-Французами 5 и 6 числа сего октября, объяв-

¹²⁴⁶ Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998 г. С. 99–100.

¹²⁴⁷ Дневник кн. В. П. Мещерского за 1882 г. СПб., 1883 г. С. 528.

Черепаша Тимоти – последний
«участник» боя 5(17) октября 1854 г.
Современное фото.

ляет искреннюю душевную признательность всем чинам означенных войск, от генерала до рядового, за блистательный их подвиг, коим они вполне оправдали Высочайшее доверие к ним Его Величества. Государь Император изволит оставаться в убеждении, что они и впредь не престанут отличать себя доблестною храбростию и всеми достоинствами, одушевляющими истинных сынов России».

Отбитие атаки на Севастополь имело не столько материальное, сколько моральное значение.¹²⁴⁸ Французы признали свое полное поражение и потеряли бывшие иллюзии о скорой победе.

Англичане, начав, как они считали, правильную осаду Севастополя, на самом деле начали цепь грубейших тактических ошибок, приведших в итоге, к, говоря словами Бернарда Монтгомери, одной из самых крупнейших неудач — Балаклаве.¹²⁴⁹

Поражение 5 октября убедило союзников, что овладеть Севастополем можно лишь постепенной осадой, которую нужно направлять против наиболее слабой части оборонительных линий русских.¹²⁵⁰

Но и это не гарантировало успех. То есть гарантировало, если бы противником были не русские, а кто-нибудь другой. Если бы на батареях стояли армейские части, то они, следуя канонам военной науки, видя в укреплениях единственную защиту, сосредоточились исключительно на их обороне.¹²⁵¹ Но армия ушла, к орудиям стали моряки, привыкшие действовать по своим канонам. Как бы это не было парадоксально, именно их способы обороны вошли в каноны действий по обороне укрепленных позиций, принятые военным образованием всего мира после Крымской войны. Так что же применили моряки, что удивило союзников и, совершенствуясь, позволило удерживать крепость почти год?

Прежде всего — импровизация и творческий подход. Укрепления города, состоявшие в большей степени из полевых укреплений, часто слабого профиля, позволили обороняющимся дать «небывалое развитие артиллерийскому и ружейному огню, причем он ставил свои орудия, руководствуясь исключительно указаниями местности и расположением подступов и батарей осаждающего, не стесняясь начертанием своей укрепленной линии».¹²⁵²

Благодаря этому артиллерийская оборона Севастополя приобрела подвижность и гибкость, чего достигнуть было невозможно, если бы город ушел за крепкую крепостную ограду, построенную по правилам долговременной фортификации.

Англичане явно стеснялись признать поражение. Оно и понятно, морской нации было обидно. Обстрел города с моря подтвердил опасения адмирала Дандаса, считавшего очень рискованным предприятием сражаться за деревянными стенами

¹²⁴⁸ Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 309.

¹²⁴⁹ Монтгомери, Бернард Лоу. Краткая история военных сражений. М., 2004 г. С. 308.

¹²⁵⁰ Мазюкевич. Крепостная ограда, удовлетворяющая условиям упорной обороны // Военный сборник. № 7, 8. СПб., 1886 г. С. 252.

¹²⁵¹ Мазюкевич. Крепостная ограда, удовлетворяющая условиям упорной обороны // Военный сборник. № 7, 8. СПб., 1886 г. С. 252.

¹²⁵² Мазюкевич. Крепостная ограда, удовлетворяющая условиям упорной обороны // Военный сборник. № 7, 8. СПб., 1886 г. С. 252.

против русских, стоявших за стенами из камня. Впоследствии он заявил о том, что обстрел Севастополя с моря носил диверсионный характер и не мог привести к тем последствиям, которые на него возлагались.

Вице-адмирал Дандас докладывал на следующий день в Адмиралтейство.

Сэр,

1. Прошу вас довести до лордов Адмиралтейства, что осадные батареи союзных армий открыли огонь по русским работам к югу от Севастополя около половины 6:00 вчера утром, с большим эффектом, и малыми потерями.

2. По настоятельным просьбам лорда Раглана и генерала Канробера было решено адмиралами союзников, что флоты союзников должны оказывать помощь атаке с суши силами морской артиллерии к северу и югу от гавани по линии, проходящей через порт, как показано на соответствующем плане, но различные обстоятельства повлияли на изменения в позиции кораблей, что было необходимо и неизбежно.

3...

4. Акция продолжалась примерно с половины второго до половины седьмого, пока совсем не стемнело.

5. Потери, понесенные русскими и ущерб, нанесенный Константиновскому форту и батареям невозможно точно установить.

6. Действие продолжительное время против таких грозных и хорошо вооруженных укреплений не может быть без серьезных травм, и я должен сожалеть о гибели 44 человек и 266 раненых, которые подробно перечислены в сопроводительных списках. Корабли имеют повреждения мачт, рей и такелажа. Менее повреждены корпуса».¹²⁵³

Неудачу Королевского флота, тем более, что их в его истории было не так уж много, в Англии решили минимизировать. Корабли «Британия», «Трафальгар», «Куинн», «Родней», «Беллерофон», «Венджинс», «Лондон» и «Санспарейл» и др., участвовавшие в сражении, получили отличие «Sebastopol. 1854», которое их наследники продолжают носить до настоящего времени (естественно, те, кто в строю сохранил свое имя).

С информацией об итогах первого сражения за Севастополь произошла одна из анекдотичных историй, которыми так богата стала вскоре Крымская кампания. Еще не рассеялся пороховой дым над водой, как капитан судна «Pharamond» спешившего от Евпатории в Варну встретил неизвестный парусник, откуда на вопрос о происходящем и вообще по какому поводу стрельба, получил исчерпывающий ответ: Севастополь взят, союзники празднуют победу. С этими новостями «Pharamond» и дошел до Варны. Оттуда его с радостной новостью отправили к Босфору. Естественно в Турции был праздник, поздравления, салют из крепости Топ-хане, но не долго. Вскоре дошли официальные новости, и радость куда то делась.¹²⁵⁴

В последующих исследованиях Крымской войны оценка событий 17–19 октября 1854 г. британцами дается достаточно жестко. К сожалению, наши историки по каким то, одним им ведомым причинам, их почти не используют. А зря, там много нового и неожиданного. Например, в истории 57-го полка о результатах работы английской артиллерии, говорят как о «обещающей успех», о французской — «менее удачной», а вот об атаке с моря — как о «...почти катастрофе».¹²⁵⁵

¹²⁵³ The London Gazette, 5th November 1854 (<http://william-odgers-vc.blogspot.com/>).

¹²⁵⁴ Dr. Felix Maynard. Recollections a Zouave before Sebastopol. Philadelphia. 1856. P. 36–38.

¹²⁵⁵ Kingsford, Charles Lethbridge. The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment). London. 1916. P. 114.

Другие британские военные историки, признавая мужество военных моряков, приходят к выводу, что «...весь этот обстрел представляется практически бесполезным из-за того, что наземная атака закончилась еще до его начала. Если бы все прошло по заранее намеченному плану, то корабли препятствовали бы усилению обороны людьми и пушками из фортов. Реальные повреждения были незначительными. Только пушки барбета форта Константин были уничтожены из-за взрыва снаряда в артиллерийском погребе».¹²⁵⁶

Более маститые исследователи, Штенцель, к примеру, ничуть не опровергают этот вывод, и наоборот, подливают масла в огонь дискуссии, констатируя, что французы (бывшие противники англичан) в Крыму и на Балтике оказались более эффективными в морских операциях, нежели их нынешние союзники.¹²⁵⁷

ПРИЧИНЫ

Первый обстрел и первое поражение. Что привело к ним? Нужно отметить, что, к обоюдному счастью, союзники не искали виновных в противоположных лагерях, обе стороны видели, что все делали всё, что можно для достижения успеха. Более того, Монтодон откровенно восхищён англичанами: «...Как бы это ни было унижительно для национального самолюбия, мы не можем отказаться от восхищения упорством наших союзников, мастерством их артиллеристов в траншейных работах; со своей стороны они не замедлили отдать должное стойкости наших солдат и рвению наших артиллеристов».¹²⁵⁸

Основной причиной неудачи на суше считают, обычно, неудачное расположение французских артиллерийских батарей.¹²⁵⁹ Эту ношу вины взвалили на солдат и офицеров инженерных войск и артиллерию: «...мы чересчур положились на научное и математическое соображение и недостаточно – на реальную и практическую сторону».¹²⁶⁰

Делафилд, к примеру, кроме того, считает совершенно неэффективным использование англичанами 5 и 10-дюймовых мортир, особенно на демонтирных батареях. Незначительные разрушения, причиняемые ими фортификационным сооружениям, быстро заделывались с помощью лопат, или, в крайнем случае, нескольких тачек земли.¹²⁶¹

На море причины неудачи были аналогичными:

- союзное командование не смогло координировать действия своих наземных сил и флота. В результате между началом обстрела Севастополя с суши и первыми залпами кораблей прошло более шести часов.

- нерешительность союзников, которые, несмотря на подавляющее количественное превосходство в артиллерии, не решились вступить в бой на дистанциях, обеспечивающих высокий процент попаданий в береговые цели.

¹²⁵⁶ Соломонов Б., Соломонов П., Бомбардировка Севастополя // ФлотоМастер. №1. М., 2003 г. С. 9.

¹²⁵⁷ Stenzel, Alfred. The British navy. London. 1898. P. 39–40.

¹²⁵⁸ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С. 55.

¹²⁵⁹ Описание обороны города Севастополя. Под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Часть I. СПб., 1871 г. С. 214–216.

¹²⁶⁰ Крымская кампания в «Военных воспоминаниях» генерала Монтодона. Перевод с французского Д. В. Орехова // Историческое наследие Крыма. №9. Симферополь, 2005 г. С. 55.

¹²⁶¹ Delafield, Richard. Report on the art of war in Europe in 1854, 1855, and 1856. Washington. 1860. P. 58.

- отсутствие пристрелки кораблей союзного флота, которые сразу открывали огонь из всех орудий всего борта, из-за чего заволакивались дымом, и корректировать стрельбу было почти невозможно.

- распыление огня, вместо его сосредоточения на наиболее важных объектах. Огонь отдельных палуб линейных кораблей распылялся по разным целям.

Как итог – стрельба соединенного флота по берегу оказалась неудовлетворительной; несмотря на большое количество действующих стволов и огромный расход боеприпасов, результат ее был ничтожен.¹²⁶²

Будем справедливы ко всем участникам событий. Причины поражения не столько в людях вооружении и тактике, сколько в том, что армии и особенно флоты находились на переломном этапе эпох своего развития. При этом менялось все: корабельное вооружение, движители, принципы защиты (бронирование) и, без сомнения, принципы боевого применения флота. Под Севастополем «лебединую песню» пропели не только парусные корабли, но гладкоствольные пушки. Впервые просвистевшие над русскими позициями нарезные снаряды были сигналом к большим изменениям. Одним из признаков начала изменений стал поиск новых технических достижений, которые быстро становились на службу «Богу войны» и столь же быстро устаревали.¹²⁶³ Середина XIX в. стала временем молниеносных перемен и глобальных технических революций.

Сражение 5(17) октября 1854 г. знаменательно двумя своими очевидными значениями: военным и морально-психологическим. Первое занимает существенное место в мировой военной истории, разделяя две эпохи, подтверждая, таким образом, всю пограничность Крымской войны.

ВОЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

В состоявшейся артиллерийской дуэли береговые орудия одержали верх над корабельными. Паровые корабли не сыграли той роли, которую от них, затаив дыхание, ждали и русские и союзники: вместо применения их для единственно боевых целей, например, прорыва в бухту, им пришлось в большинстве своем довольствоваться важной, но скромной ролью буксировщиков.¹²⁶⁴ В этом отношении гораздо лучше выглядели русские пароходы, сосредоточившие свои усилия на поражении неприятельских батарей, сами при этом постоянно маневрируя, оставаясь недосягаемыми для ответного огня.

Атака с моря не только не выполнила ни одной из стоявших перед ней задач, но и окончилась полным провалом на грани катастрофы.

Огонь, который корабли вели с больших дистанций, почти не причинил вреда береговым батареям. Достигнутое при действии по Константиновской батарее, успешным можно назвать с большой долей условности. Попадания не вызвали разрушений, батарея вскоре восстановила свою боеспособность. В то же время корабли флагманского отряда были несколько раз на грани гибели, от которой, по мнению

¹²⁶² Денисов А. П., Перечнев Ю. Г. Русская береговая артиллерия. М., 1956 г. С. 111–112.

¹²⁶³ Gerlach, Krzysztof. Co naprawdę wynalazł Paixhans – czyli cześć trzecia historii artylerii okrętowej w XVIII i XIX wieku // Morze. Statki i okręty. N1 (38). Warszawa. 2003. S. 62.

¹²⁶⁴ Штенцель А. История войн на море. М., 2002 г. С. 518–526.

некоторых исследователей, их спасли две вещи: несовершенство используемых русскими боеприпасов¹²⁶⁵ и ошибочная тактика огня.

С точки зрения развития военно-морского искусства эта операция ярко показала опасность боевого противостояния разом устаревших деревянных кораблей прочным каменным фортам с дальнобойной артиллерией и ускорила введение броневой защиты их корпусов. Бомбардирование Севастополя 5(17) октября 1854 г. стало границей, за которой все многопушечные корабли с деревянными бортами утратили свою актуальность.¹²⁶⁶

Перейти эту границу союзники опоздали, хотя некоторые из них сильно и не спешили, надеясь, что не такой уж сильный противник эта древняя дремучая Россия, тем более на море. Если французы провели первые опыты с броневыми плитами еще до начала Крымской войны и уже 5 сентября 1854 г. Наполеон III отдал приказ о строительстве 5 плавучих броненосных батарей, то англичане, хотя и имели позитивные результаты испытаний, строительство бронированных кораблей отложили.¹²⁶⁷ Вот в этом и есть скрытый позитивный смысл хотя и проигранного союзниками сражения, показавший, что «...Восточная война показала, что морские силы государства могут приносить чрезвычайную пользу не только одним господством на морях, но и тем содействием, которое они в случае войны в состоянии оказывать сухопутным армиям, особенно же при преимущественном развитии парового флота».¹²⁶⁸

Но опоздали все. Фатальные последствия слабости защиты кораблей от артиллерийских орудий возросшей со времен Нельсона мощи, которые показал Синоп, подтвердил Севастополь.¹²⁶⁹

Свою ошибку союзники исправили через год. Военный прогресс неотвратим и скор на расправу.

«17 октября 1854 года англо-французский деревянный флот, желая разгромить форт Константин под Севастополем, подошел к нему и был жестоко избит русскими разрывными гранатами, но ровно через год три французских батареи обшитых бронью подошли вплотную к каменным укреплениям Кинбурна и без малейшего вреда для себя обратили их в кучу мусора».¹²⁷⁰

Интересной особенностью этой бомбардировки стало использование орудий на поворотных платформах, притом, что по традиции корабельные пушки устанавливались в диаметральной плоскости и могли вести огонь на два борта раздельно.¹²⁷¹

В мировой военной истории первая (именно первая!) комбинированная бомбардировка Севастополя показала, что флот больше не доминирует, как чистая сила перед берегом. Теперь только операция с суши могла заставить приморскую крепость сдаться. Как пишет современный английский военный историк Д. Блекмур: «первые залпы на море означали начало осады».¹²⁷²

После 5(17) октября действия флота превратились в действия вспомогательные, обеспечивающие прикрытие или поддержку войск, десантных сил, действовавших

¹²⁶⁵ Halleck, H. Wager. Elements of military art and science or, Course of instruction in strategy, fortification, tactics of battles, &c., embracing the duties of staff, infantry, cavalry, artillery, and engineers. New York. 1862. P. 419–421.

¹²⁶⁶ Jeffery, Walter. A century of our sea story. London. 1900. P. 108–109.

¹²⁶⁷ Арбузов В. В. Корабли одеваются в броню // Морской исторический сборник. №1. Л., 1990 г. С. 4–5.

¹²⁶⁸ Обзорение русских военных журналов // Морской сборник. Том XL. №4. СПб., С. 220.

¹²⁶⁹ Brassey, Thomas. The British navy: its strength, resources, and administration. London. 1882. P. 155.

¹²⁷⁰ Добротворский Л. Ф. Уроки морской войны. Кронштадт, 1907 г. С. 2.

¹²⁷¹ Арбузов В. В. Корабли одеваются в броню // Морской исторический сборник. №1. Л., 1990 г. С. 4–5.

¹²⁷² David S. T. Blackmore. Warfare on the Mediterranean in the Age of Sail: A History, 1571–1866. Toronto. 2011. P. 321.

на сухопутном фронте. И хотя «Крымская война дала примеры сильных бомбардировок приморских крепостей, выполнявшихся флотом (Севастополь, Свеаборг), однако эти операции не могут быть квалифицированы как решительные».¹²⁷³

То есть, все как у военно-морских классиков. Коломба, к примеру: «...бомбардировки с кораблей при участии войск, действовавших с берега, ...имели обыкновенно второстепенное значение. Подобный пример представляет собой бомбардировка севастопольских фортов нашими кораблями во время хода самой осады».¹²⁷⁴

По мнению исследователей артиллерии периода Крымской войны «...боевые действия береговой артиллерии показали, что орудия должны быть сосредоточены главным образом на тех батареях, которые держат под обстрелом внешний рейд, так как береговая артиллерия уже достигла такой мощи, что оказалась способной уничтожать вражеские корабли до их прорыва на внутренний рейд».

Успех русских морских артиллеристов при отражении нападения на Севастополь 5(17) октября был обусловлен несколькими факторами. Попробуем перечислить хотя бы основные.

1. Скорострельность береговых орудий превысила скорострельность корабельной артиллерии более чем в 2,5 раза, что наглядно показало, что боевая подготовка русских артиллеристов была значительно выше, чем подготовка комендоров соединенного флота.

2. Сражение показало, что англо-французское командование не смогло координировать действия своих наземных сил и флота. Это было видно из того, что между началом обстрела Севастополя с суши и первыми залпами кораблей прошло более шести часов. Проявляя робость и нерешительность, союзники, несмотря на подавляющее количественное превосходство в артиллерии, не решились вступить в бой на дистанциях, обеспечивающих высокий процент попаданий в береговые цели. В противоположность береговой артиллерии корабли соединенного флота, как правило, не применяли пристрелку, а сразу открывали огонь из всех орудий всего борта, из-за чего заволакивались дымом, и корректировать стрельбу было почти невозможно.

3. Наконец, вместо того, чтобы сосредоточить удары по наиболее важным объектам – береговым орудиям, – огонь отдельных деков (палуб) линейных кораблей распылался по разным целям. Стрельба соединенного флота по берегу оказалась неудовлетворительной; несмотря на большое количество действующих стволов и огромный расход боеприпасов, результат ее был ничтожен.

Не имевшие изначально точного и четкого плана и вышедшие в поход с девизом «Севастополь за неделю», в реальность которого стали верить почти все после победы над русскими в сражении на Альме, 5(17) октября они, кажется, растерялись. В их распоряжении были расчеты на десант, высадку, атаку и победу. То есть все, что нужно для входа, вступления, начала военных действий. Не было главного: стратегии «выхода» из войны. Поражение в сухопутно-морском сражении стало для них ударом, остудившим самые горячие головы. После этого дня любимый каламбур британских офицеров и солдат «Севастополь за неделю» стал звучать нелепо и вскоре исчез из военного лексикона.

Сражение 5(17) октября стало классикой военной науки. Выдающийся русский теоретик фортификации генерал-лейтенант Болдырев говорил об этом в своем докладе в Николаевской инженерной академии: «Безуспешное состязание англо-француз-

¹²⁷³ Исаков И. С. Избранные труды. Океанология, география, военная история. М., 1984 г. С.321.

¹²⁷⁴ Коломба Ф. Х. Морская война. М., 2003 г. С.135.

ского флота с приморскими батареями и фортами Севастопольского рейда в достоянный для нас день 5-го октября 1854 года, служит новым подтверждением того, в какой степени береговая оборона, уступая и числом и калибром орудиям атакующего флота, при одном только искусном действии артиллерии, может иметь перевес над последним».¹²⁷⁵

В масштабах всей кампании Севастополь, в течение месяца героическими усилиями гарнизона преобразившись морской крепости в систему сухопутно-морских укрепленных позиций, выполнил свою роль. Хотя союзники и находились на территории Российской империи, они крепко увязли под его стенами. Приняв на себя весь удар неприятеля, Севастополь парализовал их активные действия на других направлениях на долгое время. Нечто подобное удалось повторить лишь туркам под Плевной во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.¹²⁷⁶

МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

После победы 5(17) октября 1854 г. союзники оказались в тяжелом положении.¹²⁷⁷

Как изменилось настроение после взятия Балаклавы и после поражения 5(17) октября, сквозит между строк писем капитана конной артиллерии Ричардса. В конце сентября тон мажорный: «Следующее письмо отправлю уже из Севастополя, взятие которого не за горами. После его падения лорд Раглан намерен, если погода позволит, атаковать и другие города и русскую армию, а затем вернуться в Севастополь на зимние квартиры...».¹²⁷⁸ После бомбардировки ни о каком взятии крепости ему говорить уже не хотелось: «Мне попадалась „Таймс“ от третьего числа сего месяца, в которой весьма жизнерадостно описано падение Севастополя, каковое, вообще-то, еще не произошло, и, между нами говоря, вряд ли состоится в ближайшем будущем. Мы допустили несколько ошибок; во-первых, следовало штурмовать город сразу же после того, как мы к нему приблизились, пока русские не оправались от последствий Альминского сражения и не имели ни малейшего представления о том, откуда мы собираемся атаковать. Вместо этого мы заняли позицию напротив предполагаемого места атаки и ничего не предпринимали в течение 10 дней, позволив им без единого выстрела возвести батареи, начать земляные работы и т.д., а теперь палим беспрепятственно вот уже пять дней, тщетно пытаюсь разрушить то, что они возвели за это время; наши боеприпасы истощаются, а армия ропщет. Уж не знаю, кто больший осел — Раглан или Бургойн».¹²⁷⁹

Так что не один Нахимов хотел обозвать неприятельских генералов именами этих благородных животных, но и ряд их соплеменников.

Меншиков же, наоборот, постоянно увеличивал свой оборонительный потенциал, одновременно наращивая наступательную группировку. Чаши весов успеха в кампании вновь застыли в неопределенности. Каждая из сторон имела равный шанс стать победителем или униженно принять скорбную участь побежденного.

¹²⁷⁵ Болдырев Н. В. Краткое обозрение военно-инженерного искусства в России с 1819 по 1869 г. СПб., 1870 г. С. 15.

¹²⁷⁶ Дудоров Б. Крепость и люди. К 40-летию Порт-Артурской эпопеи//Морские записки. Том 2. Нью-Йорк, 1944 г. С. 57–58.

¹²⁷⁷ Kingsford, Charles Lethbridge. The story of the Duke of Cambridge's own (Middlesex regiment). London. 1916. P. 114.

¹²⁷⁸ Письма из Крыма капитана конной артиллерии Уолгула П. Ричардса. Перевод Е. Тупахиной (<http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21>).

¹²⁷⁹ Письма из Крыма капитана конной артиллерии Уолгула П. Ричардса. Перевод Е. Тупахиной (<http://www.sevastopol.ws/Pages/?aid=21>).

5(17) октября русские получили великолепный моральный бонус. С этого времени стали забываться внезапность и безнаказанность высадки союзников, Альминская неудача, отступление.¹²⁸⁰

Человек на войне, по часто встречающемуся мнению их участников, движим не, как это любит представлять пропаганда, исключительно верой в Бога, Царя и Отечества. Думаю, вряд ли кто-либо из участников войн скажет, что в предшествовавшие бою минуты он думал о стране и ее правительстве, его же в эту переделку загнавшее. Это убеждение порождает мифы, сочиненные уже после войны и чаще всего людьми в ней не участвовавшими и от нее далекими. Психология война во многом приземленнее, практичнее и от того гораздо тоскливее, чем ее любят преподносить своему народу люди, войну развязавшие и имеющие на ней свои меркантильные интересы. Как сказал по этому поводу гвардейский офицер Российской императорской армии: «Чувствам патриотизма и другим высшим идеям, в критические минуты, я отвожу не первое место; это скорее общие идеи, с которыми сжился человек, но которые во время дела заглушаются другими более сильными чувствами».¹²⁸¹

Что касается Севастополя, то теперь его защитники, эти земные стимулы, мобилизующие волю и тело на смертельную схватку, получили. Моряки увидели, как неприятельские снаряды падают на крыши их домишек, гарнизон понял, что враг не желает отягощать души моральными принципами ведения войны, а все вместе увидели, что этого самого врага можно с успехом отражать. Защитники города, от матроса и солдата до адмирала и генерала увидели, что «...атака эта рассеяла иллюзию о всеокрушающем действии союзного флота на севастопольские форты и укрепила мысль о неприступности Севастополя со стороны моря».¹²⁸²

«...5-е октября было днем торжества осажденных, что ясно выразилось уже тем, что осаждающий соединив к этому дню громадные средства для бомбардирования и введя в дело весь флот свой, не решился штурмовать город, когда расстройство нашего 3-го бастиона доставляло к тому легкую возможность».¹²⁸³

Моряки в условиях крепостной войны показали армейским коллегам как нужно воевать. Позднее признали, что «Севастопольская кампания окончательно подорвала

Это не Севастополь, это форт Пуласки в США после бомбардирования в апреле 1862 г. Примерно так должны были выглядеть Константиновская и Александровская батареи в Севастополе после бомбардирования 5(17) октября 1854 г. Современное фото.

¹²⁸⁰ К. Из походных воспоминаний о Крымской войне // Русский архив. Том 11. М., 1870 г. С. 2044.

¹²⁸¹ Безродный А. В. Воспоминания офицера Лейб-гвардии Преображенского полка. О походе в Турцию в 1877–1878 гг. // Русская старина. Том 94. СПб., 1898 г. С. 146.

¹²⁸² Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Под ред. Н. Дубровина. Вып. III. СПб., 1872 г. С. 309–310.

¹²⁸³ Записки Александра Ефимовича Попова о пребывании его в Крымской армии с 1-го октября по 1-е декабря 1854 г. // Русская старина. Т. XXI. СПб., 1878 г. С. 311.

былую славу армии и показала наше полное бессилие бороться даже с такими отсталыми, кое-как собранными и плохо организованными европейскими армиями, как английская и французская того времени. Таким образом, от сладкого увлечения блестящим прошлым пришла армия к горькой действительности настоящего».¹²⁸⁴

Постепенно прозрели союзники. Отныне война перестала казаться им очередной карательной экспедицией против нецивилизованных дикарей, которых если не удалось купить безделушками, то можно сокрушить артиллерией. Один из самых блестящих командиров французской армии генерал Боске выразил с предусмотрительностью, близкой к пророчеству, опасение, чтобы множество затраченных трудов не пропали даром: «Война эта доставит Франции лишь немного славы; она может потерять своих лучших солдат и, следовательно, средства сопротивления русско-немецкому нашествию, когда останется одна, брошенная Англией, интересы которой, несмотря на союз, разнятся от наших».¹²⁸⁵

¹²⁸⁴ Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений//Офицерский корпус Русской Армии. Опыт самопознания. Российский военный сборник №17. Сост.: А.И. Каменев, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов, А.Е. Савинкин, ред. А.Е. Савинкин. М., 2000 г. С. 41.

¹²⁸⁵ А. А-г. Выдержки из журнала маршала Каstellана, касающиеся Восточной войны 1853–56 гг.//Русская старина. Том 95. СПб., 1898 г. С. 381.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.....	3
ОТСТУПЛЕНИЕ	8
9(21) сентября 1854 г. Горечь и кровь отступления	8
Немного о медицине и проблемах первой помощи	12
К Севастополю.....	17
Корнилов и Меншиков: встреча на Каче.....	20
10 (22) сентября 1854 г. Бельбек: несостоявшаяся позиция.....	24
11 (22) сентября 1854 г. Возвращение к исходной точке.....	26
Темная сторона войны: пленные, дезертиры, перебежчики	28
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ.....	31
9(21)–10(22) сентября 1854 г. Подготовка к преследованию	31
9(21) сентября 1854 г. Ближайшее планирование.....	34
10(22) сентября 1854 г. По следам русской армии.....	37
11(23) сентября. Большой военный совет на Каче	45
12(24) сентября 1854 г. На Бельбеке	51
13 (25) сентября 1854 г. Столкновение с русскими обозами	53
ФЛАНГОВЫЙ МАНЕВР МЕНШИКОВА: ВЕЛИКАЯ ПАРТИЯ В ПОКЕР	61
Ситуация.....	61
Решение на фланговые действия	65
Большие маневры	66
Пропавший парк.....	71
13(25) сентября 1854 г.: Завершение маневра	73
Итоги	75
Значение флангового маневра.....	79
В крепости	83
ФЕНОМЕН ТОТЛЕБЕНА	87
Северное укрепление: первая победа Тотлебена	90
Что сделали.....	96
Почему так получилось?.....	100
ЗАГРАЖДЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ БУХТЫ	104
Военный совет 9(21) сентября 1854 г.	105
Личности, лидеры интриги.....	106
Решение.....	109
Прибытие главнокомандующего	118
Заграждение Севастопольской бухты	121
Что это было: самоубийство или действия по плану?	125
Союзники после затопления флота: возмущаться, радоваться или негодовать?	137
ПРОБЛЕМЫ СНАБЖЕНИЯ И ТЫЛА	141
Медицинское обеспечение гарнизона крепости Севастополь	142
СОЮЗНИКИ: КРУШЕНИЕ НАДЕЖД	145
Как брали Балаклаву	145
Бой за Балаклаву	146
Как спасли знамя Балаклавского батальона, но потеряли казну	150

Потери	152
Создание базы в Балаклаве	152
Продолжение «ранцевой» эпопеи	157
Союзники: отныне порознь	159
Сент-Арно: последние дни и смерть	162
«Гавань providения»: французы в Камышовой бухте	162
НАЧАЛО ОСАДЫ	164
Осадный корпус французов	165
Обсервационный корпус французов	166
Турецкие войска	169
Морская бригада – первый признак затянувшейся войны	170
Доставка орудий на батареи	173
Разведка Севастополя	174
КРЕПОСТЬ ГОТОВИТСЯ К БОЮ: УКРЕПЛЕНИЕ СЕВАСТОПОЛЯ	179
Флот сошел на берег: моряки на бастионах	186
Организация обороны	190
ПЕРВЫЕ БАТАРЕИ: СОЮЗНИКИ	196
Военные советы	196
Начало фортификационной войны	199
Французы	201
Англичане	204
Быт, снабжение, климат	210
Первые вылазки	213
ПЛАНЫ СТОРОН: СОЮЗНИКИ	220
План атаки с моря: англичане	229
Решение: французы	236
План атаки с моря: турки	239
На сухопутном фронте	239
ПЛАНЫ СТОРОН: РУССКИЕ	241
Накануне	242
ДЕНЬ ПЕРВЫЙ: НАЧАЛО	245
Метеосводка	245
Начало	245
4-й бастион	249
5-й бастион	251
6-й бастион	253
Меншиков в Севастополе	253
3-й бастион	255
Бастион Малахова кургана	257
ФЛОТ ПРОТИВ БЕРЕГА	260
HMS "Agamemnon": психическая атака адмирала Лайонса	262
HMS "Sans Pareil"	264
HMS "Aretusa"	265
HMS "Triton": имя, обязывающее к славе	266
HMS "Albion": самый пострадавший	266

HMS "Bellerophon"	267
HMS "Trafalgar"	269
HMS «Quinn»	270
HMS "Britannia"	270
Доблестные HMS «Rodney» и спасший его HMS «Линкс»	271
HMS "London"	273
HMS "Vengeance"	273
HMS «Samson»: без вины виноватый	273
HMS «Terrible»: блуждающий форвард английской атаки	274
HMS "Tribun"	276
HMS «Sphinx»	276
ФРАНЦУЗСКАЯ АТАКА	277
Флагман: "Ville-de-Paris"	278
"Napoleon": расплата за паровые машины	279
Обездвиженный "Charlemagne"	280
"Montebello"	281
"Ville-de-Marseille"	282
Турки: храбро, но глупо	282
БЕРЕГ ПРОТИВ ФЛОТА	283
Константиновская батарея	284
Башня Волохова и батарея Карташевского: великий позор Королевского флота	286
Батарея №10	287
Александровская батарея	293
Действия русских пароходов	295
Отмена штурма	296
ДЕНЬ ВТОРОЙ И ДЕНЬ ТРЕТИЙ	298
На русских батареях	298
На батареях союзников	299
День третий	299
ИТОГИ	302
Расход боеприпасов	302
Потери: англичане	303
Потери: французы	304
Потери: русские	304
ЗНАЧЕНИЕ	307
Причины	310
Военное значение	311
Морально-психологическое значение	314

Научно-популярное издание

ЧЕННЫК

Сергей Викторович

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Печатается в авторской редакции

В книге использованы фотографии из личного архива автора.

Корректор – *Владимир Рындин*

Макет – *Алексей Забусик*

Обложка – *Марина Воронежская*

Подписано в печать 31.10.2012 г. Формат 70×100/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура NewBaskervilleС. Тираж 600 экз. Физ. печ. л. – 20. Усл. печ. л. – 25,93.

Зак. № 12-476.

Отпечатано на ПАО “Белоцерковская книжная фабрика”,
09117, г. Белая Церковь, ул. Л. Курбаса, 4.

Свидетельство серия ДК № 4063 от 11.05.2011 г.

Внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

Издательство «Полмет ГМБХ» – обладатель товарного знака «Гала». 99029, г. Севастополь, ул. М. Бирюзова 19-46. По вопросам распространения обращаться:

Книжная сеть «Гала», тел./факс: (0692) 47-31-83; e-mail: mail@gala.com.ua; интернет-магазин: www.gala.com.ua

ТЕЛЕСКОП

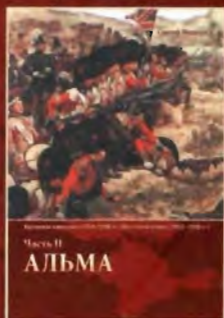
Макет подготовлен в ЧП «РА «Телескоп». 99053 м. Севастополь, ул. Вакуленчука, 22, тел.: (0692) 46-93-93, e-mail: ryn@tavrida.com

Свидетельство ЧП «РА «Телескоп» о внесении в Государственный реестр ДК № 1113 от 11.11.2002 г.

Представляем вашему вниманию серию книг
«Исторический очерк Крымской кампании (1854–1856 гг.) Восточной войны (1853–1856 гг.)»
известного крымского военного историка Сергея Ченныка:

I «Вторжение». Книга подробно описывает наиболее запутанный и противоречивый период Крымской кампании — десантную операцию экспедиционных сил Англии, Франции и Турции. Развитие событий в эти дни чаще определяла случайность, чем логика. В преддверии высадки и в ее ходе как никогда проявились индивидуальные черты главнокомандующих: лорда Раглана, князя Меншикова и маршала Сент-Арно. Неожиданная для русских экспедиция союзников в Крым и столь же неожиданный для союзников ее начальный успех стали определять всю будущую войну, когда ошибки одних приводили к успехам других.

II «Альма». Книга плавно переводит читателя от маневров к первому прямому столкновению воюющих сторон на суше — Альминскому сражению 8 (20) сентября 1854 г. В этот день землю Крыма обильно пролила первая кровь захватчиков и защитников Отечества. Сотни мертвых тел навеки упокоились в братских могилах. События на берегах до этого безвестной реки повлекли неожиданные последствия. Союзники выказали намерение во что бы то ни стало победить, русские — решимость сражаться. В отчаянной жестокости противостояния миф «джентльменской войны» рухнул, одновременно был окончательно определен как ход, так и исход кампании.

III «Противостояние». С первых страниц этой части исторического очерка читатель погрузится в многоходовые комбинации одного из самых интересных, динамичных и сложных периодов войны — начало борьбы за Севастополь. Перипетии сентябрьских и октябрьских событий скорее напоминают запутанный детектив, чем военные действия. В центре описания — многоходовая операция союзников и умелое противодействие ей со стороны русского командующего князя А.С. Меншикова, которые завершились 5 (17) октября 1854 г. бомбардировкой Севастополя и последующим поражением союзного флота в ее ходе. Последовательность повествования, масса интереснейших документов и статистических сведений, множество ранее неизвестных фактов, взятых из воспоминаний участников войны, живой, красочный язык позволяют понять логику грандиозного в своем размахе противостояния русской и союзных армий осенью 1854 г.

IV «От Балаклавы к Инкерману». После неудачной попытки взять Севастополь «за неделю» союзники перешли к длительной осаде, окружив не помышляющую о сдаче крепость плотными линиями траншей и батарей. В этой части исторического очерка речь идет о тяжелейшем для обеих сторон периоде Крымской кампании, когда русские стремились, не взирая на потери, облегчить положение крепости, сменить свою роль обороняющихся на атакующих. Упорство защитников Севастопольских бастионов и настойчивость союзного командования привели лишь к тому, что обeim сторонам довелось пережить наполненную болезнями и страданиями зиму с тысячами умерших русских, английских, французских и турецких солдат.

V «Последний штурм». Развязка исторического очерка. После года героической обороны, события которой развивались чаще вопреки, чем благодаря замыслам русского и союзного командования, князь Горчаков ведет войска в роковую западную Чернореченского сражения. Поражение и колоссальные потери в этот день кровью российских солдат подписали приговор Севастополю. Форпост Империи на Юге России исчерпал возможности к сопротивлению. Отныне судьба Восточной войны решалась уже на других театрах военных действий.

ISBN 9789661539265

9 789661 539265